

«КАМЧАТКА – РОССИЯ – МИР: ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА»

ДОКЛАДЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ИСТОРИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ

Петропавловск-Камчатский
Издательство «Камчатпресс»
2020

УДК 93/94
ББК 63.3
К18

12+

К18 **«КАМЧАТКА – РОССИЯ – МИР: ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА» :** Доклады Международных исторических чтений / сост. И. В. Витер. – Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2020. – 208 с.

ISBN 978-5-9610-0380-2

В издании представлены доклады участников исторических чтений, прошедших в рамках фестиваля «КАМЧАТКА – РОССИЯ – МИР», главная задача которого – привлечь интерес всего мира к богатейшему историческому наследию Камчатки и созданию сети маршрутов по территории края для развития событийного туризма.

Адресовано широкому кругу читателей и особенно тем, кто интересуется историей полуострова Камчатка.

УДК 93/94
ББК 63.3

Ответственный редактор С. И. Вахрин

ISBN 978-5-9610-0380-2

© КРОФ «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВАХРИН С. И. Проект «Камчатка – Россия – Мир»: цели и задачи 5

СМЫШЛЯЕВ А. А. Нижнекамчатский острог.
Наблюдения и размышления писателя и краеведа 9

АЛЕКСЕЕВА С. А. Особенности культуры этнолокального
сообщества быстринских эвенов Камчатки: традиции и инновации..... 23

БЕЛЯЕВА М. Е. Труды Крашенинникова как основа
понимания и толкования современного состояния
традиционной культуры народов Камчатки 27

БИЛИК Е. С. Связь поколений 30

БУШНЕВ Н. Нижне-Камчатск. Восточные врата Российской империи..... 33

ВИТЕР И. В. Река Камчатка: взгляд из прошлого 38

ВОРОБЬЕВА Т. В. Исторические связи Камчатки
с Русской Америкой и миром..... 50

ГАВРИЛОВ С. В. Михаил Стукалин — военмор, гидрограф, лоцман 55

ГОЛОВНЕВ И. А. Камчатский фотоальбом
Бенедикта Дыбовского как исторический источник..... 62

ГОЛОВНИН П. А. Воспитанник адмирала
П. И. Рикорда – художник Егор Мейер 68

ГРАФСКАЯ НЕЗАБЫТЫЕ ИМЕНА
(из истории формирования архивных фондов
Камчатского краевого объединенного музея) 78

ДИВНИНА Н. В. Приключения англичан на Камчатке
в 1882 году: семеро на плотах, не считая собаки..... 80

ЕГОРОВА Ю. С. К вопросу о сохранении памяти о русской
Америке на Аляске и в Ккалифорнии в 40-е гг. XX в.
(по материалам переписки протоиерея Макария Баранова) 86

ЗЕМЛЯНСКИЙ И. А. Положение населения Камчатки
во второй половине XIX века..... 89

ЗЕМЛЯНСКИЙ И. А. Деятельность губернаторов
по становлению и развитию Камчатки (1847–1917 гг.)..... 94

КАРГОПОЛЬЦЕВ А. А. Каргопольцы. От Куликово поля
до Камчатки и Америки (на примере фамилии Каргопольцев)..... 102

КИСЛИЧЕНКО И. В. Топонимика Камчатки: исторические зарисовки..... 108

КНЯЗЕВА О. П. Священнослужители Ворошиловы 113

КОПОТИЛОВА О. А. Метрические книги Нижнекамчатской Успенской церкви как источник информации о населении Усть-Камчатского района 116

ЛЕЛЬЧУК Ж. Русский след в Америке и на Аляске 118

МАТВЕЕВА Л. С. Связисты рода Гермогена Семеновича Плотникова..... 122

МЕДВЕДЕВА Н. А. К биографии священника Свято-Андреевской церкви г. Филадельфии Ивана Николаевича Чернавина..... 124

НАЗАРОВА Т. П. Мильковские Шишкины 127

НИКОЛАЕВА Н.И., БЕЛЯКОВА Н. В. О Проекте «Идентичность коренных народов Камчатки – взаимоотношения человека и природы». Москва – Московская область – Камчатский край. 2019–2020 129

НОВИЧКОВА Е. В. Михайловы – труженики сельского хозяйства..... 132

ОХОТИНА-ЛИНД Н. Роль Второй Камчатской экспедиции в организации Камчатской духовной миссии..... 134

ПОПКОВА Е. С. Род Толман Ивана Васильевича 142

ПОПОВ Н. С. К 50-летию канонизации Германа Аляскинского. Кем он был до пострига в монахи? Предварительные результаты анализа документов из архивов РГАДА, ГАРО и ЦГА Республики Мордовия по служителю Кадомской воеводской канцелярии 144

ПОПОВ Н. С. Рязанец Петр Васильевич Повалишин – лейтенант шлюпа «Нева», участник первого в истории Российского флота кругосветного плавания (1803–1806 гг.)..... 152

РЫКОВА В. В. Православная миссия в Русской Америке: анализ потока документов из БД собственной генерации ГПНТБ СО РАН «Научная Сибирика» и Web of Science..... 159

САВЕЛЬЕВ И. В. Купеческие компании на Алеутских островах в 18 веке: структура и правовое оформление деятельности..... 165

СЕРЕДИН А. Бывшее село Машура (Машурово) (краткий очерк) 170

ТАТАРЕНКОВА Н. А. Одна из утраченных алеутских фамилий – Хабаровы..... 177

ТОКРАНОВ А. М. Гидробиологи камчатской морской научной станции..... 183

УЛЬЯНОВА Н. Л. Потаповы. Род Ивана сына Лариона 189

УШНИЦКИЙ В. В. Завоевание Эвенкии русскими казаками и охотниками: столкновения на тайге и в горах Сибири 191

ШАРАХМАТОВА В. Н. Социально-экономические преобразования на Камчатке: от Корякского национального округа до территории с особым статусом 198

ЯРКОВ А. П. Конфессиональная ситуация в годы Второй Камчатской экспедиции 202

ПРОЕКТ «КАМЧАТКА – РОССИЯ – МИР»: ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Сергей Иванович Вахрин,
президент КРОФ «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!»

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЕКТА

Владимир Владимирович Путин назвал Камчатку российским «бриллиантом», оценивая тот комплекс природного наследия, которым так щедро одарена Камчатка, – действующие вулканы, гейзеры, лососи, медведи… Увидеть все это приезжают туристы из разных регионов России и мира.

Но в то же время Камчатка переживает очень серьезный демографический кризис – массовый отток русскоязычного населения и его замещение выходцами из стран Средней Азии.

Причин много. И объективных. И субъективных. И экономических. И внутрисемейных. И образовательных.

Но есть одна – общая для всех, кто уезжает с Камчатки: полуостров не стал для них полноценной малой родиной. Даже для тех, кто здесь родился и вырос. Даже для тех, кто является потомком аборигенов Камчатки.

И причина эта – отсутствие или слабость духовно-исторических скреп, связывающих население Камчатки с малой родиной.

Это утверждение для кого-то покажется спорным, но давайте возьмем для сравнения другую территорию, которая тоже некогда принадлежала Российской империи и вошла в историю географии под именем Русская Америка – штат Аляска США.

С 1867 года – года продажи Аляски правительством России – минуло более 150 лет.

В 1991 году, когда Камчатку открыли для свободного посещения (и для россиян, и для иностранцев), на Камчатке не существовало ни одной действующей православной церкви, в то время как на Аляске действовало более 80 православных храмов.

В этот период на Камчатке не было ни одного исторического памятника, связанного с историей открытия и освоения Русской Америки – на Аляске этих памятников русской истории сохранялось в огромном количестве: на острове Уналашка храм, построенный апостолом Сибири и Америки Иннокентием; на Кадьяке, в Ситхе – комплексы памятных зданий; в Джуно – огромное количество экспонатов, связанных с русской историей Аляски.

Хотя именно с Камчатки началось 12 августа 1743 года промысловое освоение будущей официальной Русской Америки.

Каким-то чудом в закрытом селе Нижнекамчатск Усть-Камчатского района сохранились остатки церкви Успения Пресвятой Богородицы, бывший некогда центром миссионерской православной деятельности на Камчатке, Алеутских островах и Аляске. В 1993 году эта церковь была восстановлена и заново освящена. Согласно Постановлению премьер-министра Российской Федерации В. Черномырдина 12 августа 1993 года Россия торжественно отметила 250-летие с начала промыслового освоения россиянами Русской Америки. Главный праздник проходил в Нижнекамчатске. Но через 25 лет об этом событии не вспомнили ни в Усть-Камчатске, ни вообще на Камчатке.

Конечно, все можно объяснить. Камчатка в конце 1990-х пережила страшный энергетический кризис, который ударил, прежде всего, по Усть-Камчатскому району, на территории которого и находится Успенская церковь – единственный на Северо-Востоке России исторический памятник далекой эпохи. И район долгие годы залечивал экономические «раны», чтобы окрепнуть.

И десятки тысяч людей предпочли уехать в эти годы с Камчатки.

Поэтому возрождение, восстановление и укрепление духовно-исторических связей жителей Камчатки с Россией и миром – это одна из первостепенных наших целей в вопросах воспитания и просвещения патриотов своей малой родины.

А для этого нам нужно решить две задачи.

Первая – открыть для жителей Камчатки важнейшую истину: Камчатка – это не забытая окраина русской земли, а территория с уникальным культурно-историческим наследием, которому может позавидовать любой другой регион страны. Это и землепроходческое движение; это и открытие и освоение Русской Америки; это и Камчатка как место политической ссылки 18-го столетия; это и оборона Петропавловского порта в 1854 го-

ду; это и рождение рыбной промышленности Камчатки в 1896 году; это и оборона Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.; это и Курильский десант 18 августа 1945 года; это и индустриализация в период советского времени, это и современная Камчатка…

Вторая – возродить те духовно-исторические наследственные скрепы, которые связывают Камчатку и ее жителей с жителями многих городов и весей не только нашей страны, но и многих стран мира.

И землепроходческое движение, и мореплавания, и военные баталии, и социалистическое строительство, и современное развитие полуострова осуществляли и осуществляют живые люди, прибывшие на Камчатку из разных регионов Московского государства, Российской империи, Советского Союза, Российской Федерации и бывших союзных республик СССР.

Сегодня, наверное, нет такого места в России, откуда бы когда-либо не побывал на Камчатке хотя бы один его представитель – в образе казака, посадского, купца, крестьянина, священника, военного, рыбака, геолога, учителя, врача, строителя…

У них здесь рождались дети, для которых Камчатка становилась малой родиной и с которой из поколения в поколение эти люди связаны незримой (возможно, и неощутимой) духовной связью. И наша задача – сквозь года, десятилетия, века – сделать эту связь и зримой, и ощутимой.

Поэтому проект «КАМЧАТКА – РОССИЯ – МИР» мы должны рассматривать не только в формате организации только одного большого культурно-массового мероприятия – фестиваля «КАМЧАТКА – РОССИЯ – МИР», но, прежде всего, – как первооснову создания в Камчатском крае новой туристической отрасли, определяемой как событийный туризм, использующей для своего становления и развития не только объекты природного наследия, но и объекты и субъекты исторического наследия Камчатского края, практически не используемые в настоящее время туристическими компаниями по целому ряду объективных и субъективных причин.

Главная из объективных – прибыльная составляющая туристических компаний формируется на услугах по доставке туристов к объектам природного наследия (гейзерам, вулканам), местам рыбалки и охоты, в соответствии с массовым спросом заказчиков туров именно на эти туристические объекты, рекламе которых отводится практически все 100 процентов средств, которые затрачиваются на рекламу камчатских туров.

Главная из субъективных – вопиющая некомпетентность и малограмотность камчатских экскурсоводов в вопросах исторического наследия края.

Проект «КАМЧАТКА–РОССИЯ–МИР» предполагает, опираясь на отлаженные уже туристические маршруты к различным природным объектам, местам рыбалки и охоты, расширить и разнообразить сферу туристической деятельности за счет вовлечения объектов и субъектов исторического наследия.

В настоящее время главами администрации Усть-Большерецкого, Мильковского и Усть-Камчатского районов, являющихся историческими центрами Камчатки (Верхнекамчатский острог в Мильковском районе, Нижнекамчатский острог в Усть-Камчатском районе и Большерецкий острог в Усть-Большерецком районе были первыми административными центрами полуострова в 18-м столетии) подписано соглашение о сотрудничестве в области восстановления, сохранения и использования исторического наследия этих районов с постепенным расширением географии развития событийного туризма на территориях Елизовского, Быстринского и Тигильского муниципальных районов и г. Петропавловска-Камчатского.

ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙНОГО ТУРИЗМА

Маршрутная сетка для развития событийного туризма накладывается на главную транспортную магистраль полуострова:

1. г. Петропавловск-Камчатский – Елизово–Сокочи (Начики) – Кавалерское – Усть-Большерецк с последующим продвижением маршрута до с. Соболево.

2. г. Петропавловск-Камчатский – Сокочи (Начики) – Малки – Шаромы – Мильково – Атласово – Эссо с последующим продвижением маршрута до с. Тигиль.

3. г. Петропавловск – Елизово – Сокочи (Начики) – Малки – Шаромы – Мильково – Атласово – Козыревск – Ключи с последующим продвижением маршрута Нижнекамчатск – Усть-Камчатск.

На всех этих трех маршрутах есть один общий узел – Сокочи (Начики) с Начикинским санаторием.

Этот транспортный узел имеет стратегическое значение для развития событийного туризма: через продуктовый «Пирожковый рай» ежесуточно проходят сотни туристов, которые не получают здесь НИКАКИХ туристических услуг, хотя здесь само собой напрашивается создание информационного-туристического и культурно-развлекательного комплекса «На перекрестке истории» с информационно-просветительским центром (музеем) с инфраструктурой отдыха и досуговых развлечений, опираясь первоначально на базовые возможности санатория «Начикинский» и постепенно расширяя комплекс предоставляемых услуг для туристов.

Следующий общий узел на Усть-Большерецкой трассе – село Кавалерское, откуда дорога поворачивает на Соболево.

В свое время был уже защищен проект строительства в селе Кавалерское культурно-исторического комплекса «Большерецкий острог», который бы дал возможность для создания рабочих мест в селе, а также обеспечил бы дополнительный спрос на сельхозпродукцию местных агрофирм и создал условия для развития круглогодичного туризма с использованием природного и исторического наследия на основе проводимого в Усть-Большерецком районе с 2011 года Камчатского краевого фестиваля «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!».

Общим транспортным узлом на Мильковской трассе является село Мильково, которое, так же как и Сокочи, удовлетворяет сегодня только естественные потребности туристов в получении пищи. Никаких других туристических услуг в Мильково не предоставляется, хотя село имеет все возможности в перспективе стать важным информационно-просветительским и культурно-досуговым туристическим центром. Туристы здесь не задерживаются, и ремесленно-сувенирный, досугово-развлекательный, информационно-просветительский, гостиничный потенциал села (самый сегодня крупный на Камчатке по неиспользованным возможностям) НЕ ВОСТРЕБОВАН, хотя через Мильково на Эссо, Козыревск и Ключи следуют сотни туристических групп. В Мильково есть краеведческий музей, но в связи с неорганизованностью туристических маршрутов он практически не задействован, не включен в систему.

На всем историческом пространстве Центральной Камчатки только в селе Эссо создан полноценный историко-культурный просветительский комплекс с музеем.

При этом самыми посещаемыми туристами в летний период являются сельские поселения Усть-Камчатского района Козыревск и Ключи, находящиеся в непосредственной близости к действующим вулканам Толбачик, Ключевская сопка, Шивелуч. В июле–сентябре здесь одновременно могут быть на маршрутах до 200 человек.

УСТЬ-КАМЧАТСКИЙ МУНИЦИПАЛЬНЫЙ РАЙОН. МАРШРУТ «ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО КАМЧАТКИ»

В связи с разработкой проекта развития событийного туризма в Усть-Камчатском районе в селах Усть-Камчатск, Ключи и Козыревск созданы информационно-туристические центры, а на исторической площадке закрытого села Нижнекамчатск создан муниципальный культурно-исторический центр «Нижнекамчатский острог».

Цель данного проекта – продлить существующие туристические маршруты, используя водный транспорт от Ключей до устья реки Камчатки с включением в сферу туристической деятельности с. Усть-Камчатск с его населением.

Усть-Камчатск имеет целый набор объектов природного наследия, но, в связи с его отдаленностью от традиционных туристических маршрутов, он выпадает из сферы туристического интереса.

При этом социально-экономическое положение села крайне зависимо от состояния запасов лососей в бассейне реки Камчатки, которые находятся в настоящее время на критической отметке.

Поэтому развитие событийного туризма и принятие кардинальных мер по стимулированию интереса к объектам и субъектам исторического наследия Усть-Камчатска (и Нижнекамчатска) является сегодня не просто модным веянием, а жизненной необходимостью населения Усть-Камчатска и Усть-Камчатского района в целом.

Одна из задач, поставленых сегодня на сессии Усть-Камчатского сельского поселения – приведение даты создания портового пункта Усть-Камчатск в соответствии с историей географических открытий – с Первой Камчатской экспедицией Витуса Беринга, поставившего в устье реки Камчатки первое портовое сооруже-

ние – маяк и казармы для зимовки членов экипажа бота «Святой Гавриил» 3 (14) сентября 1728 года, и создание в перспективе Музея Первой Камчатской экспедиции, положившей начало русскому поселению в устье реки Камчатки.

Следующая задача – формирование при муниципалитете культурно-исторического центра «Нижнекамчатский острог», главной задачей которого является создание музейно-исторического комплекса «Нижнекамчатский острог», включающего в себя самый древний памятник русского деревянного зодчества на Дальнем Востоке – колыбель русского православия на Камчатке и в Русской Америке церковь Успения Пресвятой Богородицы, а также создание площадки для ежегодного проведения международного фестиваля «КАМЧАТКА–РОССИЯ–МИР»».

Одной из самых серьезных проблем для развития культурно-исторического центра «Нижнекамчатский острог» является отсутствие дороги, связывающей центр с федеральной трассой. Старая дорога существует, но ей требуется очень серьезная реставрация, так как этой дорогой не пользовались в течение более полувека. Но со строительством дороги будет решен очень важный вопрос – будет открыт свободный доступ для посещения памятника истории и культуры, культурно-исторического центра, гостиничного комплекса. Сегодня до Нижнекамчатска можно добраться только по реке.

С открытием дороги на Нижнекамчатск будет создана реальная возможность для организации в бассейне реки Камчатки маршрута «Золотое кольцо Камчатки», позволяющее, используя водный транспорт, осуществить водное путешествие по реке Камчатке от Мильково до Усть-Камчатска (Нижнекамчатска), а затем по федеральной трассе посетить Ключи, Козыревск и близлежащие вулканы и, таким образом, закольцевать маршрут.

ФЕСТИВАЛЬ «КАМЧАТКА – РОССИЯ – МИР»

Идея фестиваля «КАМЧАТКА – РОСИЯ – МИР» заключается не в том, чтобы провести раз в году массово-развлекательное мероприятие.

Фестиваль – это кульминационное событие, обобщающее всю работу по возрождению, восстановлению, сохранению и использованию исторического наследия Камчатки, а также исторических и духовных связей Камчатки с городами и весями России и мира.

Фестиваль – это результат работы по возрождению этих духовных связей, который был получен в результате взаимных контактов с городами России и мира, камчатскими диаспорами и землячествами, обменов делегациями, творческими коллективами, позволяющими провести конкурс национальных танцев, костюмов, песен, кулинарии народ России и мира, проживающих на Камчатке либо пребывающих на полуострове в качестве гостей.

Фестиваль состоит их трех важнейших составляющих.

1. Исторические чтения «КАМЧАТКА – РОССИЯ – МИР: ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА»

2. Всероссийский конкурс «Камчатская родословная книга».

3. Конкурс национального танца, национальной песни, национального костюма, национальной кухни.

Одна из идей фестиваля направлена на расширение и углубление внутренних связей народов Камчатки и народов России, проживающих на полуострове.

Но главная задача – это привлечение интереса всего мира к богатейшему историческому наследию Камчатки и создание сети маршрутов для развития событийного туризма, охватывающего всю территорию Камчатского края.

НИЖНЕКАМЧАТСКИЙ ОСТРОГ: НАБЛЮДЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ И КРАЕВЕДА

Александр Александрович Смышляев

Эта история насколько радостная, настолько и печальная. Слава Богу, радости и надежды в ней больше, и это уже хорошо, это вдохновляет на то, чтобы писать о ней. Мы и ехали из Петропавловска-Камчатского в Усть-Камчатск, а затем по реке добирались в давно нежилой, заброшенный Нижнекамчатск с радостью, с ожиданием новых впечатлений. Ведь ехали в исторические места, овеянные героизмом русских первопроходцев, в места, где зарождалось православие на далекой, дикой тогда Камчатке, в места, откуда ушли в свое первое плавание Витус Беринг и Алексей Чириков, затем к берегам Америки пошел Михаил Гвоздёв, в места, давно ожидающие любящую, а не загребущую руку, которая восстановит их былую славу.

Мы – это так называемый литературно-краеведческий десант, состоящий из писателей, краеведов, библиотечных и музейных работников и ревнителей исконной, народной культуры, в том числе культуры коренных народов Севера. Все мы должны принять участие в Первых Международных исторических чтениях, возведенных в ранг фестиваля, «Камчатка–Россия–Мир: забытые имена». Они пройдут в Усть-Камчатске, а по пути мы заедем в населенные пункты, также оставившие свой след в истории. В финале будет Нижнекамчатск, или одичавшее поле, оставшееся после него, и чудом сохранившаяся до наших дней (частично восстановленная) старинная церковь Успения Пресвятой Богородицы – матерь церквей Русской Америки, которая изначально входила в состав Камчатской епархии, а колыбелью православия был Нижнекамчатск, как место нахождения духовной миссии.

ДОРОГА

Едем в большом автобусе. Выехали из Петропавловска-Камчатского, но официальный старт путешествию, как и самому фестивалю «Камчатка–Россия–Мир», был дан в городе Елизово, который когда-то назывался Старым Острогом, затем – Завойко, а в советское время, как это водилось, был назван в честь местного красного командира Георгия Елизова. Касаюсь этой истории именно потому, что десант наш – литературно-краеведческий.

Едем не только мы, едут и другие участники фестиваля, не входящие в наш десант. На собственном авто едет с женой писатель и краевед Сергей Вахрин – идейный вдохновитель фестиваля, придумавший его, как, собственно, придумавший и воплотивший много полезных для Камчатки, да и России, подобных мероприятий, создавший просветительский Центр «Страна рыбы и рыбоедов», в котором пропагандирует исторические и экологические знания. Несколько лет назад он учредил фестиваль «Сохраним лососей вместе», который проводится в Усть-Большерецке, привлекает многих людей, оживил Усть-Большерецк и район и уже превратился в настоящее народное движение по сохранению главного камчатского богатства – лосося. И этот фестиваль Сергеем Вахриным задуман, главным образом, для оживления Усть-Камчатского района, для привлечения к нему внимания, потому что, превратившись в одну из главных рыбных житниц полуострова, этот далекий район остался на обочине большой культурной, да и туристической жизни, которая заплескалась, заискрилась в последние годы на Камчатке. А это несправедливо, район заслуживает большего.

В Усть-Камчатске у Сергея живет сын Андрей, поэтому едут с женой Татьяной еще и его навестить.

Едет в Усть-Камчатск и москвичка Наталья Ивановна Николаева, художник, президент Ассоциации художников «Ника», член Международного художественного фонда, везет картины своих коллег и доклад о коренных народах Камчатки. Вместе с ней едет сотрудница природного парка «Вулканы Камчатки» Надежда Владимировна Белякова. Она будет помогать Николаевой организовывать выставку картин.

Отправилась на форум и известный камчатский краевед Ирина Васильевна Витер. Она вместе с Сергеем Вахриным будет вести чтения «Камчатка–Россия–Мир».

Об участниках нашего литературно-краеведческого десанта я буду рассказывать по ходу своего повествования, скажу только, что все это известные, видные люди, добившиеся определенных успехов и в своей профессиональной деятельности, и в краеведении, а писатели, естественно, в литературном творчестве. Нас, писателей, трое: кроме меня, едут Владимир Нечаев и Владимир Татауров.

На груди у каждого из нас яркий значок с надписью: «Литературно-краеведческий десант. 2020–2021 гг.» Организовала десант Камчатская Ассоциация библиотекарей на деньги от полученного Президентского гранта. Поездка в Усть-Камчатск и Нижнекамчатск – лишь часть проекта «Литературно-краеведческий десант», далее последуют и другие поездки – в Мильково, Озерновский, Палану, Оссору и т.д., планов у «десантников» много. Руководит всем большим проектом сотрудница Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова Екатерина Самсонова, а конкретно этим десантом – директор краевой библиотеки Татьяна Анатольевна Дикова.

Автобус между тем накатывает на свои колеса километры современного асфальтированного шоссе. Практически до самого Мильково дорога одета в асфальт, разрыв составляет лишь чуть более пятидесяти километров из трехсот, но в следующем году и его заасфальтируют. А давно ли здесь клубилась пыль из-под машин, едущих по гравийке? Скоро, скоро от былой пыльной дороги не останется и следа, ждут этого момента все камчатцы. А там, глядишь, асфальт ляжет и до Усть-Камчатска, а это еще почти 440 километров от Мильково, итого – 740.

Но ровный, качественный асфальт – это еще не все. Устроены хорошие дорожные развязки, поставлены домики автобусных остановок, поправлены дорожные указатели, даже названия рек на них теперь написаны правильно, отремонтированы и усилены мосты, кое-где шоссе спрямлено. А в поселке Щапино вообще соорудили небывалое для Камчатки – современный, чистый и уютный дорожный туалет на несколько кабинок с умывальниками и смывом. Наши «десантники» с удовольствием фотографировались на его фоне, наверное, чтобы потом показывать друзьям и знакомым из других регионов: полюбуйтесь, и Камчатка добралась до отдельных элементов цивилизации. Если вандалы не угробят туалет, а они уже к нему прицелились, оставили следы, то он надолго станет одной из главных достопримечательностей нашей транскамчатской автодороги.

А вот далее, по автодороге из Мильково до Усть-Камчатска бегать до сих пор приходится по кустикам: «мальчики – налево, девочки – направо». Тут и задумаешься: а с того ли мы начинаем, когда говорим о необходимости развивать на полуострове туристическую отрасль? И не только говорим, но уже и делаем, я буду далее рассказывать об этом, но вот о такой «ерунде», как туалеты не задумываемся. Потому и приятно удивил нас щапинский туалет – я даже в шутку попросил наших поэтов Владимира Нечаева и Владимира Татаурова сочинить посвящение ему. И они тут же выдали экспромт из двух строчек (каждый по одной):

И вновь я посетил дорожный туалет,
А на его стене вандалов грубый след…

Но если придорожные туалеты – «мелочь», то построенные мосты через реку Камчатку – это уже серьезное достижение региона. Раньше по дороге в Усть-Камчатск необходимо было преодолеть две паромные переправы – перед селом Козыревским и за поселком Ключи. Подъезжаешь и стоишь в очереди в ожидании перевоза. А если подъехал к реке ночью – жди до утра, сидя у костра. Но, слава Богу, правительство предыдущего губернатора Владимира Илюхина решило этот вопрос, и теперь переезжаешь реку Камчатку, а в низовьях она немалая, без задержек.

ПОСЕЛОК СОКОЧ

Наша первая остановка – поселок Сокоч. Мало того, что место историческое, оно еще и сытное. Здесь множество придорожных кафе, в которых можно пообедать. Это, конечно, спасение для едущих по трассе. Сокоч во многом и живет этими кафешками. С другой работой в поселке проблематично. Около сотни жителей трудятся в местной воинской части, несколько человек – в свинокомплексе «Экоферма «Сокоч», принадлежащем известной камчатской компании «Агротек», да еще сотня-полторы людей работают в бюджетной сфере, вот и все. А когда-то, до 2005 года, здесь располагался молочно-овощной совхоз-миллионер «Начикинский». Совхоз дал Камчатке несколько заслуженных, знатных тружеников – орденоносцев, Героев Социалистического Труда. Но время, да и сами люди не пощадили совхоз, обанкротили, растащили, свели

на нет. Оставшиеся в поселке пенсионеры до сих пор вздыхают: было, все когда-то было…

Недалеко от Сокоча, на берегу реки Плотниковой, стоял старинный камчадальский острог, который затем перерос в селение Начики. Первое упоминание о Начиках встречается у С. П. Крашенинникова в его знаменитой книге «Описание земли Камчатки». Крашенинников писал: «Не доежжая за 7½ верст до речки Сугача (современная река Сокоч), есть камчатской острожек Мышху, он же и Начикин…»

Наверняка острожек существовал с незапамятных времен, задолго до Крашенинникова. Тойона острожка при Крашенинникове звали Начик, потому и в официальных ясачных книгах острожек звался Начикин. Это название позже перешло к камчадальскому поселению Начики. В 1931 году здесь был образован колхоз «Трудовик», а в 1935 году равнинную пойму и террасы реки Плотниковой облюбовали специалисты-аграрии Петропавловского совхоза, решившие организовать сенокосное отделение своего хозяйства. В 1937 году это отделение выделили в самостоятельный молочно-овощной Начикинский совхоз, для которого в чистом поле начали строить производственную и жилую базу, названную Дальней, затем стал строиться поселок Сокоч. В наше время мало что осталось от Дальнего, совсем исчезло поселение Начики, существует только Сокоч.

А ведь еще в 1980-е годы совхоз активно занимался кормозаготовками, культивировал травы, выращивал турнепс, овес, горох. Хорошие корма – высокие надои. Совхоз довел поголовье дойного стада коров до 1200, держал до 3 тысяч голов молодняка, позже перешел на нетелей, которые хорошо продавались.

Все стало рушиться к концу 1990-х годов. Чтобы хоть как-то выживать, пришлось почти всех коров пустить под нож и продать мясом. В начале 2000-х Начикинский совхоз объединили с Камчатским совхозом (пос. Лесной). В 2005 году история Начикинского совхоза бесславно закончилась. Люди в большинстве своем или уехали, или вышли к автодороге торговать пирожками и горячим чаем. Позже стали строить свои кафешки.

Эта история грустная. Недаром в начале этих записок я оговаривал, что будут в нашей поездке и грустные моменты, и вот вам – первый из них.

Но люди продолжают здесь жить, приспособились к нынешней непростой и вороватой действительности. Но в последние годы президент России усилил давление на региональных чиновников, и «ястребы» да «оводы», сидящие в высоких кабинетах, как я думаю, прикарманивают из бюджета уже меньше, поэтому хочешь не хочешь, а стало перепадать и таким отдаленным и забытым поселкам, как Сокоч. В прошлом году здесь наконец-то отремонтировали школу и сельский Дом культуры. Именно в нем, прячась от дождя, мы провели первый фестивальный митинг.

Митинг – это речи и напутствия устроителей фестиваля, растянутые плакаты и развернутые флаги в руках его участников, затем – вручение подарков. Член Русского географического общества, научный сотрудник Камчатского филиала Тихоокеанского института географии ДВО РАН Татьяна Робертовна Михайлова вручила главе поселения Вячеславу Михайловичу Пищальченко экземпляры последних выпусков сборника «Вопросы географии Камчатки».

Я не случайно заострил внимание на этом, казалось бы, рядовом эпизоде. Историческое, географическое, да и вообще любое просвещение – задача таких обществ, как РГО, как Военно-историческое, как Историческое общества. С такой миссией Татьяна Михайлова и едет в составе нашего десанта. Кроме того, она дочь покойного ныне видного камчатского ученого Роберта Савельевича Моисеева, бывшего директора Камчатского филиала института, в котором работает Татьяна Робертовна. Моисеев был яркой и значимой личностью для Камчатки: ученый, занимавшийся экономической географией, активный защитник природы, публицист и, наконец, краевед и писатель. Его научное и литературное наследие велико, недаром в регионе регулярно проводятся Моисеевские чтения в виде Всероссийской научно-практической конференции. К таким людям, как Р. С. Моисеев всегда прислушивались и продолжают прислушиваться, перечитывая его работы. Пропагандировать научные знания о Камчатке – важное и большое дело. Этим и занимается Татьяна Михайлова, она секретарь редакционной коллегии сборника «Вопросы географии Камчатки». Свой сборник она вручала во всех населенных пунктах по пути нашего следования до Усть-Камчатска.

СЕЛО МИЛЬКОВО

К обеденному времени приехали в село Мильково. Это районный центр одноименного района. Селу 277 лет, но освоение земель, которые теперь находятся в Мильковском районе, началось

раньше, в 1697 году, с похода казачьего атамана пятидесятника Владимира Атласова, который в результате присоединил Камчатку к России.

В 1698 году на реке Камчатке, вблизи устья реки Каликыг (Андриановка), казаки поставили Верхне-Камчатский острог, который строился как постоянная землепроходческая база с двумя зимовьями. Строил его казак Потап Серюков, специально посланный Атласовым на Каликыг и оставленный затем на полуострове, чтобы держать форпост.

Позже острог был перенесен в другое место, всего на полверсты, так как попадал в зону весеннего затопления. На новом месте построили ясачную избу и несколько зимовий.

Основание села Мильково относят к 1743 году, когда камчатский приказчик дворянин Добрынин поселил недалеко от Верхне-Камчатского острога, чтобы находились под присмотром, пять крестьянских семейств, привезенных из Усть-Илимского уезда Сибири. Крестьянам надлежало заняться хлебопашеством, чтобы Камчатка обзавелась, наконец, собственным хлебом. Но то ли урожаи были плохими, то ли крестьяне быстро окамчадаливались, переходя на рыбу, как основной продукт питания, а сельское хозяйство в больших масштабах не прививалось.

Жизнь камчатских казаков и русских крестьян практически не отличалась от жизни камчадалов – та же рыбалка, те же летние заготовки корневищ и ягод, содержание ездовых собак, зимняя охота и т. д. Добавлялись только служба и огородничество. В жены казаки и дети крестьян брали местных женщин. Так и шли они бок о бок по жизни из десятилетия в десятилетие, постепенно взаимно ассимилируясь и превращаясь в единый народ, названный камчадалами. Долина реки Камчатки стала для них общей родиной.

Сегодня Мильково – поселок городского типа, благоустроенный и красивый. Это транспортный узел, через Мильково идут дороги в Усть-Камчатский и Быстринский районы, а также на многие месторождения полезных ископаемых, на которых построены и действуют рудники. Именно в Мильково ставят свои перевалочные базы горняки. Именно в Мильково построен самый большой и самый современный в Камчатском крае автовокзал. Мильковский район расположен в самом центре края, а это значит, что туристический поток неизменно перетекает через него. Сюда же стремятся и охотники со всего мира за уникальными камчатскими трофеями – гигантским бурым медведем, гигантским же лосем и самым сложным трофеем – горным бараном.

Нас встречает глава Мильковского сельского поселения (в составе поселения несколько сел и поселков) Наталья Викторовна Гарбузюк. В Доме культуры – митинг. Нам рассказывают историю мильковской Богоявленской церкви, после чего мы опять садимся в автобус и едем дальше. К нам присоединяются участники фестиваля из Усть-Большерецка и Милькова, но едут отдельно, своими компаниями.

ПОСЕЛОК КОЗЫРЕВСКИЙ

После Мильково асфальта уже нет. От пыли спасает дождь, преследующий нас весь день. Переезжаем по новому мосту реку Камчатку и вскоре прибываем в поселок Козыревский, или Козыревск, как его называют между собой камчатцы.

Поселок носит имя Ивана Козыревского, который прибыл на Камчатку вместе со своим отцом Петром Козыревским в 1700 году в составе казачьего отряда первого правителя полуострова Тимофея Кобелева. (Необходимо небольшое уточнение – назвал зимовье именем отца – Петра Козыревского его сын Иван Козыревский. «На чертеже Камчатки, составленном Иваном Козыревским, находим ясный ответ на этот вопрос: «Река прозвищем Козыревская. С началу иноземцов в ясак привел отец мой Петр Козыревский (ЦГАДА, портф. Миллера 533, тетр. 8. л. 5. – *Ред*. Ссылка по: С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М. ; Л. : Изд. Главсевморпути. 1949. – С. 109).

Большую и насыщенную событиями жизнь прожил на Камчатке Иван Петрович. Переносил на новое место Верхне-Камчатский острог, участвовал в переносе Нижнего зимовья на Ключи, уже в чине есаула участвовал в подавлении ительменского бунта на реке Большой, строил первый Большерецкий острог, участвовал в заговоре и убийстве атамана Владимира Атласова, вместе с Данилой Анциферовым открыл Курильские острова и собирал там ясак, был командиром Большерецкого острога и т. д. На склоне лет постригся в монахи с именем Игнатий и поселился неподалеку от Ключей, где построил монастырь (пустынь) в честь Успения Божией Матери с часовней, а при ней богадельню для состарившихся казаков и казачат-сирот. Насельники пустыни первыми на Камчатке занялись огородни-

чеством, начали сеять ячмень и репу и получали хорошие урожаи. В 1720 году монах Игнатий перебрался в Якутск, но память о нем на Камчатке осталась. Занимались в Козыревске сельским хозяйством и лесозаготовками, ибо стоит поселок в еловой и лиственничной тайге на реке Камчатке, по которой сплавляли лес в Ключи и Усть-Камчатск. Леспромхоз и сейчас существует, но масштабы производства уже не те.

Практически весь поселок – в частных постройках из лиственничного леса. Возле каждого дома – огромные поленницы дров. Останавливаемся возле небольшого новенького здания, резко отличающегося от прочих строений – он обшит пластиковыми материалами под дерево. Это частный информационно-туристический центр, который нам предстоит официально открыть. Его владелица и директор Мария Анатольевна Шевченко известна тем, что является хозяйкой туристической базы в Козыревске. Такой базе можно позавидовать: здесь и кемпинги для проживания туристов, и баня, и пищеблок, и даже огород с урожаем прекрасных кабачков и тыкв – такие в Петропавловске не вырастишь.

– И вы одна управляетесь? – удивляюсь я.

– Одна! – смеется Мария Анатольевна. – Туристов стало много, и в основном зарубежные. Едут в природный парк «Вулканы Камчатки», останавливаются у меня.

Я дарю Марии Анатольевне свою книгу «Первопроходцы «Берингии», которую только что издал основатель и многолетний руководитель, командор этой знаменитой гонки на собачьих упряжках Александр Печень. Книгу везет с собой в Усть-Камчатск Виктория Шарахматова – кандидат экономических наук, научный сотрудник, как и Татьяна Михайлова, Камчатского филиала Тихоокеанского института географии ДВО РАН, доцент кафедры экономики и управления Дальневосточного филиала Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России, тоже наш «десантник». Виктория Николаевна собирается озвучить на чтениях в Усть-Камчатске свой доклад «Социально-экономические преобразования на Камчатке: от Корякского национального округа до территории с особым статусом». Забегая вперед, скажу, что доклад ей прочесть не довелось, так как чтения свернули на половине из-за нехватки времени (официальная версия), но, как мне кажется, в основном свернули из-за того, что большинство заявленных докладчиков в Усть-Камчатск не приехали, а потому давать слово после обеда одному-двум оставшимся докладчикам смысла не было.

ПОСЕЛОК КЛЮЧИ

Населенный пункт Ключи в советское время был городом, но в 2004 году его понизили до поселка. Он широко известен тем, что стоит у подножия самого высокого в Евразии вулкана – Ключевского, а еще – своей вулканостанцией и «бабой Катей» – внучкой Сталина Екатериной Ждановой, которая работала на этой вулканостанции, а сейчас живет там в качестве простой пенсионерки.

Ключи делятся на два района – Ключи военные и Ключи гражданские. Военные живут обособленно, у них всегда порядок, потому что служба под козырек. В гражданском поселке до последнего времени была привычная для людей постсоветской эпохи разруха, но сегодня мы въехали в совершенно другой поселок, он был заасфальтированным, покрашенным и чистым. Заброшена лишь та часть, где располагались корпуса Ключевского лесокомбината, некогда крупнейшего на Камчатке. Практически все кунгасы и прочие маломерные суда для рыбных предприятий полуострова строились там из камчатского леса.

Ключи образовались после того, как на их месте в 1731 году был сожжен восставшими ительменами Нижнекамчатский острог, а затем заново отстроен ниже, в устье реки Радуги, где мы, собственно, будем на завершающем этапе нашего путешествия.

В Ключах у нас опять митинг, а затем посещение информационно-туристического центра. Этот центр, как и в Козыревском, частный, его владелец Дмитрий Григорьевич Лазарчик. Он удивил меня и Викторию Шарахматову тем, что после того, как мы подарили ему книгу «Первопроходцы «Берингии», сказал, принимая ее, что, вообще-то, против «Берингии». И добавил, что ему жаль собачек. Странная позиция, если иметь в виду, что ездовые собачки используются на Камчатке, и вообще на Севере, в качестве тягловой силы из века в век. До 1960-х годов Камчатка, особенно глубинная, практически не знала другого транспорта, кроме собачьих упряжек из десяти-двенадцати добрых, выносливых псов. И гонка «Берингия» использует таких же, иначе, по ее правилам, нельзя. В гонке нет собачек других пород, только ездовые, поголовье которых, к слову сказать, было и восстановлено на полуострове благодаря регулярной «Берингии». Пусть прочтет книгу, которую ему подарили, в ней все это написано.

ЛАГЕРЬ «В СОПКАХ» И ПОСЕЛОК УСТЬ-КАМЧАТСК

Наконец едем к конечному пункту нашего путешествия – в Усть-Камчатск. За окнами автобуса стемнело, дело идет к ночи. Накрапывает дождь, его капли стекают по темным окнам. Мы устали и клюем носами, а кто-то и спит.

Задремал и я. И не заметил, как приехали. Куда? Оказалось, что в детский лагерь отдыха с необычным названием «В сопках». Здесь мы будем жить все дни фестиваля. До Усть-Камчатска 14 километров.

Получаем небольшой инструктаж от директора лагеря. Мужчины будут жить в корпусе для мальчиков, женщины – для девочек. «Располагайтесь и приходите в столовую ужинать», – заключает директор.

Спальный корпус напоминает армейскую казарму. Кровати на всю длину вдоль стен, между ними сквозной проход от главной двери к запасной. Новых детских лагерей отдыха, увы, в современной Камчатке не строят, обходятся прежними, советскими. А казарма – это казарма, она не для всех. Недаром, переночевав здесь только раз, некоторые наши спутники нашли себе другой ночлег, престижнее.

Но остальным казарма не страшна, и, оставив вещи, мы веселой гурьбой, довольные, что теперь будем отдыхать после семисоткилометровой дороги, идем в столовую. Там вновь встречаемся с директором. Оказывается, это известный мне и Владимиру Нечаеву усть-камчатский поэт Валерий Дядера. Он-то нас сразу узнал, а мы его – нет. Теперь здороваемся уже по-свойски. Есть первый контакт нашего литературного десанта с местными талантами!

Валерий Дядера – один из победителей Камчатского регионального поэтического конкурса «Вольные берега» за 2019 год. Член жюри конкурса поэтесса Ольга Шишкова сообщала о нем следующее: «Начал писать стихи в школьные годы, не бросал творчество и во взрослой жизни. Приехал на Камчатку в 2004 году и полюбил наш край. Основная тема стихов сейчас – Камчатка, Усть-Камчатск, но пишет и на злободневные темы: о том, что беспокоит, о чем невозможно молчать. Организаторы конкурса «Вольные берега» надеются, что эта победа вдохновит поэта на новые хорошие стихи».

Не говори мне о войне –
Война во мне!
Здесь, на краю земли, покой
Рвет душу мне –
Я – на войне!..

Забегая вперед, скажу, что на следующий день, при завершении фестиваля, Валерий Дядера читал со сцены свое стихотворение «Нижнекамчатск». Многие запомнили его, одетого в блестящий светлый костюм, – красивого и элегантного. Стихотворение прозвучало мощно, овации были жаркими. А вечером он истопил в лагере баню, и мы славно попарились! Взаимный прием оказался горячим.

В Усть-Камчатск поехали утром 28 августа. Неизгладимое впечатление произвел на нас местный Центр культуры и досуга. Это новое здание, построенное недавно и по современным технологиям. Поразили размеры: просторные холлы и коридоры, большие комнаты с высокими потолками, зрительный зал почти не уступает по количеству мест и удобству залу Камчатского драматического театра, в том числе и по акустике. В этом же Центре расположена и районная библиотека. «Особенно мне понравилась в библиотеке так называемая молодежная зона, – признавалась, делясь впечатлениями, организатор нашего десанта Екатерина Самсонова. – В последнее время меня впечатлили два совершенно неожиданных момента. Первый – это когда я увидела новую школу в селе Эссо, и второй – Усть-Камчатский Центр культуры и досуга. Школа в Эссо на сегодняшний день, как говорят, самая современная на Камчатке. Да, для села она великовата, зато в ней есть все! Это величественно большое, красивое здание, украшение села. Такой же и Усть-Камчатский Центр. Здесь, в молодежной зоне, мне понравились широкие подоконники. Можно сидеть прямо на них и любоваться видом за окном, а там тундра и дальше – огромное, как море, Нерпичье озеро. Я и приняла его за море, а когда меня поправили, я мысленно не согласилась и продолжаю считать его морем, так романтичнее».

А еще Катю впечатлила радуга над Усть-Камчатском, а перед этим – в Нижнекамчатском. И не только ее, но и всех нас. Можно предположить, что местная река Радуга (на ее берегу стоял Нижнекамчатск) была названа так именно в тот момент, когда люди, так же, как и мы, увидели над ней радугу. Река имела другое название – Ратуга, но тот, увидевший в небе над рекой настоящую радугу, наверняка воскликнул: «Какая же это Ратуга, это – Радуга!»

Сегодня Усть-Камчатск делится на два микрорайона – старый поселок, похожий на любой другой на рыбацкой Камчатке, простой, как и сама жизнь в Советском Союзе, и новый поселок на

мысе Погодном. Здесь стоят современные дома, здесь же администрация района и Центр культуры и досуга. Погодный строился для того, чтобы переселить усть-камчатцев из цунамиопасной зоны, где огромные океанские волны уже не раз приносили беду людям. К сожалению, в советское время достроить поселок не успели, затем, в годы ельцинской разрухи, он замерз, его жителей буквально спасали, наскоро построив возле каждого дома собственную микрокотельную на солярке. Эти котельные так и стоят, разбросанные по Погодному. Вдобавок над поселком крутятся лопасти ветровых электростанций. Но они поставлены в 2013 году для подстраховки. Уж чем-чем, а ветрами эти края богаты!

Теперь поселок оделся в асфальт, в нем много магазинов, хорошая аптека, есть и небольшая гостиница. Еще бы не стать Погодному и вообще Усть-Камчатску благоустроенным поселком, если о нем, да и о всем Усть-Камчатском районе, заботится член Совета Федерации России, представляющий правительство Камчатского края, Борис Александрович Невзоров. До этого он был главой района, а еще раньше служил здесь в милиции.

В Погодном много памятников. Наверное, по количеству памятников на душу населения Усть-Камчатск занимает первое место на Камчатке. Все они установлены уже в последние годы. Здесь же стоит величественный храм. К нему, прямо по берегу небольшого озерка, ведет дорожка, которая одновременно является и прогулочной с многочисленными игровыми площадками для детей. Мальчишки весело гоняют по ней на велосипедах.

У стен здания администрации устроена галерея почетных граждан Усть-Камчатского сельского поселения и всего района. Видим портреты Б. А. Невзорова, ветерана войны М. А. Кириченко, других. И видим известного краеведа, директора Музея истории Православия на Камчатке и в Русской Америке Артура Изосимовича Белашова. Поехать с нами он не смог, нездоровится – годы немалые. Когда-то Белашов работал председателем Усть-Камчатского райисполкома (по-современному – районного правительства), затем начальником отдела Камчатского облисполкома по народностям Севера. Выйдя на пенсию, пришел к Богу. Он автор биографических книг о камчатском православном подвижнике иеромонахе, затем епископе Камчатском Несторе (Анисимове), ставшем впоследствии митрополитом Московским и Коломенским. Своими книгами Артур Изосимович внес бесценный вклад в камчатское краеведение, осветив важную православную тему.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Эти чтения в рамках фестиваля «Камчатка–Россия–Мир» первые и, значит, дважды исторические, даже если и не повторятся вновь.

Эпидемия коронавируса, которая до конца еще не изжита, внесла свои коррективы: зал почти пустой, люди рассаживаются через одного, как велит инструкция. Большинство – в масках, но кое-кто уже игнорирует их, надоели за шесть месяцев карантина.

Открывает чтения Сергей Вахрин – их инициатор и идейный вдохновитель. Вместе с ним ведет чтения краевед Ирина Витер. На ее плечи легла миссия сбора докладов для чтений. Заявлено 24 доклада очных и 16 заочных. Но приехали далеко не все. Среди наших «десантников» докладчики: Наталья Александровна Татаренкова – начальник отдела сохранения историко-культурного наследия Государственного природного биосферного заповедника «Командорский» им. С. В. Маракова, поэт Владимир Татауров, Светлана Владимировна Графская – главный хранитель Камчатского краевого объединенного музея, Мария Евгеньевна Беляева, заведующая отделом сохранения нематериального культурного наследия Камчатского центра народного творчества, Наталья Валентиновна Дивнина – главный библиотекарь отдела краеведения Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова, и Виктория Николаевна Шарахматова, о ее докладе я писал выше, но его, увы, прочесть не получилось.

Несколько докладов прочли мильковчане из краеведческого клуба «Камчадалы», которым руководит камчадалка Виктория Зиновьевна Михайлова. Собственно, все докладчицы – камчадалки, недаром и клуб свой так назвали. В их докладах прозвучала история таких камчадальских родов, как священнослужителя Михаила Павловича Ворошилова, Василия Ивановича Толмана, Михайловых, Гермогена Семеновича Плотникова, Шишкиных, Потаповых. Историю алеутского рода Хабаровых поведала со сцены Наталья Татаренкова.

Присутствующих оживил доклад Натальи Дивниной «Приключения англичан на Камчатке в 1882 году: семеро на плотах, не считая собаки».

Наталья Валентиновна прочла его в своей обычной манере – с юмором и запоминающимися акцентами в самых интересных местах.

Но в самое сердце поразил участников чтений Владимир Татауров, когда прочел главу из своей поэмы о Нижнекамчатском остроге. Вся поэма была опубликована в ежегодном литературно-краеведческом сборнике «Камчатка» за 2017 год под названием «Храм Успения Пресвятой Богородицы». В главе «Попко Витольд Адольфович» рассказывается о конце 1940-х годов, когда в Нижнекамчатск была передислоцирована из европейской России воинская часть 47127, и, обустраиваясь на новом месте, не имея под руками нормального строительного материала, воины все-таки не тронули Успенскую церковь – брошенную, никому уже не нужную, сиротливо смотревшую в небо маковкой без креста. А ведь было позарились на нее горячие головы некоторых офицеров, предлагая разобрать по бревнышку и построить жилье для себя, но командир части гвардии полковник Витольд Попко запретил трогать храм. Татауров этот момент передает в своей поэме так, что дрожь идет по душе и коже. Полковник Попко отвечает своему замполиту:

Я, лейтенант, ни одного костела
И ни одной церквушки за войну
Не смел коснуться этими руками.
Мы – атеисты, р-р-растакую мать!
Но эта церковь строена не нами –
Не нам ее по бревнам разбирать!

Витольд Попко трагически погиб в ноябре 1951 года и похоронен в Нижнекамчатке. Ниже я расскажу историю его гибели и о нашем посещении старого кладбища и могилы полковника. Это будет завтра, в Нижнекамчатске, где, собственно, и пройдет главная часть фестиваля «Камчатка–Россия–Мир». Где, благодаря в том числе и гвардии полковнику В. А. Попко, сохранилась самая старая церковь на Камчатке, построенная в 1864 году, к тому же, по праву наследования местного прихода от своей предшественницы с тем же именем, стоявшей внутри Нижнекамчатского острога, мать православных церквей в Русской Америке. Я считаю, что это был еще один настоящий подвиг фронтовика Витольда Попко. Его прах, забытый в нежилом Нижнекамчатске, заросший дикой травой, достоин быть перезахороненным как минимум в Усть-Камчатске, а лучше – в Петропавловске. Причем с воинскими почестями.

В концертном зале Центра культуры и досуга продолжались исторические чтения, а во дворе Центра наши «десантники» поставили палатку с вывеской «Читай, Камчатка», разложили в ней книги мои и Владимира Нечаева – членов Союза писателей России, и ожидали читателей. Долго ждать не пришлось, люди пошли. Дежурившие в палатке Екатерина Самсонова и Ирина Геннадьевна Немцова вызвали по телефону Владимира Нечаева, и он тут же пришел, чтобы пообщаться с читателями и подписать для них книги. Меня, к сожалению, вызвонить не смогли, а когда я сам пришел, то застал Катю, проводившую с детьми мастер-класс по вырезанию из бумаги и раскраске силуэтов диких животных Камчатки.

СМОТРИМ МЮЗИКЛ

После завершения чтений нам показали спектакль (мюзикл) «Нижнекамчатск – время великих открытий». Это работа местных самодеятельных артистов. Но сделана она так, что впору профессионалам позавидовать. И это не преувеличение.

Историческая канва спектакля выверена, сценаристы консультировались у Сергея Вахрина. Он же подарил им свою легенду о Ключевской сопке, фрагмент которой вкраплен в сценарий и интересно обыгран на сцене.

Спектакль рассказывает о приходе русских казаков на реку Камчатку, о становлении Нижнекамчатского острога, о многочисленных географических открытиях, которые совершились моряками, уходящими в неведомые дали отсюда, с этих берегов. И сам Усть-Камчатск, который изначально именовался Усть-Приморском, служил отправной точкой для мореплавателей и русских промышленников, открывших и освоивших сначала Командорские, затем Алеутские острова, а там и Русскую Америку и даже Калифорнию.

Но интересен спектакль не только историей. Режиссеру-постановщику Елене Мариниой и артистам удалось передать дух эпохи и романтику, без которой, конечно же, не могли состояться большие открытия, потому что без полета души, без романтики в ней, невозможно любить странствия и терпеть невзгоды. Одними только долгом, честью, дисциплиной здесь не обойтись. Нужно хотя бы чуточку авантюризма, а лучше – больше, готовность идти до конца и романтическая душа. Это передается зрителям спектакля не только благодаря хоро-

шо написанному сценарию, профессиональной режиссуре и хорошей игре артистов, но и удачно выбранному жанру – мюзиклу. Какие звучат песни! А какие голоса у усть-камчатцев – самодеятельных любителей музыки, вокала! Поразили зрителей исполнители песен Алексей Юдин, Владислава Будрикас, Софья Тарасова, вокальное объединение «Чудная страна» под руководством Стеллы Бурдюковой.

После спектакля я разговаривал с режиссером-постановщиком спектакля Еленой Владимировной Марининой, она же и директор Усть-Камчатского Центра культуры и досуга. И оказалось, что постановку осуществил не народный театр, о чем подумали многие зрители, а совершенно разрозненный коллектив, пока еще не собранный в какое-либо творческое объединение. Елена Маринина надергала артистов буквально с улицы. Она и сама-то в Усть-Камчатске недавно, до этого работала в Калининграде, затем на Сахалине, профессиональный театральный режиссер.

«С марта в нашем Центре культуры и досуга стоит тишина, ничего не происходит – пандемия, – рассказывает она. – Чем заниматься в Усть-Камчатске? И когда у меня появилась идея этого спектакля и он вписался в рамки фестиваля, я стала собирать народ, который смог бы воплотить идею в жизнь. Люди откликались с удовольствием, соскучились. Сценарий писали втроем: я, Ксения Потупаева и Алексей Крохалев. Костюмы шили сами, художник – Оксана Юрченко, ей помогала Фатима Сайпирова. Собирались, спорили, приходили к чему-то единому».

И спектакль получился. Считаю, что он достоин и других сцен. Причем усть-камчатцы готовы поехать хоть куда, лишь бы пригласили. Это и районные центры Камчатки, и город Петропавловск-Камчатский, и даже отдельные поселки. «Мы специально для такого случая минимизировали декорации, – признается Елена Маринина. – Нам не придется тащить с собой что-то огромное. Надо будет лишь повесить кулисы и выйти на сцену в костюмах, которые, конечно, везти придется. Но это не займет много места».

Так достойно и красиво завершились исторические чтения в Усть-Камчатске. На следующий день нас ждал Нижнекамчатск.

НИЖНЕКАМЧАТСК

Переправляли нас по реке Камчатке небольшими партиями в лодках. Давно я не был в этих краях. В 1993 году, в июне, когда восстанавливали Успенскую церковь, мы с оператором Игорем Буймистровым и краеведом Виктором Борисовым снимали передачу об этом. Затем мы опять же с Игорем и фотокорреспондентом «Камчатской правды» Владимиром Чуриным прилетали сюда в августе того же года на большой праздник освящения восстановленной Успенской церкви, когда в ней был совершен первый молебен петропавловским священником, благочинным отцом Ярославом Левко и батюшкой с Аляски отцом Джорджем Плетниковым. Прилетал тогда из Петербурга и правнук святителя Иннокентия Вениаминова – епископа Камчатского, Курильского, Алеутского и Благовещенского, митрополита Московского, апостола Сибири и Америки. Он тоже был по имени Иннокентий. Столько народу, как тогда, Нижнекамчатк не видел даже в пору своего расцвета: два полных вертолета камчатского начальства и американцев, сотни жителей Усть-Камчатска, журналисты, артисты из Москвы, Магадана, Паланы и Петропавловска-Камчатского.

Воодушевление от праздника было огромным, особенно у жителей Усть-Камчатска. Заместитель главы района Юрий Борисович Ковтун потирал руки: «Ну, теперь начнется туристический бум! Мы уже продумали все наперед, и туристические схемы у нас готовы. Сейчас – Успенская церковь, затем – Нижнекамчатский острог, а там, глядишь, и люди сюда вернутся, в Нижнекамчатск, фермерские хозяйства пойдут. Березкин (директор нижнего лесосклада в Усть-Камчатске) уже ряд коттеджей на Красниковском озере построил, ждет туристов. Путь туристов проляжет затем в Усть-Камчатск, Ключи, Козыревск!»

Он обнимал за плечи дорогого для себя гостя – Сергея Вахрина, заместителя начальника управления культуры Камчатской области, добившегося восстановления церкви. И Сергей Иванович радостно сверкал очками, кивая и поддакивая. Ах, сколько было надежд, сколько открывалось планов! Мечты, мечты…

И вот прошло 27 лет. Туристов, как я понимаю, в Нижнекамчатске практически так и не было, домики-коттеджи Березкина рассыпались от времени и безлюдья, заросли диким лесом. От жилых домов, которые в 1993 году еще кое-где стояли, но уже, естественно, без жителей, теперь почти не осталось и следа. Но нынешний фестиваль и приезд сюда людей опять всколыхнул чувства многих, воодушевил. И вновь

Сергей Вахрин оптимистично сверкает очками, рассказывая о новых проектах: строительстве Нижнекамчатского острога как исторического памятника и туристического объекта и открытии туристического маршрута под названием «Золотое кольцо Камчатки». И опять на берегу Красниковского озера возведены постройки – гостиница современного типа и всякая мелочь к ней. Руководит проектом сын Сергея – Андрей Вахрин.

Не сдается Сергей Иванович. Вон какую силищу вовлек в свой проект: район, камчатских бизнесменов-рыбников, даже сам и.о. губернатора поддержал, прилетал сюда за несколько дней до нас, смотрел, слушал. Но ведь и тогда, в 1993 году губернатор Владимир Афанасьевич Бирюков тоже прилетал. Силища и желания тоже были не малыми. Не осилили. Или не захотели. Осилят ли теперь? Надеяться хочется, но кое-что настораживает. И главное – зависимость проекта от власти. Пример «Берингии», которая однажды перешла в руки краевых чиновников, превратившись вскоре в их игрушку, показывает, что это не всегда полезно, и даже вредно. У чиновников свои интересы, у инициаторов дела – свои, зачастую они вскоре расходятся, инициаторы и первопроходцы вытесняются, как это случилось с «Берингией», чиновники остаются.

Не боится этого Сергей Вахрин? Не боится. Тогда успехов ему! А мы, его друзья и сторонники, поможем, чем сможем, правда, главным образом, морально.

Мы с писателем Владимиром Нечаевым и сотрудницей краевой библиотеки, руководителем Центра «В семье единой» Людмилой Садовниковой сели в лодку к священнику местного Усть-Камчатского прихода отцу Николаю. С ним едут в Нижнекамчатск помощники, все они отслужат литургию в Успенской церкви.

Лодка идет вверх по течению, но ходко. За каждым поворотом реки открываются чудные пейзажи. Любуясь ими, мысленно представляешь себе, как ходили по этой реке на батах, толкаясь шестами, камчадалы. А затем русские перегоняли в устье Камчатки и обратно свои шитики, да иногда и корабли побольше, например бот «Святой архангел Гавриил», на котором Беринг и Чириков ходили в свое первое плавание.

Высаживаемся чуть ниже устья реки Радуги. Дальше идем пешком. Дорога затенена стеной молодого леса. Но по ней ездят – виден одинокий след машины. В густых зарослях иногда проглядывают полусгнившие строения былого села Нижнекамчатск. В советское время здесь был колхоз. Неподалеку, на другом берегу Радуги находилась та самая воинская часть, командиром которой был гвардии полковник Витольд Попко. В 1993 году постройки части еще более или менее сохранились, мы тогда с Виктором Борисовым осматривали пустые, заросшие травой казармы, гараж, мастерские, еще что-то. Затем ходили на кладбище, посетили могилу Попко. Она была огорожена деревянным штакетником, более или менее ухоженной. Вокруг виднелись другие могилы. К сожалению, мы тогда сняли на камеру только могилу полковника. Правда, сняли и развалины воинской части. Даже и не знаю, сохранились эти пленки или нет.

Выхожу к церкви. Вот она! Ничуть не изменилась с 1993 года! Правда, крышу покрыли современным материалом зеленого цвета, как и подобает, двор церкви аккуратно огорожен и скошена трава. На берегу Радуги, за рощицей ивы, – пристань для лодок и деревянная лестница, спускающаяся к пристани. Перед церковью вычищен бульдозером большой участок поля, стоят палатки, сооружена импровизированная сцена, перед ней – ряд скамеек. Перед самыми воротами в церковный двор – мощенная плиткой площадь с флагштоком в центре. Большую работу успели проделать Вахрин-младший и администрация района.

Батюшка с помощниками тем временем уже все приготовили для службы. Заходим в церковь. Здравствуй, матушка, жива-здорова! Иконостас радует глаза, смотрят со стен лики. Зажигаю свечу, целую образа. Вскоре начинается служба.

К певчим приблизился Владимир Нечаев, затем подошел вплотную, поет вместе с ними. А когда начались евангельские чтения, то он и читал, сменив уставшего дьякона.

Я тоже решил непременно отметиться в этом святом и историческом месте – после литургии исповедался и причастился. А передо мной причастился глава района Василий Иванович Логинов. Его хвалят, говорят, хороший мужик – и человечный, и хозяйственный. Дай-то Бог!

После литургии окружаем флагшток с камнем у основания. Сергею Вахрину доверяют поднять флаг Нижнекамчатского острога. Затем глава района Логинов произносит речь об открытии Аллеи Славы сынов Отечества и памятного камня в «честь тех людей, которые открывали и обживали нашу прекрасную Камчатку. Мы чествуем и тех, кто отсюда ушел осваивать Русскую Америку. Мы начали ставить и будем ставить памятники этим людям, тем, кто жил здесь и своими деяниями прославлял Камчатку до нас».

Иерей Николай освятил камень. Помогал ему опять же Владимир Нечаев.

Но вот зазвучала из динамиков песня «Призрачно все в этом мире бушующем…», и опять вопросы закрутились в голове…

Далеко очень Нижнекамчатск от любых центров. И многое еще надо сделать, чтобы сюда пошли люди. Даже пристани речной нет в Усть-Камчатске, мы сходили с берега в лодки чуть ли не на карачках, боясь свалиться в воду. А вечером, когда вернулись, с еще большим трудом выбирались из лодок на берег. Конечно, можно привозить туристов вертолетами. Но много ли навозишь? И опять же – дорого. О жителях Камчатки тоже надо подумать. Они обделены возможностью видеть свою Камчатку. Куда ни сунься – деньги, а то и частная собственность, закрытая для посещения или опять же за деньги. А теперь еще и медведи, ведь простого обывателя никто от хищника и не подумает защищать.

ОСТРОГ

Он стоял ниже устья Радуги. А поселение раскинулось над рекой, на террасе, а до этого в пойме, которую то и дело затапливало. В начале 19 века поселение перенесли наверх, где оно и находилось вплоть до закрытия в 1960-е годы.

Строили этот, третий по счету Нижнекамчатский острог в 1733–1739 годах два майора – Мерлин и Павлуцкий. Поначалу он назывался Нижне-Шантальским по Шантальскому (Азабачьему) озеру, что неподалеку, затем был переименован в Нижнекамчатский. Острог был с башней над входными воротами и с четырьмя жилыми постройками, в том числе государевым домом и светлицей, а возле нее – баня и сарай. Возле ясашной избы тоже стоял сарай. «Все строения, в рассуждении других острогов, изрядные и прочные, для того, что все из лиственичного дерева», – писал С. П. Крашенинников. Позже, уже при нем, Крашенинникове, за крепостью разросся поселок с 39 домами, кабаком и винокурней. Жителей было 92 человека.

Внутри крепости построили церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы. Строил ее нижнекамчатский казак Петр Колокольников. Он был отменным плотником и строил купцам и промышленникам крепкие и надежные шитики. Построил шитик и приезжему сержанту Емельяну Басову, который назвал его «Святой Петр» и в августе 1743 года отправился с компаньонами на остров, на котором зимовал экипаж Беринга. Там компаньоны тоже зимовали, а следующим летом привезли в Нижнекамчатск 1 200 бобровых и 4 000 песцовых шкур, чем не просто удивили, а изумили нижнекамчатцев. Так началась эпоха колонизации Командорских, а затем и Алеутских островов – с «пушной лихорадки». В связи с этим центр активной жизни на полуострове переместился из Большерецка сюда, в Нижнекамчатск, где запахло большими деньгами. Промышленники, купцы, казаки, солдаты, посадские люди, аборигены, авантюристы всех мастей – кого здесь только не было! Представляю, какие доходы приносили винокурня и кабак их владельцам!

Нижнекамчатские промышленники, используя Командорские острова как базу для зимовок, уходили все дальше вдоль Алеутских островов, и вскоре прознали от местных жителей о Большой земле на востоке, которую те называли Алакша или Алякса. В 1761 г. судно купца Бечевина под командованием морехода Г. Пушкарева достигло Аляксы (Аляски), где экипаж зимовал, но сжиться с алеутами мирно не смог и весной покинул негостеприимный берег. Однако слух об Аляксе быстро распространился среди промышленников и мореходов, и они вскоре в массовом порядке стали там бывать, а в 1764 году императрица Екатерина Вторая получила секретное донесение от сибирского губернатора Д. И. Чичерина о том, что камчатские мореходы привозят с Аляксы много пушнины и уже привели местных жителей в российское подданство.

Вот вам и Нижнекамчатск!

А что Екатерина? Она велела снарядить к Алеутским островам и Аляске (так русским было проще выговаривать это слово) секретную экспедицию, чтобы описать новые земли и официально привести американцев в русское подданство. Руководителем экспедиции назначили капитан-лейтенанта Петра Кузьмича Креницына, помощником его – лейтенанта Михаила Дмитриевича Левашова.

Экспедиция выполнила свою миссию. Но жизнь Креницына, к тому времени уже капитана 1 ранга, трагически оборвалась в Нижнекамчатске 4 июля 1770 года. Переправляясь на бате через реку Камчатку, он утонул. Тело не нашли, не похоронили, иначе на нижнекамчатском кладбище сегодня покоились бы не один, а два полковника – Витольд Попко и Петр Креницын.

В 1783 году камчатский командир Франц Рейнеке перенес столицу полуострова в Нижнекамчатск. На следующий год он завез сюда новый сорт «земляных яблок» – «картуфель», от которого сначала нижнекамчатцы, а затем и жители

других поселений стали получать хорошие урожаи. До этого уже лет двадцать на Камчатке выращивали картофель другого сорта, но больше мучились, чем ели.

Нижнекамчатск был столицей полуострова до 1803 года, после чего главным городом стал Верхнекамчатск. А в 1812 году, когда столицей назначили Петропавловск, туда переселили часть жителей Нижнекамчатска, в том числе казаков и большое количество солдат из бывшего полка генерала Сомова.

Большая, славная история у Нижнекамчатска. Сюда следует добавить, что в нем десять лет жил будущий знаменитый исследователь Русской Америки Кирилл Тимофеевич Хлебников. Он служил здесь приказчиком местной лавки Российско-Американской компании. Кстати, в 1808 году он тоже едва не утонул в реке Камчатке, правда, возле Козыревского селения.

К середине 19 века острог окончательно потерял свое значение как крепость. В 1864 году Успенскую церковь перенесли в село, отстроили практически заново. С тех пор она здесь и стоит, слава Богу, дожила до наших дней.

И мы вернемся в наше время. Глава Усть-Камчатского района Василий Логинов ведет желающих к стендам, поставленным заранее на выровненной площадке. На них наглядно показан в схемах, планах, рисунках и фотографиях проект строительства Нижнекамчатского острога как туристического и исторического объекта. «Проект уже готов, – говорит Логинов, – получил заключение государственной экспертизы, есть поддержка со стороны правительства и Законодательного собрания Камчатского края. Мы надеемся, что в следующем году, на Втором международном фестивале мы с вами будем открывать готовый острог. Цена вопроса 41 миллион рублей. Она даже подъемна для бюджета Усть-Камчатского района».

Находящаяся здесь же Людмила Дмитриевна Крапивина, руководитель службы охраны памятников, подтвердила, что и с ними проект уже частично согласован, он им нравится.

НА МОГИЛЕ ГВАРДИИ ПОЛКОВНИКА ПОПКО

Кстати, о Людмиле Крапивиной. Мы с ней договорились, что обязательно сходим на могилу гвардии полковника Попко, похороненного в 1951 году здесь, в Нижнекамчатске.

И вот идем большой компанией. В 1993 году кладбище находилось на краю открытого поля, в лесочке. Сейчас и поле, и лесочек превратились в густой дикий лес, поэтому находим могилу только благодаря сопровождению знающего человека.

На могиле высокий, сваренный из металла памятник в виде островерхой пирамиды, увенчанной красной звездой. Хорошо сохранившаяся фотография с надписью на металле: «Гвардии полковник Витольд Адольфович Попко. 25.01.1917 – 18.11.1951». Табличка относительно свежая, как и оградка из толстого железа, выкрашенного в черный цвет. Но холмика не видно, на нем густо лежит пока еще зеленая, но уже увядающая трава. Вокруг рухнувшие от времени кресты и надгробные строения других захоронений. Ни единой надписи. Кто, что – теперь уже не узнаешь. И опять же трава, деревья, кустарники, снова густая трава, путающаяся под ногами, а под ней – гнилые кресты. Даже солнце сюда с трудом пробивается.

Могила полковника Попко является памятником регионального историко-культурного значения, ее регистрационный номер 411610644070005. Поставлена на учет решением исполнительного комитета Камчатского областного Совета народных депутатов № 313 от 04.12.1990 г.

Витольд Адольфович Попко родился в Петрограде, по национальности поляк. 25 мая 1938 г. окончил Ленинградское пехотное Краснознаменное училище им. С. М. Кирова. Воевал с первого дня Великой Отечественной войны в 7-й гвардейской стрелковой дивизии 7-го гвардейского стрелкового корпуса 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта. Дошел до Польши. Там в 1944 г. был направлен в Войско Польское командиром 28-го пехотного полка 9-й Дрезденской Краснознаменной стрелковой дивизии. Дрезденской – значит, дивизия воевала и на территории Германии.

В апреле 1945 года гвардии полковник Попко по собственной инициативе, узнав, что командир дивизии пропал без вести, принял на себя командование. Это случилось в то время, когда дивизия находилась в критическом положении, будучи в полном окружении врага. Попко умелыми действиями вывел дивизию из окружения, не допустив при этом значительных потерь в личном составе. Его оставили командовать дивизией и наградили польским орденом.

После окончания войны 9-я дивизия прибыла в Жешовское воеводство, где провела целый ряд

успешных боевых операций против недобитых польских коллаборационистов и бандитов.

25 октября 1946 г. Витольд Попко сдал дивизию и был направлен служить в Ташкент, оттуда – на Камчатку, в Нижнекамчатск. Видимо, необходимо уточнить в краевом военкомате время прибытия полка (или дивизии?) в Нижнекамчатск, номер части известен – 47127. Военкомату вообще неплохо бы собрать информацию о военной службе Попко, в том числе и службе на Камчатке. Возможно, кто-то из краеведов за это возьмется.

Давно в Нижне-Камчатске не видали,
Чтоб шел полковник, выше всех похвал,
С Крестами Грунвальда, Виртути Милитари,
И чтоб звенели при ходьбе медали,
Чтоб без одной минуты генерал.

Это из упомянутой выше поэмы Владимира Татаурова. Далее, как известно, полковник Витольд Попко отказался разбирать Успенскую церковь, чтобы построить для своих воинов теплое жилье. Тем и спас церковь от окончательного разорения. А сам вскоре погиб. По рассказам это случилось совершенно нелепо. Попко на собачьей упряжке возвращался из Усть-Камчатска в Нижнекамчатск с партийного собрания. Ехали, как водится, по заснеженной реке Камчатке. Вел упряжку каюр. Возможно, Попко после собрания выпил с товарищами, а потому залез в меховой кукуль, распластался на нарте во весь свой богатырский рост и уснул.

Выпил или не выпил, это дела не меняет, потому что лежал он в кукуле, как в пеленке – закутанный плотно с головы до ног. И когда нарта неожиданно наехала на невидимую под снегом полынью и провалилась под лед, а сильные ездовые собаки ее тут же выдернули и помчались дальше, кукуль с полковником съехал по наклонной плоскости в воду и сразу утонул. Что мог сделать Витольд Адольфович Попко, если даже и проснулся? Ничего, увы.

Тело вскоре нашли и похоронили. Отыскался и испуганный каюр, который сразу побоялся возвращаться в Нижнекамчатск и прятался в лесу. Трагедия, нелепая трагедия…

И покоится теперь прах героического полковника-гвардейца в диком лесу, под холмиком, заросшим травой. И некому навестить могилку. А ведь таких героических людей, подобных Витольду Адольфовичу Попко, на Камчатке покоится не так уж и много, разве что командир Смертельной батареи лейтенант князь Александр Максутов (но могила потеряна), мореплаватель Клерк, Витус Беринг, смотритель Командорских промыслов А. И. Черский (похоронены на Командорах), возможно, еще кто-то, и все. Вот и надо бы подумать: не перезахоронить ли полковника Попко в другое, людное место, может быть, даже на мемориальном участке кладбища в Петропавловске-Камчатском? Перезахоронить с подобающими воинскими почестями, чтобы люди узнали, наконец, о нем, чтобы присутствовали дети – это же настоящий акт патриотизма.

Мы возвращались с кладбища по тропе, проложенной нашими же ногами по густой траве, петляющей среди зарослей кустарника и деревьев, пробираясь через валежины, по каким-то кочкам, гнилым стволам, и каждый в душе, я уверен в этом, сожалел о судьбе полковника. И опять вспоминались слова из поэмы Владимира Татаурова: «…и без одной минуты генерал». Возможно, жизнь Попко оборвалась на самом интересном…

ДО СВИДАНИЯ, УСТЬ-КАМЧАТСКИЙ РАЙОН

30 августа мы покидали лагерь «В сопках», то есть, по сути, Усть-Камчатск. Автобусы подали вовремя, мы загрузились и поехали. По дороге то и дело останавливались, чтобы фотографировать открывающиеся виды. Правда, небо было в тучах, и целиком мы так и не увидели ни одного вулкана – ни Шивелуча в Усть-Камчатске, ни Камня, Безымянного и Ключевского в Ключах, ни Толбачика в Козыревском. Но мы увозили много других впечатлений – о Нижнекамчатске, фестивале «Камчатка–Россия–Мир», исторических чтениях «Забытые имена» и работе нашего литературно-краеведческого десанта.

Руководитель проекта «Литературно-краеведческий десант в отдаленные районы Камчатки» Екатерина Самсонова поделилась со мной своими впечатлениями, и мы с ней подвели некоторые итоги нашей поездки.

– Стало большой удачей, что первый десант совпал с масштабным событием – Международным фестивалем «Камчатка–Россия–Мир», – говорила Екатерина. – Когда мы задумывали писать грант, он рождался очень долго, но когда узнали про этот фестиваль, то поняли, что нужно торопиться, чтобы успеть попасть именно на него, и при этом переживали, чтобы не сорвалось из-за пандемии или

чего еще. Но все, обошлось, и мы счастливы, что все получилось, своей цели мы достигли, как достигли и цели десанта в этой поездке. Во-первых, мы привезли в Усть-Камчатск вас – писателей, краеведов, привезли сотрудников библиотеки, музея, Центра народного творчества. Во-вторых, поездка оказалась интересной сама по себе. Думаю, не все наши «десантники» забирались так далеко от Петропавловска-Камчатского. А если кто-то и добирался сюда, то это было давно.

– Да, это так. Я, например, был в Усть-Камчатске и районе в 1993 году, затем в 2005, 2009-м, а последний раз – в 2013, но доезжал лишь до Ключей. Мы тогда ездили с писателем и казачьим атаманом Геннадием Струначевым-Отроком с двумя целями: искать литературные таланты и организовать в Ключах казачью станицу. Таланты нашли, это была Жанна Германович, которая с тех пор выпустила несколько поэтических книг. Станицу тоже организовали и даже назначили атамана.

– Вот, видите. А нам довелось побывать не только в поселениях Усть-Камчатского района, а посетить Нижнекамчатск – замечательное, историческое место. Острог и Успенская церковь – это были жемчужины тех мест. И до сих пор дух истории витает над травами. Кроме того, мы познакомились друг с другом, сдружились. Когда впервые прозвучало предложение ко всем желающим краеведам и писателям поехать с нами, многие отнеслись с холодком: да, я хочу, но не знаю, получится ли… А сейчас, когда мы возвращаемся, практически все «десантники» подходили ко мне и спрашивали, куда намечается следующая поездка. То есть, они готовы опять отправиться в «десант» и даже предлагают поселки, которые можно было бы посетить. И у всех горят глаза, наша поездка их зарядила. Хотелось бы, чтобы и дальнейшие поездки были такими же.

– И куда же планируются маршруты?

– Следующая поездка будет в Мильково. В этом же году, возможно, получится Палана. В 2021 году у нас Озерновский, Оссора и Елизовский район. Из-за пандемии мы сроки постоянно сдвигаем, поэтому конкретное время назвать не могу. Это все в одном гранте. Нам разрешили львиную его долю потратить именно на поездки и проживание. Финальным этапом нашего литературно-краеведческого десанта станет сборник материалов о всех поездках. Постараемся собрать впечатления и записи участников, фотографии, газетные публикации. Надеюсь, сборник будет полезным для тех, кто пойдет за нами.

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ ЭТНОЛОКАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА БЫСТРИНСКИХ ЭВЕНОВ КАМЧАТКИ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Алексеева Сардаана Анатольевна
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук
г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
alexeeva_sar@mail.ru, 89248610708

Аннотация. На материале экспедиционных этнографических полевых исследований освещается история и культура одной из интересных и самобытных этнолокальных групп эвенов, проживающих в Камчатском крае. Эта группа эвенов, оторвавшаяся от основного массива эвенов Якутии и переселившаяся еще в середине XIX в. на территорию современной Камчатки, испытала влияние ряда контактных этносов, что наложило отпечаток на ее культурный облик и этнографические особенности. По материалам переписи населения 1926–1927 гг., камчатские эвены подразделялись на три группы. Эвенов современного Быстринского района насчитывалось 470 человек; эвенов Тигильского района зарегистрировано 71 человек; эвенов, кочевавших в пределах Олюторского района, насчитывалось 223 человека. Краткое описание этнолокального сельского сообщества проводится в контексте его повседневной системы жизнедеятельности, социальных взаимодействий и культурных практик.

Ключевые слова: быстринские эвены, культура, традиции, оленеводство, трансформация, этническая идентичность.

FEATURES OF THE CULTURE OF ETHNIC AND LOCAL COMMUNITY BYSTRINSKY EVENS OF KAMCHATKA: TRADITION AND INNOVATION

Alekseeva Sardaana Anatolievna,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences Siberian Branch,
alexeeva_sar@mail.ru, 89248610708

Annotation. The history and culture of one of the most interesting and original ethnolocal groups of evens living in the Kamchatka territory is covered by the material of the expedition ethnographic field research. This group of evens, which broke away from the main mass of the evens of Yakutia and moved to the territory of modern Kamchatka in the middle of the XIX century, was influenced by a number of contact ethnic groups, which left an imprint on its cultural appearance and ethnographic features. According to the population census of 1926–1927, the Kamchatka evens were divided into three groups. The evens of the modern Bystrinsky district numbered 470 people; the evens of the Tigilsky district registered 71 people; the evens who roamed within the Olyutorsky district numbered 223 people. A brief description of an ethnolocal rural community is given in the context of its daily life system, social interactions, and cultural practices.

Key words: Bystrinsky evens, culture, traditions, reindeer herding, transformation, ethnic identity.

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью темы. Необходимо отметить, что история и культура быстринских эвенов в современных исследованиях получила лишь фрагментарное освещение и до сих пор не стала предметом специального исследования.

Данная статья написана по результатам экспедиционной поездки в июле–августе 2015 г. в с. Анавгай Быстринского района Камчатки. Целью данной полевой этнографической экспедиции явилось научное изучение культуры этнолокальной группы эвенов с. Анавгай Быстринского района Камчатского края в исторической ретроспективе и на этой основе проведение сравнительно-сопоставительного этнографического анализа с эвенами Якутии.

В состав экспедиции входили три человека: к.и.н. А. А. Алексеев, к.и.н. С. А. Алексеева и студентка исторического факультета СВФУ Н. С. Чочанова.

Исследование проводилось с использованием следующих методов в этнографии: метод

включенного наблюдения, глубинное интервью, структурированное и неструктурированное интервью с носителями языков и культур.

Первые сведения об эвенах, пришедших на Камчатку, мы встречаем в дневнике исследователя Карла Дитмара «Поездка и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг.». Он писал о том, что они появились около Большерецка и освоили склоны Срединного хребта задолго до своего появления в Петропавловске у губернатора В. С. Завойко (3).

В работе С. Бергмана «По дикой Камчатке» эвены упоминались как один из этносов, обитавших на Камчатке (1).

В советский период материальную и духовную культуру быстринских эвенов, их взаимодействие с другими народами, а также динамику численности населения изучали Е. П. Орлова (7), И. С. Гурвич (4) и К. Г. Кузаков (6).

Предки камчатских эвенов переселились на полуостров в середине XIX в. До XVIII в. они занимали территорию Восточной Сибири, в бассейне р. Лены. В период освоения Сибири русскими эвены в поисках новых мест устремились на территории, где проживали другие народы. Продвигаясь все дальше на север, они пришли на земли, где проживали юкагиры, эскимосы, чукчи, коряки (6).

Эвены продвигались на территорию Камчатки небольшими группами. В середине XIX в. К. Дитмар писал: «Второго марта в Петропавловске явились в высшей степени замечательные гости. В первый раз сюда пришли ламуты… Ламуты – тунгусское племя, кочующее по западному берегу Охотского моря, приблизительно между Аяном и Гижигинском. Побуждаемые, вероятно, теснотой родного места, перебрались через Пенжинский край, заселенный коряками, и заняли обширные безлюдные части Камчатки…» (3, с.).

За период своего путешествия по огромной территории предки эвены контактировали со многими народами, что оказало значительное влияние на их образ жизни, хозяйствование и традиционную культуру.

Так, эвены, проживавшие в Пенжинском, Олюторском, Тигильском районах, быстро ассимилировались с коряками, чукчами. Практически полностью перешли к корякскому типу оленеводства, устанавливали интенсивные брачные связи с коряками, переняли их черты в хозяйстве и укладе жизни.

В хозяйстве и культуре эвенов уже в XIX в. наблюдалось переплетение эвенских элементов с корякскими и камчадальскими, ощущалось и якутское влияние. У коряков эвены заимствовали упряжное оленеводство, дугокопыльные нарты, у камчадалов и береговых коряков – собачьи упряжки. У камчадалов восприняли также лов рыбы путем возведения запоров с мордами. К концу XIX в. основой хозяйства эвенов центральной части Камчатки стала не охота, а оленеводство. Охотились в основном для того, чтобы добыть себе пропитание, пушная охота имела подсобное значение: вся пушнина шла на торговлю (2, с. 5).

Необходимо отметить, что только быстринская группа эвенов, долгое время жившая обособленно, во многом сохранила определяющие черты традиционной культуры.

По переписи населения 1926–1927 гг., камчатские эвены подразделялись на три группы. Эвенов современного Быстринского района насчитывалось 470 человек; эвенов Тигильского района зарегистрировано 71 человек; эвенов, кочевавших в пределах Олюторского района, насчитывалось 223 человека.

В настоящее время население района составляет 2 467 чел. (данные на 2013 г.), большинство людей проживают в двух селах – Эссо и Анавгай. Около половины из них являются коренными народами Севера: эвены 990 чел. – самая большая группа, коряки – 175 чел., а также ительмены, камчадалы, алеуты и чукчи.

В Быстринском национальном районе зарегистрировано 50 традиционных хозяйств. Оленеводством занимаются два оленеводческих хозяйства, в которых постоянно занято около 50 эвенов-оленеводов. Суммарно на территории парка выпасается около 7 тысяч оленей. Активно работают и развиваются музеи-стойбища – корякское стойбище «Чау-Чив» (Эссо), эвенское стойбище «Мэнэдек» (Анавгай), а также Быстринский районный этнографический музей, в котором широко представлены предметы быта и культуры аборигенов Камчатки. Существенный вклад в популяризацию историко-культурного наследия коренных народов вносят фольклорные танцевальные коллективы района «Нулгур», «Нургенек», детский ансамбль «Орьякан».

Собранный у информантов фактический этнографический материал свидетельствует о значительном ухудшении показателей по оленеводству в сравнении с советским периодом, а также о значительной утрате оленеводческих, охотничьих и рыболовецких традиций. Так, необходимо отметить, что наблюдается, как и у нас в республике, системный кризис в оленеводстве: сокращение числа поголовья оленей, плохая материально-техническая оснащенность оленеводческих стойбищ, низкая заработная плата оленеводов и чумработниц, учитывая крайне тяжелые

условия выпаса и содержания оленей; существующий острый «брачный» вопрос среди оленеводов (большой процент холостых мужчин), вполне понятно нежелание современной молодежи идти в оленеводство и т. д.

Полученные в результате неоднократных интервью новые этнографические данные по оленеводческой, охотничьей и рыболовецкой культуре быстринских эвенов свидетельствуют об утере некоторых элементов традиционных оленеводческих практик в сравнении с оленеводческой культурой эвенов Якутии: традиций верховой езды, следовательно, производится очень трудоемкий выпас табуна оленеводами пешком в условиях горной тундры; дойки важенок, то есть существует проблема с постепенной и полной утратой эвенских традиций приручения оленей и связанных с ними архаических представлений и др. (8).

Собран материал по динамике этноязыковой ситуации на селе. Выявлены вопросы сохранности эвенского языка и перспективы развития языка в будущем. Приняли активное участие в работе проекта «Живая речь» (сохранение, изучение, возрождение родного эвенского и корякского языков), проведенной в Анавгайской библиотеке и посвященной Всемирному дню коренных народов мира (9 августа). К сожалению, необходимо отметить, что владение родным языком сохраняется в основном у лиц старшего и среднего поколения, среднее поколение в свое время было оторвано от языковой среды в результате советской практики интернатского воспитания. В настоящее время обучение родному эвенскому языку ведется только в начальном звене средней школы. Доминирующим языком лингвистического ландшафта является русский язык. «Основным эвенский является лишь для людей старшего поколения, молодежь и люди среднего возраста, а также дети в основном говорят на русском языке» (5, с. 500–504).

Рассмотрены вопросы этнической и культурной идентичности коренных малочисленных народов Севера (эвенов, коряков). По нашему мнению, в основе этнической идентичности быстринских эвенов лежит представление о принадлежности к той или иной общности/локальной группе и возникающая на этой основе солидарность. Главным фактором этнической идентичности является восприятие своей территории, образ жизни, сформировавшийся на этой территории, и социальные взаимодействия. Необходимо подчеркнуть, что признание за коренными малочисленными народами Севера статуса коренных народов, выделение их в особый объект политики и права способствовало формированию групповой этнической идентичности.

Проведено полуструктурированное интервью с носителями языков и культуры с целью изучения современной этнокультурной ситуации КМНС, влияния процессов глобализации на повседневную жизнь оленеводов, охотников и рыболовов.

На основе изучения музейных, документальных источников, а также проведения бесед с информаторами (воспоминания старожилов села) изучены материалы по трансформации элементов традиционной культуры (духовной, материальной) в дореволюционный, советский, постсоветский и современный периоды, в т. ч. выявление сохранности и трансформации обычаев и обрядов жизненного цикла у эвенов: родильных, свадебных, погребальных.

К числу важных результатов можно отнести то, что изучен традиционный этикет и культуры поведения (ритуалы приветствия, рукопожатия, встречи гостя, обычаи уважения старших и т. д.). В частности, были проанализированы особенности «дорожной» культуры в местах культурного пограничья (дорожный язык иносказаний, обряды задабривания духа дороги/кормление духов местности и т. д.). В результате нами выделены этнолокальные особенности эвенского гостевого этикета, выявлены трансформации традиционных гостевых норм поведения, особенностей, касающихся обычая гостеприимства.

Изучено современное состояние семьи КМНС, в т. ч. «проблемной», ее современных ценностей и приоритетов, прослежены вопросы социализации детей, а также затронуты вопросы самосознания и будущих перспектив молодежи села эвенов Быстринского района. Отмечено нарастающее прерывание традиций преемственности в оленеводстве, нарушение межпоколенной передачи языка и культуры. Нынешнее поколение детей в шутку называют «компьютерными» или «электронными» эвенами.

Получены предварительные этнографические данные об адаптационных механизмах в системе «человек – окружающая среда» и стратегии жизнеобеспечения у народов Севера, связанные с современным экологическим состоянием окружающей среды. Отмечается особая важность природной и социальной среды для сохранения и ретрансляции этнической культуры и самосознания. Собраны материалы об экологической и промысловой этике, в т. ч. об известном обычае «нимат». Философия данного дара является яркой идентификационной чертой тунгусов.

К числу положительных моментов можно отнести то, что в регионе на должном уровне при

активном содействии органов местной и краевой администрации организована работа по такому актуальному и привлекательному для Камчатского края направлению, как этнографический туризм. На местах созданы музеи под открытым небом, этностойбища «Нюлтен», «Мэнэдек» и др., активно пропагандирующие историю и культуру КМНС Камчатки. Данный положительный опыт, безусловно, требует в дальнейшем изучения и использования в Якутии.

По результатам данной экспедиционной поездки были выработаны практические рекомендации и предложения государственным органам, а также подготовлена научная статья для публикации в высокорейтинговых журналах, входящих в базы данных Web of Science и Scopus.

ЛИТЕРАТУРА:

Бергман С. О дикой Камчатке. Петропавловск-Камчатский : Камчат. печат. двор, 2000. – 165 с.

Витер И. В. Эвены Камчатки // Культура эвенов Камчатки : этнографический сборник/ сост. М. Е. Беляева. – Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2013. – 56 с.

Дитмар К. Поездка и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Ч. 1: Исторический отчет по путевым дневникам. – Петропавловск-Камчатский : холд. комп. «Новая книга», 2009. – 566 с.

Гурвич И. С. Эвены Камчатской области // Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера. Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. – М. : Наука, 1960. С. 63–91.

Кириллова А. И. Эвенский язык: история и обучение ему на современном этапе (на материалах Быстринского района) // Реальность этноса. Образование – культура –экономика в устойчивом развитии Российской Федерации : сб. ст. по мат. XVI Междунар. науч.-практ. конф. в рамках Конгресса коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Санкт-Петербург, 27–29 мая 2014 г. / под науч. ред. И. Л. Набока. – СПб : изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. – С. 89–90.

Кузаков К. Г. Заметки об эвенах-быстринцах // Краеведческие записки. Дальневост. книжн. изд-во. Камч. отд-ние, 1968. Вып. 1. – С. 64–70.

Орлова Е. П. Хозяйственный быт ламутов Камчатки // Советская Азия. – 1928. – № 5–6. С. 84–99.

ПМА (полевые материалы автора, 2015).

ТРУДЫ КРАШЕНИННИКОВА КАК ОСНОВА ПОНИМАНИЯ И ТОЛКОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КАМЧАТКИ

М. Е. Беляева

В данной статье мы попытаемся рассмотреть современное состояние традиционной культуры народов Камчатки через призму исследований известного ученого С. П. Крашенинникова, опубликованных в его фундаментальном труде «Описание земли Камчатки». Это одно из первых лучших этнографических произведений, как и произведение Г. В. Стеллера с одноименным названием, рассказывающее о Камчатке в период XVIII в. В целом в труде собран разнообразный материал по истории, географии, этнографии. Описаны история обрядов и традиций, реки и растительность, металлы и животные, птицы и насекомые. С особой тщательностью, очень обстоятельно С. П. Крашенинников дал описание камчатских народов с их традиционной культурой. Исследователь понимал необходимость детального описания обрядов, ритуалов, религиозных представлений коренных народов Камчатки. Он старался не упустить ни одной мелочи, чувствуя, что скоро все это исчезнет из их жизни и предастся забвению.

Учитывая специфику произведения, в котором даны разъяснения и описания различных областей жизни и деятельности, мы остановимся на материале, относящемся к области, связанной с мифологией и фольклором камчатских народов. Отметим, что в 1737 году, когда Крашенинников в составе Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга прибыл на Камчатку, это уже был период, когда в жизни и быте коренных народов начали происходить кардинальные изменения под влиянием русской культуры.

В части 3 «О камчатских народах» главу «О камчатских народах вообще» дано описание народов, проживающих на полуострове: «Природных тамошних жителей считается три народа: камчадалы, коряки и курилы. Камчадалы живут в южной части Камчатского мыса, от устья реки Уки до Курильской лопатки, и на первом Курильскому острову, называемом Шоумшчу. Коряки в северных местах и вкруг Пенжинского моря до реки Нукачана, вкруг Восточного окиана почти до Анадыря, а курилы на втором Курильском острову и на других до японского владения» [3, с. 270]. Исследователь разделяет этносы на группы, описывая их языки и ареал проживания.

Дает он разъяснение по камчадалам, предоставляя информацию, указывая на одноименный труд Стеллера: «Камчадалы, как северные, так и южные, называют себя ительмен, житель, а в женском роде ительма, которое название происходит от глагола ителахса – живу, как пишет господин Стеллер» [3, с. 271]. Определяя себя по общему имени «ительмен», камчадалы также различают своих сородичей по названиям рек, мест, где они проживают. Данная информация дает нам представление о народах, проживающих на Камчатке, местах их расселения.

Большое значение имеет труд Крашенинникова сегодня в изучении истории языков коренных народов Камчатки. Исследователь является первым составителем, хоть и небольших, словарей на корякском, ительменском, айнском языках. В настоящее время, когда происходит постепенное угасание традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, а вследствие и утрата родных языков, данная работа известного ученого очень важна для понимания истинных значений слов. Сегодня мы видим расслоение языка на возрастные группы: старшее поколение является носителем языковых и культурных традиций, а младшее переходит на языки крупных этносов, изучает иностранные языки и очень редко владеет только общими фразами родного языка. Словарь исследователя возвращает этносы к истинному языку, и это необходимо, особенно для народов, которые возрождают свою традиционную культуру.

Ценность этого труда оценена и фольклористами. Крашенинников записал легенды, мифологический фольклор народов полуострова. Детально и скрупулезно им был описан праздник очищения грехов у камчадалов-ительменов. Зафиксирован он был Степаном Петровичем три раза:

1. 21, 22 ноября 1738 года острожек Чаапынган на речке Кыкчик в Нижнем Кыкчикском острожке;
2. 19, 21 ноября 1739 года острожек Шванолом (42 версты от Нижнего Камчатского острожка);
3. 29, 30 ноября 1740 года на реке Кыкчик.

Исследователь написал, что это единственный праздник камчадалов-ительменов, который они справляют раз в год в ноябре месяце. Он отметил, что хоть в нем и содержится много мелочей, «которые недостойны воспоминания, но понеже всему у них непременной порядок, то опишу я все

обряды с начала до конца праздника обстоятельно, не опуская никакой безделицы не столько для удовольствия читателя, ибо такие мелочи читать больше скуки, нежели приятности, но наипаче для того, чтоб не погибла память… ибо все языческие обряды чрез несколько лет предадутся забвению к некоторому ущербу истории» [3, с.331].

В статье «Обрядовое празднество камчадалов (по материалам книги С. П. Крашенинникова)» камчатский исследователь Гончарова Антонина Алексеевна отметила, что ученый детально описывал праздники: «Он зафиксировал мельчайшие подробности обрядовых церемоний, указал их место в плане пространства, обратил внимание на пол и возраст участников, назвал все предметы, вещи, растения, обрядовую еду. Интересны и комментарии, которые делаются им попутно и имеют характер предположений, но есть и попытки анализа отдельных действий» [1, с. 54].

Спустя 2,5 столетия описание этого праздника пригодится современным ительменам при возрождении данного обряда. Крашенинников поистине оставил важный документ для потомков «остроклювого бога», как назвал их Сергей Вахрин в книге «Потомки остроклювого бога», посвященной камчатским фамилиям. И слова автора «Сопричастность камчадалов и камчатцев к истории своей земли, к прошлому и настоящему полуострова, осознание собственных исторических корней...» подчеркивают привязанность к тем далеким корням, к истории народов, живших в непростое время и описанных в труде Крашенинникова [2, с. 3].

Сегодня мы наблюдаем огромный интерес к традиционной народной культуре. Это напрямую связывается с эпохой глобализации и информатизации, когда традиция превращается в связующее звено с исторической памятью и способствует сохранению национально-культурной идентичности. Отметим, что тенденция повышения национального самосознания народов мира, их своеобразное культурно-этническое возрождение особенно четко обнаруживается на фоне процессов всеобщей глобализации.

На фоне всех этих мировых процессов мы наблюдаем большой интерес не только жителей Камчатки, но и гостей нашего полуострова к обрядовым праздникам коренных жителей Камчатки. И, по нашим наблюдениям, огромный интерес именно к празднику «Очищение грехов», или, как сегодня мы его называем, «Алхалалалай». Здесь и пригодился труд Степана Петровича Крашенинникова «Описание земли Камчатки».

У истоков возрождения праздника стояла большая команда ительменской интеллигенции. Это Гуторова Татьяна Евстроповна, основательница ительменского ансамбля «Эльвель», Халоймова Клавдия Николаевна, кандидат педагогических наук, Жирков Борис Александрович, заслуженный работник культуры РФ, руководитель ительменского фольклорного ансамбля «Эльвель», Запороцкий Олег Никитович, общественный деятель, и многие другие.

Реконструкция этого обряда была первоначально осуществлена Жирковым Б. А. как хореографическая композиция на сцене. Он очень внимательно изучал труды С. П. Крашенинникова и Г. В. Стеллера, перечитывал каждые главы и мечтал о том, что когда-нибудь этот обряд станет большим праздником в маленьком селе Ковран, в месте компактного проживания ительменов. В ноябре 1988 года на берегу реки Ковран ансамбль «Эльвель», жители села Ковран провели обрядовый праздник Алхалалалай. Мечта Бориса Жиркова сбылась

В последующие годы данный обряд в реконструированном виде стал проводиться в этнографической «ительменской» деревне «Пимчах» (с. Сосновка Елизовского район). В 2013 году весь сценарий праздника впервые перевели на ительменский язык. Проведение праздника на родном языке дало большой толчок для изучения ительменского языка. Все больше людей сегодня интересуется языком, и много желающих выучить его.

В празднике принимают участие большое количество людей, которые выполняют свою строго закрепленную функцию, как это было раньше в обряде. Для участия в обрядовых действах привлекаются носители аборигенной культуры, лучшие творческие коллективы полуострова.

Мы понимает, что древние архаические обряды в том виде, в каком они проводились, не могут существовать в современном мире. Ведь мировоззрение людей изменилось, взгляды на многие природные явления теперь объяснимы. Но что-то заставляет их вернуться к своим корням.

Обрядовые действия в записях С. П. Крашенинникова, как отмечает Гончарова А. А., «в символической форме продемонстрировали представление архаического человека о картине мира, в основе которой особая спаянность природы и человека, невыделенность человека из мира природы» [1, с. 58].

Возможно, именно эта тесная связь природы и человека очень крепко сидит в современных ительменах (камчадалах). Они до сих пор верят в то, что несоблюдение законов предков разрушает естественный ход жизни. И поэтому, участвуя в праздничных обрядах, ритуалах очищения, за-

дабривания врагов, поклонения растениям, травам, промысловым животным, считают, что это способствует восстановлению порядка в природе, нарушенного хозяйственной деятельностью человека.

Ительменский обрядовый праздник Алхалалалай является одним из значимых и популярных событийных мероприятий Камчатского края, способствующий созданию имиджа региона как благоприятного для развития туризма. Этот реконструированный древний обрядовый праздник, который в 1988 году прошел на берегу реки Ковран, сегодня перешагнул границы полуострова Камчатска. Он известен не только в России, но и за рубежом.

В 2012 году Алхалалалай вошел в электронный каталог объектов нематериального культурного наследия народов России. Этот обрядовый праздник получил множество наград: дипломом лауреата I степени в номинации «Народные традиции» был удостоен проект «Ительменский обрядовый праздник Алхалалалай на III Всероссийской открытой ярмарке событийного туризма «Russian Open Event Expo 2014», дипломом 3-й степени в номинации «Лучший телевизионный фильм» за видеоролик «Алхалалалай – наш праздник» на Всероссийском фестивале-конкурсе видеотворчества «От чистого истока», дипломом 3-й степени в номинации «Исторические реконструкции» на Всероссийском конкурсе в области событийного туризма в рамках Ярмарки «Russian open Event Expo» в г. Ханты-Мансийске.

В заключение хотелось бы отметить, что сегодня в обществе проявляется большой интерес к народной культуре. Возрождение обрядовых практик связано с духовно-нравственным миром человека, его поиском своего места в этом быстро изменяющемся мире. Сохраняя различные формы народной культуры, мы содействуем развитию чувства принадлежности к своему народу, защищаем ценности, нормы, традиции, созданные поколениями.

Значение праздничной народной культуры, которая поддерживает дух человека, хорошо понимали наши предки. Обряды, ритуалы помогали человеческому сообществу справляться с тяготами, сохранять стойкость духа. Сегодня обрядовые праздники коренных народов Камчатки стали неотъемлемой частью жизни северян. Самые значимые из них вошли в перечень важных мероприятий края, и региональным законодательством они определены как краевые праздники.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гончарова А. А.* Обрядовое празднество камчадалов (по материалам книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки») // «О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся...» : мат. XXVIII Крашен. чтений / М-во культуры Камч. края, Камч. краевая науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова. – Петропавловск-Камчатский, 2011. – С. 54–58.

2. *Вахрин С. И.* Потомки остроклювого бога: (Камчадалы) / Сергей Вахрин ; Ист.-просветительский центр «Россияне». – Петропавловск-Камчатский : Камшат, 1997. – 171 с.

3. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский : холдинговая компания «Новая книга», 2018. – 922 с.

4. *Стеллер, Г.-В.* Описание земли Камчатки / Г. В. Стеллер. – Петропавловск-Камчатский : холдинговая компания «Новая книга», 2011. – 576 с.

5. 8. *Юлдашева М. Р.* Народная художественная культура в профессиональном образовании культурологов : мат. междунар. науч.-практ. конф. «Культура и искусство: традиции и современность», Чебоксары, 2013. – С. 550.

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

Е. С. Билик

Эти строчки написаны об Октябрьском, родном сердцу поселке. По его земле ходит четвертое поколение семьи Билик.

История моей семьи – крохотная часть огромной истории, которая берет свое начало из давних времен. В моей семье никогда не было царей, великих ученых и первооткрывателей. Большинство моих предков были крестьянами, рабочими, колхозниками.

История моей семьи неразрывно связана с историей развития нашего государства. Этот факт позволяет испытывать гордость от того, что представители семьи Билик в той или иной мере способствовали развитию и подъему страны в тяжелые довоенные, военные и послевоенные годы.

Изучение истории семьи способствует воспитанию гордости за принадлежность к своему роду, своей фамилии, вызывает желание стать носителем лучших качеств своих предков.

Итак… История семьи Билик на Камчатке. 1937 год. Первым, кто попал в этот далекий край, был отец моего мужа Билик Степан Николаевич. Родился он на Украине в 1913 году в селе Миливцы (недалеко от старинного города Каменец-Подольский), в крестьянской семье. Детство его выпало на смутное время. До Великой Октябрьской революции оставалось совсем немного. Родители с раннего утра до поздней ночи работали на земле, чтобы прокормить своих детей. А их было семеро. Все дети стали честными, порядочными людьми. Все окончили школу. Степан в 1930 году окончил школу и поступил в агрономический техникум. Мечта стать агрономом не сбылась. Дирекция сельскохозяйственной артели, где работал отец, послала его на 3-месячные курсы счетоводов. В этой же артели он и начал свою трудовую деятельность.

В 1934 году молодой, красивый сельский паренек едет в Одессу и поступает в артиллерийское училище. Но закончить училище не удалось.

Настоящую причину этого Степан Николаевич не рассказывал. Время было страшное, и можно только предполагать…

В 1935 году его призывают на службу в РККА. Демобилизовался в 1937 году. В этом же году, волею судьбы, Степан Николаевич оказался на Камчатке в селе Усть-Большерецк, в далеком от родных мест краю. Свою трудовую деятельность он начал в рыбартели имени 18-го Партсъезда, в должности счетовода. В то время рыбартель была большим хозяйством, которое занималось овощеводством, животноводством и добычей рыбы.

Все держалось на людских руках. Техники не было, и тягловой силой были лошади, которые колхозникам достались в наследство от расформированного полка. Трудом своим члены артели кормили и жителей села. Старожилы и сейчас говорят: «Капуста росла огромной, и картошка как лапоть по величине». Главным промыслом был вылов рыбы и ее посол.

Молодой счетовод был аккуратным в работе. Помнил, что за каждой цифрой стоит труд людей. Авторитет его рос не по дням, а по часам. Люди с уважением обращались к нему по имени-отчеству.

Прошел год. И в 1938 году по вербовке из Омской области в Усть-Большерецк приехала большая семья Некрасовых. Судьба свела Шуру Некрасову со Степаном Биликом. Они поженились. И потекла размеренная семейная жизнь параллельно с суетливой профессиональной деятельностью главы семейства. В октябре 1939 года родился первый сын Анатолий. Построили свой домик на улице Западной на берегу реки Большой. Кстати, этот домик сохранился до наших дней. Стали заводить хозяйство. Быстро сдружились с соседями – Корнеевыми, Цыгельнюками, Железко. Степан Николаевич был гостеприимным человеком, и очень часто все соседи собирались у них. Река Большая напоминала украинскую реку Збруч, и можно было слышать украинские песни, которые с большим удовольствием пел он красивым голосом.

В 1938 году Степана Николаевича избирают председателем рыбартели имени 18-го Партсъезда. В этом же году он стал кандидатом в члены ВКП(б). С 1940 года и по май 1942 года работал заведующим рыбной базой. В январе 1941 года в семье Билик рождается второй сын. А в июне грянула Великая Отечественная война. Все отрасли хозяйства Камчатки перестраивали свою работу на военный лад. Усть-Большерецкий район тоже не стоял в стороне. Ловили рыбу и в реке, и в море. Это позволило увеличить объем добычи рыбы. В рыбартели имени 18-го Партсъезда сажали сверх плана «оборонные участки» овощей, собирали и отправляли теплые вещи для воинов Красной Армии, вносили свои сбережения на постройку танковой колонны «Камчатский рыбак». Отличный организатор, Степан Николаевич умел вести за собой людей и быть всегда впереди. Ему

довелось работать в военные годы со знаменитым бригадиром женской ловецкой бригады Авериной.

В мае 1942 года был призван в Армию и прослужил до апреля 1945 года. Служил на Камчатке. На фронте он не был. В апреле 1945 года Степан Николаевич опять стал председателем рыбартели имени 18-го Партсъезда.

Проработал в этой должности до 1950 года. Военные и послевоенные годы стали испытанием для всего советского народа. Рыбартель стала расширяться. Степан Николаевич приступил к созданию 9-й базы. Именно он создавая ее, вложил все свои знания и силы, чтоб вылов и переработку рыбы поднять на высокий уровень. И, как всегда, в первую очередь он заботился о людях. Были созданы все условия для нормальной работы и быта. Построили мастерскую, пристань. Одним словом, все трудились с полной отдачей сил. Степан Николаевич был награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». В 1950 году райком партии посылает его работать директором 1-й базы рыбокомбината имени Микояна. До настоящего времени сохранились следы цементных чанов, в которых солили рыбу.

1953 год. Год смерти Сталина. По амнистии в рыбокомбинат имени Микояна приехали бывшие заключенные, в числе которых были и уголовники. Настало трудное время. Бывшие заключенные отрывались за свое прошлое: пьянки, драки, разгулы. Нелегкий труд рыбака и рыбообработчика не притягивал этих людей. Однажды один из амнистированных начал требовать от директора деньги на выпивку и, получив отказ, кинулся на Степана Николаевича с ножом. Рабочие, а среди них были и корейцы, плотным кольцом окружили своего директора и не допустили беды. Эти люди были благодарны своему директору за его человечность и справедливость. Через некоторое время, оценив Степана Николаевича как человека, проверив его, амнистированные стали относиться к нему с уважением.

Жизнь на месте не стояла. Прогресс пришел и в рыбную отрасль. Параллельно с солением рыбы началось освоение консервного производства. В рыбокомбинате началась реорганизация. Роль рыбных баз была выполнена. Степана Николаевича переводят работать заместителем председателя рыбкоопа. Обеспечение населения продуктами, промышленными товарами стало первоочередной задачей.

В 1968 году жители поселка Октябрьский избирают Степана Николаевича депутатом Октябрьского поселкового Совета народных депутатов. А депутаты, в свою очередь, избирают его председателем. До наших дней сохранились добрые воспоминания о нем. Старшее поколение рассказывает, что это был настоящий хозяин, который заботился о поселке и его людях.

К сожалению, человек не вечен. Здоровье стало подводить. В марте 1971 года Степан Николаевич был приглашен на областную сессию. Решил, заодно, проверить свое здоровье. Ему была предложена операция, на которую он дал согласие. И эта операция оказалась роковой. В Октябрьский Степан Николаевич больше не вернулся. Похоронили его в Петропавловске-Камчатском. Прикипев душой и сердцем к прекрасному Камчатскому краю, он остался здесь навсегда.

Степан Николаевич и Александра Федоровна Билик воспитали троих детей.

Все дети получили образование, им были переданы все лучшие человеческие качества. Самое главное, чему научили родители своих детей, – это любовь к труду, к Камчатке и Октябрьскому.

После службы в Армии и учебы в 1975 году вернулся в родной поселок второй сын Сергей. И вернулся не один, а с семьей: женой и двумя сыновьями. Сергею Степановичу пришлось, по направлению райкома партии, поработать председателем Октябрьского поселкового Совета народных депутатов. Это было нелегко. Жители постоянно сравнивали его с отцом. Все время стоял вопрос: «А как бы поступил отец?» Старался не подвести. Нужен был директор сезонной базы Кихчик, и опять по решению райкома партии Сергея Степановича направляют туда. Работал он и приемщиком рыбы, и старшим приемщиком, и боцманом. На всех этих должностях работал так, чтоб не подвести память об отце. Сергею Степановичу идет восьмидесятый год, а он более 20 лет работает наблюдателем морского поста и три раза в сутки передает сведения о фактической погоде и состоянии моря в Петропавловск-Камчатский.

Волею судьбы мне, невестке Степана Николаевича, тоже пришлось работать в администрации Октябрьского городского поселения. И работаю уже 19-й год. Мне не довелось в жизни встретиться с этим прекрасным человеком. Но вот уже на протяжении 44 лет моего проживания в Октябрьском Степан Николаевич служит мне в жизни путеводителем. И это не громкие слова, это истинная правда. Жизнь моего свекра была полна положительных эмоций. О нем с теплотой говорят его дети и родственники, знакомые и близкие, коллеги и сотрудники. Он один

из немногих, кто сумел найти свой неповторимый подход к людям, кто, прежде всего, твердо понимал, чего хотел от жизни. И все свои действия и поступки я сверяю по нем. Самое главное чему я учусь у него – это работа с людьми. Нет более благородного и ответственного дела, чем приносить пользу людям. Поэтому кроме основной работы в администрации возглавляю Усть-Большерецкий районный Совет ветеранов, секретарь первичного отделения партии «Единая Россия».

Мы с мужем вырастили двоих сыновей, которые тоже остались верны Камчатке. Старший сын связал свою жизнь с морем и уже 28 лет ловит рыбу на предприятиях поселка. Он стал профессионалом своего дела, и нам с отцом приятно слышать хорошие отзывы, первое слово, которое говорят о нем, – трудяга.

Младший сын – командир отделения Октябрьского пожарного поста. Серьезный, справедливый, пользуется авторитетом в поселке.

У нас уже трое взрослых внуков. Они тоже верны Камчатке. Внук попробовал себя на обработке рыбы. Освоил многие процессы. О нем тоже положительно отзываются мастера. Внук общителен, у него много друзей. Уважительно относится к старшим.

Старшая внучка работает в Елизовском аэропорту, диспетчером. Познает азы своей профессии, понимает, насколько важна ее работа. Учится на курсах английского и японского языков. На ее работе знание языков необходимо.

Еще одна внучка – студентка 5-го курса Российского университета кооперации на факультете таможенное дело.

Отрадно отметить, что трое детей Степана Николаевича, двое наших детей и двое внуков учились и закончили нашу Октябрьскую общеобразовательную среднюю школу. Именно наша школа дала им путевку в жизнь.

Живу я на свете уже восьмой десяток лет. Бывает время, когда осмысливаешь все пережитое, свои действия и поступки. Каждый раз понимаю, что Степан Николаевич был бы доволен. Никто из нашей большой семьи не дает ни малейшего повода уронить планку, поднятую им.

Вся семья любит поселок, бережет память о Билике Степане Николаевиче.

НИЖНЕКАМЧАТСК – ВОСТОЧНЫЕ ВРАТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Бушнев Николай,
писатель-историк

Устье реки Камчатки, как точка выхода Первой Камчатской экспедиции под командованием Витуса Беринга с целью определения – сходятся ли между собой материки Евразия и Америка, была наиболее рациональной для решения поставленной задачи. Тем более, что неподалеку от выхода реки в океан уже находился Нижнекамчатский острог, который можно было использовать как опорный пункт для решения вопросов проживания команды: пополнения там провизии, складирования материалов к походу и изготовления судна для плавания.

В 1728 году был срублен бот, названный в честь святого архангела Гавриила, и уже 8 июля он в облегченном виде, без палубы и оснастки, был спущен на воду. Его сплавили в устье реки Камчатки для полной комплектации и подготовки к плаванию. На острове в устье реки были построены хозяйственные постройки для команды и небольшая часовня. Там же оборудовали и место стоянки судна, так как в этом месте перепад уровня воды при морских приливах и отливах был меньший, чем у самого выхода реки в залив океана.

И 25 июля 1728 года первое военно-морское судно России на Тихом океане – бот «Святой Гавриил», на борту которого находились члены Первой экспедиции, вышло в море на поиски пролива между материками.

Историю географических открытий и описания земель северо-восточных окраин России зачастую связывают с Первой и Второй Камчатскими экспедициями, или, как иногда называют их в исторической литературе, Великой северной экспедицией, с самой затратной и самой продолжительной экспедицией под началом находившегося на службе в России мореплавателя Витуса Беринга. Длилась экспедиция с 1725 по 1743 год. Активная фаза ее деятельности пришлась на послепетровские времена Бироновщины. Тогда при дворе императрицы Анны Иоанновны с ее фаворитом Бироном многочисленные иностранцы практически правили Россией. И тогда же всякие деяния иностранцев возвеличивались, а заслуги россиян просто замалчивались. Но почти одновременно с Первой Камчатской экспедицией Беринга правительствующим Сенатом была организована и послана на Северо-Восток еще одна экспедиция, охватывающая гораздо большие замыслы. В отличие от цели предыдущей экспедиции в 1725 году Афанасий Шестаков – голова пеших и конных казаков Якутского полка четко сформулировал Сенату основную идею поиска новых земель: привести в русское подданство тех, «кои в ясашном платеже были, но изменили», а также тех, «кои не были», и представил карту для поисков и исследований.

В 1727 году последовал указ Верховного Тайного Совета, предписывающий Сенату организовать экспедицию во главе с Афанасием Шестаковым, придать ему гренадеров, а также «товару на 1000 рублей для заведения торгов в новых землицах».

Уже в августе этого года экспедиция двинулась из Петербурга. В Тобольске партия казачьего головы пополнилась четырьмястами казаками во главе с капитаном Сибирского драгунского полка Дмитрием Ивановичем Павлуцким, который был назначен в «сотоварищи» Афанасию Шестакову для управления экспедицией «с общего согласия».

Летом 1728 года многочисленная экспедиция появилась в далеком Якутске. Без промедления, пешком и на дощаниках по рекам, уходили отряды в назначенные тракты: кто в Охотск, кто в Анадырский острог, кто в Удскую сторону. В этом же году под началом Ивана Козыревского отряд казаков сплыл по реке Лене для проведывания хода в Студеное море и описания устья реки. К осени главная база экспедиции переместилась из Якутска в Охотск. Для морских плаваний в отряд Шестакова поступили суда, оставленные после плавания в 1728 году Первой экспедиции Беринга. Это были шитик «Фортуна» и бот «Святой Гавриил» да вновь построенные в Охотске бот «Восточный Гавриил» и бот «Лев».

В 1729 году отряд казаков под командованием Д. Павлуцкого двинулся в Анадырск, по пути приводя в подданство неясашных инородцев – юкагиров, коряков и чукчей. На шитике «Фортуна» сын казачьего головы Василий Шестаков посетил первые пять Курильских островов, собрав там ясак.

На боту «Святой Гавриил» кормщик Мошков с казаками вышли на обследование устьев рек Уды и Амура. Афанасий Шестаков с командой на судах «Восточный Гавриил» и боте «Лев» отпра-

вились на Камчатку к устью реки Пенжины и оттуда пеше двинулись на немирных коряков и чукчей, чтобы по их земле пройти до Анадырского острога и соединиться там с Павлуцким.

В 1730 году, защищая ясашных коряков от набегов чукчей, в стычке на реке Эгач Афанасий Шестаков погиб.

В это же время казак Трифон Крупышев с командой на шхерботе сплавился по реке Колыме в Студеное море, чтобы обогнуть мыс и прийти в Анадырский острог.

3 июня 1731 года по планам экспедиции Шестакова – Павлуцкого бот «Св. Гавриил» вышел из Большерецкого острога, обогнул мыс Лопатку и 9 июля достиг устья реки Камчатки, откуда ранее в 1728 году стартовала Первая экспедиция Беринга. Тут намечалось пополнить запасы провизии и двигаться к Анадырскому устью и далее на восток, на поиски Большой земли. Приказчик Нижнекамчатского острога Иван Крыков на запрос предоставить для экспедиции 2000 тыс. штук юколы, 1000 штук соленой рыбы и 5 толмачей ответил, что в этом году по реке Камчатке и другим речкам случился большой недоход рыбы и что служилые люди и местные жители сами «…с великою нуждой питаются маленькой рыбкой». Он может лишь передать им ржаную муку, оставшуюся от экспедиции Беринга. Пришлось задержаться, и участники похода, как вспоминал геодезист Михайло Гвоздев: «…промышляли кормовые рыбные припасы, чем бы нам пропитаться на море» и еще занимались «…починкою швецов на боте».

20 июня 1731 года вся партия служилых погрузилась на судно. Однако у самого устья реки Камчатки из-за поднявшегося сильного встречного ветра бот встал на якорь. А в это время развернулось восстание ительменов под предводительством тойона Федора Харчина. Они захватили Нижнекамчатский острог и сожгли там церковь. Плавание мореходам пришлось вовсе отложить, и команда судна приняла участие в подавлении бунта и налаживании мирной жизни в острогах Камчатки.

В феврале 1732 года своим указом оставшийся командир экспедиции Дмитрий Павлуцкий назначил руководителем плавания геодезиста Михаила Спиридоновича Гвоздева и прислал ему программу действий: «…идти на боту «Гавриил» кругом Камчацкого носу к Анадырскому устью и против Анадырского носу проведать острова, коликое число оных, и на тех островах люди какие обретаются осмотреть». Лишь только к лету удалось Гвоздеву в это разорительное время изготовить команду к походу. И 23 июля 1732 года бот «Св. Гавриил» из устья реки Камчатки второй раз вышел в дальнее плавание по океану с геодезистом М. Гвоздевым, штурманом И. Федоровым, с четырьмя матросами, 32 служилыми да толмачом Егором Буслаевым. Так начался этот важный поход, который завершился открытием островов в проливе и части западного берега Большой земли (материковой части Америки). После окончания похода в 1733 году, по предписанию командира Охотско-Камчатского края Григория Скорнякова-Писарева, геодезисту Гвоздеву велено остаться в низовьях реки Камчатки при строении нового Нижнекамчатского острога поближе к морю взамен сожженного. И до 1735 года М. Гвоздев с помощником И. Спешневым занимались постройкой нового острога в месте впадения речушки Орат (Радуги) в полноводною реку Камчатку, неподалеку от выхода в залив океана.

Они и не предполагали, что этот острог вскоре станет для России ее Восточными вратами в огромный неизведанный тихоокеанский мир. Но чтобы это сбылось, необходимо было еще случиться чему-то значимому, должен был появиться решающий фактор, который бы усилил заинтересованность государства ее восточными рубежами, чтобы удовлетворять не только географический интерес, но и экономический.

И вот, в 1742 году, такой фактор стал появляться. Это случилось в связи с неудачным плаванием пакетбота «Св. Петр», одного из двух судов, Второй географической экспедиции под началом все того же Витуса Беринга, который в 1728 году не до конца выполнил задачу Первой экспедиции. Итак, 4 июля 1741 года из Авачинской бухты Камчатки вышли два пакетбота «Св. Петр» под командой Витуса Беринга и «Св. Павел» с командой Алексея Чирикова на поиски земли Америки. По настоянию профессора астрономии Делиль де ла Кройера, находившегося с Берингом на пакетботе «Св. Петр», маршрут судна неоднократно отклонялся к югу Тихого океана на поиски мифической земли Иан дэ Гамма. И вскоре корабли экспедиции окончательно разошлись. Судно «Св. Павел», держа заданный курс, без отклонений вышло к берегам Америки и, обследовав часть островов, вернулось на Камчатку. А пакетбот «Св. Петр» с командой Беринга 5 месяцев бороздил океан, пока измученная команда и истрепанный бот 6 ноября 1741 года не были выброшены штормом на необитаемый остров неподалеку от Камчатки. Холодная и голодная зимовка в земляных ямах на продуваемом ветрами острове унесла жизни части команды и самого командора Беринга. Весной оставшиеся в живых

мореходы стали свидетелями небывалого богатства этого необитаемого острова, когда на его берега стали прибывать тысячи морских зверей: тюленей, морских бобров (каланов) и неведомых чудищ – морских коров.

Летом 1742 года из разбитого пакетбота удалось собрать небольшое суденышко и, сделав запасы продовольствия, а заодно заготовив себе шкур морских зверей, оставшиеся люди команды Беринга на тяжело груженном судне, под осень, прибыли в Петропавловскую гавань с добычей. Учитывая стоимость мехов на торгах в Иркутске и Тобольске, выжившие члены экспедиции вернулись богатыми.

Молва из Нижнекамчатска о несметных богатствах островов в океане понеслась по России, вызывая живой интерес купцов и промышленников. Оказывается, на диких безлюдных островах в океане можно не только выживать, но и обогащаться. Вот и свершился тот фактор, который, как спусковой крючок, начал распахивать Восточные врата Российской империи в богатый прибыльный мир. И как кстати оказался там уже построенный участниками Северо-Восточной экспедиции Шестакова–Павлуцкого Нижнекамчатский острог. И началась для России эра открытий новых земель с промысловым их освоением. Стало ясно: чем можно заменить уже увядший и обедневший к тому времени соболиный промысел. Вот так и слился воедино географический интерес государства с экономическим.

Уже в 1742–1743 годах тобольский сержант Емельян Сафронович Басов, имеющий разрешение на проведывание новых землиц, организовал «складственную компанию», куда вошли служилые и посадские жители Нижнекамчатского острога. На собранные ими деньги плотничных дел мастер Петр Колокольников, который был артельным при рубке в новом остроге церкви Успения Пресвятой Богородицы, срубил компаньонам промысловое суденышко с названием «Св. Петр», на котором эта команда из 12 человек с кормщиком Евтихием Санниковым и проводниками из людей прошлой экспедиции Беринга – Петром Верхотуровым и Лукой Наседкиным летом вышли в море к острову Беринга, названному в честь погибшего там командора и части его команды.

Эта первая промысловая экспедиция оказалась очень удачной, промысловики вернулись с богатой добычей мехов морского зверя, и началось...

В 1745 году, вторым выходом в море, Е. Басов открывает новый остров, который из-за наличия на нем медной руды назвали «Медный», возвратились из плавания в 1746 году в Нижнекамчатск опять с богатой добычей.

В 1745 же году из устья реки Камчатки выходит на промыслы уже второе судно «Св. Евдоким» предприимчивых купцов лальского Афанасия Чебаевского и иркутского Никифора Трапезникова. Кормщиком на судне был посадский из Табольска Михаил Неводчиков. И только в 1747 году, открыв ближние Алеутские острова Атту и Агатту, они вернулись, обогатив себя и купцов великой добычей, еще больше подогревая всеобщий интерес к плаваниям.

В 1756 году судно купца Серебрянникова «Св. Павел и Петр» с кормщиком из Архангельска П. Башмаковым вышло в плавание и, открыв остров Амчитка, в 1758 году вернулось в Нижнекамчатский острог с мехами морских зверей и песцов.

В 1757 году судно «Св. Капитон» Сольвычегодской земли купца Ивана Жилкина вышло в морской вояж на «незнаемые и знаемые морские острова с работными русскими и камчадалами, всего 40 человек». Попали в шторм, и 27 сентября их опять принесло к берегам Камчатки, выбросив на берег, где пришлось ремонтировать судно и зимовать. В начале лета 1758 года они снова пустились в плавание с заходом на остров Беринга, чтобы заготовить мясо морских коров для пропитания. А в сентябре уже открыли новый остров Кыска, где и промышляли морского зверя. И только в 1761 году им удалось вернуться в Нижнекамчатск с внушительной добычей.

2 сентября 1758 года судно московского купца Ивана Никифорова «Св. Иулиан» с кормщиком Савином Пономаревым и передовщиком Степаном Глотовым вышло в море. За четыре года плавания до 1762 года они открыли крупные новые острова Умнак и Уналашка да два десятка мелких островов, где приводили жителей в российское подданство. «Компанейщиками» этого длительного плавания были:

«Тобольский купец Илья Снегирев.
Вологодский купец Иван Буренин.
Яринский купец Иван Томилов.
Тульский купец Семен Красильников.
Вологодский купец Василий Кулков.
Московский купец Егор Сабинин.
Тотемский купец Андрей Титов.
Тульский житель Афанасий Орехов.
Яринский купец Афанасий Суханов.

Тотемских купцов Григория и Петра Пановых приказчик – Семен Шергин. К сему рапорту и нижеписанной ведомости передовщик, яренский посадский Степан Глотов руку приложил» (Русские экспедиции по изучению северной ча-

сти Тихого океана во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1989. – С. 64).

Из приведенного списка видно, как включались в освоение северо-восточных окраин империи купцы и промышленные люди со всех округов России.

Митрополит Московский Иннокентий в своих «Творениях» писал: «…Глотов, открывший острова под именем Лисьих в 1759 году, первый окрестил малолетнего сына одного из родовых начальников Лисьевских алеутов, которого он вывез с собою на Камчатку, где этот первенец Уналашкинской церкви прожил несколько лет и, выучившись русскому языку и грамоте, возвратился на родину с властью главного тойона – «начальника» и очень много примером своим содействовал распространению Христианства».

В 1760 году судно «Св. Иоанн – устюжский чудотворец» лальского купца Терентия Чебаевского под командой морехода и передовщика из Нижнекамчатска казака Алексея Воробьева в августе вышло в плавание на острова Крысьи. В плавании открыли новый остров Квасник. Во время первой зимовки «…за оскуднением корму едва не погибли голодною смертию, от которого голоду, от великих зимнею порою пург, в переходах из артели в артель, замерзли, закоченев, Устюжской провинции Двинской трети Устьевской волости крестьянин – Петр Прокофьев Копылов; Яренского уезда Полевицкой волости крестьянин Петр Федоров Перкушев; Тотемского уезду Суептувской волости деревни Жилкино – крестьянин Стефан Григорьев Покасков; Тобольские-посацкие – Данило Кошуков и Иван Иванов Тюленев с голоду помре, да двое камчадал Тигиля реки, Тубалова острошку камчадал – Кирило Филипов Ивановых замерз. Каменного острожку Анисим Кузнецом с голоду помре и Устюжский посацкий Иван Путилов с голоду помре» (Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1989. – С. 69–70). Эти данные и справки Большерецкой канцелярии о плавании судна к островам показывают, что купцы, вкладываясь в дело, набирали в команду людей со всей России. Так же видно, что плавания эти не легкая морская прогулка, а трудное и опасное мероприятие для мореходов и промысловиков.

В 1758 судно тульского купца Семена Красильникова «Св. Владимир», кормщик – казак Нижнекамчатского острога Сила Шевырин, а с ним передовщик Сольвычегодской земли посадский Дмитрий Панков с промышленными – всего 45 человек, вышли из устья реки Камчатки 28 сентября, зазимовали на острове Беринга. За зиму утонули 2 человека – камчадалы Николай Шипунов и Петр Чириков. А в июле 1759 года отправились в морской вояж для поиска незнаемых островов и «промыслу на них морских бобров». Из этой записи видно, что старались промышлять уже не все подряд, а добывать более дорогой мех «каланов». В этот год они открыли новый остров Унимак, а в 1760 году на другом острове Атху они встретились с людьми иркутского купца Ивана Бечевина, прибывших туда на казенном судне «Св. Гавриил», на котором были и квартирмейстеры Гаврило Пушкарев, Андрей Жданов, Прокопий Лобашков и Яков Шарапов. Они исполняли приказ по описанию уже открытых Алеутских островов, и они же открыли большой полуостров Аляску, где первые провели зимовку на материковой земле Америке.

В 1760 году судно «Св. Андриан и Наталья» селенгинского купца Андреяна Толстых с командой под его личным началом 21 сентября вышли в плавание на Алеутские острова. За 4 года плавания они побывали на многих островах, на которых уже промышляли команды разных купцов. Углубившись далее в океан, открывают целый архипелаг островов, которые впоследствии будут названы в честь Андреяна – «Андреяновскими островами».

И уже в 1763 году именитый гражданин города Рыльска Григорий Иванович Шелихов организовал первое русское поселение на острове Кадьяк.

Так началось заселение освоенного купцами и промышленными людьми со всей России огромного края с названием «Русская Америка». С 1790 года компаньоном Шелихова стал каргопольский купец Александр Андреевич Баранов.

Естественно, правители страны следили за потоком открытий новых землиц, и уже в 1764 последовал Указ императрицы Екатерины II Адмиралтейств-коллегии «…об организации экспедиции для подробного описания и освоения новых островов в Тихом океане». И в том же 1764 году следующий ее Указ Кабинету министров о награждении купцов И. Никифорова, И. Снегирева, И. Буренина за открытие островов в Тихом океане. В 1786 г. Екатерины II указывает Коллегии иностранных дел на сохранение права России на земли и острова, открытые русскими мореплавателями в Тихом океане. В том же 1786 году последовал Указ в Адмиралтейств-коллегию «…об отправке эскадры в Тихий океан для охраны Российских владений».

Из вышеописанного видим, какой мощный поток устремлений Российской империи

прошел через узкое горлышко – устье реки Камчатки со значимым в этом месте Нижнекамчатским острогом – поистине ставшим Восточными вратами Российского государства, через которые возвеличилась Россия на международной арене.

И как жаль, что это столь значимое в истории страны место ныне находится в глубоком забвении. А ведь Нижнекамчатск – место славы и гордости не только камчатцев, но и всех россиян. Со всей России-матушки отсюда уходили ее сыны в неведомое добывать могущество страны, прославляя ее своими подвигами. Забывать это – значит обрубать свои корни, становиться непрочными, легковесными и беззащитными, как сухой лист перед дуновением ветра.

РЕКА КАМЧАТКА: ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО

И. В. Витер

Продвижение русских отрядов «встречь солнцу» было стремительным и объяснялось, прежде всего, поиском «новых землиц» для соболиного промысла. По мере продвижения на восток возникали русские поселения – остроги, зимовья, города, как опорные пункты, которые являлись военно-административными центрами и торгово-промысловыми факториями. Населенные пункты возводились на высоких обрывистых берегах, на излучинах рек. Как писал историк Сибири П. Словцов: «Сибирь селилась и заселялась по рекам» (20, с. 135). Уже в начале XVII в. Восточная Сибирь была пройдена с запада на восток, в основном по рекам. Во второй половине XVII в. были предприняты первые попытки создать общее географическое описание Сибири. В 1701 г. Семеном Ремезовым была закончена «Чертежная книга Сибири» с планами всех сибирских городов, а чуть позже вышла «Служебная чертежная книга», где содержались ранние чертежи Камчатки и большинства сибирских рек.

В 1695 г. Владимир Атласов во главе с 13 служилыми людьми был послан «в Анадырское зимовье для государева ясачного сбора». Отряд шел по рекам Лене, Алдану, Яне, Колыме, «А от Колымского зимовья пошли вверх по Анюю реке и через хребет до Яблонной реки, а от Яблонной вниз до Анадыря реки, а по Анадырю вниз до Анадырского острогу недели с 4. <…>» (17, с. 107).

Весной 1697 г. В. Атласов во главе крупного отряда отправился из Анадырского острога на Камчатку. В результате этого похода появились его «Скаски» – первые письменные источники о Камчатском полуострове. В них сообщались ценнейшие сведения о далекой земле, о лесах, горах, реках. Атласов наблюдал густую заселенность долины реки Камчатки.

«И он де, Володимер, с служилыми людьми и с ясачными юкагири и с камчадальскими людьми сели в струги и поплыли по Камчатке реке на низ. И плыли три дня, и на которые они остроги звали, доплыли и их де камчадалов в том месте наехали юрт ста с четыре и боле <…> А как плыли по Камчатке – по обе стороны реки иноземцев гораздо много – посады великие, юрт ста по 3 и по 4 и 5 сот и больше есть…» (11, с. 27).

Путь казаков, сборщиков ясака, почтовые тракты, пути сообщения лежали с западного побережье на восточное побережье полуострова по рекам Тигиль, «Из Анадырска, к восточному берегу залива Пенжинскаго, на Таловку, Тигиль, оттуда чрез хребет в Нижнекамчатск, и далее до Болшерецка, из котораго обратно на кр. Тигильскую» (21. с. 78) или по реке Большой до верховья, а затем от верховья реки Камчатки вниз по течению до ее устья.

Во время Первой Камчатской экспедиции (1725–1730) В. Беринг в письме М. Шпанбергу давал указание «чрез волок от Быстрой и до Камчатки реки, и тут выгрузи из батов вещи и сколько возможно, чтоб перенесть на реку Камчатку <…> и плыть вам в Нижней Камчадальской астрог» (19, с. 64).

Река Камчатка привлекала местное население издавна. Здесь, на берегу Ушковского озера в 60-е гг. 20 столетия экспедицией СВКНИИ ДВО РАН под руководством Н. Н. Дикова было обнаружено место обитания древнего человека. Датировались находки двух больших становищ временем 13–14 тысяч лет. Это была, ставшая позже очень известной, Ушковская верхнепалеолитическая стоянка. Характер находок позволил ученым сделать вывод, что древние жители, возводя свои жилища на берегу нерестовой реки, озера, вели комплексное хозяйство, что включало как рыболовство, так и охоту, и собирательство. Стоянка уникальна тем, что по исследованию культурных слоев можно проследить историю древних жителей Камчатского полуострова, селившихся по берегам крупнейшей реки, вплоть до XVIII в., до момента прибытия первых отрядов казаков. Именно вдоль берегов заселенной коренными жителями реки появляются и первые русские острожки – Верхнекамчатский: «завели Верхнекамчатское ясачное зимовье, в котором и оставлен Серюков с 16 козаками, для сбора ясаку» (21, с. 136), Нижнекамчатский, т.е. места пребывания отрядов казаков, сборщиков ясака. Обозначены эти остроги уже на «Чертеже вновь камчадальские земли» С.У. Ремезова (после 1706 г.), «Чертеже похода И. Козыревского» (1713 г.).

Здесь же, в долине реки, была построена и первая церковь во имя Николая Чудотворца.

Река Камчатка, являясь крупнейшей рекой Камчатского полуострова, привлекала внимание первопроходцев, и в дальнейшем селившихся здесь крестьян и служилых людей, по нескольким причинам.

Русские остроги возникали на этой реке по причине густого заселения реки плательщиками ясака, и потому, что по берегам рос строевой лес, пригодный для строительства острогов и, прежде всего, судов.

В рапорте от 11 мая 1728 г. В. Беринг писал: «10 дня (марта. – Авт.) прибыл в урочище Ушки, не доезжая Нижнего острога верст за 60, где команды моей мастеровые люди готовят лес к строению» (19, с. 66). Из доношения Беринга: «По прибытии моем в Нижней Камчадальский острог леса к строению бота большая часть изготовлена, и апреля 4 дня 1728 году заложили бот («Св. Гавриил». – Авт.), которой с божией помощью построили июля к 10 числу, а лес к строению бота возили на собаках <…>» (17, с. 145).

В доношении в Адмиралтейств-коллегию с предложениями об организации Второй Камчатской экспедиции А. И. Чириков обращает внимание на то, что: «Лес лиственишной, годной к строению морских судов, при Верхнем Камчацком остроге и выше Нижняго по некоторым впадающим в Камчатку речкам находитца. Также есть и ельник, а в протчих местах, где бы был такой лес, по настоящее время известия нет» (18, с. 136).

Позже, 4 декабря 1730 г., отправляя Предложения в Сенат о мерах по устройству жизни и быта Сибири и Камчатки, В. Беринг отмечает, «что лучшего места к строению судов, кроме как на Камчатке реке», нет и что на реке лиственничного леса «для строения судов довольно» (17, с. 96).

Головнин В. М., будучи в начале XIX в. в долине реки Камчатки, заметил: «Что принадлежит до строевого и дровяного леса, то, может быть, нет места на всем полуострове, где бы оного было такое изобилие и такая удобность в доставке, как здесь. Прекрасный лиственичный и еловый лес растет по самым берегам реки Камчатки, по которой удобно его доставлять в Нижнекамчатск, а дрова доставят во всяком количестве окружные леса» (6, с.).

От первого, построенного в долине р. Камчатки, в Ушковском урочище в 1728 г. морского судна, бота «Святой Гавриил», на котором В. Беринг отправился в морское плавание для поиска пролива между Азией и Америкой, начинается строительство ботов и шитиков, предназначенных для промышленников, отправляющихся на Алеутские острова, продолжавшееся практически весь XVIII в.

Северо-восточная географическая и астрономическая экспедиция (под командованием И. Биллингса) в конце XVIII в. также отмечала наличие леса в долине р. Камчатки для строительства судов. Капитан Галл пишет: «И как на одной только реке Камчатке находится лиственичный лес, удобный к судовому строению, то в 1789 г. по прибытию на зимовку в Петропавловскую гавань отправил он тиммермана Ускова берегом в Нижне-Камчатск с предписанием заготовлять на сей реке леса и, выбрав способное место, заложить катер по данному ему чертежу. Большое затруднение настояло в приготовлении уголья для кузнечной работы, которые прежде сего жгли из березового леса в ямах по берегам реки Радуги, в 7 верстах от города. Но как годный для сего лес по времени истребили, то нашли другое удобное место вверх по Камчатке реке, в 2 верстах, изобильное не токмо сухим лиственичным лесом, годным к жжению уголья, но и находился тут сарай, из коего сделали кузницу для ковки якорей» (20, с. 270).

Не только наличие леса, пригодного к судостроению, вызывало интерес первых прибывших русских. Уже участники Первой экспедиции обратили внимание на климат долины р. Камчатки, вполне приемлемый для выращивания сельскохозяйственных культур. После Первой Камчатской экспедиции, когда стала ясной необходимость обеспечивать служилых и казаков местным продовольствием, рассматривалась возможность заселения Камчатского полуострова служилыми и крестьянами для постоянного проживания. Сложность доставки продовольствия для экспедиций требовала поисков путей решения вопроса снабжения

В. Беринг в своем Доношении о результатах Первой экспедиции отмечал как климатические особенности полуострова – ранние морозы, особенности почвы – «земля безнавозная», так и отсутствие скота – «пашут людьми», но в то же время в «пустыне Якуцкого монастыря, которая в версту от церкви Камчатской, родился ячмень, конопли, редька, а репа и у многих служилых во всех трех острогах родится, такая великая годом живет, какой и в России мало находится, а именно по 4 репы в пуд. А я привез в пустыню ржи и овса, которая посеена при нас» (17, с. 144).

Позже Беринг опять возвращается к вопросу о возможности возделывать земли на Камчатке: «но и здешняя земля, которая, якоже и воздух, к пашне весьма способны <…>. Тако ж здешних казаков к содержанию огородов принудить надлежит, ибо земли у них довольно, и в тех огородах как огородные семена, так пеньку и лен сеять можно <...> (23, с. 331–332).

В доношениях, рапортах отмечались трудности снабжения правительственной экспеди-

ции продовольствием. И как первая реакция на записку Беринга, последовали инструкции по необходимости переселения на Камчатку в камчадальские остроги «переведенцев и служилых людей», по снабжению их скотом и семенным материалом. Из инструкции Сената и Сибирского приказа главному командиру Охотского правления Г. Г. Скорнякову-Писареву: «На житье велено перевесть охотников крестьян из илимского уезду или из других мест семей до пятидесяти, послать лошадей, кобыл и жеребцов, также рогатого и мелкого скота» (17, с. 160–161).

Определение 1731 г. предполагало пребывание в Охотске и камчатских острогах «служилых людей по 300. Да привесть крестьян к пашне, а тунгусов к содержанию скота <…> 2. На житье велено перевесть охотников крестьян из илимского уезду или из других мест семей до пятидесяти <…> и в камчадальских острогах сколько где по рассмотрению нужнее, снабдя их на подъем и на первый случай рублев по десяти на семью да хлеба года на два<…> 9. Для заводу с переведенцами и с служилыми людьми велено послать лошадей, кобыл и жеребцов, также рогатого и мелкого скота, потому что там того нет» (17, с. 160–161).

С этого времени долина р. Камчатки рассматривается как территория, пригодная для освоения и в дальнейшем для развития сельского хозяйств.

В конце XVIII в. Г. Сарычев отмечал: «Климат здесь умеренный, плодородна и с избытком произрощает все нужное для жизни. Хлебопашество уже несколько лет производится с успехом по реке Камчатке, в Верхнем остроге и в населенной русскими мужиками Ключевской деревне, которые живут счастливо» (20, с. 130).

Путешествуя по р. Камчатке в начале XIX в., В. М. Головнин обращает внимание на возможность содержания скота. «Лугов для сенных покосов и для паствы скота чрезвычайно много и нет в них ядовитых трав <…> Земля во многих местах Камчатки, в том числе и здесь, очень удобна для огородной зелени <…>» (6, с. 295).

Правительство было озабочено снабжением продовольствием казаков, служилых, участников экспедиций, и предпринимались неоднократные попытки решить эту проблему, т. к. еще Беринг отмечал вынужденную замену привычных для экспедиции продуктов теми, которые можно получить на Камчатке: «А в морской провиант можно покупать мясо оленье у коряцкого народа, а вместо масла коровья иметь без нужды рыбий жир, а вино можно сидеть из тамошней сладкой травы, сколько надобно» (19, с. 145, 96)

Понимая объективную необходимость снабжения Камчатки собственными продуктами питания, постоянно высказывались мысли о возможности развития сельского хозяйства. П. Словцов писал: «Плодородность восточнаго края доказывается: а) древними пахатными заимками Якутскаго монастыря, находившимися ниже Еловки, падающей в р. Камчатку, также между оз. Нерпичьяго и той же Камчатки; б) пахатными деревнями, Мильковою и Ключевского. Берег покрыт по горам и равнинам, вниз по р. Камчатке, до самаго моря, ольховником, березником, лиственичником, ельником. Недалеко от Машуры виден и сосняк. Травы так тучны и рослы, что можно бы косить их трижды» (21, с. 205) .

Но возможность посева трав, разведение овощей, привычных для выходцев из европейской России, воспринимались неоднозначно: «Что же до сеетвы хлеба на Камчатке и до огородных вещей касается, что я присмотреть мог, также и о жителей здешних осведомился, о том Государственной адмиралтейской коллегии следующее доношу: ржи, пшеницы, гороху, гречихи и протчему, кроме ячменю, да разве ярицы, родится здесь весьма нечаятельно» (19, с. 253).

Капитан Алексей Чириков в Адмиралтейств-коллегию писал: «Понеже здесь и ниския места совершенно до июня первых чисел от снегу не очищаются, а с высоких гор и никогда не сходит, и время летнее живет здесь в туманах и в частых дожжах, а в сентябре опять настает стужа и снег иногда выпадает. И за таким коротким летнем времянем хлеб поспевать не может, что отчасти опробовано в бытность нашу в первой здешней экспедиции и ныне, понеже тогда в Нижнем Камчацком остроге у г-на капитана-командора Беринга садили горох, а прошлого лета здесь оставшия команды нашей служители садили горох же, бобы и посеено было немного пшешцы, и как в прежней экспедиции, так и ныне горох только отцвел, то ево морозом и побило, также бобы и пшеницу, а сажено и сеяно июня около 10-го числа <…> А в Нижнем и в Верхнем Камчацких острогах, как известно, родится свекла и морковь мелкая, да и нынешняго лета гороху, бобу и пшенице, будут ли родится здесь, еще учинить пробу можно <…>» (19, с. 252–253).

Головнин считал, что сама природа этого отдаленного края «полагает непреодолимые препоны обрабатыванию земли» (6, с. 359). Но опыты «хлебопашества» продолжались вплоть до XX в., иногда даже успешно.

Река являлась богатейшим нерестилищем рыбы лососевых пород, а учитывая то, что основное занятие автохтонного населения полуострова бы-

ло рыболовство, вновь появившееся население перенимало у местных жителей как способы ведения нового для них занятия – рыболовства, так и новые продукты питания. «Что крестьяне, поселенные в Камчатке, подобно камчадалам, главное свое пропитание находят в рыбной ловле, а на земледелие мало надеются. Они даже много заимствовали и камчатских нравов. <…> Чрезвычайное изобилие рыбы в реке Камчатке было единственною причиною, для чего переведено областное правление из Большерецка в Нижнекамчатск. Чтобы иметь понятие о количестве рыбы, заходящей в сию реку, надобно только себе представить, что в 1810 году в исходе июня нижнекамчатский протопоп одним своим неводом, длиною от 25 до 30 сажен, поймал в продолжение недели красной рыбы 27 тысяч штук. <…> Но приволье Нижнекамчатска не в одних рыбных ловлях заключается; большое число пространных озер, к северу от него лежащих, и леса его окружающие изобилуют множеством разного рода дичины <…>» (6, с. 295).

Наряду со всеми преимуществами расселения и освоения р. Камчатки, отмечались и особенности и недостатки реки.

В мае 1726 г. нижнекамчатскими служилыми было направлено прошение, в котором говорилось: «В прежних годах от Нижнекамчатского острога вниз по р. Камчатке версты с 4 построена в урочище Ключах вновь церковь Николая Чудотворца». И далее: «А где ныне острог, ясачное зимовье и наши дворы место низкое, вешнею водою топит и в воде жилье стоит недель по шести; а на ключах Никольской церкви место высокое и по сему повелено б острог, ясачную избу и наши домы туда переплавить» (8, с. 287).

«<…> течение река Радуга имеет многими изгибами из ближних гор, весьма камениста и мелководна; впадает в реку Камчатку с левой стороны и своим течением пересекает ее несколько вверх, так что обе сии реки при своем соединении составляют по левую сторону острый мыс, на коем расположен город Нижне-Камчатск. Ширина Радуги при ее устьи до 50 сажен. Она за тридцать лет пред сим впадала в Камчатку на версту выше сего места, но время от времени, подмывая левый берег и засыпая правый, подавалась к городу и, наконец, снесла многие городские строения <…> (18, с. 271).

Особенности реки диктовали неоднократное перенесение острожков и зимовий на более удобные места. Из рапорта В. Беринга от 10 июля 1728 г.: «А для оставших от нас вещей построили мы анбар при ключах, где церковь, растоянием от Нижнего Камчадальского острогу верст с 6 <…> а при астроге построить не смел, для того что по вся годы топит водою и стоит воды июня с первых чисел и до половины июля месяца» (18, с. 68).

И уже в период работы Второй Камчатской экспедиции отмечалось неудобство устья р. Камчатки: «А отправленной де от него, Елагина, штюрман Василей Хметевской устье реки Камчатки вымеривал, которое де явилось по ево мере глубиною сем с половиною фута, точию за таким маловодствием построющимися для нашего вояжю пакет-ботами во оное устье войтить не можно, ибо оныя пакет-боты, когда бывают в полном грузу, тогда свободной имеют ход на девять и на десять с половиною футов» (23, с. 255).

А это слова из рапорта П. Креницина в Адмиралтейств-коллегию от 27 июня 1768 года: «<…> я со своей командой зимовал в Нижне-Камчатском остроге, отколе выехал и нахожусь на устье реки Камчатки и в вояж еще не выступал по случаю тому, что суда состоят в грузу по восьми с половиной фут, а прежнее устье, в которое в 767 г. судами вошли, нынешнею весною заметало с моря, и сделался сухой берег, а прошла река в другом месте весьма мелководна, так что до половины сего июня состояла в полную воду в четыре фута, а ныне оное устье от быстроты воды стало в глубину прибавляться и состоит ныне в полную воду шесть фут. И хотя суда с неполным грузом выводить бы и следовало, но только рейд ото всех восточных ветров весьма открыт да к тому и грунт мелкий с ракушкой, а местами хотя есть и ил, но оный наносной, и потому долгое время на рейде судами стоять и догружать их опасно и им защиты никакой нет, да и мелкими судами, то есть здешнего манира байдарами и батами, груз с берега и суда в погоду перевозить крайне невозможно, ибо на банке бурун ходит чрезвычайный и мелкие суда заливает. <…>» (19, с. 120–121).

Одно из произошедших на р. Камчатке наводнений описывает В. М. Головнин: «Нижнекамчатск стоит на левом берегу реки Камчатки, в расстоянии от устья ее с лишком на 45 верст; с другой стороны местечко сие обтекает дугою проток сей реки, по фигуре своей названной Радугою. Река против города имеет ширины 300 сажен, но весною разливается она на весьма большое расстояние» (6, с. 294). И далее замечает: «И главнейшая невыгода (Нижнекамчатска. – Авт.) заключается в самой реке, потому что она в устье совсем мелководна и имеет бар, опасный даже и для мелких судов, а большие и совсем входить в нее не могут» (6, с. 296).

С. П. Крашенинников в середине XVIII в. отмечает в устье р. Камчатки маяк, который был

построен Первой Камчатской экспедицией, в трех верстах от которого сохранились казармы, несколько изб и балаганов (12, с. 102).

«Камчатка, главная на полуострове река и на 290 верст к верху способная для водоходства плоских судов, выходит изъ болотнаго места <…> Все течение реки от вершины, по счету Крашенинникова, 525, а по счету пятисотных верст 735. Глубина Камчатки 8–15 ф., ширина 40–200 саж. Въ нее падает с обеих сторон, не считая малых, 23 речки. <…> Между города и устья Камчатки есть три залива, длиною отъ 3 до 6 и 15 верст» (21, с. 154).

В документах XVIII в. чаще всего упоминаются Нижний и Верхний камчадальские остроги, с. Мильково, Ключи. Нижний острог – как судостроительная база, как центр православной миссии, в третьей четверти – первый город на полуострове; Верхний острог – как промежуточный пункт на пути к устью р. Камчатки; Мильково и Ключи – как места проживания пришлого населения, как центры развития сельского хозяйства.

С 1737 по 1740 гг. в Нижнекамчатском остроге периодически бывал С. Крашенинников, именно ему принадлежит первое описание острога на р. Радуге: «Нижней Камчатский или Нижнешантальский острог от Верхнего Камчатского острога в 397 верстах (423,5 км), стоит на том же берегу реки Камчатки, не доезжая за 30 верст (32 км) до ее устья. Крепость в нем четвероугольная, огорожена палисадником длиною 42, а шириною 40 сажен с проезжею рубленой башней, которая сделана посреди стены западной. Внутрь крепости строения церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы с приделом Николая Чудотворца, ясашная изба с сеньми и амункою, дом государев, в котором живут приказчики, два анбара кладовые, в которых содержится ясашная казна и военные припасы. Все строения в рассуждении других острогов изрядное и прочное, для того, что все из листенишного дерева. За крепостью строения обывательских домов 39, да кабак с винокурнею. Жителей всякого чина 92 человека» (12, с. 502–504).

Вновь отстроенный Нижнекамчатский острог на р. Радуге становится местом постоянного пребывания и духовной миссии, так как было отмечено: «Изобилие в строевом лесе, в рыбе и в других статьях продовольствия… довольно значительное народонаселение здесь» (8, с. 39).

Синод рассмотрел положение о предполагаемой духовной миссии в Камчатку и 1 февраля 1742 г. определил: иеромонаха Иосафа Хотунцевского возвести в сан архимандрита, дать сверх одежды крест и приведя к присяге, велеть ему именоваться и писаться архимандритом Камчатским. Штат миссии, включая архимандрита, состоял из 11 человек. Миссия высадилась на Камчатский полуостров 9 августа 1745 г. Просветительская деятельность миссии началась с определения мест для открытия первых трех школ: «...велено нам здешних малолетних отроков обучать алфавиту и слогов, часослову, псалтыри, букварю с божественным истолкованием и катехизису» и что «с этой целью определены по острогам студенты, а именно: в Большерецком – Дмитрий Камшигин, в Верхнем – Петр Грязной, в Нижне-Камчатском – Федор Серебряков».

В Большерецком, Верхнекамчатском, Нижнекамчатском острогах школы начали функционировать осенью 1745 г. Из донесения миссии Святейшему синоду от 16 мая 1745 г. следует, что «в открытии трех школ в первом учебном году не меньше ста человек отроков обучаются», в том числе «иноземческих детей более тридцати человек…» (26, с. 46).

В мае 1750 г. архимандрит Иоасаф Хотунцевский покидает Камчатку, передав начальство над миссией иеромонаху Пахомию. В марте 1751 г. Хотунцевский подает следующий отчет в Святейший синод: «Все камчадалы, кроме самых изменников коряк, в дальности от Камчатки с места на место переезжающих, благодатию Божиею святым крещением просвещены. Окрещенных на Камчатке всех… прежде и вновь окрещенных ясашных и неясашных обоего пола иноземцев 7776 человек» (25, с. 45–46; РГИА ДВ. Ф. 1011. Оп. 1. Д. 9. Л. 24).

Начиная с 1740-х гг. и до конца 18 столетия Нижнекамчатский острог на р. Радуге был базой многочисленных экспедиций русских промышленников, открывавших и осваивающих острова в Тихом океане. Суда для этих экспедиций (шитики, гвозденники) до конца 1760-х гг. строились в Нижнекамчатске. Устье р. Камчатки в начальный период было по преимуществу исходным пунктом промысловых предприятий. По отдаленности края, Камчатки и известным затруднениям в сообщении с ним, в промыслах, в торговле и в открытии неизвестных земель в Восточном океане участвовало обыкновенно несколько купцов и других лиц, которые, сложась, заводили товарищества для промыслов.

Из Нижнекамчатска на шитике «Петр» совершил плавание Е. Басов в 1743–1744 гг. на остров Беринга в 1745–1746 гг. – Е. Басов и Е. Санников на о-ва Беринга и Медный; М. Неводчиков и Я. Чупров на шитике «Св. Евдоким» достигли

Ближних островов Алеутской гряды. Неводчиковым составлена первая карта Ближних островов. 1753–1755 гг. – П. Башмаков на судне «Иеремия» обнаружил неизвестные острова, названные Андреяновскими. 1758–1762 – С. Глотов, С. Пономарев, П. Шишкин на судне «Иулиан» совершили плавание на о. Унимак, Шишкиным составлена карта плавания. 1760–1764 гг. – А. Толстых, М. Лазарев на судне «Андреян и Наталья» освоили Андреяновские острова. 1762–1766 гг. С. Глотов открыл о. Кадьяк. В 1768–1770 гг. правительственная экспедиция П. Креницина и Д. Левашова зимовала и в дальнейшем описала Алеутские острова, берега Аляски, тем самым закрепив открытие и освоение этих территорий за Российским государством.

В результате 70 экспедиций, которые были снаряжены за пушниной с 1743 по 1780 г., открыты Ближние Алеутские острова, острова Медный, Кыска, Умнак, Уналашка, Унимак, Кадьяк, Андреяновские острова, полуостров Аляска. В своих донесениях и рапортах мореходы составили интересные и ценные в научном отношении описания открытых островов и их обитателей. Был накоплен большой опыт в мореплавании. Жители открытых земель были приведены в русское подданство. К началу 80-х гг. XVIII в. завершается не только открытие всех островов Алеутской гряды, но и их полное промысловое освоение.

И к этому великому движению на восток причастны представители разных уголков России, что видно из документов. Рапорты о плаваниях сообщают, что суда снаряжали: московские купцы Иван Никифоров, Иван Рыбинский, иркутские купцы Никифор Трапезников, Иван Бечевин, якутский купец Семен Новиков, купцы из Великого Устюга Иван Бахов, Никита Шалауров, камчатские купцы Серебреников, Иван Красильников, сольвычегодские – Иван Жилкин, лальский купец – Афанасий Чебаевский, тотемский – Петр Шишкин, селенгинский – Андреян Толстых.

Купцы, передовщики, посадские, казаки, плотники, крестьяне из Тобольска, Вологды, Тулы, Тотьмы, Шуи, Кяхты, Архангельска, Якутска, Суздаля, Иркутска, Курска, Яренска, камчадалы из камчатских острожков – вся Россия принимала участие в продвижении государства на восток.

Деятельность русских купцов и мореходов способствовала развитию хлебопашества и ремесел на Алеутских и Курильских островах, на побережье Северной Америки, основанию поселений и строительству кораблей, созданию школ для коренного населения. Во второй половине XVIII в. было организовано более 100 частных промысловых и 5 правительственных экспедиций, благодаря которым получен немалый доход государством, подтверждена принадлежность вновь открытых и вовлеченных в хозяйственное освоение земель России.

И, несмотря на недостатки р. Камчатки – частые наводнения, неудобное и изменчивое русло, население продолжало осваивать долину главной реки полуострова. Богатство долины зверем и рыбой обеспечивало существование как местного коренного населения, так и переселенцев.

Следующие факторы, которые были решающими при начальном освоении р. Камчатки: судоходная, позволяющая выход в Тихий океан; наличие строевого леса, позволяющее строительство первых судов, а в дальнейшем и жилья; преимущества климатических условий перед другими районами (в частности перед р. Большой), что позволило в долине реки начать развивать сельское хозяйство; это, в свою очередь, обусловило переселение первых крестьян именно в эти места – оставались ведущими при развитии этого района в XIX–XX вв.

Местное население проживало на берегу р. Камчатки издавна, знало богатство ее, в полной мере пользовалось предоставляемыми рекой и ее окрестностями природными ресурсами, ведя присваивающее хозяйство. Река их кормила, давала лес для строительства домов, средств передвижения, для отопления жилищ.

Карл фон Дитмар, путешествуя по Камчатке в середине XIX в., отмечает: «Животная жизнь на водах устья Камчатки чрезвычайно богата. Главным условием, благоприятствующим этой разнообразной жизни, является невероятное количество лососей, ежегодно входящих из моря в реку и далее – в самые крайние, часто находящиеся высоко в горах ручьи, где эти рыбы даже массами покрывают берега. С входом рыб в реки жизнь в стране обновляется. За рыбами из моря в реку Камчатку и в Нерпичье озеро входят большие стаи тюленей, а в последнее еще и сивучи. Как люди, так и разные звери – медведи, волки, ездовые собаки, лисицы – неотлучно держатся у реки. Множество гусей, уток, гагар, лебедей наполняют воздух и поверхность воды. <…> » (10, с. 242).

Сельское хозяйство, несмотря на все усилия администрации, развивалось очень медленно и не имело большого значения в жизни коренного населения. Как для камчадалов, так и для русских, основным оставалось рыболовство. И этим основным промыслом они и занимались вплоть до 30-х гг. XX в.

Новые виды хозяйствования, элементы освоения территории появляются только с приходом на полуостров казаков, служилых людей, крестьян, переселенных в долину реки. Как изучение, так и освоение этой реки совершенно не занимало коренных жителей.

В 1909 г. состоялась экспедиция, снаряженная по распоряжению министра путей сообщения. В задачи экспедиции входила рекогносцировка рек Камчатки, Большой и Авачи. Начальник экспедиции Петр Крынин отмечает, что при обследовании реки не приходилось опираться на знания местных жителей, т. к. местные жители реку совсем не знали, им не известны глубины, характер течений и т. д. «Местное население – камчадалы, несмотря на то, что их жизнь неразрывно связана с рекой и все селения ютятся по ее берегам и по притокам, не являются в ней хозяевами и обладают наивным представлением как о плавании по реке, так и о ее свойствах. Не умея плавать и не обладая достаточно безопасными судами, они склонны преувеличивать ее опасности…» (14, с. 59).

«Как на пример пассивного отношения к окружающей природе, можно указать на то, что жители вовсе незнакомы с характером реки и ее притоков и различными фазами ее жизни, как то: временем ледохода и ледостава, их продолжительностью и характерными изменениями горизонта воды и т. д., а также с господствующими ветрами, туманами и пр., что свидетельствует о полном отсутствии наблюдательности» (14, с. 172). Такая характеристика населения р. Камчатки относится к началу XX в.

Населенные пункты по р. Камчатке возникали по берегам реки, но в отдалении от устья. В самом устье стоял маяк, отмеченный еще С. П. Крашенинниковым. И летом 1852 г. К. Дитмар описывает селение, увиденное им в устье р. Камчатки: «Поселение (Усть-Приморское), в котором мы находились, состоит исключительно из небольших бревенчатых построек, беспорядочно разбросанных по берегу р. Камчатки. Посреди частных домов, числом около пятнадцать, поднимается небольшая, очень простая часовня, <…> Постоянное население при нашем посещении состояло из 37 душ мужского и 44 женского пола первоначально русского происхождения; сверх того при постройке судов здесь бывает еще некоторое число матросов» (10, с. 238).

На начало XX в. отмечалось, что: «наиболее населенной частью полуострова является, безусловно, долина р. Камчатки, где 16 селений на протяжении 77/2 версты насчитывают в общем 1 782 человека жителей, включая в это число женщин и детей. Означенные 16 селений, из которых один (Усть-Камчатский) казачий пост, расположены в среднем протяжении 42,34 версты» (14, с. 219).

Поселение возникло довольно поздно из-за особенностей устья р. Камчатки. Маяк был выстроен только по необходимости, т. к. в XVIII в. в долине, используя произрастающую по реке лиственницу и ель, строили суда для промышленных экспедиций, в XIX веке древесину вывозили для строительства зданий в административном центре Камчатской области – Петропавловском порту. Начало этого приустьевого поселения связано с Первой Камчатской экспедицией. Первые признаки поселения в устье р. Камчатки относятся к 1728 г., к периоду пребывания на реке Первой Камчатской экспедиции: «Мая 21 дня 1728 года. В 6-м часу пополудни приплыли к морю, а самое устье реки Камчатки от жилья казачьего, которое по мысу на румб ZW1/2W расстоянием 4 версты… Июля 14 дня 1728 года. Балаганы среди кошки, или косы, от нас: на румб NNOtN1/2O, на устье реки Камчатки балаганы… Сентября 3 дня 1728 г. в 7,5 часа увидели жилье, построенное при устье реки Камчатки на NtW3/4W в 8 минутах… В 3 пополудни пришло по реке к летовьям служилых людей Камчатского острога, при которых перед походом на море стояли, и легли на якорь» (27, с. 86, 92, 135).

Карл фон Дитмар так характеризует устье р. Камчатки: «Вся эта область устья представляет низменную, песчаную, большей частью мокрою и лишенную древесной растительности местность, на которой произрастают только ивняк и громадные хвощи. <…> широкая река Камчатка доходит до моря через настоящий лабиринт крупных и мелких озер, старых, занесенных песком и еще открытых рукавов, луж и болот. Многочисленные удлиненные речные острова, особенно характерные для нижнего течения реки, также составляют депо для наносного материала; они непрерывно разрушаются со стороны, обращенной к устью, и столь же непрерывно нарастают с противоположной стороны. Общее устье всех этих водных масс, во всяком случае, представляет очень мало стойкости и, нужно думать, перемещалось с течением времени по всей громадной длине дюнного вала <…>» (10, с. 240).

В конце XIX – начале XX в. уже именуемое Усть-Камчатское селение также постоянно подвергается влиянию изменчивой реки и ее русла. И несмотря на его удачное положение, «устье артерии всего полуострова» (16, с. 186), Усть-Камчатск из-за плохой стоянки и такой же вы-

грузки так и не стал значащей базой для прибытия грузов для всего населения, живущего по реке и ее многочисленным притокам, количество привозимого в Усть-Камчатск груза было не особенно велико.

«На восточном берегу полуострова морские суда посещают два пункта: Петропавловский порт и устье р. Камчатки. <…>; при впадении в море, от встречи течения реки с морским прибоем, образуются довольно значительные волны, перекатывающиеся через бар из наносного песка. Помимо этого, вход в реку крайне затруднителен еще из-за крайне быстрого течения, против которого даже паровой катер едва поднимается. <…> Быстрым течением своим река постоянно размывает берег и заставляет переносить строения постепенно все дальше и дальше от воды; потому селение, несмотря на сравнительно небольшое количество жилых домов (17–20), разбросано по огромной площади… Приходящие с моря суда бросают якорь против маячной башни в 3–4 милях от берега. Выгрузка в Усть-Камчатске сопряжена с большими трудностями. <…> Из всех пунктов, посещаемых в Камчатке судами, рейд Усть-Камчатский считается самым опасным и дурным <…>. Прежде устье реки было в другом месте, ближе к селению. Вследствие сильного течения реки вода промывает себе иногда новый выход в море, а песок замывает старое русло. Устье реки Камчатки менялось уже несколько раз» (16, с. 185–186).

Как следствие политики России по освоению ДВ-окраин, были предприняты несколько экспедиций по изучению Северо-Востока, и в частности Камчатского полуострова. Можно назвать экспедицию ИРГО, снаряженную на средства Ф. П. Рябушинского (1908–1910), которая состояла из 7 отрядов, изучавших различные аспекты географии Камчатки. Рассматривалась возможность начала переселения на российскую окраину. Лебедев, занимаясь лимнологическим изучением Камчатки, дает подробную характеристику озер устья р. Камчатки.

На протяжении всего периода освоения Камчатского полуострова наиболее привлекательными районами оставались р. Камчатка и с XIX в. район Петропавловского порта. То, что привлекало к реке в XVIII в.: рыба, лес, климатические условия, пригодные для посадки сельскохозяйственных культур, – оставались ведущими и в XX в. «Лучшим районом, как в смысле климатических условий, так равно и естественных богатств, является, без сомнения, район Петропавловска (Авачинская бухта) и долина р. Камчатки» (14, с. 250).

Высказывались довольно оптимистические предположения по поводу колонизации края, хотя на начало XX в. переселение на Камчатку было минимальным: «Богатство всех жизненных продуктов, почти без труда предоставляемых ему природой, в связи с общей площадью полуострова, дают право рассчитывать на возможную колонизацию края, хотя добровольные переселенцы в Камчатку являются доныне как исключение» (14, с. 250). Колонизационная политика по отношению к Камчатскому полуострову в начале XX в. не оправдала себя, число переселенцев было крайне мало.

Крынин делает следующие выводы: «7. Камчатка представляет громадный запас всех жизненных продуктов и районы площадей, способные прокормить и дать места жительства (весьма желательным в крае) – переселенцам. 8. Камчатка представляет рыбные и лесные богатства для возможно широкой эксплоатации их с промышленной целью. 9. Камчатка нуждается во всестороннем исследовании с целью разработки ее естественных богатств» (14, с. 252).

На Всесоюзной конференции 1923 г. по изучению производительных сил, проходившей в Москве, были сделаны некоторые выводы по развитию Дальнего Востока. Было отмечено, что расширение колонизации необходимо ввиду громадных природных богатств края, но при этом необходимо учитывать хозяйственный признак при переселении, провести ряд подготовительных мероприятий в области путей сообщения, создать возможность побочных заработков для переселенцев. Слабый учет хозяйственного признака привел «к замене на месте, часто вынужденной, привычного вида хозяйства другим; 2. Хищническим использованием богатств края» (5, с. 56–57).

По переписи 1926–1927 гг., по долине р. Камчатки, Усть-Камчатский район отмечено 25 селений с количеством жителей 1 525 человек, 771 хозяйство (12, с. 56).

В 1928 г. Правлением АКО было постановлено организовать особую экспедицию для исследования лесов полуострова Камчатка с целью выяснения возможности их промышленной эксплуатации. Были привлечены профессор Государственного Дальневосточного университета В. Ф. Овсянников и доцент В. П. Бажанов. В задачи входило выяснение влияния рубки и сплава леса по р. Камчатке и ее притокам на водный режим реки и на рыбное хозяйство; определение наиболее выгодного местонахождения лесопильного завода; выяснение уровня рек, быстроту течения, глубины и т. д.; возможное выяснение

и нанесение на карту нерестилищ; выяснение возможности использования одного из ближайших к устью реки притоков для постройки гидроэлектростанции (3, л. 1–2).

3 июля экспедиция высадилась на берег у рыбоконсервного завода № 1: «Бухты здесь нет и намека. Совершенно открытый пологий берег, на который и совершается выгрузка пассажиров и багажа. <…> заход парохода в устье р. Камчатки невозможен, т. к. само устье мелководно и, кроме того, здесь имеют место так называемые «бары», так же представляющие большую опасность для выгрузки и погрузки. <…> Избежать зла, по-видимому, возможно будет только созданием дорогостоящих искусственных сооружений, проведением через косу канала в Нерпичье озеро возможно, по нашему мнению, создать весьма благоприятную обстановку порта. Но это сооружение имеет значение строительства республиканского значения и миллионного масштаба (3, л. 6).

Селение (Усть-Камчатск) состоит из 129 дворов, и в нем числится 207 мужчин. <…> Жители по преимуществу рыбаки. Постройки маленькие, жалкого вида, возле них никаких угодий (селение расположено на равнине тундрово-болотного типа и совершенно открыто для ветра. <…> В задачу нашу входило – организация здесь метеорологической станции и водомерного пункта. <…> В окрестностях Усть-Камчатска река очень широка. По низким, болотисто-тундрового типа берегам редкая кустарниковая растительность. Почти вплоть до самой следующей деревни Николаевки по берегам группами расположены палатки и временные жилища – хижины съехавшихся сюда на рунный промысел рыбаков» (3, л. 7).

Экспедиция делает выводы по влиянию рубки леса по р. Камчатке и ее притокам на водный режим реки – «планомерная и рациональная рубка леса не повлияет существенно на водный режим реки и не вызовет резкого ухудшения ее судоходной и сплавопропускной способности» (3, л. 93 об). Но в 1938 г. в кратком обзоре путины в Усть-Камчатском рыбокомбинате было отмечено, что «ряд нерестилищ в районе с. Ключи и р. Еловки целиком разрушены во время лесоразработок и сплава леса» (4, л. 13).

В 1935 г. Академией наук была организована на Камчатку комплексная научно-исследовательская экспедиция, которая должна была провести всестороннее изучение Камчатки, ее богатств и возможностей для разрешения экономических проблем. «Первая из них – создание на Камчатке своей собственной сельскохозяйственной базы <…>, вторая – изучение лесов Камчатки <…>, третья – вопрос о наличии полезных ископаемых промышленного значения, четвертая – изучение вулканов Камчатки» (2, с. 21–23).

«На берегу реки и вглубь в этом районе (9 верст от Козыревска у Капитанского мыса. – Авт.) – строевой лиственничный лес, составляющий в настоящее время предмет промысла русских рыбопромышленников (гг. Крамаренко, Дембри и Бирич), не говоря об эксплоатации его ниже расположенными селениями для своих нужд в целях строительства» (14, с. 68).

«Перечислив в общих чертах главные занятия жителей, следует остановиться еще на лесном промысле, вызываемом делом постройки жилищ, хозяйственных служб и пр. Из всех пород леса, употребляемых камчадалом для строительных целей, безусловно первое место по своим качествам принадлежит лиственнице, за ней следует тополь и береза, обслуживающая наиболее бедные строевым лесом районы Камчатки. <…> Лишь с минувшего года организована рубка леса с промышленной целью: помимо заготовок для разного рода построек, предполагается экспорт леса в г. Петропавловск, до сего времени пользовавшийся американским или японским; лишь последние сооружения под учреждения Камчатского Губернаторства возводятся в настоящее время из материалов, доставленных из Владивостока. … Имея ввиду площади строевого леса и возрастающую потребность в нем, в связи с развитием русского рыболовного промысла на Камчатке, минуя вопрос о колонизации края, – лесной промысел ожидает большое будущее» (14, с. 217–219).

Создание собственной продовольственной базы рассматривалось как условие для формирования оседлого населения, постоянной рабочей силы. Перспективными районами считались районы центральной части полуострова.

«Проезжая по селениям Камчатки, невольно обращаешь внимание на то, что возле каждого дома камчадала… отведен небольшой участок земли, площадью около десятины, под огороды… Факт существования огородов возле каждого дома достаточно ясно говорит, что таковые являются необходимостью в жизни населения и действительно овощи являются главной пищей камчадала после рыбы» (Крынин, с. 205).

Экспедицией Переселенческого Управления (1907 г.) были устроены опытные поля на Камчатке. Экспедиция отметила, что «климатические условия долины р. Камчатки, в связи с качеством почвы, насколько удалось провести исследования этой последней, таковы, что огородничество отлично может и должно развиваться в крае, что подтверждают опыты начальника уезда г. Бема

в 1770 г. и губернатора Камчатки генерала Завойко в 1845 г. <…> долина р. Камчатки … представляет почву, вполне удовлетворительную для земледелия, а потому является наиболее пригодной для этого последнего, но и здесь, наряду с продолжительным летним периодом времени, вполне достаточным для вегетации хлебных злаков, ранний иней разрушает все надежды земледельца на урожай» (14, с. 209).

В 12 км от Мильково расположена была опытная станция, на которой в 1935 г. впервые вызрела озимая рожь, пшеница, ячмень. Экспедиция АН отметила: «Чтобы сельское хозяйство в долине могло развиваться, нужно во что бы то ни стало построить хотя бы проселочную колесную дорогу на Большерецк и Петропавловск» (24, с. 88).

Изучение лесов Камчатки предполагало составление сводки лесов, изучение методов эксплуатации лесных ресурсов, технологическое изучение древесных пород. Лес необходим был для строительства жилья, заводов, мелких морских судов, для производства тары, необходимой для рыбной промышленности.

Промышленная разработка лесных массивов началась в 30-е гг., строительство Ключевского ДОК началось в 30-х гг. XX в., когда возникла острая необходимость в древесине для строительства, для развивающейся рыбной промышленности. Экспедиция отметила необходимость организации транспорта и сплава древесины, выяснения вопроса вывоза древесины морем из долины р. Камчатки. «Большим препятствием для морского транспорта древесины являются существующие здесь неблагоприятные условия погрузки (или сплотки) ее в устье р. Камчатки. Здесь нет удобной укрытой бухты. Пароходы не могут заходить в реку из-за мелководья («бар») и принуждены грузиться на открытом морском рейде» (1, с. 130).

В 1945 г. было составлено военно-географическое описание полуострова Камчатка (Полуостров Камчатка. Военно-географическое описание. Военное издательство Народного комиссарита обороны. М., 1945). В долине р. Камчатки располагались два района – Усть-Камчатский и Мильковский. Усть-Камчатский район состоял из следующих сельских Советов: Еловский, Камакский, Ключевской, Козыревский, Крестовский, Крутобереговский, Нижнекамчатский, Николаевский, Ушковский, Усть-Камчатский. Мильковский район: Верхнекамчатский, Долиновский, Кирганикский, Мильковский, Пущинский, Среднекамчатский. В Усть-Камчатском районе проживало 17, 5 тыс. человек (в Усть-Камчатске – 1,8 тыс. человек). В Мильковском районе – 3,5 тыс. человек (в Мильково – 1,3 тыс. человек) (15, с. 94–95)

Основой экономики полуострова являлась рыбная промышленность. На р. Камчатке, в ее устье, находился Усть-Камчатский рыбокомбинат, который имел 2 базы, 2 рыбозавода, 2 консервных завода, 1 холодильник и 1 утильзавод. Рыбную промышленность обеспечивали подсобные предприятия, крупнейшими из которых в долине р. Камчатки был Ключевской лесокомбинат в сел. Ключи, состоящий из лесозавода, бондарного цеха и судоверфи. Козыревский леспромхоз заготавливал древесину для Ключевского лесокомбината. Козыревский леспромхоз и Ключевской лесокомбинат обслуживал речной флот, состоящий из 30 катеров, 22 кавасаки, 6 кунгасов, 10 барж (15, с. 100–101).

В долине р.Камчатки в основном были развиты рыбная, лесная промышленности и сельское хозяйство, Мильковский и Усть-Камчатский районы являлись основными сельскохозяйственными районами.

«Усть-Камчатск расположен на правом берегу р. Камчатка на песчаных наносах, окруженных болотом. Р. Камчатка, часто меняя свое русло, нередко подмывает берега у поселка, так что для отдельных домов создается угроза разрушения. Множество проток вдоль морского берега образуют песчаные отмели и гряды, мешающие сухопытным сообщениям между Усть-Камчатском и соседними селениями. Местность севернее и западнее поселка болотистая, покрыта редким ивовым кустарником и болотными травами. Во всем поселке нет ни одного дерева.(15, с. 125).

В статье Ф. В. Дьяконова, написанной по заданию. Института географии АН СССР и дополненной материалами выездной научной сессии 1957 г., которая проходила в Петропавловске-Камчатском, дается характеристика внутренних экономических районов Камчатки, и в частности долины р. Камчатки (7, с. 7–30). «Долина – это, прежде всего, лесной цех Камчатки. Хозяйственный профиль Камчатской долины формируется под влиянием требований рыбной промышленности» (7, с. 23.). Промышленная заготовка леса началась в 1930 г., когда вступил в строй деревообделочный комбинат в п. Ключи. Лесозаготовку в 60-е гг. вели два леспромхоза – Камчатский (п. Атласово) и Козыревский. Большая часть леса идет вниз по реке молевым сплавом, который практикуется длительное время и наносит большой вред рыбному хозяйству.

«Морскими воротами Камчатской долины служит Усть-Камчатск. В Усть-Камчатске раз-

мещаются крупнейшие в области рыбокомбинат, рыболовецкий колхоз. <…> В Усть-Камчатск прибывают различные грузы производственного потребительского назначения для всей Камчатской долины <…> Для населенных пунктов долины грузы доставляются по реке на судах и катерах, поднимающихся в большую воду до с. Мильково. От Усть-Камчатска до п. Козыревск организовано регулярное движение пассажирских катеров. Навигация на реке продолжается с середины мая до конца октября. Ледовые условия в Камчатском заливе допускают морское судоходство в течение всего года.

В работе Усть-Камчатского порта и в размещении поселка имеются серьезные трудности, связанные с особенностью рельефа и гидрологии устья, а также со структурой береговой линии. Берега здесь низменные, преимущественно заболоченные, отделены от моря длинной узкой лагуной и песчаной косой, образованной морским прибоем. Небольшие глубины, отсутствие каких-либо укрытий, постоянный прибой и частые штормы препятствуют устройству порта с морской стороны косы. В устье же реки при прорыве косы образуется бар, на котором глубины не превышают 5 метров. Русло реки в устье крайне неустойчиво. Быстро меняется фарватер, вновь образуются мели и косы, размываются берега. Все это препятствует вхождению в реку сколько-нибудь значительных по тоннажу морских судов. Их погрузка и разгрузка осуществляется на рейде с помощью плашкоута. Береговые грузовые операции производятся с внутренней стороны косы, где устроены небольшие причалы. <…> Отсутствие удобных площадок для складирования леса приводит к неоднократным перевалкам значительной его части из-за обрушивания берега вместе с лежащими на нем штабелями бревен. Имеют место потери древесины. Все вместе взятые причины обуславливают высокую стоимость грузовых работ» (7, с. 25–26).

Научная сессия, принимая во внимание недостаточную изученность природных условий Камчатки, высказала пожелание, чтобы АН СССР организовала Камчатскую комплексную научную экспедицию. И в 1959 г. экспедиция была организована, в нее вошли ведущие специалисты институтов АН СССР, других учреждений страны, а также молодые кадры, из которых многие остались работать на Камчатке, в организованных там стационарных базах экспедиции.

В обзорной статье «Изучение Камчатки», опубликованной в сборнике «Сырьевые ресурсы Камчатской области» характеризуются семь периодов изучения Камчатки и обозначаются направления дальнейшего изучения. В XVIII–XIX вв. шло накопление знаний о Камчатском полуострове (13), богатства Камчатки, и в частности р. Камчатки, использовались без глубокого изучения, освоение реки шло в разрезе присваивающего хозяйства. И только в XX в. началось ее планомерное изучение и на основе полученных результатов – освоение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Биркенгоф А. Л.* В лесах центральной Камчатки // На Камчатке : сб. статей и очерков. – М.-Л. : изд-во Академии наук СССР, 1935. – С. 115–130.
2. *Бронштейн Б. А.* Камчатская комплексная экспедиция. С. 21–23. // На Камчатке.. Сб. статей и очерков. – М.-Л. : изд-во Академии наук СССР, 1935. – С. 17–35.
3. ГАКК. Ф. 544. Оп. 1. Д. 100.
4. ГАКК. Ф. 480. Оп. 3. Д. 130.
5. *Георгиевский А. П.* Расселение русских на Дальнем Востоке // Производительные силы Дальнего Востока. Выпуск пятый. Человек. Владивосток : Акц. о-во «Книжное дело», 1927. – С. 55–59.
6. *Головнин В. М.* Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку 1807–1811. – М. : Гос. изд-во географической литературы, 1961. – 480 с.
7. *Дьяконов Ф. В.* Экономико-географическаие особенности и проблемы Камчатской области // Сибирский географический сборник. – № 5. – М.-Л. : Наука. – С. 7–30.
8. *Зуев А. С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII. Труды гуманитарного факультета. Серия 1. Монографии. – Новосибирск : НГУ, 2002. – 289 с.
9. Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926–1927). – Благовещенск, 1929. – 346 с.
10. *Карл фон Дитмар.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. – Петропавловск-Камчатский : Холдинговая компания «Новая книга», 2009. – 270 с.
11. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сб. архивных материалов. – Л. : Изд-во Инст-та народов Севера ЦИК СССР, 1935.

12. *Крашенинников С.* П. Описание земли Камчатки. – М.-Л. : Изд-во Главсевморпути, 1949. – 841 с.
13. *Мозесон Д. Л., Гурвич И. С.* Изучение Камчатки // Сырьевые ресурсы Камчатской области : Материалы выездной сессии комиссии по проблемам Севера в 1957 г. – М. : Изд-во АН, 1961. – С. 5–17.
14. Отчет по рекогносцировочным исследованиям в 1909 году рек Камчатского полуострова Камчатки, Большой, Авачи. – СПб. : Типография Министерства сообщнеий, 1913. – 274 с.
15. Полуостров Камчатка. Военно-географическое описание. Военное издательство народного комиссариата обороны. М., 1945.
16. *Прозоров А. А.* Экономический обзор Охотско-Камчатского края. – СПб. : Типография СПб Т-ва и Изд. Дела «Труд», 1902. – 388 с.
17. Русская Тихоокеанская эпопея : сб. документов. – Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1979.
18. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. : сб. документов. – М. : Наука, 1984. – 320 с.
19. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. : сб. документов. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – 399 с.
20. *Сарычев Г. А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири Ледовитому морю и Восточному океану. – М. : Гос. изд-во географической литературы, 1952.
21. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Ч. I. – М., 1838.
22. Сырьевые ресурсы Камчатской области : материалы выездной сессии комиссии по проблемам Севера в 1957 г. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. 184 с.
23. Экспедиция Беринга : сб. Документов. – М. : Главное архивное управление НКВД, 1941.
24. *Липшиц С. Ю.* В долине р. Камчатки //На Камчатке : сб. статей и очерков. – М.-Л. : изд-во Академии наук СССР, 1935. – С. 75–88.
25. Историко-статистическое описание камчатских церквей / сост. П. Громов. – СПб., 1857. – С. 45–46; РГИА ДВ. Ф. 1011. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.
26. *Севильгаев Г. Ф.* Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. – Л., 1972. – С. 362.
27. Журнал Первой Камчатской экспедиции о путешествии от Санкт-Петербурга до Камчатки и открытии Берингова пролива. 1725–1730. – СПб., 2012.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КАМЧАТКИ С РУССКОЙ АМЕРИКОЙ И МИРОМ

***Воробьева Татьяна Владленовна*,**
доцент, кандидат исторических наук,
зав. кафедрой экономических и социально-гуманитарных наук,
и.о. директора Петропавловского филиала РАНХиГС

Полуостров Камчатка, открытый русскими казаками в XVII в., стал местом пересечения не только великих экспедиций, но и человеческих судеб, многие из которых оставили свой след в истории.

Мы ограничимся лишь некоторыми эпизодами, начало которым было положено организацией морских экспедиций к островам Тихого океана.

Первая Камчатская экспедиция связала историю полуострова с выходцами из Дании и Швеции: Витусом Берингом, Мартином Шпанбергом, Свеном Вакселем. Имя командора Витуса Беринга и история его жизни достаточно хорошо исследованы и известны как в России, так и за рубежом. Однако его уход из жизни стал темой серьезных научных изысканий и споров. Из воспоминаний, оставленных Георгом Стеллером и Свеном Вакселем, известно, что Беринга захоронили на острове, впоследствии получившем имя выдающегося датчанина. В 1991-м, юбилейном году 250-летия плавания и гибели капитан-командора, была проведена советско-датская экспедиция, целью которой был поиск захоронения Витуса Беринга и последующее восстановление его облика по черепу (в случае его сохранности). Началу этой экспедиции предшествовало изучение сохранившихся документов, описаний очевидцев (Георга Стеллера и Свена Вакселя), а также экспедиция 1979–1981 гг. во главе с сотрудником Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока В. Д. Леньковым на место зимовки экипажа пакетбота «Св. Петр» (1). К экспедиции 1991 г. присоединилась группа датских археологов во главе с директором муниципального музея г. Хорсенса (родины командора) Олле Шеррингом. Поскольку участвовать в раскопках были приглашены археологи с родины Витуса Беринга, Дании (О. Шерринг, С. Г. Петерсен, О. Мадсен и С. Э. Альбретсен), экспедиция стала международной (2).

В результате раскопок был обнаружен погребальный комплекс из шести захоронений, определена могила командора. Предполагаемые останки Витуса Беринга были доставлены в лабораторию Института судебной медицины Минздрава России для судебно-медицинской идентификации и восстановления его внешности. Так, Виктор Звягин, доктор медицинских наук, профессор, заведующий отделом Института судебной медицины, вместе со своими коллегами, пользуясь методом реконструкции антрополога М. М. Герасимова, провел медико-антропологическую реконструкцию останков, создав новый облик капитан-командора, который впоследствии заменил ранее тиражируемый портрет (3). С этого времени научные и культурные связи России и Дании не прерывались. В 2016 г. могилу Витуса Беринга и открытие памятника с новым обликом капитан-командора посетила делегация Дании во главе с послом Дании в Российской Федерации Томасом Винклером.

Между тем в конце 2017 г. в журнале «Исторический вестник» была опубликована статья Н. Охотиной-Линдт «Где был похоронен Витус Беринг?», в которой утверждалось, что антропологические данные полностью опровергают утверждение археологов о том, что это был «некрополь Второй Камчатской экспедиции». Соответственно, портрет, созданный на основе черепа в могиле № 6, никак нельзя отождествить с Витусом Берингом. Следовательно, место захоронения исследователя до сих пор неизвестно. Такой же позиции придерживался контр-адмирал, кандидат исторических наук, популяризатор морских экспедиций на Северо-Востоке России в XVIII–XIX вв. А. К. Шопотов (4). В ноябре 2019 г. с докладом об экспедиции 1991 г. в Центре Северо-Американских исследований РАН РФ и на международной конференции «Витус Беринг: эпоха, культура, наследие» в Ярославле выступил датский археолог, участник раскопок Орла Мадсон с предложением продолжить исследования.

Так, спустя почти три столетия исследование судьбы Беринга и его захоронения вновь объединяет ученых России, Дании и США.

I и II Камчатские экспедиции оживили просторы Тихого океана, сведения о пути к Русской Америке взбудоражили великие морские державы, и вскоре у берегов полуострова появились иностранные корабли. Одними из первых здесь оказались «Дискавери» и «Резолюшн», отправленные в III экспедицию под руководством Дж. Кука. Именно на Уналашке в 1778 г. Кук впервые

встретился с русскими, получив от Герасима Измайлова важнейшую информацию о восточном побережье Камчатки и лоции В. Беринга, точностью которых был восхищен, в связи с чем на своей карте, перерисованной с российской, дал проливу имя капитан-командора. К сожалению, сохраняется устоявшееся заблуждение о пребывании Кука на полуострове, но ко времени прихода кораблей в Петропавловскую гавань его уже не было в живых и экспедицию возглавлял Ч. Кларк. Это были первые иностранцы, посетившие Камчатку и русские поселения на Аляске, после экспедиций Витуса Беринга. Апрельский пейзаж произвел на путешественников угнетающее впечатление: «Самая дикая и тоскливая страна земного шара» – так написал о Камчатке лейтенант Кинг (5, с. 501). Правда, в следующий, августовский визит впечатление было диаметрально противоположным (5, с. 518, с. 489–490). Для нас все первые свидетельства, сделанные англичанами, с описанием природы Алеутских островов, Камчатки, жителей (как русских, так и коренных), их быта, факторий, промыслов и прочих деталей жизни уникальны. И как приятно читать отзывы о теплом приеме, организованном премьер-майором Магнусом фон Бемом и капитаном Василием Шмалевым. Не случайно, в благодарность за снабжение экспедиции всем необходимым, капитаны и офицеры кораблей подарили Бему этнографическую коллекцию с островов Океании (переданную им Екатерине II, а затем – в Кунсткамеру), а Британское Адмиралтейство отправило фон Бему ценный подарок. Так англичане открыли миру Русскую Америку и Камчатку. Кстати, в составе экспедиции Дж. Кука были люди, прославившие себя последующими географическими открытиями – выдающиеся исследователи Джон Ванкувер и Джозеф Биллингс, последний поступил на русскую службу и прославился участием в экспедиции Биллингса – Сарычева (1785–1793 гг.) А капрал морской пехоты Джон Ледьярд, уроженец США, который был отправлен Дж. Куком на Уналашку для первой встречи с русскими в октябре 1778 г., через 10 лет отправился в Сибирь, чтобы разведать торговый путь через Камчатку и Аляску в Америку. Однако его активность настолько насторожила Екатерину II, что он уже в Якутске был задержан и выслан из России (6). Тем не менее, несколько лет спустя Лондонское Королевское общество сочло обязанностью изъявить свою признательность российской императрице: Екатерина II получила одну из четырех памятных золотых медалей, предназначенных для тех, кто особенно содействовал последней кругосветной экспедиции великого Кука. Медали также получили: вдова мореплавателя Элизабет, король Англии Георг III и король Франции Людовик XVI. На лицевой стороне медали изображена в профиль голова капитана Кука, а на обратной – Англия, держащая земной шар. Известно, что эта медаль была отправлена «на хранение» в Санкт-Петербургскую Академию наук (7, с. 364).

Следующая экспедиция Жана Франсуа де Лаперуза не только связала Камчатку с Францией, но и удивительным образом повлияла на судьбу многих ее участников. Известно, что на кораблях «Буссоль» и «Астролябия» было 220 вакансий, на одну из которых претендовал 16-летний выпускник парижской Королевской кадетской школы Наполеон Бонапарт, считавший, что его познаний в точных науках и энтузиазма вполне достаточно: «Я хотел бы применить всю свою энергию к этому благородному делу». С рвением все было в порядке, но вот собеседование по астрономии Наполеон провалил (8). Возьми капитан на борт юного Бонапарта, вряд ли бы пролив Лаперуза мог стать проливом Наполеона, как писали в статье РИА Новости (9), но история Европы могла кардинально измениться.

В сентябре 1787 года экспедиция прибыла в Петропавловскую гавань. После теплого приема, оказанного Жану Франсуа де Лаперузу комендантом Камчатки В. И. Шмалевым и комендантом Охотска Козловым-Угрениным, Лаперуз поручил Жану Лессепсу отправиться с документами и донесениями во Францию (10). Жан-Батист-Бартелеми Лессепс – фигура очень интересная для становления российско-французских отношений. Сын французского дипломата, консула в Санкт-Петербурге Мартэна Лессепса, детство и юность он провел в тех странах, где служил его отец, и хорошо усвоил культуру и языки других народов. Жан-Батист хорошо знал русский язык и Россию, в связи с чем в 1783 году был назначен французским вице-консулом в Кронштадте. Когда в конце 1784 года с поручением графа Л.-Ф. Сегюра, посла Франции в России и автора записок о России, Ж.-Б. Лессепс прибыл в Париж, там велась подготовка кругосветной экспедиции под руководством графа Ж. Ф. Лаперуза (1741–1788). Так Ж.-Б. Лессепс, прекрасно владевший несколькими языками, был включен в ее состав в качестве переводчика.

Можно назвать счастливым совпадением то, что в Петропавловской гавани произошла встреча Ж. Ф. Лаперуза с комендантом Охотска Г. А. Козловым-Угрениным, прибывшим на Камчатку с инспекторской проверкой. Ему и был представлен Ж.-Б. Лессепс, которого комендант

взял с собой в поездку по Камчатке (11). Написанный в ходе путешествия дневник, или, как его назвал сам автор, «Исторический журнал путешествия», содержит ценнейшую информацию о Камчатке и восточной территории Российской империи, интересную не только французам, но и нам. Так, мы узнаем, что приблизительно в это же время в Петропавловскую гавань прибыло английское судно, принадлежащее некоему Г. Ланцу, купцу, торгующему в Макао, капитан которого, Петерс, заключил соглашение с Г. И. Шелиховым о торговле мехами, однако судно потерпело крушение у острова Медный, спаслось всего два человека (12, с. 11–12). Фактически это был второй визит англичан после экспедиции Дж. Кука и первая торговая сделка с англичанами. Также Лессепс описал захоронение Чарльза Кларка и французского астронома Делиля де ла Кройера, где Лаперуз заменил деревянную табличку с информацией об умерших на медную. К счастью, дневник путешественника был переведен на русский язык, а сейчас его можно найти даже в электронном виде. В книге мы можем найти описание Петропавловской гавани, камчатского климата, коренных жителей, их летних балаганов и зимних жилищ, поездки Ж.-Б. Лессепса в Паратунку, Начикинские «бани» (так их называет автор) с характеристикой минералов, содержащихся в водах, и проведенных там опытах, жизнь в Большерецке. К сожалению, отметил он и коварство казаков, выманивающих у камчадалов ценные меха за рюмку водки. Эта глава так и была названа: «Воровская торговля казаков» (12, с. 78). Подобно малой энциклопедии, небольшая книга вместила в себя столько разнообразных описаний и свидетельств, что по сей день является важным историческим источником о жизни полуострова во второй половине XVIII века. Оставленный на берегу, француз избежал участи своих погибших товарищей, но ему пришлось пересечь Камчатку, Сибирь, Среднюю Россию, чтобы добраться до родины. Живой и относительно здоровый Ж.-Б. Лессепс (лопнувший в дороге обод телеги сильно ранил ему голову) был 17 октября 1788 года принят в Версале Людовиком XVI. Выглядел путешественник весьма экзотично: в качестве дорожного костюма он избрал национальную одежду камчадалов. Король, знаток и любитель географии, выслушал путешественника с большим интересом и приказал напечатать за казенный счет его путевые записки. А после приема у королевы Марии-Антуанетты Ж.-Б. Лессепс, что называется, «вошел в моду» при французском дворе (13). Судьба Жана-Батиста-Бартелеми Лессепса оказалась невероятно богата событиями, связавшими его с Россией. Вернувшись во Францию, он задержался там ненадолго: вскоре Ж.-Б. Лессепса вновь назначили консулом в Кронштадт. Затем он стал генеральным консулом в Санкт-Петербурге. В 1802 году Наполеон Бонапарт назначает Ж.-Б. Лессепса генеральным комиссаром по торговым делам и поверенным в делах в Санкт-Петербурге. Обаятельному и опытному дипломату не раз приходится вести сложнейшие переговоры с первыми лицами Российской империи в ситуации, когда решалось, быть ли войне или миру между Францией и Россией. Свой пост, с небольшими перерывами, Ж.-Б. Лессепс занимал до рокового 1812 года. С началом войны с женой и восемью детьми он вынужден был спешно покинуть Россию. Однако император Наполеон приказал ему вернуться и назначил гражданским интендантом Москвы и Московской губернии. Вот что писал о Ж.-Б. Лессепсе в своих мемуарах генерал Арман де Коленкур: «Этот доблестный человек делал столько добра, сколько мог; вместе с достойным губернатором Москвы он предотвратил много зла, в частности выпуск фальшивых денег, разграбление большого количества мелкой монеты и уничтожение архивов, спасенных от пожара. Именно почтенный г-н де Лессепс больше чем кто бы то ни было воспротивился провозглашению освобождения крепостных; именно он подобрал, приютил, кормил – словом, спас значительное число несчастных, в том числе много женщин и детей, жилища которых сгорели во время пожара и которые блуждали, точно тени, среди развалин столицы. Он показал при этом, что не забыл того гостеприимства, которым пользовался в России в течение 30 лет, начиная с его путешествия от Камчатки до Петербурга» (14, с. 167). Именно в это время появился еще один документ, составленный Ж.-Б. Лессепсом, – это «Провозглашение» – любопытный, малоизвестный и недостаточно введенный в научный оборот источник. Оно представляет собой один лист с параллельным текстом на французском и русском языках. Интендант или управляющий городом и провинцией Московской предлагает горожанам без страха вернуться в Москву, а крестьянам – вернуться в свои избы. Половина текста – это рассказ о торговле, разрешенной в Москве, и предпринятых французскими властями мерах по защите обозов (15). «Жители города и деревень, и вы, работники и мастеровые, какой бы вы нации ни были, вас взывается исполнять отеческие намерения Его Величества Императора и Короля и способствовать с ним к общему благополучию. Несите к его стопам почтение

и доверие и не медлите соединиться с нами» (16). Факсимиле оригинала «Провозглашения» Ж.-Б. Лессепса на французском и русском языках напечатано в «Приложении к Бумагам, относящимся до Отечественной войны 1812 г.» (17). В тексте документа, включенного в публикуемую записку, имеются некоторые разночтения с оригиналом. Увы, с поражением Наполеона отношения Ж.-Б. Лессепса с Россией прекратились: император Александр не пожелал больше видеть его в стране (18).

Помимо многих описаний Камчатки, мемуары иностранцев – как членов экспедиции Дж. Кука, так и Ж. Ф. Лаперуза, оставили важную информацию о политическом ссыльном – Петре Матвеевиче Ивашкине, который, будучи фаворитом Елизаветы Петровны, оказался обвиненным в государственной измене и после жестокого наказания, вырезания ноздрей, отправлен на Камчатку. Поскольку политических ссыльных в России часто лишали не только ноздрей, языка, но и имени, записи англичан, а впоследствии и французов экспедиции Лаперуза вернули этому человеку и имя, и память (19, с. 153–154).

Таким образом, уже первые экспедиции, побывавшие на полуострове, как российские, так и зарубежные, протянули нити человеческих судеб от Камчатки к Северо-Западу Америки и к европейским государствам.

Сегодня Камчатка находится в центре Азиатско-Тихоокеанского региона – одного из основных мировых экономических и политических центров, а значит, самой историей ей суждено стать тем узлом, который объединит все континенты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леньков В. Д., Силантьев Г. Л., Станюкович А. К.* Командорский лагерь экспедиции Беринга (опыт комплексного изучения). – М., 1988; Звягин В. Н., Мусаев Ш. М., Станюкович А. К. Витус Йонассен Беринг (1681–1741). Медико-криминалистический портрет. – Баку, 1995. – С. 17–18; Русские морские экспедиции XVIII века. Очерки комплексного изучения памятников материальной культуры / под ред. А. К. Станюковича. – М. 1996. – С. 18–26, 70–80; Шумилов А. В. – С. 154

2. *Охотина-Линд Н. А.* Где был похоронен Витус Беринг? // Исторический вестник. – 2017. – Т. XXII. – С. 134–159, с. 135.

3. *Звягин В. Н.* Каким был Витус Беринг? // Вокруг света, № 8 (2623). – 1992. URL: http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1831/

4. *Шопотов А. К.* Портрет капитан-командора Витуса Беринга. Сайт «Штурманская книжка RU». URL: http://shturman-tof.ru/Personal/03_shopotov/shopotov_portret_beringa_2016.html

5. Третье плавание капитана Джеймса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776–1780 гг. – М. : Мысль, 1971. – 636 с. : ил. С. 50.

6. *Брезкун С. Т.* Аляска, которую мы потеряли – часть II // Военно-промышленный курьер (общероссийская еженедельная газета). – № 11 (675). – 2017. – март, 22.

7. *Епатко А. Ю.* Тайны прошлого. Занимательные очерки петербургского историка. От Петра I до наших дней / А. Ю. Епатко. – М. : «Центрполиграф», 2013. – 559 с. С. 364.

8. *Кудряшов Константин.* Наполеоновские планы. О чем жалел Бонапарт // Аргументы и факты. Федеральный АИФ. – 2019. – август, 15. URL:https://aif.ru/society/history/napoleonovskie_plany_o_chyom_zhalel_bonapart

9. Любопытный факт из биографии императора Наполеона вскрылся в ходе визита делегации французских моряков в Южно-Сахалинск… // РИА Новости. – 2006. – май, 5. // URL: https://ria.ru/20060505/47271356.html

10. Поколение Эпохи 1812 года. Рожденные в 1766 г. – 2016. Музей-панорама «Бородинская битва». URL: http://1812panorama.ru/virtual/1766-Lesseps.html

11. *Епатко А. Ю.* Тайны прошлого. Занимательные очерки петербургского историка. От Петра I до наших дней / А. Ю. Епатко. – М. : «Центрполиграф», 2013. – 559 с. С. 373–374.

12. Лессепсово путешествие по Камчатке и по Южной Сибири. Ч. I – III. – М., 1801–1802. Ч. 1.

13. *Крупцева О. В.* Лессепсово путешествие по Камчатке и южной стороне Сибири. Научная библиотека Томского государственного университета, отдел рукописей и книжных памятников НБ ТГУ. URL: http://www.lib.tsu.ru/ru/lessepsovo-puteshestvie-po-kamchatke-i-yuzhnoy-storone-sibiri-0

14. *Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию. – Таллин – Москва, АО «Скиф Алекс», 1994. – 464 с. С. 167.

15. *Коротков С. Н.* Жан-Батист Лессепс в России // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2004. – № 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhan-batist-lesseps-v-rossii (дата обращения: 04.08.2020).

16. РГАЛИ. Копия «Провозглашения жителей Москвы» интенданта и управляющего города Москвы и Московской провинции Ж.-Б.-Б. Лессепса. URL: https://rgali.ru/obj/14924533

17. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным: Ч. 1–10. – Москва : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1897–1912. Указатели к «Бумагам, относящимся до Отечественной войны 1812 года, собранным и изданным П. И. Щукиным. Ч. 1–10 / сост. по поручению П. И. Щукина П. Н. Миллер. – 1912. – IV, 536 с.

18. *Тартаковский А. Г.* (ред.). 1812 год в воспоминаниях современников. – М. : Наука, 1995. – 212 с.

19. *Аров В. Н.* «О Камчатской земле написано…» Исторические очерки / Библиотека «Вопросов истории Камчатки». – Петропавловск-Камчатский : Холд. комп. «Новая книга», 2018. – 432 с., ил.

МИХАИЛ СТУКАЛИН – ВОЕНМОР, ГИДРОГРАФ, ЛОЦМАН

Гаврилов С. В.,
доцент мореходного факультета ФГБОУ ВО «Камчатский государственный технический университет», член Союза писателей России

В самое ближайшее время в нашем городе появится еще одна памятная доска. Она будет закреплена на стене старого, хорошо известного многим, построенного в 1958 г. дома № 56 на улице Ключевской. Ее месторасположение и надпись сейчас согласовываются в соответствующих инстанциях.

Скорее всего, доска будет размещена на стене, выходящей на лестничный спуск с улицы к автобусной остановке на КП, месте бойком, что называется «проходном». Предложенный автором этого очерка вариант текста таков: «В этом доме в 1958–1961 гг. жил капитан 2-го ранга Михаил Васильевич Стукалин (1901–1961). В годы Второй мировой войны он возглавлял лоцманскую службу Петропавловской военно-морской базы Тихоокеанского флота. Военные лоцманы под его руководством выполнили без потерь свыше 5 000 проводок судов и кораблей всех типов через минные поля, выставленные на подходе к Петропавловску для его защиты».

Эта надпись повторяет, уточняет и дополняет текст еще одной таблички, которая вот уже второй десяток лет закреплена на ограде могилы М. В. Стукалина, когда-то потерянной, затем найденной, а теперь бережно сохраняемой на старом Халактырском кладбище. На ней указано: «Военный гидрограф Стукалин Михаил Васильевич (1901–1961). В годы войны возглавлял военно-лоцманскую службу Петропавловской военно-морской базы. Военные лоцманы под его руководством провели через минные поля без единого ЧП порядка 5 000 судов всех типов».

Автором этих слов, а также инициатором восстановления утраченного было захоронения является недавно ушедший от нас один из старейших камчатских краеведов Алла Хаимовна Паперно. Она же позаботилась и об установке указателя, позволяющего любому желающему добраться от уже основательно «застроенной» центральной аллеи кладбища к месту упокоения главного военного лоцмана Камчатки в годы войны.

Я хочу рассказать и о нем самом, и о людях, причастных к сохранению памяти об этом замечательном человеке, а значит, – и памяти о той большой работе, которая выполнялась в нашем Петропавловске и на подходах к нему в тяжелое военное время.

Михаил Васильевич Стукалин родился 9 ноября (по старому стилю 27 октября) 1901 г. в селе Быково Николаевского уезда Астраханской губернии (позже эти места входили в состав Сталинградской области). Родители – Василий Иванович Стукалин (умер в 1941 г.) и Елена Григорьевна, девичья фамилия Ковылина (умерла в 1920 г.) – крестьяне. Миша был старшим сыном в семье, где позже на свет появились еще трое его братьев.

Похоже, что родители стремились оторвать первенца от нелегкой, а зачастую беспросветной крестьянской жизни, дать ему образование и тем «вывести в люди». Мишу отправили в город Самару набираться ума. В 1912 г. он отучился в начальной школе и поступил в 1-е Самарское реальное училище. Такие училища давали среднее образование, в старших классах преподавались прикладные предметы (механические, химические, технологические, коммерческие). Их питомцы могли поступать в технические, промышленные и торговые вузы и даже в университеты. Но окончить училище ему не удалось. Причина существенная – начало гражданской войны в России, в частности, занятие 8 июня 1918 г. Самары мятежными «белочехами». В это время Михаил, перейдя в последний, 7-й класс, пребывал на каникулах и гостил у родителей в своем селе. В городе и окрестностях при помощи иноземных штыков была установлена «контрреволюционная» власть Комитета членов Учредительного Собрания, так называемого Комуча. Но продержалась она недолго – в октябре 1918 г. Самару взяли «красные». Юноша возвратился туда в конце ноября этого же года и продолжил учебу – теперь поступил в Самарскую научно-просветительную ассоциацию, основанную по инициативе ученых Самарского университета, позже преобразованную в рабочий факультет или, сокращенно, рабфак. Здесь началась его подготовка к поступлению в университет.

В марте 1919 г. Михаил стал студентом-первокурсником физико-математического факультета на вновь открытом естественно-географическом отделении. В мае 1920 г., окончив два курса, добровольцем пошел служить на флот: 17 мая 1920 г. зачислен в морское отделение штаба Туркестанской военной флотилии Туркестанского

фронта. Должность – «военмор», то есть «военный моряк». С этого времени по февраль 1928 г., получив специальную штурманскую и гидрографическую подготовку, служил в строевых и гидрографических частях Рабоче-Крестьянского Красного Флота (РККФ) на командных должностях в Туркестанской военной флотилии, на Балтийском флоте и в Дальневосточной военной флотилии. Надо полагать, здесь ему весьма пригодилась математическая и естественно-научная подготовка, полученная в университете.

В августе 1920 г. он уже флаг-секретарь начальника штаба, в феврале 1921 г. – помощник командира канонерской лодки № 5 «Чарджуй» Аму-Дарьинской военной флотилии. С июля 1921 г. – флаг-секретарь начальника гидрографической экспедиции Главного гидрографического управления РККФ, затем служил в морском представительстве штаба Туркфронта в Самаре и Ташкенте, в 1923 г. – в Москве. Потом был младшим производителем гидрографических работ в УБеКо (Управление безопасного кораблевождения) в Петрограде, в 1924 г. – уже старший производитель тех же работ, но теперь УБеКо во Владивостоке. С сентября 1926 г. – вахтенный начальник сторожевика «Красный вымпел» Отдельной Дальневосточной флотилии. Между прочим, этот корабль под названием «Адмирал Завойко» изначально (в 1910 г.) строился как разъездное судно для камчатского губернатора. 9 февраля 1928 г. «уволен в долгосрочный отпуск» – так значится в его учетной карточке. (Этот «отпуск» завершился в июле 1941 г., после начала Великой Отечественной войны, когда он вновь был призван, то есть, выражаясь словами документов, «мобилизован» на флот.)

После увольнения, по сути, в запас, остался на Дальнем Востоке. Два года – с марта 1928 до марта 1930 г. трудился в Управлении портовых изысканий на Тихом океане, размещавшемся во Владивостоке, был техником-гидрографом, потом штурманом на шхуне «Красный якут». Пять лет – с марта 1930 г. по март 1935 г. работал в Совторгфлоте, сначала помощником капитана на судах, а затем групповым диспетчером отдела эксплуатации флота управления Дальневосточного государственного морского пароходства. Это управление в те годы было одним из главных перевозчиков на Камчатку и обратно грузов и пассажиров.

В 1934 г. окончил четвертый курс судоводительского отделения Владивостокского вечернего мореходного техникума. Когда служил в РККФ, проходил специальную подготовку на курсах усовершенствования командного состава в 1928 и 1934 гг. Как он указывал в автобиографии, «выдержал испытания в квалификационных комиссиях ВМФ по специальностям штурмана и гидрографа. Имею по стажу плавания диплом капитана малого плавания».

В апреле 1935 г. переведен в Дальневосточное управление ГлавСевморпути. Здесь до февраля 1937 г. был инженером по эксплуатации флота и морским инспектором. Хватало и судоводительской практики: арктическую навигацию 1936 г. провел на легендарном краснознаменном ледоколе «Красин» в должности флагманского штурмана.

В феврале 1937 г. заключил трудовой договор с Акционерным Камчатским обществом (АКО) и переехал в Петропавловск, здесь стал капитаном морского порта общества. С 1938 г. порт АКО официально именовался «рыбным». 22 ноября 1939 г. М. В. Стукалин, как «выдвиженец» (так в 1930-е гг. именовали сотрудников одного и того же предприятия или организации, назначенных на более высокие должности), стал его начальником. (Официальный приказ об этом по Наркомрыбпрому СССР, подписанный заместителем наркома, по современному – министра, датирован лишь 29 марта 1941 г.)

Вот как он в 1940 г. описывал доставшееся ему хозяйство: «Все операции с грузом сосредоточены почти полностью в пределах “Петропавловского ковша”, который является единственным оборудованным причальными устройствами… Исключение составляют лишь нефтяные грузы, сливаемые с судов, останавливающихся на рейде бухты Сероглазка, в цистерны, расположенные на склоне ее берега. Кроме того, часть судов большого тоннажа, которые по своим осадкам не могут быть приняты к причалу ковша, разгружаются на внешнем рейде, либо у самого порта, либо в одной из бухт. Складское хозяйство существующего порта не отвечает его грузообороту… Самым узким местом в работе порта является острейший дефицит в складских помещениях. Большая часть грузов в порту находится вне складов на стеллажах под брезентами, загромождая и без того незначительную территорию порта и мешая проезду автомашин. Кроме того, рядом с грузовыми складами, в центре порта, находится угольный бункер. Угольная пыль проникает в склады и грязнит не только тару, но и самый груз… Территория порта замощена только у складов, в остальной части мощения нет. Из прочих хозяйственных предприятий следует отметить, что ни одного предприятия, действительно соответствующего нуждам порта, в настоящее время не имеется… Даже имеющее-

ся здание конторы управления порта совершенно не удовлетворяет по своим малым размерам потребностям сегодняшнего дня». Наш порт тогда располагал всего двумя свайными деревянными причалами, никакой механизации в нем не было, кроме сильно изношенной дороги-узкоколейки с вагонетками. «Вся обработка происходит за счет мускульной рабочей силы».

Этому более чем скромному хозяйству вскоре предстояло заняться важнейшим делом – приемом и обработкой судов с оборонными грузами, шедшими на фронты.

С 14 ноября 1940 г. при управлении порта под председательством М. В. Стукалина заработала аттестационная комиссия. Она выдавала квалификационные документы на право занятия низших должностей плавсостава. 30 апреля 1941 г. приказом по АКО Михаил Васильевич был поощрен благодарностью «за инициативу и деятельное участие» в организации четкой работы команды портового парового буксира «Норд-Ост» по «проведению ледокольной кампании на судоверфи по выводу тральщиков из дока, а также прокладке канала от судоверфи до жестянобаночной фабрики…» Этим были существенно сокращены непроизводительные расходы и на 40 дней раньше открыта навигация в Раковой губе.

Портом Стукалин руководил до 9 июля 1941 г., когда был снова призван на службу в РККФ. Официально же от должности он освобожден 1 августа 1941 г. приказом по управлению АКО, подписанным лишь 23 августа, то есть «задним числом».

Теперь Михаил Васильевич, которому было присвоено звание капитан-лейтенанта, стал командиром дивизиона тральщиков Петропавловской военно-морской базы (ПВМБ) Тихоокеанского флота (ТОФ). В феврале 1942 г. вступил в ВКП(б), взысканий за все время пребывания в партии не имел. С 4 мая 1943 г. он – начальник военно-лоцманского пункта (ВЛП) гидрорайона ПВМБ ТОФ. Так официально звучала его должность, которую мы сейчас произносим как «главный лоцман Камчатки в годы Второй мировой войны» и под которой он вошел в историю Камчатки.

С началом войны хозяйственная значимость нашего полуострова в жизни страны резко выросла. Это было связано с тем, что рыбопромысловые районы, располагавшиеся в Баренцевом, Балтийском и Черном морях, попали в зону боевых действий. В таких условиях Камчатка стала одним из основных «рыбных цехов» СССР, вылов сырца здесь с 1940 г. к 1945 г. вырос более чем вдвое.

Порты названных выше морей оказались полностью или частично блокированы противником. Поэтому большая часть союзнической помощи, доставлявшейся в СССР морским транспортом, была переориентирована на дальневосточные порты, в число которых входили Владивосток, Находка, Советская Гавань, Николаевск-на-Амуре, Магадан (бухта Нагаева) и Петропавловск. Главную роль среди последних играл Владивосток, располагавший четырьмя десятками капитальных механизированных причалов, способный принимать суда любого водоизмещения и связанный с европейской частью СССР железной дорогой.

Морские пути, ведшие из Тихого океана во все советские дальневосточные гавани, за исключением Петропавловска, проходили через проливы Курильских островов, Лаперуза, Сангарский, или Цусимский, контролировавшиеся японским флотом, нередко задерживавшим советские суда, везшие, по их мнению, стратегические грузы. Имелся еще один маршрут – мелководным Татарским проливом, недоступным для глубокосидящих в воде крупнотоннажных пароходов, – в Николаевск-на-Амуре и Владивосток.

Петропавловск, единственный порт страны, обращенный «фасадом» прямо в Тихий океан, оказался единственной из всех дальневосточных гаваней, имевшей непосредственный выход к североамериканскому побережью. Поэтому с началом войны порт АКО играл роль не только перевалочного пункта, но и базы снабжения пароходов, выполнявших рейсы по маршрутам Владивосток – Петропавловск – порты США и Канады. Он принимал суда не только со снабжением, предназначенным Камчатской области и ее рыбной промышленности, но и со стратегическими транзитными грузами, шедшими из-за границы в другие порты. Зимой они накапливались в Петропавловске, затем перегружались на суда с небольшой осадкой и следовали во Владивосток и Николаевск-на-Амуре через Татарский пролив.

С началом войны в Авачинском заливе были выставлены протяженные минные поля. В июле и августе 1941 г. этим, в частности, занимался минный заградитель «Охотск». Оборонительные минные заграждения прикрывали подходы к Петропавловску от вражеских поползновений со стороны союзника гитлеровской Германии – Японии, которая долгие годы не скрывала своих захватнических планов в отношении наших дальневосточных земель.

ВЛП ПВМБ, имевший номер 3, размещался на подходе к Петропавловску в юго-западной части

Авачинского залива в бухте Ахомтен. Так поительменски она называлась до 1952 г., сейчас известна под именем Русская. Впервые описанная еще в 1790 г. бухта издавна служила морякам удобным местом укрытия от штормов и приема запасов чистейшей и вкуснейшей пресной воды. В позднее советское время это живописное место часто посещали морские экскурсии. В октябре 2005 г. стараниями А. Х. Паперно в бухте при помощи пограничников была установлена памятная доска, напоминавшая теперь редким посетителям о былой деятельности ВЛП № 3. Спустя какое-то время она исчезла и восстановлена только в августе 2015 г. энтузиастами под руководством атамана Петропавловск-Камчатского городского казачьего общества И. Т. Вариченко.

В годы войны в бухту заходили суда, следовавшие в Петропавловск. В отдельные дни здесь их собиралось до двух десятков. Задача военных лоцманов: подняться на борт одного из подошедших пароходов, собрать караван из нескольких и, следуя первым, провести его кильватерной колонной лишь им известным «секретным фарватером» в Петропавловск. Оттуда вывести другое судно или несколько, вернуться назад затем, чтобы повторить описанное еще множество раз. Организацией этой важной и опасной работы и занимался капитан-лейтенант Михаил Васильевич Стукалин с середины 1943 г. по 18 октября 1945 г. Под его руководством было, как мы уже знаем, выполнено более пяти тысяч таких проводок. Их наибольшее число пришлось на вторую половину 1944 – первую половину 1945 г. Ежемесячно в Петропавловск и обратно следовало до трехсот советских судов: американцы и англичане ожидали вступления СССР в войну с Японией.

Историк Л. А. Барканова со ссылкой на фонды Центрального государственного архива ВМФ сообщает, что в одном его наградном листе об этом большом деле записано так: «Отлично организовал и руководит лоцманской службой, обеспечил бесперебойную и безаварийную лоцманскую проводку транспортов и отрядов боевых кораблей (прибывших из США) по фарватерам военного времени и в зонах минных заграждений ПВМБ. Инициативно участвовал в отработке документов по высадке десанта на остров Шумшу». А в другом указано: «Всего проведено 3-м ВЛП за кампанию 1945 г. без аварий и задержек 160 военных кораблей, лично выполнил 10 ответственных проводок, в том числе проводил шесть военных кораблей под военно-морским флагом США». (Под ними подразумеваются фрегаты американской постройки, переданные в состав ТОФ по программе ленд-лиза в 1944–1945 гг.)

За безаварийную работу военным лоцманам устанавливались процентные надбавки к должностным окладам. Так, за триста проводок, охвативших суда с общим водоизмещением более 1 200 000 т, полагалась стопроцентная прибавка. М. В. Стукалин получил на нее право к 1 апреля 1945 г., когда общее водоизмещение проведенных им судов достигло 1 244 959 т.

Накопленный во время службы на Камчатке опыт массовых прохождений минных полей пригодился и позже. 18 октября 1945 г. (так значится в послужном списке) М. В. Стукалин стал начальником подобного ВЛП № 1 Владивостокского гидрорайона ТОФ. В бухте Ахомтен его сменил И. К. Краснопоясовский.

С 19 января 1946 г. Михаил Васильевич руководил ВЛП Порт-Артурского гидрорайона ТОФ. Отсюда 19 декабря 1947 г. он был переведен начальником гидрографического отдела 5-го флота. (В январе 1947 г. ТОФ был разделен на два – 5-й ВМФ с главной базой во Владивостоке и 7-й ВМФ с главной базой в Советской Гавани. В апреле 1953 г. эти флоты были вновь объединены в ТОФ.)

В 1949 г. М. В. Стукалин командовал гидрографическим судном «Вест» 5-го же флота. Его последнее место службы – Управление начальника гидрографической службы ВМФ в Ленинграде, должность – старший редактор отдела составления и издания лоций и навигационных пособий Центрального картографического производства ВМФ. Отсюда 14 марта 1956 г. уволен в запас в звании капитана 2-го ранга «по ст. 59-й, пункт “б”», то есть по болезни – уже давно давало знать о себе сердце.

За время службы награжден тремя орденами Красной Звезды. Два получил в 1945 г. Они имели последовательные номера – 2028399 и 2028400 – редкий случай! Как мы уже знаем, оба – за успешное выполнение особого правительственного задания по обеспечению лоцманских проводок. Третья «Красная Звезда» вручена в 1948 г. Кроме этого отмечен орденом Красного Знамени (1956), медалями «За боевые заслуги» (1943), «За победу над Японией» (1946), «XXX лет Советской Армии и Флота» (1948) и «За освобождение Кореи» (1948). Последняя награда вручалась советским воинам-освободителям от имени Президиума Верховного Народного Собрания Корейской Народно-Демократической Республики. За работу в годы войны получил также почетную грамоту Наркомрыбпрома СССР.

А вот как текла его личная жизнь. 28 сентября 1933 г. женился на Анне Ивановне Семенюк, дочери известного моряка – старшего

механика пароходов Совторгфлота Ивана Иосифовича Семенюка. Анна Ивановна родилась в Одессе в 1910 г., по профессии была медицинским работником. 23 марта 1935 г. во Владивостоке у них родился сын Владимир. Он пошел по стопам отца и деда – тоже стал моряком. В июле 1958 г. окончил Ленинградское высшее морское инженерное училище имени адмирала Макарова, в сентябре 1959 г. трудился четвертым помощником капитана на пароходе «Волга» Балтийского государственного морского пароходства. Тесть скончался во Владивостоке в апреле 1936 г.

О судьбе других членов собственной семьи Михаил Васильевич давно ничего не знал. Вот что он собственноручно записал четким красивым почерком в автобиографии, датированной 7 сентября 1959 г.: «Имел четырех братьев: Виктор Васильевич Стукалин, рождения 1904 г., агроном; Владимир Васильевич Стукалин, умер в 1937 г. после возвращения с действительной службы в Рабоче-Крестьянской Красной Армии; Евгений Васильевич Стукалин, окончивший в 1939 г. Одесский финансово-экономический институт. Год рождения своих младших братьев Андрея и Евгения точно не помню, так как с братьями не встречался с 1918 г. и редко переписывался. Все братья работали в Ростовской области. С начала Великой Отечественной войны и до настоящего времени никаких сведений о родных братьях своих не имею…» Вот так распорядилась проклятая война…

После увольнения в запас, 23 июля 1956 г. заключил с уполномоченным Московского отделения конторы «Дальрыбпромкадры» Минрыбпрома СССР трехлетний трудовой договор для работы на Камчатке. В самом начале сентября 1956 г. снова прибыл с супругой в Петропавловск и 7 сентября вступил в должность главного капитана флота Главкамчатрыбпрома – Камчатского совнархоза.

О его работе в Главкамчатрыбпроме в то время сохранилось свидетельство капитана дальнего плавания Тимофея Михайловича Кривоногова, автора первых на Камчатке морских воспоминаний. «Году в 1957-м мне довелось соседствовать с Михаилом Васильевичем на одной лестничной площадке в деревянном доме на улице Ключевской, 19а. Жил он на квартире у капитана Тралфлота Алексея Николаевича Моисеева (А. Н. Моисеев, известный камчатский рыбак, в годы войны тоже служил сначала на тральщиках, а позже – лоцманом в Ахомтене. – С. Г.). Мы дружили семьями. Работал он тогда в отделе флота Камчатрыбпрома.

Ходил Михаил Васильевич в военной форме капитана 2-го ранга. Человек он был интеллигентный, общительный. По его словам, был знаком с такими известными капитанами, как Константин Александрович Дублицкий, Евгений Дмитриевич Бессмертный и другими. Это неудивительно, так как до войны работал начальником Петропавловского морского рыбного порта. К тому же, находясь на службе в гидрографии, имел отношение к морским экспедициям.

Году примерно в 1965-м один из старейших капитанов АКОфлота Сергей Иванович Пронин, живший на пенсии в Ессентуках, прислал в газету “За высокие уловы” (ныне “Рыбак Камчатки”) любопытные воспоминания. В них шла речь о том, что в то время (1957 г.) в Главкамчатрыбпроме решался очень важный вопрос. Приближалась весенняя сельдяная путина, но в районе Анапки и Корфа стоял лед. Ход сельди, по сути дела, начинается после того, как лед в мае ломает и относит от берега. После этого сельдь нерестится по побережью и в заливе Уала.

Но штормов весной не было, и этот лед никак не могло разбить и вынести в море. Если такая безветренная погода стояла бы долго, то путина могла сорваться. Главкамчатрыбпром решил зафрахтовать линейный ледокол Дальневосточного пароходства “Микоян”, выйти на нем в этот район и галсами расколоть ледовое поле в прибрежной полосе на части. Тогда крупнобитый лед быстрее отнесет от берега.

Для общего руководства этой необычной операцией выделили двух специалистов – главного капитана флота Главкамчатрыбпрома Михаила Васильевича Стукалина и капитана-наставника Управления тралового флота Сергея Ивановича Пронина.

“Микоян” вышел в море и подошел в заданный район. Лед здесь оказался толстым, монолитным. Стали пробовать его колоть. Ледокол имел паровую машину, котлы работали на угле. Уголь оказался крайне низкого качества, низкокалорийным. С разгона ледокол мог войти в сплошное поле не более как на полтора-два корпуса.

Стукалин и Пронин, как опытные мореходы, были убеждены, что с таким ледоколом при некачественном угле они поставленную задачу выполнить не смогут. А стоимость работы судна велика, и его бесцельная задержка стоила очень дорого. Разбить лед мог только ожидаемый со дня на день циклон. Сергей Иванович и Михаил Васильевич прибыли в Петропавловск, доложили об этом управляющему совнархозом Н. А. Ваняеву, предложили ему расторгнуть договор на аренду ледокола и отпустить судно в Арктику. Ваняев с их доводами согласился.

А погода стояла, как нарочно, очень хорошая. Море не шелохнет, безветрие. Прошло дней десять. Погода не менялась. Стукалин и Пронин стали нервничать. Но, наконец, подошел долгожданный циклон. Несколько дней бушевала непогода. Лед размолотило и вынесло в море. Следом появились гонцы сельди. Комбинаты приступили к постановке ставных неводов. Все облегченно вздохнули…

Н. А. Ваняев премировал М. В. Стукалина и С. И. Пронина за грамотное решение поставленной задачи».

1 сентября 1959 г. Михаила Васильевича назначили на вновь учрежденную должность капитана Объединенной Дальневосточной службы наблюдения за флотом при совнархозе. Об этом перед руководством совнархоза ходатайствовал начальник инспекции безопасности мореплавания и портового надзора Камчатского бассейна, известный капитан дальнего плавания Григорий Тимофеевич Ленский, «учитывая многолетнюю службу тов. Стукалина М. В. в системе флота рыбной промышленности Камчатки, опыт и знания в навигационной обстановке Камчатского бассейна».

Казалось, что все идет хорошо. Но все чаще и чаще напоминало о себе больное сердце. Оно отказало 27 февраля 1961 г. Причина смерти: «гипертоническая болезнь 3-й степени».

После похорон Михаила Васильевича его супруга вернулась в Ленинград. Есть свидетельство о том, что какое-то время она посылала деньги работникам кладбища, чтобы они ухаживали за могилой мужа. Но как уже было сказано, вышло так, что долгое время могила М. В. Стукалина была заброшена и фактически потеряна. Лишь в 2001 г. камчатские краеведы Вадим Валентинович Бооль, друг детства сына Михаила Васильевича – Владимира, известный своими скрупулезными эколого-краеведческими исследованиями, автор недавно вышедшей книги «Знать свое Отечество во всех его пределах…», и Татьяна Александровна Шубина, активный турист и организатор краеведческой работы, с «подачи» Аллы Хаимовны Паперно разыскали ее. При помощи камчатских военных моряков-гидрографов она была восстановлена в 2005 г. к 60-летию Победы. Еще спустя десятилетие на могиле был установлен новый черный мраморный памятник, сменивший первоначальную скромную металлическую пирамидку, выкрашенную в белый цвет. Его открыли 1 сентября 2015 г. в присутствии представителей депутатов городской Думы, ветеранов войны и труда, студенческой молодежи.

Надо сказать, что новый памятник не всеми был воспринят благожелательно. Поговаривали, что следовало оставить старый, сберечь его как примету былого времени. А кое-кто даже назвал произошедшее «противоправным делом» и даже нарушением закона о публичном осквернении символа воинской славы России. Оставим это на его совести, но что случилось, то случилось. На сохраненной отремонтированной ограде была закреплена золотистая табличка, текст которой приведен в начале очерка.

Тогда же прозвучало предложение о необходимости установки памятной доски на доме, где жил М. В. Стукалин. Оно было поддержано депутатами Законодательного Собрания Камчатского края, заместителями председателей его профильных комитетов Владимиром Александровичем Агеевым и Анатолием Владимировичем Кирносенко. На их средства эта работа сейчас и ведется.

Со времени кончины М. В. Стукалина прошло уже почти шестьдесят лет. В нашем городе живет последний человек, знавший его лично. Это – Галина Владимировна Бооль, супруга Вадима Валентиновича Бооля. Неравнодушный ветеран, Галина Владимировна и стала инициатором этого важного дела: «Я мечтаю, чтобы имя М. В. Стукалина вошло в Книгу Памяти земляков – участников Великой Отечественной войны и в альманах “Скрижали”… В ноябре 2021 г. М. В. Стукалину исполнилось бы 120 лет… Хотелось бы, чтобы камчатцы знали о герое нашей земли. Он, по моему мнению, должен быть почетным гражданином города. Очень надеюсь дожить до установления памятной доски М. В. Стукалину. Кто, если не я, неугомонная последняя свидетельница, добьется восстановления памяти о нем? Выполняю наказ В. В. Путина о восстановлении памяти обо всех защитниках родины…» А в своем официальном обращении к депутатам Законодательного Собрания края она писала: «Прошу вашего содействия в установлении памятной доски на доме, в котором окончил свой жизненный путь этот легендарный человек». Она же первая назвала адрес, по которому он когда-то жил, впоследствии подтвержденный архивными изысканиями автора.

Хочется сказать спасибо сотрудникам Петропавловск-Камчатского городского архива (директор Валентина Ивановна Крайникова), отыскавшим личное дело Михаила Васильевича, при помощи которого уточнены и впервые обнародованы отдельные факты его биографии. Обращаясь в архив, мы надеялись обрести и его хороший портрет. Их зачастую подклеивают к личным листкам по учету кадров. К сожалению, это не

удалось. Сейчас мы располагаем лишь одним размытым его изображением в форме капитана 2-го ранга со всеми наградами, видимо, сделанным незадолго до кончины.

Это особенно обидно с учетом того, что сам Михаил Васильевич был отличным фотографом-любителем. Об этом тоже свидетельствует хорошо знавший его Т. М. Кривоногов: «Он… делал уникальные снимки. В годы войны во время лоцманских проводок встречался со многими знаменитыми людьми, в том числе и с Иваном Дмитриевичем Папаниным (дважды Герой Советского Союза, контр-адмирал, уполномоченный Государственного Комитета Обороны по перевозкам на Севере. – С. Г.). В то время И. Д. Папанин бывал в Петропавловске, принимал участие в руководстве строительством морского торгового порта и ремонтом аварийных судов, таких, как “Одесса”. По словам внука Михаила Васильевича, альбомы фотографий хранятся где-то у родственников. А ведь это большая ценность для наших камчатских краеведов и музейных работников!

Увлечение фотографией имело и такой выход. Для обложки готовившегося к изданию пособия по кораблевождению потребовался снимок адмиралтейского якоря. Михаил Васильевич ходил по Ленинграду больше месяца и, наконец, нашел, что искал. На одной из чугунных оград он увидел очень красивый адмиралтейский якорь. Его фотографию и поместили на обложку книги…»

Возможно, что эти уникальные фотоальбомы когда-нибудь окажутся на Камчатке, и с их помощью мы существенно пополним свои знания о работе портовиков и военных лоцманов в пред- и военные годы. А ведь это их общее дело стало одним из тех трех отправных исторических моментов, на основании которых наш Петропавловск получил свой нынешний статус – Города воинской славы.

КАМЧАТСКИЙ ФОТОАЛЬБОМ БЕНЕДИКТА ДЫБОВСКОГО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК[1]

Головнев И. А.,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург,
кинорежиссер, член Союза кинематографистов РФ,
golovnev.ivan@gmail.com

В современной антропологии все возрастающее внимание исследователей уделяется визуальным историческим источникам, в частности фотодокументам, рисункам, кинофильмам. В научном обороте Западной Европы направление визуальной антропологии заняло значимое место, в российском же данное поле проработано лишь фрагментарно. В то же время визуально-антропологические практики в России имеют насыщенную историю, связанную, в частности, с экспедициями по освоению Сибирского и Дальневосточного регионов, выразившуюся в накоплении корпуса исторических фотографий в региональных архивах, заслуживающих исследовательского внимания и введения в научный оборот. И особое значение в этом наследии имеют материалы, создававшиеся непосредственно профессиональными исследователями. Именно к таковым относится так называемый «альбом Дыбовского» – собрание уникальных фотографий по истории Камчатки, рассмотрению которого посвящена настоящая статья.

Бенедикт Иванович Дыбовский (*Benedykt Tadeusz Dybowski*, 1833–1930), сын Яна и Саломеи, родился 30 апреля 1833 г. в помещичьем имении *Тонвы* в Минской губернии. Среднее образование он получил в Минской гимназии, высшее – в Дерптском университете на медицинском и естественном факультетах. Продолжив обучение в университетах Вроцлава и Берлина, в 1860 г. он защитил диссертацию на соискание степени доктора медицинских наук и хирургии. Казалось, карьера Б. Дыбовского успешно состоялась, но по стечению обстоятельств именно в этот момент жизнь будущего известного эволюциониста ознаменовалась рядом изменений революционного толка. Воспитанный в духе классического университетского образования и традиционалистских исследовательских методологий, Б. Дыбовский сначала становится революционером научным – приверженцем «взорвавшей» академический мир теории Чарльза Дарвина о происхождении видов [1], а затем – и революционером политическим, участником подпольного Национального Комитета, организовавшего в Польше вооруженное восстание, преследовавшее патриотические цели восстановления территории страны в границах 1772 года. Драматичные события самого восстания, длившегося с января 1863 до июня 1864 г. и забравшего десятки тысяч человеческих жертв, привели к реакционному упрочению антипольской политики властей и жестокими репрессиями «павстанцев». В числе сотен других активистов восстания Б. Дыбовский был арестован и приговорен к смертной казни. Но, благодаря ходатайствам ученых России и Германии, смертный приговор был заменен 12-летней ссылкой на каторгу. Так, в одночасье произошло «перерождение» Б. Дыбовского из кабинетного ученого и университетского профессора – в ссыльного работника и исследователя-полевика малоизученной экзотический страны с пугающим для европейца названием «Сибирь».

Сибирская ссылка Бенедикта Дыбовского началась весной 1865 г. в Забайкальском крае, где параллельно с исполнением каторжных обязанностей Б. Дыбовский вынужденно занимался врачебной практикой, снискав за это лояльность местных властей. Уже к концу 1868 г. Б. Дыбовскому удалось досрочно получить статус поселенца и обосноваться в с. Култук на юго-восточном берегу озера Байкал. Остававшийся период ссылки Б. Дыбовский посвятил комплексным исследованиям Забайкальского, Амурского и Уссурийского краев. Сначала самостоятельно, а затем при поддержке Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества он совершил серию экспедиций для естественно-научного и антропологического изучения регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Творчески применяя теоретические положения дарвинизма на практике в ходе исследований, он выдвинул концепцию о существенных особенностях видового состава

[1] Работа выполнена при поддержке Центра Польско-Российского Диалога и Согласия (Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, Warszawa).

орнитофауны и млекопитающих Восточной Сибири вследствие постепенных изменений естественной среды в этой части Евразийского материка [2]. А результаты его многолетних изысканий по зоогеографии озера Байкал, став новым словом в байкаловедении, и были отмечены золотой медалью Русского географического общества [3, с. 12]. На основании многочисленных ходатайств ученых из Сибирского отделения Русского географического общества и Академии наук, Б. Дыбовский и его коллега, также ссыльный, В. Годлевский в 1876 г. были освобождены от надзора и восстановлены в правах.

Получив свободу, Б. Дыбовский, вместо возвращения в Европу, начал готовиться к экспедиции на Камчатку. Будучи известным в ученой среде благодаря регулярным публикациям своих материалов в столичных научных изданиях, он был уважительно принят и в Академии наук, и в Русском географическом обществе. 13 декабря 1878 года, по выдвижению П. Семенова, Ф. Шмидта и Р. Ленца, он был избран действительным членом Общества, следом Совет Общества утвердил предложенную Б. Дыбовским программу исследовательских работ на Камчатке и Командорских островах, оказав ему содействие в получении должности окружного врача на Камчатке.

Летом 1879 г. Б. Дыбовский прибыл в Петропавловск, и началась его камчатская одиссея, продлившаяся более четырех лет. Его деятельность на полуострове была разносторонней и обширной. Работая практикующим врачом, он распространял гигиенические навыки среди различных слоев местного населения, включая представителей коренных этнокультурных сообществ края, стал инициатором открытия больницы в Петропавловске. Но главным его делом в Камчатском поле были исследования в различных областях знания – зоогеографии и сравнительной анатомии, лимнологии и экологии, антропологии и философии.

В основном в научном обороте курсируют результаты естественно-научных исследований Б. Дыбовского на Камчатке, гораздо менее известны материалы его работ в области гуманитарных наук, но совершенно не изучено визуально-антропологическое наследие ученого, имеющее многостороннюю историко-научную ценность. Между тем в Камчатском краевом объединенном музее хранится уникальный экспонат – так называемый «альбом Дыбовского» – коллекция из 127 фотографий, в основном состоящая из снимков, сделанных самим исследователем и его коллегами во время пребывания на Камчатке.

Как показывает практика, эффективным методом рассмотрения визуальных источников является сопоставление изобразительных и тематических текстовых документов [4, 5]. Данная статья, оперируя архивными фотодокументами и изданными исследовательскими материалами, представляет опыт исследования образа Камчатки, какой ее увидел доктор Дыбовский без малого полтора века назад.

ФОТОГРАФИЯ «ОБЩИЙ ВИД ПЕТРОПАВЛОВСКА НА КАМЧАТКЕ» ИЗ «АЛЬБОМА ДЫБОВСКОГО»

В своей книге «О Камчатке и Сибири» Б. Дыбовский вспоминал, что приобрел фотокамеру специально для поездки на Камчатку: «Д-р Пфлюгель из Лейпцига подвел меня, не сумев в срок доставить заказанный фотоаппарат, но Мрозовский обещал раздобыть маленькую камеру и все необходимые принадлежности к ней, как то: палатку, расходные для фотолаборатории и т. д. У нас было всего несколько дней, в том числе праздники, но все было готово к дате, благодаря хлопотам фотографа Дуткевича и Мрозовского» [6, с. 12]. Фотодело он осваивал буквально на ходу – по пути на Камчатку через Сибирь, делая хроникальные снимки окрестных видов и портреты, в том числе, встречавшихся ему соотечественников-поляков, оказывавших содействие в передвижении. К примеру, по поводу пребывания в Иркутске Б. Дыбовский вспоминал: «После чая с Черским мы идем в аптеку, где я покупаю лекарства для камчатской больницы, а также мышьяк для птичьих шкурок, стрихнин на лисиц, сублимат и прутки китового уса на волков, различные фотохимикалии…» [6, с. 229]. Однако не все дорожные впечатления удавалось запечатлеть на фото, в частности, среди неснятых кадров остались колоритные образы представителей народности айнов, встречу с которыми Б. Дыбовский описал лишь вербально: «В ожидании лодки я разглядывал айнов… Я горько жалел, что моя фотографическая камера глубоко упакована» [6, с. 549].

5 июля 1879 г. Б. Дыбовский прибыл в Петропавловск – фотографией порта открывается его книга «О Сибири и Камчатке», в предисловии к которой исследователь сообщает, что «намерен дать серию гравюр – топографических и этногра-

фических, с фотографий, снятых мною на полуострове» [6, с. 7]. Прежде всего, исследователь был поражен масштабами «неведомой земли» и ее малой заселенностью – качествами, отмеченными в свое время и С. П. Крашенинниковым [7]. Конечно, Б. Дыбовский, как и любой другой приезжавший на полуостров визитер, был обоснованно впечатлен природными видами Камчатки: «Здесь настоящие пейзажи с прелестными видами гор, с их красотой, уже столько раз воспетой. Эти виды и пейзажи поражают нас величием гигантских вершин-вулканов, дышащих дымом и паром» [8, с. 95]. Однако непосредственно в «альбоме Дыбовского» природные фотокартины представлены скромно – всего 4 снимка: виды Авачинской бухты и окрестностей Петропавловска. Все изображения, составляющие альбом, можно условно разделить на три тематические категории: натурные панорамы, виды городских объектов и портреты представителей различных групп населения края.

Кадры городских зданий и улиц составляют вторую по количеству снимков часть данного фотособрания. В основном это изображения объектов, связанных с деятельностью Б. Дыбовского: метеостанция, укомплектование которой специализированным оборудованием состоялось благодаря активности исследователя; больница, являвшаяся местом работы Б. Дыбовского в должности врача Петропавловского округа; памятник мореплавателю Ж. Лаперузу, в реконструкции которого доктор принял ключевое участие; школа – одно из самых приметных строений в городе и др. [9].

Основную же часть альбома составляют групповые снимки и индивидуальные фотопортреты – их насчитывается более семидесяти. Около половины из этих фотографий имеют подписи с указанием персоналий: «хорунжий Савинский», «окружной врач Федоров», «камчатский епископ Мартиниан», «купец Колесов», «городской голова Сандалин». Видимо, Б. Дыбовский был в доверительных отношениях с представителями этих кругов Петропавловска, что позволило ему сделать их фотопортреты в неофициальной обстановке. Есть в альбоме и портрет коллеги Б. Дыбовского по исследовательской деятельности И. Л. Калиновского. На других же портретах имена фотогероев Б. Дыбовского не указаны – возможно, они надписаны на обратной стороне снимков, но поскольку фотокарточки вклеены в альбом, идентифицировать это в настоящее время не представляется возможным. Имеющиеся же подписи сообщают лишь общую информацию: «Камчатский казак», «Начикинский камчадал», «Женщины селения Мильковского», «Ключевская мещанка», «Камчатские крестьянки» и т. д. В этом случае фотографа-исследователя очевидно интересовали не столько конкретные персоны, сколько *типы* представителей камчатского общества. Примечательно, что большинство горожан на портретах – в выходных нарядах, очевидно, случаем для фотосессии были праздничные либо выходные дни, когда жители Петропавловска были свободны от повседневных дел. В основной массе случаев фотографии делались в солнечную летнюю пору, многие портреты сняты на одном и том же фоне – задней стены дома, арендованного Б. Дыбовским для проживания в Петропавловске. Известно, что в период работы на Камчатке он оборудовал специальную фотолабораторию, предусмотрев также пространство для фотографирования и зал для выставочной демонстрации лучших фотоснимков. Так, по воспоминаниям Б. Дыбовского: «Закончив с пациентами, принимаюсь за фотографию, снял несколько видов и несколько портретов; поставил аппарат в комнате, и его опрокинул пес, разбил матовое стекло. К счастью, в порту есть матовое стекло и есть стекольщик, так что можно починить» [6, с. 466].

Присутствуют в альбоме и фотографии, снятые в экспедиционных условиях. Часто сочетая врачебную практику с исследованиями, Б. Дыбовский тщательно готовил фотоснаряжение к экспедиционным выездам и активно фотографировал вне городской среды. В письме из с. Ключи от 21 октября 1879 г. Б. Дыбовский сообщал: «Я тронулся из Петропавловска 1 октября, надеясь еще до наступления холодного времени пробраться в Ключи, деревню на Камчатке, где я намеревался припасти все необходимое для зимнего путешествия… С 5-го октября еду на нартах, в которые впрягают собак; подвигаюсь вперед тихо: во всякой деревне осматриваю больных, врачую, измеряю, снимаю фотографические портреты»[2]. Не случайно, среди фотографий альбома находится и снимок с подписью «Табор д-ра Дыбовского при путешествии в Камчатке», на котором запечатлен доктор Дыбовский и его свита в походной обстановке, сделанный коллегой исследователя И. Л. Калиновским.

Особую подгруппу портретов составляют этнографические: персональные и групповые снимки айнов, нивхов, эвенов, камчадалов. «Язык и духовная культура камчадалов под воздействием языка и духовной культуры русских людей, живших среди них, претерпели изменения. Что же касается материального состояния жителей Камчатки, то оно мало чем отличается от состояния времен Атласова» [8, с. 95], – писал Б. Дыбовский.

[2] Камчатский краевой объединенный музей. Ф. 60. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

ФОТОГРАФИЯ «КАМЧАТСКИЕ КАМЧАДАЛЫ» ИЗ «АЛЬБОМА ДЫБОВСКОГО»

При этом исследователь особо отмечал человеческие качества ительменов: «Среди племен, с которыми я встречался в жизни, одним из самых симпатичных для меня является то, которое живет на Камчатском полуострове. Оно вызывает симпатию своими моральными достоинствами, такими как добродушие, привязанность к семье и к месту своего рождения, жажда познания и огромное достоинство…»[3] Примечательно, что и предшественник Б. Дыбовского по изучению Камчатки Г. В. Стеллер давал ительменам схожую характеристику: «Наблюдения над всем образом их жизни только подтверждают их огромную изобретательность, природную любознательность и предрасположенный к повиновению и ко всему хорошему характер; видно, что этот народ одарен богом живым умом и изумительной памятью» [10, с. 81].

Отдельную группу фотографий в альбоме представляют снимки с острова Сахалин, иллюстрирующие преимущественно жизнь поселений и быт каторжан. Так, фотографии «Заковка Золотой ручки», «Арестанты, прикованные к тачкам», «Начало поселья», «Шахта», «Погибший пароход «Атлас» у Трех Камней», виды г. Александровска – сделаны на Сахалине корреспондентом Власом Дорошевичем в конце 1890-х гг. [11]. С Сахалина же – и семейный портрет айнов, антропологическое описание которых Б. Дыбовский приводит в своей книге: «Одетые в короткие накидки из синей хлопчатой материи, называемой «даба», ноги босые, в облегающих кожаных штанах. Средний рост приблизительно 160 см. Ноги и руки тонкие. Шевелюры густые, слегка вьющиеся, лицевая растительность мощная. В целом внешность напоминает потрепанного русского крестьянина. Выражение лица добродушное, мягкое. Глаза черные, брови густые, широкие, прямые, нос слегка уплощенный, рот широкий, прикрыт густыми усами. Борода и волосы подстрижены. Волосами, должно быть, покрыто и все тело, потому россияне и называли их прежде «Мохнатыми людьми» [6, с. 549]. Возможно, этнографические снимки айнов и нивхов были присланы Б. Дыбовскому его соотечественником и коллегой Б. Пилсудским, с которым исследователь состоял в переписке [12].

Кроме того, согласно подписям и содержанию, несколько фото были сделаны в Приморье – на территории дома и хозяйства М. И. Янковского, с которым Б. Дыбовский был знаком по исследованиям в Забайкалье и Степной Даурии 1870-х гг. – покидая Камчатку летом 1883 г., Б. Дыбовский держал путь через г. Владивосток и останавливался в бухте Славянка, где М. И. Янковский основал первый в то время на Дальнем Востоке конный завод [13]. Таким образом, очевидно, что данная коллекция – это не только фотографии, сделанные самим исследователем, и не только изображения, снятые на Камчатке, но подборка, объемно представляющая различные «образы» Дальнего Востока: величественную природу и тяжелую каторгу, социальные группы и этнокультурные сообщества.

ФОТОГРАФИЯ «ГРУППА АЙНОВ» ИЗ «АЛЬБОМА ДЫБОВСКОГО»

Безусловно, некоторые важные аспекты работ Б. Дыбовского на Камчатке остались «за кадром» альбома. К таковым, в частности, относятся его исследования на Командорских островах. Ученый собирал сведения о природе и хозяйственной деятельности населения островов – уникальные коллекции, характеризующие растительный и животный мир, значительные объемы материалов по этнографии алеутов. Помимо традиционных изысканий, в плане развития эволюционистских опытов он прибегал и к смелым экспериментам, – к примеру, в автобиографии Б. Дыбовский приводил следующие результаты своих успешных опытов:

Переселение северных оленей на остров Беринга, при благосклонной помощи капитана Зандмана.

Переселение лошадей на Берингов остров, при помощи бывшего капитана парохода «Африка», ныне адмирала Алексеева.

Акклиматизация кроликов на Командорских островах и на Камчатке.

Акклиматизация домашних коз на Командорских островах [2, с. 12].

Б. Дыбовский на собственные средства приобрел оленей и корма для обеспечения их в период первоначальной адаптации, а также оплатил стоимость их доставки на Командоры. Со временем животные прижились на острове Беринга, дали потомство, став важным подспорьем для хозяй-

[3] Камчатский краевой объединенный музей. Ф. 60. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

ствования местных жителей. По свидетельствам камчатских краеведов, благодарные алеуты даже сочинили легенду о «Добром Белом боге», приславшем им оленей, и в свою очередь отправили ученому в Европу подарок на 70-летие – скелет морской коровы, который Б. Дыбовский безуспешно пытался отыскать во время нахождения на островах [13].

Но естественно-научные опыты были интересны Б. Дыбовскому не сами по себе, а как часть гуманитарной работы. Исследователь вспоминал: «Когда я познакомился с племенами, населяющими Камчатку и Командорские острова, моим желанием стало исследовать эти условия и найти способы их улучшить» [15, с. 241]. В ходе длительных полевых работ среди алеутов Б. Дыбовский основательно «погружался» в изучаемую культуру: принимал участие в обрядово-праздничных мероприятиях и хозяйственных работах, изучал их язык и поведение и, конечно, – фотографировал [16]. В формулировках, высказанных Б. Дыбовским по поводу положения алеутов, звучат неутешительные выводы и проявляется утопический гуманизм исследователя: «Процесс уничтожения и денационализации с прогрессом цивилизации должен уступить место ясному пониманию необходимости существования многообразия каждого вида для всестороннего и гармоничного развития и прогресса человечества. Если грустно и больно наблюдать человека в расцвете сил, безвинно приговоренного к смертной казни, то стократно больней видеть целые племена, которые приговорены к смерти неблагоприятными условиями жизни» [15, с. 240].

По мнению исследователя Б. С. Шостаковича, природа интереса Б. Дыбовского к гуманитарным наукам коренилась в глубоком убеждении ученого, что существует общая биологическая первооснова всякого рода знаний, в том числе и гуманитарных, и разнообразные научные знания могут быть синтетически увязаны в рамках единственной общей науки – антропологии [3]. В частности, в статье «К вопросу о так называемой «женщине» с позиции естествознания» Б. Дыбовский трактовал антропологию как универсальную науку о человеке, в которой находят свое органическое слияние все «ветви» знания на общем их «материнском биологическом стволе» [17, с. 101]. В другой работе, «Сон и сновидения», Б. Дыбовский заявлял, что антропология должна служить научным аргументом для «усиления нравственности человечества», что антропологические исследования должны принести наглядные доказательства существования потенциала для прогресса среди всех рас, а обязанность антропологов состоит как раз в том, чтобы направить свою деятельность на устранение расовых, племенных и национальных предрассудков [18, с. 28].

Свои теоретические воззрения Б. Дыбовский последовательно воплощал на практике, сочетая исследовательскую, медицинскую и общественную деятельность в ходе четырехлетних работ на Камчатке. «В течение этого времени мы пять раз объехали весь полуостров с медицинской целью, а также для собирания зоологических коллекций и неоднократно посетили Командорские острова. Предполагаемые биологические исследования пришлось ограничить до очень скромных размеров, благодаря отсутствию поддержки и сочувствия местных властей. За попытки прекратить злоупотребления купцов и духовенства нам пришлось испытать много неприятностей. Убедившись в бесплодности стараний облегчить участь эксплуатируемых туземцев, я был принужден вовремя ретироваться и, воспользовавшись кстати пришедшим приглашением занять кафедру во Львове, я покинул Камчатку», – вспоминал исследователь [2, 12].

Имя Б. Дыбовского по праву находится в ряду выдающихся ученых своего времени. Его научное наследие составляет порядка 400 работ по зоологии и зоогеографии, антропологии и этнографии, лимнологии и физической географии Восточной Сибири и Дальнего Востока. И особое значение в наследии Б. Дыбовского занимают фотографии – визуальные образы региона, запечатленные им в ходе странствий по Дальнему Востоку. Известно, что при выезде с Камчатки в 1883 г., исследовательский «багаж» Б. Дыбовского составлял 60 ящиков различных размеров, общим весом 116 центнеров – в том числе были и значительные объемы фотографических документов[4]. В этой связи перспективным развитием данного исследования является сопоставление материалов рассматриваемого в статье «альбома Дыбовского» и соответствующих архивных материалов исследователя, хранящихся в настоящее время в фондах музейных и научно-исследовательских организаций Польши.

На основе анализа материалов из Камчатского музея можно сделать выводы, что фотоизображения Б. Дыбовского и его коллег, составляющие тематический альбом, выполненные в классической манере, без особых художественных изысков, представляют собой «взгляд» иностранного исследователя на различные стороны жизни

[4] Камчатский краевой объединенный музей. Ф. 60. Оп. 1. Д. 19.

Камчатки и смежных областей. В процессе перелистывания «альбома Дыбовского» разнородные фотографические изображения постепенно складываются в единый собирательный образ. И во многом именно благодаря документальным фотоизображениям Б. Дыбовского современные посетители его выставок, читатели книг и альбомов, как в России, так и за рубежом, составляют свое представление об истории дальневосточного фронтира на рубеже XIX–XX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Darwin C. R.* On the origin of species by means of natural selection, or the preservation of favoured races in the struggle for life. London: John Murray, 1859. – 534 p.
2. *Дыбовский Б. И.* Автобиография // Юбилейный сборник к пятидесятилетию Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Киев, 1901 г. – С. 1–12.
3. Бенедикт Дыбовский. Новосибирск : Наука, 2000. – 296 с.
4. *Golovnev I. A., Golovneva E. V.* Discovering the Far East: Images of the Territory in the Works of V. K. Arsenyev / Facets of Culture in the Age of Social Transition: Proceedings of the All-Russian Research Conference with International Participation. KnE, Engineering, 2018. – PP. 20–26.
5. *Головнева Е. В., Головнев И. А.* «Рисуя Камчатку…»: архивные и современные репрезентации региона в детских рисунках быстринских эвенов // Сибирские исторические исследования. – 2019. – № 1. – С. 28–47.
6. *Dybowski B.* O Syberyi I Kamczatce. Krakow, Warszawa: Gebethner i Wolff, 1912. – 614 p.
7. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. – М. : Эксмо, 2013. – 480 с.
8. *Винкевич Г. А.* Выдающийся географ и путешественник. – Минск : Наука и техника, 1965. – 106 с.
9. *Витер И. В., Смышляев А. А.* Город над Авачинской бухтой (история города Петропавловска-Камчатского). – Петропавловск-Камчатский : Камчатский печатный двор, 2000. – 208 с.
10. *Стеллер Г. В.* Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2011. – 576 с.
11. *Дорошевич В. М.* Сахалин (Каторга). В 2 частях. М. : Издание товарищества И. Д. Сытина, 1903. – 640 с.
12. *Шостакович Б. С.* Бронислав Пилсудский – корреспондент Бенедикта Дыбовского и Вацлава Серошевского // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского при Сахалинском областном государственном краеведческом музее. Южно-Сахалинск, 1999. – № 3. – С. 42–48.
13. *Кусков В. П.* Камчатские были. – Петропавловск-Камчатский : Дальневосточное книжное издательство, 1970. – 112 с.
14. *Курохтина Н. И.* Автограф времени (Камчатка. Люди. События. Факты, 1637–1950). – Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2016. – 232 с.
15. *Дыбовский Б. И.* Командорские острова / Вопросы истории Камчатки. Выпуск 7. – Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2004. – С. 211–287.
16. *Dybowska M.* Kamczatka i jej ludy autochtoniczne w fotografii, tekstach i eksponatach Benedykta Dybowskiego. Warszawa: Mar, 2003. – 80 p.
17. *Dybowski B.* O kwestii tak zwanej «kobieciej» ze stanowiska nauk przyrodniczych. Lwow: Księgarnia Polska, 1897. – 107 p.
18. *Dybowski B.* Sen I marzenia senne. Warszawa: Bibljoteka naukowa, 1907. – 28 p.

ВОСПИТАННИК АДМИРАЛА П. И. РИКОРДА – ХУДОЖНИК ЕГОР МЕЙЕР

Головнин П. А.

Тщетно, художник, ты мнишь,
что своих ты творений создатель.
Граф А. К. Толстой

11 августа 1803 года было утверждено Положение для Камчатки, в котором предписывалось учредить на Камчатке «Областное управление из земского исправника, областного судьи и двух заседателей под председательством коменданта, которого, дабы придать важности посту, именовать Правителем области Камчаткой и комендантом Верхнекамчатска, который стал административным центром» [1]. 11 января 1811 года был образован особый Комитет для внутреннего устройства Камчатской, Охотской и Якутской областей под председательством Генерал-губернатора Сибири И. Б. Пестеля, который представил Правительству на рассмотрение «Положение о преобразовании на Камчатке военной и гражданской части, об улучшении состояния тамошних жителей, и вообще этого края», которое было утверждено указом от 9 апреля 1812 года и было приказано сформировать в Петропавловской гавани одну флотскую экипажную роту из 122 человек, Начальника Камчатки назначить из офицеров Морского Ведомства и местопребыванием его определить Петропавловский порт. С мая 1813 по август 1817 года обязанности по управлению камчатскими делами исполнял Илья Дмитриевич Рудаков, который мичманом служил на шлюпе «Диана» в 1811–1813 годах под командованием капитана-лейтенанта В. М. Головнина (1776–1831). В 1817 году управление Камчаткой было доверено капитану 1 ранга П. И. Рикорду (1776–1855).

Людмила Ивановна Рикорд (Коростовцева) записывала в свой дневник: «16 февраля 1817 года на В.О., 14-линии за Малым проспектом мы с мужем уселись в кибитку и отправились на Камчатку. 24 марта прибыли в Томск, где встретили радушный прием губернатора Ильячевского; потом в Иркутск, по Лене до Якутска, куда прибыли 27 мая, и встретил нас Начальник Якутской области Миницкий с семейством. Далее в Охотск 800 верст верхом на лошадях с нами был американец Пигот. Постройки в Охотске весьма бедные, климат самый суровый, далее на 2-мачтовом военном бриге отправились в Петропавловский порт, назначенный для пребывания начальства, находится между двух высоких и длинно протянутых гор, в ущелье коих стояла низенькая убогая церковь и близ нее не более 50 хижин с травяными крышами (там нет соломы), без дворов, без ворот и пристроек, без улиц, постройки в беспорядочном виде разбросаны по берегу гавани, составляя городское население; казенные здания более нежели в скромном виде выказывались. Нас проводили в дом, назначенный для начальника области, там мы нашли 4 небольшие комнаты; стол и стулья составляли весьма скудную обстановку назначенного для нас жилища. В оконных рамах небольшого размера не было стекол, а вместо них была вставлена слюда, кусочками сшитая. Дом этот стоял на косогоре, близ морского берега. Привезенные в СПб значительной величины китовые усы находятся в Стрельне у дворца Его Императорского Высочества Великого князя. Усы эти представлены мною Его Высочеству во исполнение завещания покойного мужа после его смерти. Они и теперь стоят в саду близ Дворца у гимнастики для детей» [2].

Рис. 1. *Вице-адмирал В. М. Головнин*

Рис.2. *Герб дворянского рода Головниных*

Рис. 3. *Адмирал П. И. Рикорд*

Желая и по окончании срока своего правления на Камчатке быть полезным своему любимому «добродушному народу», Петр Иванович вывез в Санкт-Петербург с собой двух мальчиков из природы камчадалов, воспитанников Камчатского духовного училища: Ефима Лазарева и Егора Черных, за свой счет. Они были приняты в земледельческую школу в июле 1823 года, произведены в чин 14 класса 17 января 1829 года и уже специалистами-агрономами отправились на Камчатку. В 1834 году Черных уехал по предложению РАК в форт Росс [3].

В 1821 году английский путешественник и авантюрист Джон Дандас Кохрейн достиг Петропавловска, в доме Рикорда он влюбился в воспитанницу супруги Петра Ивановича – Людмилы Ивановны Рикорд (Коростовцевой), «прехорошенькую, лет 17-ти», Ксению Ивановну Логинову (1807–1870). 8 января 1822 года Ксения и Джон Кохрейн были обручены, и в 1823 году молодые прибыли в Лондон, где Джон написал книгу о своих удивительных приключениях в России. Кохрейн решил заняться торговыми операциями в Южной Америке, но в 1825 году умер от лихорадки в городе Валенсия на севере Колумбии. Овдовев в 18 лет, Ксения вернулась в Россию в семью Рикорд в Санкт-Петербурге, где познакомилась с капитаном-лейтенантом П. Ф. Анжу (1797–1869), вышла замуж за него и подарила ему трех сыновей и четырех дочерей [4].

Воспитанником семьи Рикорд был и будущий классный художник, академик Егор Мейер.

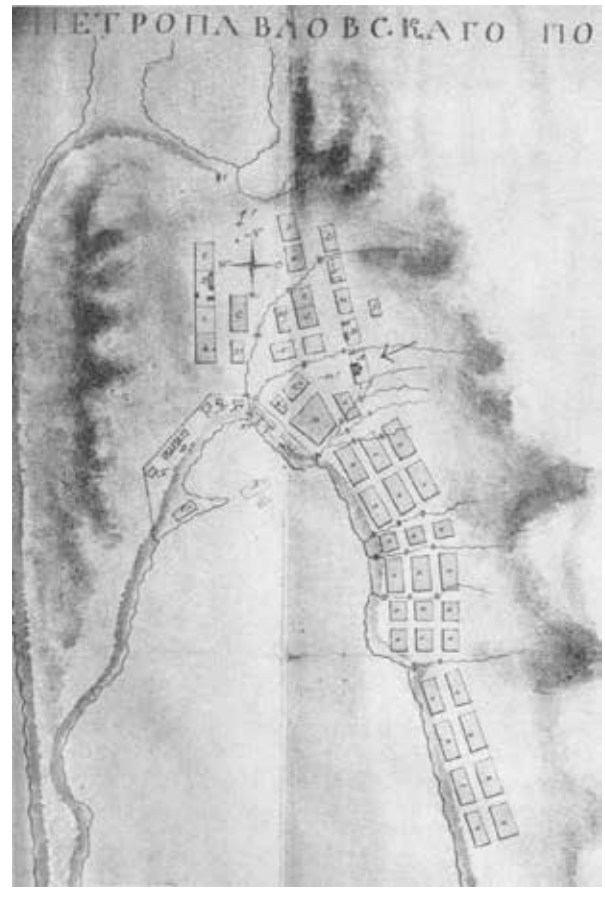

Рис.4. *План Петропавловска 1819 года*

22 марта 1845 года в Правление Императорской Академии художеств поступило прошение от Егора Мейера: «Имея намерение вступить в брак с дочерью умершего чиновника 8-го класса Чер-

никова девицею Софиею Васильевною, прошу покорнейше о выдаче мне на то свидетельства, равно выдать свидетельство о настоящем моем звании, причем представляю и метрическое свидетельство». Вице-адмирал П. И. Рикорд представил свидетельства: 1 – «воспитанник мой Георгий Мейер родился 14 марта 1822 года, от свободного состояния иностранного негоцианта Мейера и крещен в греческую веру в Новгороде, в градской Дмитриевской церкви священником Алексеем Иванским. Вице-адмирал Рикорд»; 2 – «по Указу Его Императорского Величества, Новгородская духовная Консистория слушала: 1 – отношение вице-адмирала Рикорда, при коем доставил копию со свидетельства, данного Новгородской градской Димитриевской церковью священником Иванским, о рождении юноши Георгия Мейера, родившегося от неизвестной особы и крещенного 14 марта 1823 года, и просит выдать из Консистории законное свидетельство для определения в одно из казенных учебных заведений. 2 – выдать справку, по коей оказалось, что младенца Георгия, родившегося от неизвестной особы, по метрическим Новгородской градской Димитриевской церкви за 1823 год книгах, в числе родившихся записанным не оказалось. 3 – показание Новгородской градской церкви священника Алексея Иванского, коим он показывал, что действительно в 1823 году 14 марта он крестил младенца Георгия с покойным дьяконом Фоминым, о родителях коего повивальная бабка ему, священнику, не объявила, а только говорила, что младенец сей есть незаконнорожденный по фамилии Мейер; коему и восприемником он был. Определили: Его Преосвященство Анастасий, Епископ Старорусский и кавалер утвердил: хотя рождение и крещение младенца Георгия Мейера в метрической книге не написано; но поелику священником Иванским показано, что он действительно крестил Георгия, то, на основании показания Иванского, заготовленное свидетельство о рождении и крещении незаконнорожденного младенца Георгия и отослать оное при отношении вице-адмирала Рикорда. 2 апреля 1835 года» [5].

Военный губернатор города Иркутска генерал-майор Николай Щербатский подписал аттестат, в котором указывалось: «Егор Егорович Мейер, сын иностранного негоцианта, православного вероисповедания, знаков отличия не имеет, жалования не получал, имения родового или благоприобретенного ни за ним, ни за женою не состоит, воспитывался в Академии Художеств, откуда выпущен с золотою медалью, и был отправлен пансионером для усовершенствования в Италию. 15 сентября 1844 года удостоен званием классного художника; 31 декабря 1845 года Ея Императорским Высочеством Великою княгинею Мариею Николаевною за успехи награжден золотым перстнем, в 1846 году награжден званием академика и Почетного члена Академии. 19 ноября 1853 года вступил в экспедицию Императорского Русского Географического Общества и отправлен в распоряжение Генерал-губернатора Восточной Сибири. 1 апреля 1855 года определен землемером Приморской области; 20 февраля 1858 года указом Правительствующего Сената от 4 августа 1859 года № 94 утвержден в чине титулярного советника со старшинством с 1853 года 19 ноября. Указом Сената от 26 августа 1859 года № 110 за поездку на службу в Приморскую область Восточной Сибири произведен в чин коллежского асессора со старшинством с 1858 года 29 февраля. По поручению Военного губернатора Приморской области управлял Николаевским округом с 3 апреля 1860 года по 15 марта 1862 года. Приказом Исправляющего должность генерал-губернатора Восточной Сибири причислен к Иркутскому Общему губернскому Управлению 24 июня 1862 года. В походах и делах против неприятеля, а также в штрафах, под судом и следствием не был. От супруги Софьи Васильевны имеет детей: сына Мануила (11.01.1850-), дочерей Марию (15.05.1845-), Веру (25.02.1847-). Ныне г-н Мейер, в следствия прошения его, по постановлению начальника Иркутской губернии от 25 мая № 2115, уволен от службы 25 мая 1863 года [6]. Протоиерей Денисов подписал справку: коллежский асессор, академик Егор Мейер, проживающий в Санкт-Петербурге Рождественской части 3 кв. 7, в доме № 23 по Таврической улице, умер в больнице Св. Марии Магдалины 29 января 1867 года от поноса и погребен на Смоленском православном кладбище 31 января 1867 года Академией Художеств [7].

7 апреля 1867 года от Министра Императорского Двора поступило уведомление Вице-Президенту Императорской Академии Художеств: «по докладу моему рапорта Вашего Сиятельства от 21 марта, Государь Император разрешить изволил предоставить вдове академика Мейера войти в соглашение с академиком Романовичем-Богомоловым об окончании начатой мужем ея картины «Вид г. Иркутска» по эскизу и рисункам покойного, и вдова академика Мейера покорнейше просит Совет Академии Художеств исходатайствовать ей 500 рублей в счет недоконченной картины мужа ея, изображающей город Иркутск, об окончании которой она, по Высочайшему соизволению, вошла уже в сношение с академиком Богомоловым-Романовским. Вышеозначенные

Рис. 5. *Деревня на Амур-реке, художник Е. Мейер*

500 рублей необходимы на материалы и другие потребности при окончании картины» [8]. Софья Мейер отвечает: «На предъявленное мне Правлением Академии Художеств отношение Канцелярии Министерства Императорского Двора от 22 декабря 1867 года за № 3640, имею честь объяснить, что академик Резанов, принимая на себя исполнение картины «Екатерино-Никольская станица на Амуре» по рисунку и эскизу покойного мужа моего, дал расписку в обязательстве уплатить мне 450 рублей из следующих ему за написание этой картины 1500 рублей». Вдова академика, коллежского асессора Егора Мейера Софья Васильевна Мейер сего 1867 года 24 сентября повенчана в Благовещенской церкви на Васильевском острове вторым законным браком с надворным советником Василием Васильевым сыном Дерикером. Протоиерей» [9].

24 сентября 1833 года Совет Академии Художеств рассматривал исполненные по назначению Совета Академии разными лицами программы для получения звания академика, а именно: по живописи пейзажной, в том числе и художника Егора Мейера, представившего картину, изображающую горное ущелье, и было определено: «Мейера за искусство и познания в художестве, доказанные означенными трудами, возвести в звание Академика и представить о сем на утверждение Общего Собрания Академии» [10]. Получив звание академика 2 степени, Егор Мейер подал прошение 7 декабря 1839 года в Правление Императорской Академии Художеств: «По Высочайшей воле, я, подобно другим моим товарищам, вышел на квартиру, желая продолжать в качестве вольноприходящего Художественный курс в Академии, но чтобы не встретить затруднения в свободном проживании в Санкт-Петербурге, покорнейше прошу Правление Академии снабдить меня для этого надлежащим видом» [11]. Егору Мейеру был выдан Билет: «Предъявитель сего ученик Императорской Академии Художеств Егор Мейер отправляется с повеления Академического Начальства в Восточно-Алтайский край для снятия видов с натуры, почему господ на заставах команду имеющие благоволение чинить ему как туда, так и обратно в Санкт-Петербург свободный пропуск, равно и беспрепятственное на месте, где и сколько нужно будет пребывать. В уверение сего и дан ему, Мейеру, сей билет с приложением меньшей Академической печати. СПб 28 февраля 1842 года» [12]. После командировки Мейер серьезно заболел, и ялтинский уездный врач Зеленкевич представил свидетельство 22 октября 1844 года: «С 25 августа по настоящее число лечил я ученика Академии Художеств Егора Егорова Мейера,

Рис. 6

одержимого лихорадкою, происходящею от климатического влияния, которая, оставив больного на две недели, появилась у него вторично, почему лечение продолжается еще и теперь» [13]. Министерство Императорского Двора в СПб 3 декабря 1844 года подает прошение: «Милостивый Государь Василий Иванович (Григорович). Министру Императорского Двора угодно знать: хороший ли имеет талант находящийся в Одессе художник Мейер и может ли он, кроме пейзажной, быть употреблен по другим родам живописи; есть ли в Академии Художеств его произведения и какие, и по какому случаю проживает он в Одессе. Вследствие сего покорнейше прошу Вас сообщить мне, для доклада Его Светлости, означенные сведения, присовокупив – не тот ли самый это Мейер, который сопутствовал камер-юнкеру Чихачеву в 1842 году в путешествии в Алтайские и Саянские горы. В Панаев» [14].

По просьбе Чихачева, предпринявшего ученое путешествие по Высочайшему повелению в Сибирь и по китайской границе, ученику Академии Художеств Егору Мейеру дана была мастерская в Академии, «дабы он в оной занялся картинами, сделанными Егором Мейером в продолжении путешествия и которые Чихачев будет иметь счастие представить Его Императорскому Величеству, и просит разрешение жить Мейеру в оной квартире. Министр Императорского Двора князь Волконский просит начальника 2 отделения Эрмитажа 8 марта 1843 года приказать уложить препровождаемую при сем картину художника Мейера «Алтайские горы» и отправить оную в Царскосельский Новый Дворец, но не навешивать ее до личного Его Императорского Величества». Князь Волконский 9 марта 1843 года подает прошение: «Ученик Академии Художеств Егор Мейер, сопутствовавший камер-юнкеру Чихачеву путешествию в Алтайские и Саянские горы, занимался во время поездки снятием с натуры живописнейших мест Сибири. Ныне, по случаю предположенного Чихачевым помещения в описании означенного своего путешествия видов художника Мейера, я имел счастие подносить Государю Императору один из тех видов, представляющий часть Катунских и смежных Белков, и Его Императорское Величество удостоил картину эту своего внимания, соизволил оставить ее у себя, повелев при этом – выдать Мейеру 600 рублей серебром. Президент Академии Художеств герцог Максимилиан Лейхтенбергский 19 февраля 1845 года просит Правление Императорской Академии Художеств выдать живописцу пейзажей Егору Мейеру, уволенному мной, согласно желания генерал-адъютанта, генерала от инфантерии графа Воронцова в бессрочный отпуск на Кавказ, для занятия по

Рис. 7. *Горное озеро (Е. Мейер), 1844*

части живописи, на проезд и нужные ему деньги, по прибытии на Кавказ и во все время там Мейера нахождения будет получать содержание от графа Воронцова» [15].

Егор Мейер в соответствии с открывшимися событиями подает рапорт 17 февраля 1845 года конференц-секретарю Академии Художеств: «Я имел честь удостоиться внимания Его Сиятельства графа Воронцова, который желает иметь при себе художника. Не имея ничего, я вынужден был сделать следующие три условия: 1 – получить здесь на необходимые материалы для работы в экспедициях и также на поездку в Тифлис 1 200 рублей серебром; 2 – находиться под непосредственным начальством Главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом и при нем; 3 – получать жалование 100 рублей серебром. Его Сиятельство ответил мне, что имел честь об этом докладывать Его Императорскому Высочеству Герцогу Максимилиану, который Всемилостивейше благоволил отправить меня на Кавказ, где по прибытии моего я буду обеспечен согласно условиям из суммы Кавказских находящихся в Тифлисе» [15].

Перед отъездом в Тифлис Мейеру был выдан Билет: «Предъявитель сего Императорской Академии Художеств 14-го класса художник Егор Мейер отправляется для писания видов с натуры в Лифляндскую, Эстляндскую, Курляндскую губернии сроком до октября 1845 года, почему господам на заставах команду имеющие, благоволят чинить ему и следующей с ним жене его Софье Васильевне свободный пропуск туда и обратно, равно и беспрепятственное на месте, где сколько нужно будет пребывание. В уверение чего и дан сей билет с приложением Академической печати. 19 июня 1845 года» [15].

После приезда из Приамурского края Егор Мейер представил «Список картинам, которые могут быть изготовлены академиком Егором Мейером из 8-летнего пребывания его в Приамурском крае: 1 – вид города Николаева, 2 – вид улицы города Айгуно у крепостных ворот (обе эти картины уже приобретены Его Императорским Величеством), 3 – мыс Убиенный на Амуре, где был убит французский миссионер Лабрюньер в 1844 году до занятия этой страны русскими, 4 – крещение на реке Амгунь инородцев в 1857 году, 5 – гиляцкая деревня, 6 – внутренность гиляцкой избы, 7 – шаманство, 8 – пурга (амурская метель) с ездою на собаках, 9 – мыс Тыр с древними китайскими памятниками, 10 – вид Михайловского селения вольных переселенцев, 11 – вход в гавань Де-Кастри с мысом Клостеркамп, 12 – вид горы Джай из лагеря Мариинского поста, 13 – вид города Софийск, 14–16 – характерный вид рек Га-

рин, Амгуни, Хунгари, 17 – вид села Хабаровки на р. Амур, 18 – вид станции Казакевич, 19 – вид устьев реки Норо, 20 – китайская молельня и караул у устьев реки Ниман, 21 – вид устьев реки Сунгача, 22 – озеро Хин-кал с верховьями той же речки, 74 – вид Барабинской степи».

Академия Художеств 2 июня 1863 года за № 1248 подает рапорт: «Господину Министру Императорского Двора. Академик Мейер, прибывший недавно из При-Амурского Края, где он не дослужил одного года, по расстроенному здоровью, не позволившему ему более там оставаться, возвратился в Санкт-Петербург и подал в Совет Академии записку, объясняя свое крайне стесненное положение по неимению работы и места, которое бы доставляло ему с семейством содержание, просил оказать ему содействие к получению того или другого; причем он представил список картинам, которые может написать из материалов, собранных в течение 8-летнего пребывания своего в При-Амурском Крае. Совет Академии, в заседании 29 мая, признавая положение академика Мейера заслуживающим полного уважения и имея в виду, что он, как окончивший курс Академии с 1-й золотою медалью, и при том, как весьма талантливый художник, с пользою может заняться работами, – постановил просить Ваше Сиятельство, не изволите ли признать возможным обратить благосклонное внимание Его Величества Государя Императора на просьбу г. Мейера и удостоить его каким-либо заказом видов При-Амурского Края. Имея честь представить о сем Вашему Сиятельству и прилагая список картинам, которые могут быть исполнены академиком Мейером, из собранных им материалов, покорнейше прошу о последующем не оставить меня предписанием. Вице-президент».

В ответ на это прошение МИД 17 июня 1863 года отвечает: «Господину д.ст.с. Тону. По докладу моему рапорта Вице-президента Академии Художеств от 2 июня, Государь Император повелеть изволил предоставить Совету Академии художеств из прилагаемых академиком Мейером к написанию картин, изображающих виды При-Амурского Края, выбрать четыре сюжета: «Крещение Амурских инородцев на устье реки Амгуни», «Виды города Иркутска из-за реки Ангары», «Русское поселение Екатерино-Никольск на Амуре у входа в Кин-Ган или Амурские щеки», «Буря у озера Хинка, границы Приморской» и прошу за каждую из них заплатить мне по 1 500 рублей и заказать исполнение их Мейеру; но предварительно условиться с ним о цене и представить о том мне, для испрошения по сему предмету окончательного Высочайшего разрешения. Министр Императорского Двора». На сделанное предложение академик Мейер отвечает 23 февраля 1864 года: «Для исполнения Высочайше мне заказанных картин различных видов из Восточной Сибири, я нуждаюсь в утварях и костюмах некоторых инородцев сибирских и потому прошу исходатайствовать мне из Императорского Русского Географического Общества как материалы, так и необходимые костюмы под личную расписку мою» [16]. Для проживания в Санкт-Петербурге Академия Художеств выдало паспорт: «Академику и кавалеру, коллежскому асессору Егору Егоровичу Мейеру, для предъявления вместо диплома, где понадобится, в удостоверении его личности и прописки на квартирах в СПб сроком на 1 год. При нем находится жена его Софья Васильевна и дочери Мария 17 лет, Вера 15 лет и Эмануилла 14 лет. СПб 16 февраля 1864 г. Конференц-секретарь».

В Правление Академии Художеств академик Егор Мейер подает рапорт: «Имею честь представить в Правление оконченную мною картину «Шаманство во время поминок амурских инородцев», заказанную в 750 рублей к картине «Ветер Тайфун на озере Хин-ка в Манчжурии». Причем прошу выдать мне в скорейшем времени означенную сумму по крайнему моему положению, болезни и неимению средств на содержание семейства и себя. Вместе с тем доношу, что две картины: «Вид города Иркутска» и «Первое крещение на Амуре» по величине их (с лишком 4 аршин) не могут быть исполнены в занимаемой ныне мною мастерской, а другого помещения по случаю перестроек в Академии мне отвести нельзя, то покорнейше прошу войти к господину Министру Императорского Двора с просьбою отвести мне таковое в Эрмитаже или где будет угодно. Остановить же работы мои я не могу по неимению средств к пропитанию моему с семейством. Академик Егор Мейер». 16.02.1865. В.О., 8 линия, дом Маковкина, кв. № 5 [16]. В это же время жена академика Софья Мейер, опасаясь по недостатку средств остановить художественное образование своих дочерей: Марии, обучающейся гравированию на дереве, и Веры, уже получившей от Академии художеств две медали за живопись, покорнейше просит о продолжении негласного содержания, ныне выдаваемого дочерям ее из кабинета Его Высочества по 300 рублей серебром в год.

В Общем Собрании Академии художеств 3 сентября 1861 года дочь академика Вера Егоровна Мейер была удостоена 2-й серебряной медалью за портреты, а 1 сентября 1863 года за картину, изображающую «крестьянскую девушку,

считающую деньги», тоже награждена 2-й серебряной медалью», и ей дано свидетельство в том, что она «во внимании к хорошим познаниям ея в живописи, награждена от Академии двумя серебряными медалями 2-го достоинства и потому может с успехом преподавать уроки рисования в женских институтах, гимназиях и других учебных заведениях 13 декабря 1865 года».

Вера Егоровна подает прошение: «Имею честь покорнейше просить Совет Академии выдать мне, девице Вере Мейер, как получившей две вторые серебряные медали, диплом на звание художника, необходимый мне для преподавания уроков, девицам в институтах, гимназиях и т. п. заведениях. Вера Мейер. 29 ноября 1865 г. В. О. 8 линия, д. № 19/26, кв. 5» [17].

«Дочери академика Мейера Е. Е. в продолжение 3 лет пользовались пенсионом в 300 рублей серебром в год, жалованным Государем Императором для усовершенствования в рисовании и гравировании. Благодаря Царской щедрости дочери Мейера могли успешно заниматься избранными ими предметами учения. Старшая Мария имела счастие представить гравюру «Вид гавани», сделанную с картины отца ее Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику, а другую – портрет – Его Императорскому Высочеству Великому князю Константину Николаевичу. Меньшая Вера 2 года сряду представляла на выставку Академии Художеств свои картины, писанные масляными красками, и удостоилась 2-й серебряной медали. Ныне Вера и Мария просят не оставить их своими щедротами на полудороге и даровать средства докончить художественное образование, а для сего просят продлить пенсион. Жительство Мейер: В. О. 8 линия, на углу Большого проспекта, в доме Маковкина. Высочайше было повелено еще на 1 год выдать 300 рублей. 8 марта 1863 года» [18].

Вице-президент Академии Художеств князь Гагарин подает рапорт Министру Императорского Двора 2 июня 1863 года: «Академик Мейер, прибывший из Приамурского края, где он не дослужил одного года для получения положенного пансиона, по расстроенному здоровью, не позволившему ему долее там оставаться, поданною в Совет Академии запиской, объясняя свое крайне стесненное положение по неимению работы и места, которое бы доставляло ему с семейством содержание, просил оказать ему содействие к получению того или другого; причем он представил список картинам, которые может написать из материалов, собранных в течение 8 лет пребывания своего в Приамурском крае. Совет Академии в заседании 29 мая, признавая положение Мейера, заслуживающего полного уважения, и имея в виду, что он, как окончивший курс Академии Художеств с 1 золотою медалью и при том, как весьма талантливый художник, с пользою может заняться работами, постановил – просить Ваше Сиятельство обратить благосклонное внимание Его Императорского Величества на просьбу Мейера и удостоить его каким-либо заказом видов Приамурского края. Список картинам, которые могут быть изготовлены академиком Егором Мейером из 8-летнего пребывания его в Приамурском крае: 1 – вид Барабинской степи; 2 – города Иркутска; 3 – Цагаян, высокие песчаные обрывы, дымящиеся почти весь год от тлеющей каменноугольной формации; 4 – крещение на реке Амгунь инородцев в 1857 году; 5 – мыс Убиенный на Амуре, где был убит французский миссионер Лабрюньер в 1844 году до занятия этой страны русскими; 6 – гиляцкая деревня; 7 – внутренность гиляцкой избы; 8 – шаманство; 9 – пурга с ездою на собаках; 10 – мыс Тыр с древними китайским памятниками; 11 – вид Михайловского селения вольных переселенцев в 1855; 12 – вход в гавань Де-Кастри с мысом Клостерскамп; 13 – вид годы Джай из лагеря Марийского поста; 14 – вид города Софийск; 15 – характерный вид реки Гарин; 16 – реки Амгуни; 17 – реки Хунгари; 18 – вид с. Хабаровки на реку Амур; 19 – вид станицы Казакевич; 20 – вид устьев реки Норо; 21 – китайская молельня и караул у устьев реки Ниман; 22 – вид устьев реки Сунгача; 23 – озеро Ханка с верховьями реки; 24 – вход в гавань Ольгу; 25 – гавань Ольга из Тихой пристани; 26 – лодки и избы прибрежных жителей Манджурии Манза; 27 – вид гавани Находка; 28 – вид Гамеленова пролива; 29 – вид Императорской гавани; 30 – фрегат «Паллада» в Императорской бухте; 31 – вид гавани Посьета; 32 – вид реки Турий-рог граница на о. Ханка; 33 – вид о. Дабиху (Жемчужное); 34 – долина реки Мурен, впадающей в Уссури; 35 – фанза или ферма ссыльных в Манджурии; 36 – китайское заведение для сушения овощей в Манджурии; 37 – характер местности между о. Хинка и рекой Суйфун; 38 – вид долины этой речки; 39 – лесной вид в верховьях этой речки; 40 – долина реки Сиянхе, впадающей в Суйфун; 41 – Лефу; 42 – древний лагерь на р. Суйфун называемый Шульхе; 43 – долина реки Эдельгу, впадающей в Суйфун: 44 – Амба-бир; 45 – Хуан-ми-ходзя впадающей в Монго-бира; 46 – Монго-бира впадающей в море; 47 – вид с гор на море у порт-Брюсса, Амурские виды по реке Уссури вверх по течению; 48 – характер местности у устьев реки Сунгари; 49 – амурские инородцы и их летники;

50 – вид устьев реки Буреи с казачьей станцией; 51 – станица Екатерино-Никольск; 52 – кинган, или Амурские щеки; 53 – вид устьев реки Белой; 54 – станица Кумара; 55 – мыс Кумара, бывший китайский караул; 56 – мыс Карсакова; 57 – станица Кузнецова; 58 – место древнего Албазина; 59 – река Амур у селения Амозар; 60 – вид начале Амура, или слияние Аргуни с Шилкою; 61 – вид станицы Горбицы на р. Шилка; 62 – Куларки; 63 – виды: Шилкинского завода; 64 – станицы Ук-тыч; 65 – деревни Молодой; 66 – Стретенска; 67 – города Благовещенска на Амуре; 68 – посольского монастыря на о. Байкал; 69 – реки Ангары; 70 – реки Енисей у Красноярска; 71 – реки Абазан в Минусинском крае с видом Абазанского форпоста».

16 августа 1863 года последовало указание, что избраны картины: 1 – крещение амурских инородцев на устьях реки Амгуни; 2-вид Иркутска из-за реки Ангары; 3 – русское поселение Екатерино-Никольск на Амуре у входа в Кин-Ган или Амурские щеки; 4 – буря у озера Хинка границы Приамурской области и Манджурии. Т. к. эти сюжеты по сложности требуют большого размера, дабы можно было выразить типы, костюмы и утвари, то просимая Мейером цена по 1 500 рублей за каждую весьма умерена, полагая времени на исполнение их не менее двух лет, при этом Мейер, как человек бедный и семейный, просит при утверждении заказа выдать ему в счет заказной суммы вперед 1 000 рублей серебром. В ноябре 1867 года последовало разрешение выдать как вдове академика Мейера за картину «Вид Иркутска» 1000 рублей, так и на поручение академику Резанову написать картину «Екатерино-Никольскую станицу на Амуре» по рисунку и эскизу покойного Мейера и выдать ему вперед на издержки 500 рублей [19].

31 января 1867 года вице-президент Академии Художеств подает рапорт Министру Императорского Двора: «Исполнявший по Высочайшему повелению от 22 августа 1863 года заказ картин видов Приамурского края, академик, коллежский асессор Мейер, от непродолжительной, но тяжелой болезни, 29 января волею Божиею умер, без всяких средств на погребение и уплату сделанных им во время болезни долгов. Прошу об исходатайствовании от щедрот Монарших пособия на похороны покойного Мейера, присовокупляя, что во внимание крайнего его положения, во время болезни, за несколько дней перед смертью, я распорядился выдать ему 150 рублей из денег с посетителей выставки художественных произведений. Вице-президент князь Гагарин» [19].

Определением Правительствующего Сената 8 ноября 1860 года было утверждено постановление Новгородского Дворянского Депутатского Собрания от 6 октября 1860 года о внесении надворного советника Эдуарда Христофорова Мейера с женою его (второго брака) Аделаидою, урожденной Гревингк, и детьми: Иоганом-Эдуардом, Доротеею-Вильгеминою, Шарлоттою-Елисаветою, Христиною-Матильдою, Генриеттою-Аделаидою, Геселеною-Иоганною, Констанциею-Гертрудою, Натальею-Идою – в 3 часть Дворянской Родословной Книги, по полученному Эдуардом Христофоровым Мейером 28 января 1845 года чину коллежского асессора. Сенат приказал: изготовив проект герба полковника Иогана-Эдуарда Эдуардова Мейера, представить на Высочайшее утверждение. 12 апреля 1893 года в Собрание Гербового Отделения при Департаменте Герольдии Правительствующего Сената прибыли пополуночи: д.ст.с. М. В. Лоренц; ст.с. А. П. Барсуков и слушали внесенный Управляющим Гербовым Отделением проект герба дворян Мейер, рассмотренный вследствие предписания Герольдмейстера от 3 марта 1893 года. После рассмотрения дела приказали: проект герба утвердить и представить Герольдмейстеру для дачи дальнейшего хода, был приложен рисунок и описание проекта герба рода дворян Мейер: «В лазуревом щите на зеленой траве серебряный скачущий конь с червленными глазами и языком, вокруг которого обвивается черная змея с червленными глазами и жалом. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: два лазуревых сложенных орлиных крыла и черная орлиная лапа, держащая серебряный с золотою рукоятью меч. Намет: лазуревый с серебром». Эмблемы, помещенные в гербе полковника Иоганна-Эдуарда Мейера, указывают: 1 – конь в щите и рука с мечом в нашлемнике – на службу просителя по Кавалерии и Государственному Коннозаводству, а 2 – змея, обвивающая коня, на докторскую профессию отца его» [20].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тихоцкий А. И.* Адмирал Петр Иванович Рикорд. – СПб. – 2016. – 209 с.

2. Русская Старина, Т. XXIV. Воспоминания Л. И. Рикорд (1794–1883), с. 41–48.

3. *Тихоцкий А. И.* Адмирал Петр Иванович Рикорд. – СПб. – 2016. – С. 226–227.

4. *Головнин П. А., Родионов А. В.* Исследователь Арктики Петр Федорович Анжу, его предки и потомки // Известия Русского Генеалогического Общества. Выпуск № 34. – СПб. – 2018. С. 103–116.

5. РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 41-«М» (Дело художника Мейера, 1863–1868). Л. 18.

6. Там же, л. 63.

7. Там же, л. 101.

8. Там же, л. 105.

9. Там же, л. 129.

10. Там же, л. 5.

11. Там же, л. 2.

12. Там же, л. 3.

13. Там же, л. 5.

14. Там же, л. 6–7.

15. РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (98/935), Д. 319 (О назначении в одном из зданий Академии Художеств квартиры художнику Мейеру, для писания картин, 1843). Л. 1–8.

16. РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 41-«М» (Дело художника Мейера, 1863–1868). Л. 18–71.

17. РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 39-«М» (Дело художницы Веры Егоровны Мейер). Л. 1–3.

18. РГИА. Ф. 472. Оп. 19 (116/953). Д. 35 (По просьбе дочерей академика Мейера Веры и Марии о пособии, 1863). Л. 2–4.

19. РГИА. Ф. 472. Оп. 19 (116/953). Д. 35 (О заказе академику Мейеру 4 картин видов Приамурского края, 1863). Л. 1–60.

20. РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 1083 (Дело об изготовлении герба рода Мейер, 3.03.1893–7.01.1894). Л. 2–13.

НЕЗАБЫТЫЕ ИМЕНА (ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИВНЫХ ФОНДОВ КАМЧАТСКОГО КРАЕВОГО ОБЪЕДИНЕННОГО МУЗЕЯ)

Графская,
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Камчатский краевой объединенный музей»

Российские музеи в современном мире – это один из наиболее доступных и динамично развивающихся общественных институтов, выполняющих функции по сохранению, пополнению, изучению и представлению культурного наследия нашей страны.

Именно в этом музеям с краеведческой направленностью в настоящее время отводится особая роль. Они становятся центрами возрождения национальной духовной жизни в стране и регионах, способствуют выработке целостного исторического сознания населения и тем самым вносят свой вклад в укрепление стабильности и гармонии в обществе.

Камчатский краевой объединенный музей является ведущим музеем Камчатского края, самого восточного субъекта нашей большой страны. Более чем за столетнюю историю в музее собраны уникальные коллекции, представляющие историю Камчатки и культуру народов, населяющих полуостров. Благодаря работникам музея, на протяжении длительного периода времени проводившим кропотливую работу по комплектованию источников, по крупицам была собрана история Камчатки. В результате появлялись лица, герои. Вспомним их имена…

В фондах Камчатского краевого объединенного музея сохранилась небольшая, но очень ценная коллекция архивных документов, посвященных непростому периоду для нашей страны, но очень важному для развития Камчатки. Именно в первые десятилетия 20 века, на фоне революционных преобразований в России, закладываются основы, в первую очередь, экономического роста нашей территории. Именно в этот период на Камчатке появляются люди, сыгравшие большую роль в дальнейшей истории Камчатки. В архивном фонде документов об участниках установления советской власти на Камчатке отложились документы к биографиям более двадцати участников установления советской власти на Камчатке. Вот некоторые из них:

Акимов Иван Георгиевич – один из первых комсомольцев Камчатки, один из первых камчатских китобоев, обучавшийся специальности помощника гарпунера на норвежской китобойной базе «Командорен-1» в 1925 году;

Ивашкин (Ларичев) Петр Глебович – секретарь камчатского народно-революционного комитета, партизан, редактор партизанской газеты, после установления советской власти на Камчатке становится секретарем Камчатского губернского революционного комитета;

Кошуба Семен Сергеевич – директор Козыревского совхоза;

Левченко Самуил Саввич – председатель Укинского революционного комитета, расстрелянный карательной экспедицией в 1919 году;

Пузырев Александр Степанович – участник партизанского движения Крутобереговского отряда, после установления советской власти на Камчатке был охотником, работал судебным исполнителем в городском народном суде;

Рябиков Илларион Васильевич – организатор партизанского отряда в с. Утхолок Тигильского района, жестоко замучен в плавучей тюрьме – трюме парохода «Свирь» в сентябре 1922 года;

Семенов Владимир Иванович – секретарь Усть-Камчатского сельсовета, партизан Крутобереговского отряда, после установления советской власти на Камчатке работал в финансовых органах;

Топорков (Олейник) Антон Савельевич – председатель солдатского комитета г. Петропавловска, заместитель председателя Петропавловского Совета рабочих и солдатских депутатов;

Тюменцев Герасим Иванович – член партизанского отряда Г. М. Елизова, вынесший из боя смертельно раненного командира;

Фролов Николай Павлович – сотрудник городской милиции в 1918 году, командир нескольких камчатских партизанских отрядов, после установления советской власти на Камчатке становится начальником Петропавловской милиции, кавалер ордена Красного Знамени, председатель исполнительного комитета Петропавловского горсовета, работника Наркомфина РСФСР, персональный пенсионер.

Чекмарев Василий Михайлович – балтийский матрос, делегат Камчатского Съезда Советов, партизан, после установления советской власти на Камчатке работал заведующим продовольственным отделом;

Чубаров Григорий – прошел путь от рядового красноармейца до командира полка. Руководил

ликвидацией белогвардейских отрядов в северных районах Камчатской области в 1923 году, известной как «чубаровский поход». Участвовал в Великой Отечественной войне, был репрессирован и умер в заключении. Помимо документов, внесенных в описи фонда, музей располагает многочисленными фотографиями Г. И. Чубарова, фотографиями похода, фотокопиями документов о реабилитации Чубарова, фотокопией одного из его писем из заключения, фотографиями установки мемориальной доски на улице Чубарова в г. Петропавловске;

Якум Александр Семенович – член РКП(б) с 1907 года, политкаторжанин, возглавлявший экспедицию крейсера «Красный вымпел» (бывшее охранное судно «Адмирал Завойко») на Камчатку в 1921 году. А. С. Якум передал музею большое количество фотодокументов, связанных с историей ссылки и каторги, судном «Красный вымпел», а также фотографий, рассказывающих о посещении им нашего музея в 1970-е годы, о своей лекционной работе в данный период. В фонде отложились также фотографии похорон А. С. Якума в октябре 1977 года.

Документы фонда – биографические справки, воспоминания, переписка с музеем (письма, поздравительные открытки), удостоверения, грамоты, свидетельства, статьи. В фонде представлена газета «Полярная звезда» за 1мая 1923 года со стихотворениями В. Кручины; статья Ивашкина П. Г. «Большевистское печатное слово на Камчатке».

Особняком стоит Фонд № 148 «Ларин Иван Емельянович, первый председатель Петропавловского городского и Камчатского областного Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, председатель областного народного революционного комитета, член губернского революционного комитета». Примечателен данный фонд тем, что в 1960–1980-е годы был собран не только документальный фонд И. Е. Ларина, но и принадлежавшая ему коллекция вещественных источников.

Комплектование мемориальной коллекции началось еще в 1960-х годах, когда сотрудники Камчатского областного краеведческого музея (ныне – КГБУ ККОМ) организовывали переписку с И. Е. Лариным, проживающим в тот период в г. Красноярске. Цель переписки – сбор его мемориальной коллекции. В фондах КГБУ ККОМ хранятся письма и поздравительные открытки, которые Иван Емельянович адресовал сотрудникам музея.

После смерти Ивана Емельяновича его вдова Ксения Михайловна дала согласие на передачу документов и вещей Ларина в Камчатский областной краеведческий музей. К ней в г. Троицк Московской области выехали директор музея Клара Николаевна Величко и сотрудница музея в г. Елизово Клавдия Георгиевна Муратова. В течение двух месяцев они подготовили опись мемориальной коллекции.

17 сентября 1980 года Ксения Михайловна отправила на Камчатку посылку с книгами и вещами своего мужа, а 5 октября того же года — контейнер с библиотекой и предметами мебели. 9 апреля 1981 года в фонды музея приняты первые 59 предметов коллекции, 25 мая 1981 года в фонды музея поступило 177 предметов, принадлежавших И. Е. Ларину, присланных из г. Троицка Московской области посредством контейнерной перевозки.

Всего от Ксении Михайловны Лариной в фонды музея поступило 236 предметов. За всю историю существования нашего музея этот контейнер подарков является единственным случаем передачи в дар подобным способом такого количества уникальных и разнообразных мемориальных предметов.

Архивные фонды музея, представленные в нашем материале, на сегодняшний день являются источниковедческой базой изучения такого периода, как установление советской власти на Камчатке. Это наследие нашего края, к которому можно прикоснуться...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АНГЛИЧАН НА КАМЧАТКЕ В 1882 ГОДУ: СЕМЕРО НА ПЛОТАХ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

Дивнина Наталья Валентиновна,
Главный библиотекарь КГУ ККНБ
им. С. П. Крашенинникова

13 августа 1882 г. в Петропавловскую гавань вошла винтовая шхуна «Марчеза» с участниками английской зоологической экспедиции на борту. Они уже посетили Цейлон, Сингапур, остров Формоза, острова Рюкю и Японию.

На Камчатке экспедиция провела полтора месяца; экипаж «Марчезы» принимал участие в установке памятника «Слава» 24 августа 1882 г.

Пока шхуна стояла в Петропавловске, а затем совершала переход к северу вдоль восточного побережья Камчатки, один из участников экспедиции – Френсис Генри Хилл Гиллмард, путешественник, писатель и натуралист, с несколькими товарищами и проводниками отправился в сплав по реке Камчатке на самодельном плоту от села Шаромы до устья. Английские путешественники посетили Старый Острог, Начики, Ганалы, Пущино и все селения по реке от Шаром до Усть-Камчатска – в том числе Козыревск, селение Ушковское, Кресты, Камаки и Нижне-Камчатск.

Они благополучно встретились в устье реки с ожидавшим их судном, затем экспедиция посетила остров Беринга, бухты Моржовую и Бечевинскую, вернулась в Петропавловск и уже окончательно покинула Камчатку.

Гиллмард написал об этой экспедиции книгу «Плавание «Марчезы» на Камчатку и в Новую Гвинею с заметками об островах Формоза, Лиу-Киу (*о-ва Рюкю*) и некоторых островах Малайского архипелага» («The Cruise of the Marchesa to Kamschatka and New Guinea, with notices of Formosa, Liu-Kiu, and various islands of the Malay Archipelago». London: John Murray. 1886.)

Книга имеется в свободном доступе на сайте системы библиотек Университета Калифорнии (University of California Libraries), в 2014 г. я начала потихоньку ее читать и переводить – результатом стали 3 публикации и 1 сообщение о приключениях доктора Гиллмарда на Камчатке.

Неоценимую помощь в переводе мне оказала Лена Айказовна Абрамян, заведующая отделом по работе с молодежью Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова.

Первый доклад про эту замечательную экспедицию прозвучал на XXXII Крашенинниковских чтениях в 2014 г. Потом был перевод главы про Петропавловский порт и установку памятника «Слава». Дальше было Мильково, I Малые Крашенинниковские чтения «Возрождая традиции» (2019 г.), с переводом главы о селениях расположенных на территории современного Мильковского района.

Пришло время рассказать об усть-камчатских селениях и реалиях, проследить весь путь наших отважных героев и наконец-то проститься с ними.

Несколько интересных моментов, которые обнаружились по мере изучения темы.

Достаточно известная книга «Живописная Россия» – кладезь иллюстраций Камчатки конца XIX в. Выяснилось, что 12 из 39 иллюстраций очерка «Камчатка» – это рисунки экспедиции Гиллмарда, оперативно опубликованные сразу после ее окончания в еженедельной английской газете «The Graphic» 30 июня 1883 г.! В «Живописной России» эти рисунки имеют другие названия и не имеют ссылок на источник.

Иллюстрацию из «The Graphic» обнаружил при своих исторических изысканиях краевед Павел Львович Калмыков, за что ему огромное спасибо.

Портрета героя моего доклада в 2014 г. не обнаружилось. Однако, получив иллюстрацию из «The Graphic», я внимательно рассмотрела персонажа в охотничьем костюме и увидела подпись: «Доктор Гиллмард в камчатском охотничьем костюме»

Что ж, доктор Гиллмард, приятно познакомиться!

Автор книги – личность весьма интересная. Френсис Генри Хилл Гиллмард (Francis Henry Hill Guillemard) родился 12 сентября 1852 г. в Элтаме, графство Кент (Eltham, Kent). Он был пятым ребенком в семье доктора медицины Исаака Гиллмарда (Isaac Guillemard) и Энн Пирс (Ann Pierce, nee Upham); всего в семье было 6 детей.

Разветвленный род Гиллмардов – потомки французских гугенотов, эмигрировавших в Англию.

Гиллмард обучался в Кембридже (Gonville & Caius College in the University of Cambridge), получил степень магистра гуманитарных наук и степень доктора медицины. Но не медицина влекла молодого выпускника, а путешествия: Лапландия в 1873 г., внутренние районы Южной Африки (1877–1878 гг.), Мадейра и Канарские острова. Во время Первой бурской войны 1881 г.

он снова посетил Южную Африку (по одной из биографий – все же в качестве военного врача). Вернувшись в Англию, он опубликовал свою первую книгу – медицинское исследование «On the endemic haematoria of hot climates».

После написания этой книги Гиллмард отправляется в продолжительную зоологическую экспедицию на винтовой шхуне «Марчеза» (1882–1884 гг.) Во время экспедиции была собрана огромная естественно-научная коллекция: 3 000 птиц, большое количество раковин, бабочек и жесткокрылых насекомых. Позднее был опубликован «Report on the ornithological collections made during the voyage of the yacht Marchesa». Что касается вклада в изучение Камчатки, то Гиллмард составил список птиц Камчатки и Командорских островов, куда включил 186 птиц, большинство из которых лично наблюдал во время своего путешествия.

В 1886 г. увидела свет книга «Плавание «Марчезы» на Камчатку и в Новую Гвинею».

К моменту публикации книги Ф. Г. Х. Гиллмард являлся уже признанным ученым, членом Линнеевского Общества, Королевского Географического Общества, Зоологического Общества и многих других научных организаций.

Он продолжает занятия зоологией, изучает животный мир о. Кипр, становится инициатором создания «Фонда исследований о. Кипр» (Cyprus Exploration Fund).

В 1890 г. была опубликована книга Гиллмарда «Жизнь Фердинанда Магеллана и первое кругосветное плавание, 1480–1521» («The life of Ferdinand Magellan and the first circumnavigation of the globe, 1480–1521»)

25 июня 1890 г. Гиллмард вступил в брак с дальней родственницей Катариной Стефани Гиллмард (Katharine Stephanie Guillemard), четвертой дочерью преподобного Уильяма Генри Гиллмарда, доктора богословия.

Но женитьба не остудила тягу нашего героя к странствиям, и в 1892 г. Гиллмард сопровождает сэра Чарльза Эвана Смита в его официальной миссии ко двору султана Марокко.

Только после окончания этого путешествия Гиллмард поселяется в Кембридже – уже до конца жизни. Некоторое время он преподает в университете географию, редактирует серию географической литературы Cambridge University Press.

Френсис Генри Хилл Гиллмард скончался 23 декабря 1933 г. в Трампингтоне, Кембридж, в своем доме, который назывался Old Mill House.

В связи с тем что объем статьи ограничен, кратко упомяну те предметы и явления, которые подробно описывает Ф. Гиллмард в своей книге:

– лососи и гольцы (с иллюстрациями);

– пушные животные и снежные бараны (с иллюстрациями);

– морские котики (с иллюстрациями);

– птицы Камчатки (с иллюстрациями);

– все посещенные селения, с указанием количества домов и жителей;

– балаганы, вешала для сушки рыбы, запоры и морды, ловушки для лис;

– земледелие на Камчатке; резонно замечая, что «для Камчадалов урожай из рек и моря имеет такую важность, а его «выращивание» занимает столько времени, что для земледелия остается немного досуга, даже если у них и имеется влечение к этому занятию» (1, 77);

– меховую торговлю (летняя шкура соболя в Петропавловске стоила 4 рубля, зимняя 16 рублей, прекрасная медвежья шкура – около трех или четырех, а самая отличная и большая – 7 рублей) «Самая же ценная и дорогая из всех – шкура калана (*Enhydra lutris*), который становится с каждым годом все большей редкостью на Камчатке. Хорошая шкура этого животного даже охотнику-аборигену принесет доход около ста рублей, в то же время на европейском рынке цена такой шкуры может достигать 120 фунтов стерлингов!» (1, 97);

– и многое-многое другое.

Много страниц книги посвящено описанию ездовых собак, их повадок, рациона, особенностей содержания. «Их шуба почти такая же густая, как у медведя, это настоящий мех, а не шерсть! По своим манерам и умению вести себя в обществе они больше всего напоминают наших мичманов флота – столь же грубы, невоспитанны и некультурны» (1, 82), а «в их рацион, как говорят, иногда попадают и неосторожные маленькие дети»! (1, 83)

Отдельная глава книги целиком посвящена истории Камчатки, со времен Ермака и до смерти де ла Кройера (1741 г.).

Ученого поразили красота Авачинской бухты и расположения Петропавловска, он описал памятник Берингу и монумент «Слава».

Гиллмард представляет нам петропавловских иностранцев мистера Люгибеля и капитана Хантера (Хунтера), знакомится с исправником и бессменным многолетним петропавловским городским старостой Эдмундом Сандалиным.

А главное, встречается с ученым, коллегой-врачом и путешественником Бенедиктом Дыбовским. Возможно, именно после беседы с ним Френсис Гиллмард решает совершить свое собственное путешествие.

Смелость его плана поражает – ведь англичане не имели ни малейшего представления ни о длине маршрута, ни о населенных пунктах по берегам реки (на английских картах на реке Камчатке было отмечено единственное селение – Верхне-Камчатск).

Дыбовский обнадежил: что бы ни случилось, голод в пути вам не грозит.

Утром 19 августа три участника экспедиции «Марчезы», двое слуг, два проводника, три конюха-камчадала и 16 лошадей вышли из Петропавловска.

Гиллмард ни разу не называет имен своих спутников-англичан, кратко представляет слугу-француза Луи и грека Спиридона Земби, кока.

Замечательны проводники, жители Петропавловска Яков Иванович Иванов и Афанасий Давидович Варрен. «Оба они были опытными охотниками на соболя, давно живущими в этой лесной глуши. Яков Иванович (Jacof Ivanovitch) был степенным, важным, но добродушным сибиряком, который прекрасно знал местность. Вторым был Афанасий Варен (Afanasi Waren), человек, в жилах которого действительно текла английская кровь, а по-английски он говорил просто замечательно. Весельчак, всегда бодрый и жизнерадостный – и, если верить слухам, великий сердцеед, любимец всех местных женщин. Получивший прозвище «Half-nasty» («наполовину противный», Хав-насти, подражание имени Афанасий. – Прим. авт.), он очень скоро полюбился и всей нашей команде» (1, 87).

Главный конюх получил прозвище Водки за свое «горячее пристрастие к местным горячительным напиткам» (1, 87). В первый же день путешествия он исхитрился незаметно для англичан выпить пинту бренди.

Его товарищи были настолько неумелыми и нерасторопными, что удивляешься тому, как эта экспедиция вообще могла состояться! Лошади постоянно разбегались, всего пугались, сбрасывали плохо закрепленные грузы и седоков.

Камчатские реалии веселят и удивляют. Вот дом в Начиках: «Окна, где вместо стекол – сшитые полосы медвежьих кишок, пропускали достаточно света, чтобы мы могли разглядеть на стенах весьма разнородные предметы. В углу находилась украшенная икона, а напротив нее – большое количество вырезок из полицейской газеты «Криминальные новости Нью-Йорка» – душераздирающие рассказы о драках, убийствах и внезапных смертях» (1, 99–100).

Наиболее подробно и поэтично описаны Ганалы – члены экспедиции провели в селении несколько дней.

Далее наши путешественники разбили лагерь недалеко от Шаром, откуда они планировали начать сплав. По дороге в селение заметили следы огромного медведя.

«Шаромы – милая маленькая деревушка, девять домов, сорок три жителя. Жители явно смешанного происхождения, но камчадальские черты выражены очень отчетливо» (1, 133).

Вообще Гиллмард отдает камчадалам должное – в отличие от «полу-русских сибиряков» они вежливы, обязательны, рады помочь. Однако складывается впечатление, что нажиться на путешественниках были не прочь все жители Камчатки, и русские, и камчадалы: они «задирали цены на все, и если бы мы добросовестно платили, то остались бы с пустыми карманами, не пройдя и половины пути» (1, 145).

Шаромский тойон получил письмо петропавловского исправника – дать людей и лодки.

«Мы смогли приобрести здесь пять долбленых лодок и соорудили их них два плота следующим образом. Три лодки были связаны борт о борт, с промежутком между ними примерно в один фут… В центре плота мы устроили платформу из жердей и обтесанных топором досок, длиной около 12–14 футов. Поверх платформы мы соорудили укрытие – нечто наподобие маленькой хижины с берестяной крышей» (1,136).

Другой плот, на котором следовали Луи, кок и двое проводников, был сделан подобным же образом, только из двух лодок и без укрытия, и поскольку его грузоподъемность была гораздо меньше, он тяжело осел в воде.

Из Шаром отплыли 1 сентября, двигаясь со скоростью около 6 миль в час, под периодические возгласы гребцов «na pravo, na levo» (1, 137).

И вот он, Верхне-Камчатск – дюжина бедных хижин, где проживало не более 50 человек. Близость Мильково, главнейшего поселения в этой части Камчатки, оказывает свое влияние – Гиллмард наблюдает «следы земледелия» – пару гряд картофеля, репы и даже небольшое ржаное поле. При этом он грустно замечает: «Кажется, что шансов у этих растений немного» (1, 139).

Перед селением путешественники наблюдали (и зарисовали) рыбные запоры и морды, устроенные «по принципу ловушки для лобстеров» (1, 139).

В Мильково наши герои задержались на несколько дней из-за дождя и ветра.

В мильковской лавке, которую Гиллмард торжественно именует магазином, «на площади всего 12 на 8 футов (3,65 × 2,40 м. – Прим. авт.), мы обнаружили муку, сахар, свечи, топоры и разные мелочи для продажи. Однако ни соболиных, ни каких-либо других шкур, которые мы надеялись приобрести, там не оказалось» (1,140).

«Чай и сахар у нас закончились, и мы были рады их купить. Единственный вид чая, которым пользуются здесь (так же как и в других частях Сибири) – так называемый плиточный (или кирпичный) чай. Это спрессованные плоские брусочки размером 10 на 5 дюймов и высотой в три четверти дюйма; на них оттиснуты большие китайские иероглифы. Такой чай лучшего качества прекрасно подходит для трудного путешествия, поскольку занимает мало места и не портится из-за сырости. Плиточный чай для камчадала то же самое, что кофе для лапландского саама» (1, 140–141).

Мильковская церковь – «бревенчатая постройка, много лет назад перевезенная из Верхне-Камчатска, снаружи ничем не украшенная и выкрашенная в красный цвет только с одной стороны. Священник встретил нас на крыльце и с явным удовольствием показал интерьер храма, мы же, отдавая долг гостеприимства, всячески высказывали наше одобрение. Надо признать, что это было нелегко, поскольку внутри мы увидели стены, оклеенные английскими бумажными обоями – теми самыми, которые обычно используются в спальнях.

Местами их красоту выгодно подчеркивали полосы других обоев, на которых розовые розы на ярко-голубом фоне во всем своем великолепии являли кошмар и ужас ранней викторианской эпохи. Над алтарем находилось несколько образов святых, выполненных маслом, причем один или два из них были очень недурны» (1,141).

На следующий день горы покрылись свежевыпавшим снегом. Все стали мерзнуть, надо было срочно решать вопрос с теплой одеждой. В Мильково одежды на продажу не оказалось, ее привезли из Верхне-Камчатска. Добротная меховая одежда, сшитая сухожильными нитками, согрела наших героев.

Утром 4 сентября англичане покинули Мильково и поплыли дальше вниз по реке.

Мильковчане запросили за сплав до Машуры 50 рублей, после долгого торга и угроз англичан, что они вернутся в Петропавловск и пожалуются исправнику на вымогательство, сошлись на 40.

В Машуре Гиллмард наблюдал первый и единственный за все путешествие случай заболевания проказой.

Не задерживаясь, наши герои отправились дальше – и наконец-то увидели вулканы – Толбачинский, Козыревский (Камень. – Авт.) и Ключевской. «Два остроконечных горных пика, Kojerevska и Kluchefskaya (Козыревский и Ключевской. – Авт.), совершенные в своих очертаниях – пирамиды чистейшего снега, при взгляде на которые понимаешь, как же бессилен любой язык для того, чтобы описать их совершенную красоту» (1, 148). Рядом с этой картиной меркли Анды, Альпы, Фудзияма и дюжина других увиденных гор! В восторге описывает Гиллмард, как на закате эти белоснежные громады медленно становились сначала золотыми, потом лиловыми.

Не выяснив у проводников и местных жителей, как называются два вулкана Ключевской группы, которые находились к юго-востоку от Ключевского, Козыревского и Ушковского, Гиллмард наносит их на карту и гордо дает им названия в честь английских героев войны в Судане Чарльза Джорджа Гордона и сэра Герберта Стюарта: гора Гордона и гора Герберта Стюарта (Mount Gordon and Mount Herbert Stewart). Гора Герберта Стюарта известна сейчас как Большая Удина, а гора Гордона – как Большая Зимина или другой вулкан из группы Зиминых сопок.

И вот наконец-то наши путешественники прибыли в Усть-Камчатский район.

Первым после Машуры было маленькое селение Козыревское – 10 хижин и 63 жителя. Путешественникам был оказан замечательный прием, их обеспечили свежими ягодами, картофелем, репой, молоком, сливками и маслом. Для гостей не пожалели даже ржаного хлеба, испеченного специально для угощения ключевского священника!

А еще поведали легенду о гамулах (Kanuli в транскрипции Гиллмарда).

У селения Гиллмард зарисовал вулкан Шивелуч.

Из Козыревска отплыли 11 сентября, провожаемые салютом ружейных выстрелов. Становилось очень холодно, утренние заморозки скорее напоминали утренние морозы.

Селение Ушковское насчитывало всего 13 обитателей и не заслужило никакого описания. Но там были замечены оригинальные лисьи капканы: вот их-то описали, зарисовали и опубликовали в книге.

Селение Кресты, увы, удостоилось только упоминания – его проскочили без остановки.

Недалеко от Ключей встретили четыре бата, причем половина батовщиков оказалась женщинами. Они очень ловко управлялись с веслами, одна из них была в мужском костюме и кокетничала с неотразимым Афанасием.

А вот и Ключи, «чьи потрепанные непогодой домишки выстроились на берегу, протянувшись примерно на четверть мили, – в этой части мира Ключи можно было считать городом» (1,166).

В Ключах ждала встреча с доктором и священником. Гиллмард, хорошо знакомый с англи-

канским духовенством, удивлялся тому, что на Камчатке священник – представитель низшего сословия, практически крестьянин, поскольку жена местного священника, как выяснилось, приходилась сестрой одному из конюхов-камчадалов!

Досталось и самому священнику: «Внешность его к себе не располагала; растрепанные волосы, ярко выраженное косоглазие и полное отсутствие умения вести беседу определенно представляли его совершенно не интересным в качестве собеседника. Но он принес нам в подарок два исключительно хороших кочана капусты, за которые мы, не привыкшие к роскоши, были очень благодарны» (1,173).

Жену священника после сплава навестили в Петропавловске, она оказалась милой, домовитой маленькой женщиной.

Гиллмард встретил в Ключах коллегу: седобородый местный доктор был почти слеп от катаракты; ему было семьдесят лет, из них тридцать три года безвыездно он провел в Ключах. На его памяти наши герои оказались первыми путешественниками, посетившими селение!

Коллеги побеседовали на «собачьей латыни» (набор слов, имитирующий латинский язык. – Прим. авт.), используя некоторые английские слова и активно прибегая к помощи Афанасия с Яковом Ивановичем.

Доктор пригласил в гости. Его внучка играла во дворе с зайцем-беляком, которого гостеприимный хозяин настоятельно хотел подарить гостям – но отнимать животное у ребенка не стали.

Все-таки на прощание доктор сделал Гиллмарду подарок: череп камчадала со старинного захоронения.

Увы, в книге не названо никаких имен – ни священника, ни его жены, ни доктора.

История Ключей для английского читателя в книге изложена кратко, но емко; Гиллмард цитирует Крашенинникова и описывает реально существующие поля – самые большие из увиденных им на Камчатке

Следующим селением на пути было Камаковское.

«Мы позавтракали и осмотрели эту деревню, которая, несмотря на свое величественное название, представляла собой жалкое безрадостное место, с населением, едва достигавшим 50 человек.

Возможно, понимая это и стесняясь, жители сократили пышное название «Камаковская» до короткого «Камаки». День был невыносимо холодным и мрачным, и вид двух полуголодных, одетых в меховые лохмотья камчадальских детей, которые, дрожа, сидели в старой прогнившей долбленой лодке, наполовину застрявшей в грязи, никоим образом не помогал сделать его менее угнетающим. Деревня казалась практически заброшенной, и поскольку здесь не было ничего, что бы нас задержало, мы возобновили путешествие, не теряя понапрасну время» (1,176).

Теснину Щеки путешественники сравнили с Железными воротами на Дунае (глубоким скалистым ущельем, сквозь которое Дунай несет свои воды в направлении Черного моря).

Прошли мимо Нижне-Камчатска – когда-то камчатской столицы, а ныне селения из двадцати домов на речке Радуге, где живут 150 человек и имеется церковь.

15 сентября камчатская погода показала себя во всем великолепии – дождь и пронизывающий ветер; наши путешественники наконец-то добрались до Усть-Камчатска, где нашли приют в фактории Филиппеуса.

«За Нерпичьим озером расположен поселок Усть-Камчатск, настолько забытый Богом, насколько это можно представить; сюда мы подтянулись к 5 часам вечера и, замерзшие и уставшие, обосновались в маленьком домике, который принадлежал торговцу пушниной мистеру Филиппеусу. Наше путешествие практически подошло к концу – до устья реки Камчатки оставалось всего пять миль» (1, 181).

К югу от селения находился небольшой деревянный маяк («маленькая смотровая башня»), с которого Гиллмард пытался увидеть «Марчезу». Удивительно, но она действительно стояла в условленном месте!

«Как это ни поразительно, но после месячного отсутствия мы с абсолютной точностью поспели ко времени встречи» (1, 181).

В это же время в Усть-Камчатск зашла зверобойная шхуна «Немо». Капитан и старший помощник были шведами, команда состояла из четырех японцев. Это было первое судно, зашедшее в эти воды за три прошедших года!

Капитан «Немо» любезно предложил доставить англичан на их судно – но не тут-то было! Бар в устье реки Камчатки сложно преодолеть и в хорошую погоду при свете дня – а тут вечер и ветер с дождем. Пришлось возвращаться обратно – в прямом смысле слова с корабля на бал!

Потому что по случаю такого нечастого события, как прибытие судна и события совершенно экстраординарного – прибытия иностранной экспедиции, в Усть-Камчатске был устроен бал. Ну, скажем так, камчатская вечерка.

Благодаря гостям, общество было необычайно колоритным:

– наши англичане, их проводники – жители Петропавловска Афанасий Варен и Яков Иванов;

– команда «Немо»: два рослых шведа, два охотника-американца (рыжеволосый охотник на

тюленей в ярко-зеленом галстуке и его приятель, охотник на моржей, обладатель лохматой бороды и коротенькой черной трубки), негр-стюард и стоящая в дверях группа японцев;

– весьма нетрезвый русский мехоторговец.

Потолки в «бальном зале» были низкими, и два шведа со своими шестью футами роста постоянно касались головами связок сушеной рыбы и других припасов, развешанных под потолком. Хозяева не пожалели свечей, которые были вставлены в пустые бутылки.

В углу расположился бальный оркестр – «старый скрипач, хоть и не знал современных Штрауса или Гангля (Джозеф Гангл, популярный венгерский композитор времен Гиллмарда. – Прим. авт.), играл почти шесть часов без перерыва и дал нам полное представление о танцевальной музыке, куда более популярной среди жителей Усть-Камчатска»

Можно было свободно курить; из угощения предлагались «брусника и бурбон» (был ли это местный самогон или все-таки американский виски?)

На балу присутствовало четырнадцать дам. Об их красоте Гиллмард выразился поджентельменски корректно: «Обозрев дам, собравшихся в комнате, мы поняли, что гибель нашим сердцам не грозит». Кроме того, и от дам, и в бальной зале невыразимо пахло рыбой. Танцевать Гиллмарду все же пришлось, но большим испытанием для него стала необходимость поцеловать свою партнершу после окончания танца – именно таково было местное правило!

«Танец состоял в том, чтобы просто медленно передвигаться по кругу по комнате бок о бок, у джентльмена левая рука была свободна, а дама сопровождала музыку каким-то монотонным песнопением.

Однако… внезапно музыка прекратилась; все захлопали в ладоши; и раздался короткий и громкий приказ: «Целуйтесь!». Наступил тот самый момент, когда мог дрогнуть даже самый крепкий дух. Я обратил полный отчаяния взгляд на свою партнершу, и мое сердце упало. Надежда избежать неизбежного испарилась! Мы знаем, как в моменты высочайшего эмоционального напряжения все мельчайшие детали отпечатываются в сознании – так вот, эта сцена до сих пор стоит у меня перед глазами.

Я видел своих товарищей по несчастью: рыжеволосого охотника на тюленей, который нагнулся, чтобы встретить свою участь как герой, его зеленый галстук болтался в воздухе; доблестного офицера, служившего Ее Величеству во многих странах, который храбро сражался до последнего... Руки моей партнерши медленно потянули меня вниз, ее губы начали приближаться. Я со всей решимостью сделал последнее усилие… и все было кончено! Перед следующим танцем я сбежал» (1, 185).

А на следующий день, 16 сентября 1882 г., благодаря помощи капитана «Немо» наши герои преодолели бар реки Камчатки «в наилучшее время самого высокого прилива... и счастливо пережив удары трех больших волн, даже не промокнув. Несколько минут спустя мы поднялись на борт «Марчезы» после нашего отсутствия на протяжении ровно одного месяца» (1, 185–186).

На острове Беринга англичане осмотрели лежбища котиков, прокатились по тундре на собачьей упряжке.

Русские морские офицеры подарили команде «Марчезы» бурого медведя; ему дали кличку Миски. Он пережил долгое плавание в экваториальных водах, по возвращении в Англию медведя передали в Лондонский зоологический сад.

Большая часть иллюстраций для книги были сделаны с фотографий самого хорошего качества и являются их точным воспроизведением. Деревянные формы для гравюр были изготовлены Эдвардом Уимпером (Edward Whymper), знаменитым английским альпинистом и при этом профессиональным гравером и иллюстратором. Птиц и зверей изображали Чарльз Уимпер (Charles Whymper) и Джон Джерард Кьюлман (John Gerrard Keuleman) – живущий в Англии голландский художник, который специализировался именно на изображениях птиц. Наброски Гиллмарда были воспроизведены известными английскими художниками-иллюстраторами Вальтером Стейси (Walter Stacey) и Генри Райтом (Henry Charles Seppings Wright).

«Марчеза» покинула Петропавловск 26 сентября 1882 г. Ее ждали далекие острова и Новая Гвинея.

P. S. Вы спросите, а где же собака?

Всю дорогу экспедицию сопровождала охотничья собака проводника Якова Иванова по кличке Verglaski (Сероглазка? – Авт.) – очень подвижная, но при этом невозмутимая в любую погоду.

Собака пропала ночью со стоянки в трех часах пути выше по течению от села Камаки, ее долго искали, но так и не нашли.

«Бедный старина Верглазки! Ты был хорошим псом, и все мы успели тебя полюбить»… (1, 178)

F.H. H. Guillemard. The Cruise of the Marchesa to Kamschatka and New Guinea, with notices of Formosa, Liu-Kiu, and various islands of the Malay Archipelago. London: JohnMurray. 1886. – 284 стр. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://archive.org/details/cruiseofmarchesa01guil

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ПАМЯТИ О РУССКОЙ АМЕРИКЕ НА АЛЯСКЕ И В КАЛИФОРНИИ В 40-е гг. XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ ПРОТОИЕРЕЯ МАКАРИЯ БАРАНОВА)

Егорова Юлия Сергеевна,
доцент кафедры всеобщей истории и мировой политики
гуманитарного института ВоГУ (г. Вологда), кандидат исторических наук

Yulia Egorova,
Associate Professor of the Department of General history and world politics
at the Humanitarian Institute by Vologda state University, candidate of historical Sciences

Поиски новых форм российско-американского диалога в обеих странах привели к актуализации истории Русской Америки как общей истории России и США. Этот локальный нарратив остается одним из политически нейтральных и при этом вызывающих взаимный интерес «исторических мостов» между Россией и США. С 2012 г. в США и с 2017 г. в России регулярно проходит международная конференция «Диалог Форт Росс». На конференции обсуждаются вопросы сотрудничества России и США в сфере научной дипломатии, экономики, бизнеса и образования. На сегодняшний день это одна из значимых общих платформ для диалога, основанная на «общем нарративе» – истории Русской Америки. При этом вопросы, связанные с сохранением памяти о российском периоде в истории Аляски и Калифорнии, сегодня только начинают разрабатываться.

В музее-архиве русской культуры при Русском Центре в Сан-Франциско в фонде известного общественного деятеля Русского Зарубежья Анатолия Стефановича Лукашкина (1, с. 3639–3662) хранятся материалы переписки протоиерея Макария Баранова (1883–1969) с председателями и членами Русского Исторического Общества в Сан-Франциско. Отец Макарий Баранов почти всю свою жизнь посвятил миссионерской деятельности на Аляске. Кроме того, он активно содействовал сохранению памяти о русском периоде в истории Аляски в 40–50-е гг. XX в. Некоторым его инициативам на этом поприще, а также особенностям сохранения памяти о Русской Америке на Аляске и в Калифорнии в 1940–50-е гг. XX в. посвящена данная статья.

До рукоположения Макарий Баранов служил офицером в Приамурском военном округе. После революции остался в Европе, а затем уже в Америке принял сан священнослужителя и осуществлял миссионерскую деятельность на островах Прибылова, гряде севернее Алеутских островов. (2, с. 26). В период Второй мировой войны отец Макарий сотрудничал с председателями Русского Исторического Общества в Сан-Франциско, о чем свидетельствуют материалы их переписки. Предметом переписки становились вопросы сохранения памяти о русском периоде в истории Аляски. Письма свидетельствуют о том, что в указанный период времени русское духовное и материальное наследие на Аляске находилось в состоянии упадка. Вот что пишет отец Макарий о музее в г. Джуно: «В музее несколько книг: Тихменев, Барсуков, Вениаминов и другие; отрывки из истории Сибири; несколько географических карт, созданных русскими картографами, совсем мало иллюстраций жизни Русской Аляски. Книги лежат по разным полкам, никто русским отделом в музее не интересуется. Это составляет интерес для туристов, но свой интерес они удовлетворяют большею частью в Ситке» (3, л. 1). Ситка – в прошлом столетии главный город Русской Америки. Именно здесь в 1848 г. был освящен собор Архангела Михаила. Кроме того, здесь располагалось учебное заведение Камчатской епархии – Новоархангельская духовная семинария. С момента продажи Аляски и до периода, когда Ситку посещал отец Макарий Баранов, прошло около 80 лет. Русское наследие в 1940-х гг., по мнению священнослужителя, находилось в плачевном состоянии, так как мемориальной деятельностью практически никто системно не занимался: «Исторического материала, предметов там, несмотря на в прошлом полный беспорядок и даже некоторое расхищение его, все еще много. Столетний дом… и крестовая церковь с древнейшими предметами, утварью, книгами; предметами, употребляемыми Вениаминовым, возможно еще Барановым, книгами; Собор замечательный, кладбища русские... Трое часов работы Вениаминова, его мебель, им самим сделанная. Вот где нужно было бы организовать русский музей, разрешая его посещать за плату, как это делается по всей Калифорнии в старых испанских католических миссиях… (4, л. 2) Отец Макарий отмечает, что в период Второй ми-

ровой войны не существовало какого-либо единого музейного пространства на Ситке, посвященного русскому периоду в истории Аляски. С другой стороны, Ситкинский собор Архангела Михаила признавался как значимое место памяти о русском периоде: «Сохранить Ситкинский собор хотят все: 1. Немногочисленные старожилы, как память о великом русском прошлом Аляски; 2. Город Ситка и его жители с точки [зрения. – Ю. Е.] бизнеса: сюда и только сюда направляются в первую очередь туристы, чтобы посмотреть русскую Ситку, от которой сохранился вот этот Собор. Крестовая церковь при архиерейском доме и самый дом, в котором жил митрополит Иннокентий, мебель его работы и многое, и где был и церковный детский приют. Дому этому сейчас 102 года; плюс два кладбища, на которых похоронены русские моряки и первая жена последнего губернатора Аляски князя Максутова. Туристы дают доход городу, ничего другого, кроме одной лесопилки, у него нет; 3. Управление по индианским делам и управление парками хочет это сохранить для истории края; 4. Мы, очень малочисленные русские на Аляске, хотели бы сохранить его как место православной Аляски» (5, л. 1). В то же время собор находится в плачевном состоянии: «Собор и грязен до стыдного, и не крашен, и течет местами, ремонт нужен большой, расход многотысячный под руководством интеллигентных, сведущих лиц. Русское имущество здесь по меньшей мере последние 25 лет растаскивалось, хранилось небрежно или никак не хранилось, и все приходит в большее и большее разрушение. Я по осмотре [собора. – Ю. Е.] готов был плакать» (Там же, л. 1). В письме к Михаилу Демьяновичу Седых – председателю Русского Исторического Общества в Сан-Франциско отец Макарий сообщал: «У меня зародилась мысль: брать с туристов деньги за осмотр музея, т. е. дома приютского с крестовой церковью, и эти деньги все до копейки обращать на благоустройство этого музея, затем Собора и так далее. Увеличивать более числом предметов, собирать их там же, в Ситке, и по всей Аляске. Для этого должен быть назначен специальный человек, лучше если бы это был священник, с хорошим английским языком, вполне интеллигентный и в обращении светский обходительный человек. Все находили этот план очень хорошим, верным в привлечении денег, обещали помощь, поддержку и – очень возможно – некоторую сумму денег. Я основывался на работе католических миссий в Калифорнии, которые при отсутствии всяких прихожан живут только туристами и ведут дело прекрасно. Но со стороны моего местного духовного начальства своему плану я сочувствия не только не встретил, но даже недружелюбное отношение. Лучше сказать враждебное. Видя это, я замолк и даже уехал обратно на остров [Святого Павла. – Ю. Е.], чтобы не быть заподозренным в чем-нибудь, хотя мог остаться в Джуно» (Там же, л. 2). По материалам переписки можно реконструировать деятельность отца Макария по сохранению памяти о русском периоде в истории штата Аляска. В этой связи любопытен случай, связанный с музеем Форта Росс в Калифорнии. Отец Макарий и куратор Форта Росс МакКенези состояли в переписке. При этом отец Макарий выражал явное желание и стремление, чтобы руководство музея сотрудничало с Русским Историческим Обществом, однако этого не произошло. В переписке с Петром Филаретовичем Константиновым – председателем Общества отец Макарий отмечал, что члены Общества бережно хранят проект памятника, автором которого являлся архитектор П. Ф. Пономарев: «…и вообще Русское Историческое Общество хочет вложить душу в этот памятник русского прошлого, от всего чистого сердца помочь восстановить его в правдивом историческом прошлом» (6, л. 1). Видимо, члены Русского Исторического Общества так и не нашли общего языка с администрацией музея Форта Росс, так как об участии членов общества на торжественных мероприятиях, проводимых на территории парка Форта Росс, в местной прессе почти ничего не говорилось. Вместе с тем, именно благодаря усилиям этой общественной организации был обнаружен колокол, который был направлен в Форт Росс. Отец Макарий писал: «Я по описанию увидел и почувствовал, что как Русское Историческое Общество, так и участники были как бы нежелательными гостями, оттерты, так сказать, и не получили ни благодарности за колокол и их желание поработать для Форта Росс, ни приглашения принять в этом участие. Логически вытекало, что надо было привлечь кого-то из русских для восстановления форта, создания музея при нем, исторических поисков… в книгохранилищах и музеях в том же Сан-Франциско, материала для этого, который почти на все 100 % на русском языке, и только в этом случае получится правдивая картина без «клюкв», без похищений «герлсфренд» «головорезами» из просторов диких степей и тому подобных научных откровений (Там же, л. 2). Из данного письма явствует, что Русское Историческое Общество не было вовлечено в деятельность по восстановлению русской крепости. Отец Макарий писал: «При настоящем далеко не дружественном отношении к нам – я считаю себя членом Русского Исторического Общества – от-

казаться от какого-либо участия в сотрудничестве по восстановлению Форта Росс, особенно в создании там музея и передаче туда разных предметов. А там могло бы быть сосредоточено все, что относится к времени владения Аляской Россией. Тем более, что существующий в Джуно Территориальный музей, первым куратором которого был наш митрофорный протоиерей Андрей Кашеваров в течение 20 лет, ни в какой мере не интересуется русским временем Аляски, никакого материала и «реликвий» относящихся к тому времени, не собирает, а имеющуюся небольшую и ценную русскую библиотеку не только не берегут, а часть этих книг просто разбросана по полкам без системы и какого-либо внимания к их ценности. В самом музее выставлен «русский» кирпичный грязно-коричневый чай, лампадки, именуемые «кадилами», несколько стареньких иконок и одно ничего из себя не представляющее Евангелие малого размера» (Там же, л. 2). Отцу Андрею он дает следующую характеристику: «Сам протоиерей отец Андрей Кашеваров происходил из креольской семьи, после революции совсем отрекся от всего русского и перекинулся слишком-то в сторону американизма, и все в музее начинается и делается и сохраняется с момента передачи Аляски С. Ш. Америки (Там же, л. 3). В целом Макарий Баранов полагал, что Форт Росс был бы лучшим местом для организации музея с экспозициями по русскому периоду в истории Аляски. В то же время он отмечает, что «раз такое отношение к Русскому Историческому Обществу, лучше ничего туда не передавать, а сосредотачивать все в музее-архиве русской культуры и там открыть, так сказать, Аляскинский отдел» (Там же, л. 3).

В целом следует отметить, что сохранение памяти о русском периоде в истории Аляски осуществлялось в 1940–50-е гг., в том числе усилиями православного духовенства, а также деятелями Русского Исторического Общества в Сан-Франциско. Впоследствии материалы, связанные с этим вопросом, отложились в музее-архиве русской культуры при Русском Центре в Сан-Франциско, значительная часть материалов которого еще ждет своего исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шергалин Е. Э.* Анатолий Стефанович Лукашкин (1901–1988) – русский орнитолог, зоолог и видный общественный деятель Русского Зарубежья // Русский орнитологический журнал. – 2015. – Том 24. – Экспресс-выпуск 1200. – С. 3639–3662.

2. Из интервью Ива Франкьена журналу «Русский Мир»: Сохранить прошлое // Русский Мир. – Январь. – 2018. – С. 26.

3. Письмо Макария Баранова председателю русского исторического общества М. Д. Седых. 6 июля 1943 // Музей Русской Культуры в Сан-Франциско. Священник о. Макарий Баранов с Прибыловых Островов. Его письма и газетные статьи. Современная Аляска. Материалы А. С. Лукашкина.

4. Письмо Макария Баранова председателю русского исторического общества М. Д. Седых. 23 июня 1944 // Музей Русской Культуры в Сан-Франциско. Священник о. Макарий Баранов с Прибыловых Островов. Его письма и газетные статьи. Современная Аляска. Материалы А. С. Лукашкина.

5. Письмо Макария Баранова председателю русского исторического общества П. Ф. Константинову 20 октября 1948 г. // Музей Русской Культуры в Сан-Франциско. Священник о. Макарий Баранов с Прибыловых Островов. Его письма и газетные статьи. Современная Аляска. Материалы А. С. Лукашкина.

ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАМЧАТКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Землянский Игорь Алексеевич,
кандидат исторических наук, главный библиотекарь отдела научно-исследовательской и методической работы Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета

В статье показано положение населения Камчатки, которое почти 40 из 50 последних лет XIX в. практически не менялось к лучшему и не напоминало его прежнее процветающее развитие в период управления Восточно-Сибирским генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым-Амурским и военным губернатором Камчатской области В. С. Завойко в 50-е гг. рассматриваемого периода истории данного региона Дальнего Востока.

Положение населения Камчатки в данной статье определено его составом и повинностями, условиями жизни и занятиями людей.

1. Состав населения полуострова Камчатка и его повинности

Население Камчатки после упразднения в 1856 г. Камчатской области и перенесения порта из Петропавловска в Николаевск с каждым годом до конца XIX в. уменьшалось в связи с выездом части жителей и отсутствия прироста родившихся.

В городе Петропавловске и округе в 1861 г. всех жителей насчитывалось 6 636 человек (душ) обоего пола, которое уменьшилось по сравнению с 1860 г. на 47 человек, переселившихся в Николаевск на Амуре. Управляющий Камчатским полуостровом земский исправник Ф. Хмелевский в своем отчете военному губернатору Приморской области Петру Васильевичу Казакевичу объяснял таким образом: «Число умерших почти равнялось числу родившихся, столь значительная смертность была следствием эпидемических болезней: гриппа, катарального поражения дыхательных органов и на детях крупа» (6, л. 199–199об.).

Государственные крестьяне составляли шестую часть всех жителей округа, две трети населения округа, именно 4 326 человек были инородцы – камчадалы, алюторцы (коряки), оленные коряки и ламуты (эвены) (6, л. 200об.).

Людей, которые оставили службу (отставных чинов), было 39 человек, из них жили разными промыслами – 32, находились на инвалидном довольствии – 7; солдаток и казачек в округе было всего 263 человека, из них: жен отставных солдат и вдов – 55, состоящих на службе – 22, казачьих жен и дочерей – 186.

На весь округ было всего 2 врача, при которых имелись казенные аптеки: один находился в Петропавловском порте при морском лазарете, которым пользовалось гражданское население за определенную плату (5, л. 121об.), а другой окружной врач проживал в основном в Тигильском селении. Ф. Хмелевский постоянно сообщал П. В. Казакевичу «о необходимости возобновить в Тигильском селении для окружных жителей и учредить в Петропавловском порте больницы гражданского ведомства». Сил и возможностей врачей хватало для проведения разовых мероприятий, например, в 1861 г. была привита оспа 464 младенцам, но они не могли справиться с эпидемиями и венерическими заболеваниями. Только в июне 1861 г. в Петропавловске и округе от гриппа умерло 73 человека (6, л. 206–207).

Не хватало в округе не только врачей, но и государственных служащих и административных зданий, о чем местный начальник 22 июня 1862 г. также докладывал военному губернатору Приморской области: «Обязанность казначейства исполняет земский суд. Денежная сумма, гербовая бумага и ясачная рухлядь по неимению в земском суде кладовой хранятся в деревянном казенном магазине и, согласно книгам и счетам, находятся налицо» (6, л. 207об.).

В конце XIX в., согласно Всеобщей переписи населения 1897 г., в Петропавловском округе проживало 8 365 человек, из них 1 потомственный дворянин, 1 196 крестьян (лиц сельского состояния), 466 горожан (мещан) (3, с. 54). Надо полагать, что остальное количество населения – 6 702 человека составляли инородцы. Данные этой переписи нельзя считать точными, потому что она проходила в условиях нехватки переписчиков для переписи, например оленных коряков, кочевавших по северной территории округа. Совершенно другие сведения о населении Камчатки сообщил в 1896 г. исполняющий делами секретаря Приморского областного статистического комитета врач И. С. Колбасенко, а именно: в Петропавловске имелось 80 дворов, в округе в 68 населенных пунктах – 877 дворов (1, с. 4), в которых проживало 6 791 человек, из них 3 458 мужчин и 3 333 женщины (1, с. 11, 45). Населенные пункты включали 2 хутора, в каж-

дом из которых проживало от 6 до 9 человек, в 41 камчадальском селе – от 24 до 271 человека, в 5 казачьих поселениях – от 4 до 330 человек и в 15 крестьянских селах – от 10 до 367 человек (1, с. 21). Петропавловский округ считался одним из малозаселенных районов Приморской области, на 1 квадратную версту приходилась одна сотая часть жителей (1, с. 23).

Местные жители Камчатки должны были выполнять государственные повинности: с инородцев собирали ясак; крестьяне и мещане платили подушные взносы, для которых наиболее существенной была подводная повинность, т. е. содержание подвод для почтовой и обывательской гоньбы (езды); купцы – гильдейскую подать, которая была не столь значительна по отношению к повинностям остального населения и делала их самым привилегированным сословием округа. Поэтому даже совсем не странно, что некоторые горожане (мещане) пытались причислить себя к купечеству. Вот что писалось об этом: «Несколько купеческих семейств объявляют капиталы собственно потому, что взнос гильдейской подати (20 рублей в год) меньше, нежели платеж мещанских податей и отнесение других повинностей; торговли же они не производят никакой, потому что скотоводство, а также рыбные и звериные промыслы вполне обеспечивают их существование. Но такое употребление во зло привилегий, дарованных местному камчатскому купечеству, стеснительно для прочих жителей, потому что многосемейный мещанин (в семействах этих мнимых купцов есть по 15 мужского пола душ), записавшись в гильдию, не участвует в отнесении натуральных повинностей, которые падают на остальное небольшое население, тогда как, оставаясь в мещанстве, он должен бы платить гораздо более мещанской подати, нежели теперь платит гильдейской, и, кроме того, должен бы относить натуральные мещанские повинности» (6, л. 199об. – 200об.).

Подводная повинность для населения, особенно для малолюдных мест, была самой обременительной, поэтому, чтобы ее смягчить, предлагалось «определить со всех мещан, крестьян и инородцев (не исключая коряков, алюторцев и ламутов) умеренный денежный сбор на земские повинности, а подводы для почтовой и обывательской гоньбы содержать наймом, через подряд» (6, л. 203об.). Предлагалось то, что примерно то же было ранее при военном губернаторе Камчатской области Василии Степановиче Завойко, но было утеряно. Как было забыто и то, что В. С. Завойко, «для урегулирования подводной повинности среди населения установил почтовые станции, построил на длинных перегонах казенные избы, размерил расстояния между станциями, устроив на каждой станции известное число потяг (нарт с собаками) или батов (лодок) в летнее время, с точным указанием прогонной платы с пассажира и пуда клади» (2, с. 29). Для сохранения этого начинания требовались средства и люди, которых с изменением административно-статусного положения значительно уменьшилось.

2. Условия жизни и быт населения Камчатки

Для облегчения существования местного населения еще генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев «проектировал широкие меры к улучшению быта бедствующей Камчатки. Меры эти сводились к следующим: 1) американскую епископскую кафедру перевести в Петропавловск, 2) завести пароходное сообщение Камчатки с берегами Охотского моря (уголь, говорит Муравьев, есть в Тигиле и близ Аяна), 3) обратить достодолжное внимание на китобойство в Охотском море (в этом, говорит Муравьев, заключается миллионы самого справедливого дохода; предприимчивые люди всего света, исключая русских, уже получили многие сотни миллионов с этого богатства, принадлежащего русским), 4) переселить в Камчатку три тысячи семейств русских земледельцев; переселение начать по учреждении пароходного сообщения по Охотскому морю; переселять ежегодно известное число семейств до 3 тысяч, снабжая их скотом, всем необходимым для первоначального домообзаводства. Хлебопашество, в Камчатке, говорит Муравьев, обещает богатые плоды; весь расход на поселение 3 тысяч семей простирался до 1 350 000 рублей. Расселение 3 тысяч семейств Муравьев предполагал произвести в течение 10 лет, а потому и сказанная общая сумма расхода на заселение Камчатки должна израсходоваться не сразу, а в течение 10 лет» (2, с. 29–30). Но всем этим желаниям Восточно-Сибирского генерал-губернатора, как показала дальнейшая история, не суждено было сбыться. Его последователь и верный соратник военный губернатор Камчатской области капитан I ранга В. С. Завойко, вступив в должность 5 августа 1850 г., «немедленно приступил к устройству Петропавловского порта и к исправлению тех недостатков, которые он считал важнейшими. В то время в Петропавловске, вследствие перевода туда офицеров и нижних чинов из Охотска, народонаселение увеличилось почти вдвое и ощущался большой недостаток в жилых помещениях и вообще в строениях. В. С. Завойко самолично обошел все долины рек, имеющих сток к Ава-

чинской губе, и добыл 15 586 штук деревьев, годных для построек, изготовил необходимое количество кирпича и других строительных материалов и в течение 1850 и 1851 гг., соорудил две казармы, 11 флигелей и два магазина. Заботясь о благоустройстве порта, Завойко возобновил церковь во имя Св. ап. Петра и Павла, построил губернаторский дом, обсадив его тополевой и березовой рощей, роскошные стволы, которой украшают Петропавловск и до настоящего времени» (2, с. 28).

Заботился В. С. Завойко и о здоровье населения, которого не оставляли различного рода болезни, присущие суровой и грязной обстановке камчадала и соприкасающегося с ним пришлого населения. По ходатайству военного губернатора был усилен медицинский штат, устроены больницы в населенных местах полуострова и построены лечебницы при Паратунских и Малкинских горячих ключах. Благодаря его заботам, население мало-помалу оставило свои сырые земляные жилища, переменив их на бревенчатые избы; так называемые юрты (жилища из жердей и корья или шкур животных) остались лишь у кочующих инородцев. Особенное внимание В. С. Завойко обращал на сельское хозяйство. К сожалению, хлебопашество не имело успеха по причине короткого лета, недостатка плодородных почв и нежелания местного населения, «тогда как скотоводство и особенно огородничество, энергично поддержанные Завойко, ведутся в Камчатке и по настоящее время с должным успехом и служат большим подспорьем к местным жизненным продуктам» (2, с. 29).

Но по-прежнему основным продовольствием, особенно для инородцев, было то, что добывалось промыслами – рыболовством и охотой. В случае неудачных промыслов имелись запасы казенного провианта в Петропавловске, Тигиле и Нижнекамчатске. Но и этих запасов продовольствия могло быть недостаточно, если вовремя, обычно осенью, не прибывали следующие запасы. Так, например, в 1860 г. жители Петропавловского порта были обречены на голод из-за того, что единственное судно казенный паровой транспорт «Манчжур», отправленный из Николаевска в сентябре с годичным запасом продовольствия для округа, на пути получил повреждение в машине и не мог продолжать плавание (5, л. 118об.). И только благодаря распорядительности и энергичной деятельности земского исправника Ф. Хмелевского удалось избежать голода. Он закупил у кочующих инородцев 500 оленей на мясо, перевез на собаках из Тигиля излишний хлеб в те места округа, где в нем чувствовалась недостаточность, а все матросы и казаки были вывезены из Петропавловского порта на обывательских подводах в зажиточнейшие селения для пропитания в течение зимы (6, л. 202).

Различного рода бедствия, особенно болезни, не покидали население Камчатки. Болезнь «проказа» объяснялась «образом жизни инородцев, которые преимущественно питаются рыбой, часто испорченною, живут на огромных пространствах, куда часто невозможно попасть медику, наконец, самый климат содействует развитию этой болезни и затрудняет принятие действительных мер» (5, л. 121–122об.).

О болезнях животных, которые заканчивались чаще всего гибелью, потому что не было ветеринарской помощи, писалось, например, так: «На западном берегу Камчатки в мае месяце 1860 года появилась болезнь на лошадях и рогатом скоте, которая обнаружилась тем, что скот приходит в бешенство, бросался на все, пока не убивался о строения или дерево, от этой болезни пропало до 30 штук рогатого скота и до 15 лошадей, цифра огромная при небольшом количестве скота на этом берегу Камчатки; болезнь эта появилась в Камчатке, несколько лет тому назад, первоначально на собаках, которых уничтожала (и уничтожает) в огромном количестве, в стране, где сообщение возможно только зимою на собаках, уничтожение этих животных крайне тяжело для жителей и имеет невыгодное влияние на весь хозяйственный быт инородцев» (5, л. 123–123об.).

В Петропавловске имелись построенные еще при В. С. Завойко 27 жилых и нежилых казенных деревянных зданий, которые нуждались постоянно в ремонте, но для этого не находилось ни материалов, ни средств. Поддерживались относительно из городских денег только мосты, на что ежегодно выделялась «потребная сумма, не превышающая 30 рублей» (5, л. 127об.).

Не строились также необходимые для жителей, например, магазины для хранения провиантов и соли, кладовая «при Земском суде для хранения денежных сумм и ясачной рухляди, а также погреба для хранения пороха и свинца» (6, л. 204). Не было дорог, и сообщение возможно было только на собаках зимою; летом сообщение существовало между отдельными селениями, куда переправлялись на батах по речкам, и сопряжено было с огромными затруднениями (5, л. 128об. – 129).

Подводная повинность не обеспечивала, в полной мере содержание почтовых станций в Петропавловском округе, наличие гораздо большего числа людей, потому что перевозка почты и чиновников производилась в основном при

помощи собачьих упряжек, а не на лошадях. На каждую нарту собак числом от 7 до 10 требовался особый ямщик, а между тем, как было отмечено местной администрацией, на одной нарте можно увести не более 10 пудов тяжести, следовательно, в три раза меньше грузов, которые могли бы перевезти при помощи трех лошадей, управляемых одним ямщиком. Увеличить количеств нарт не представлялось возможным, потому что содержание собак обходилось гораздо дороже содержания лошадей, для этого потребовалось в три раза увеличить размеры подводной повинности, то есть, в обязанность сельского населения ввести тройные «прогонные деньги» за перевозку почты и чиновников (6, л. 204об.).

Областная и местная администрации делали попытки по обеспечению своевременной доставки почты и предлагали «установить, чтобы вся корреспонденция, адресованная в Камчатку, была отправляема из Иркутска с 1 июля по 1 число декабря через Якутск с зимнею почтою, а с декабря по 1 число июля чрез Забайкальский и Амурский край для отправления на судах» (6, л. 205об.).

Обеспечение населения необходимыми товарами и продовольствием зависело в округе от двух торговых компаний: ранее существующей Русско-Американской и Амурской, учрежденной в 1847 г., что позволяло местной администрации контролировать торговлю местных и заезжих купцов, которые обязаны были ее производить только через посредничество с этими компаниями. Поэтому поступления от торговли в областную казну были регулируемы, и военный губернатор Приморской области точно знал, например, что «из Камчатки доставлено соболей 4 400 штук на 74 800 рублей. В Петропавловске и округе разных иностранных и русских товаров и съестных припасов на 198 540 рублей 4¾ копеек, продажею товаров выменено пушных товаров на 53 722 рубля 40 копеек, в том числе соболей 2953 на 50 017 рублей 50 копеек» (5, л. 134об. – 135).

Но это продолжалось недолго – до окончания торговой деятельности в 1867 г. сначала Российско-Американской и почти в то же время Амурской компаний.

«Прекращение торговли этих двух компаний (Российско-Американской и Амурской) открыло доступ в Камчатку более мелким купцам-авантюристам, которых притягивал к себе богатый край с его баснословными пушными богатствами. Вновь появившиеся главным образом иностранцы стали следовать примеру укоренившихся там купцов и стали держаться старой системы торговли, в ущерб себе и другим, раздавая населению в долг» (4, с. 178–179). Это все говорило об уменьшении платежеспособности населения и закабалении его купцами и иностранцами, в основном американцами.

С конца 1860-х гг. прекратили деятельность Охотская и Петропавловская почтовые конторы. Причины неудачи правительственной политики по развитию сельского хозяйства «Приморская администрация видела в попытках завести в Охотско-Камчатском крае хлебопашество и привить местным жителям несвойственные им хозяйственные занятия, вместо того чтобы больше внимания уделять рыбным и охотничьим промыслам. С падением добычи пушнины и изменением конъюнктуры на мировых рынках продажи мехов, экономический интерес к Охотско-Камчатскому краю также заметно снизился. Вплоть до 1880-х гг. рыболовство в Охотско-Камчатском крае не привлекло ни правительственного внимания, ни частной инициативы» (7, с. 399–400).

Местная администрация была вынуждена признать, что в Охотско-Камчатском крае «все ранее начатое не только остановилось, но жизнь пошла назад». «Корень зла» виделся в изолированности северных округов от более динамично осваиваемой южной части российского Дальнего Востока, в отсутствии регулярной информации и надежных путей сообщения (7, с. 409).

3. Занятия местного населения

Большинство населения Камчатки – инородцы, именуемые также туземцами, существовали, как было упомянуто ранее, за счет традиционных промыслов – рыболовства, охоты и разведения оленей. Попытки в полной мере осуществить развитие сельского хозяйства предприняли граф Н. Н. Муравьев и преданный его делу помощник в лице назначенного им военного губернатора Камчатки Василия Степановича Завойко.

Заботы о хлебопашестве и огородничестве были делом исключительно местной администрации, от взглядов которой зависели успехи того и другого.

«Особенно остались в памяти населения деятельность в этом направлении капитана В. С. Завойко; при нем семена, инструменты, лопаты и прочее давались от казны и он сам следил за посевами. Когда он был губернатором, он достиг того, что сеяли рожь и ячмень в селениях: Толбачихе, Щапине, Козыревском, Утке, Харчине, Милькове и др., но, к сожалению, военные действия 1854 г. и отъезд самого В. С. Завойко в следующем году из Камчатки подорвали развитие этих промыслов. Сменившие губернаторов окружные начальники неодинаково относились к хозяйству населения, насколько известно, лишь двое из них, Ф. Хмелевский и О. Н. Попов, пробовали продолжать начатое В. С. Завойко дело;

они заставляли сельских старост следить за тем, чтобы жители своевременно и в достаточном количестве запасались рыбой, сеном, дровами и т. п., но так как начальники перестали вмешиваться в это дело, население, предоставленное самому себе, забросило всякую мысль об улучшении своего хозяйства» (4, с. 170–171).

Правительство употребляло все усилия приучить жителей Камчатки заниматься хлебопашеством; жители в угоду начальству делали небольшие посевы ячменя и каждый год собирали менее, чем сеяли. Если в некоторых местах, защищаемых от ветров и туманов, удавалось получить хороший урожай, то количество земли, способной к обработке, так было ничтожно, что собранного хлеба не хватало для полного пропитания; между тем обязательные полевые работы отвлекали жителей от рыбных промыслов, которые единственно обеспечивали жителей Камчатки. Отмечалось, что даже русские крестьяне, переселенные в Камчатку, «оставляли хлебопашество, не вознаграждающее их труды, и обращались к тем занятиям и промыслам, которые доставляли им более обеспеченную жизнь, и поэтому все принудительные меры к развитию хлебопашества в Камчатке вскоре были оставлены, как не достигающие цели» (5, л. 136–137).

Скотоводство в Камчатке, хотя и существовало, но в малых размерах: продолжительная зима и невозможность заготавливать сено, потому «что время сенокосов совпадало со временем рыбных промыслов, служило препятствием к развитию скотоводства. Огородничество существовало только для удовлетворения собственной потребности жителей. По-прежнему большая часть населения занималась исключительно рыбными и звериными промыслами» (5, л. 131об.).

В конце XIX в. областным управлением были сделаны попытки, направленные на регулирование торговли и осуществление промыслов. Все торгующие в Петропавловске купцы были обязаны ежегодно предоставлять в городское управление статистические сведения о своем торговом обороте (4, с. 193).

В 1896 г. Приамурским генерал-губернатором Сергеем Михайловичем Духовским были изданы временные правила производства рыбных и морских промыслов в Приморской области.

Эти правила, введенные сперва на три года, действовали до 1900 г., когда вступили в действие новые временные правила (утвержденные Приамурским генерал-губернатором Николаем Ивановичем Гродековым 1 ноября 1899 г.) для производства в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства морских промыслов, в число которых входили: «1) рыбный промысел, 2) промысел китов и прочих морских млекопитающих и 3) промысел морской капусты, а также трепангов, раков, крабов и прочих морских беспозвоночных» (4, с. 254–255).

Таким образом, в конце XIX в. администрацией Приамурского края и Приморской области, в состав которого входил Петропавловский округ, были предприняты меры для оживления социально-экономической жизнедеятельности населения Камчатки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Колбасенко И. С.* Населенные места Приморской области в 1896 г. – Г. Никольск-Уссурийский : Тип. Ф. В. Мисюры, 1899. – 49 с.
2. *Маргаритов В. П.* Камчатка и ее обитатели : с рисунками, исполненными по способу ферротипии, с картой Камчатки и планом укрепления Петропавловска в 1854 г. – Хабаровск : Тип. канцелярии Приамурского губернатора, 1899. – 141 с.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Под редакцией Н. А. Тройницкого. Выпуск 6. Наличное население обоего пола по уездам и городам, с указанием преобладающих вероисповеданий и главнейших сословий. – СПб. : Паровая типо-литография Н. Л. Ныркина, 1905. – 64 с.
4. *Прозоров А. А.* Экономический обзор Охотско-Камчатского края. – С.-Петербург : Типография Спб. т-ва печ. и изд. дела «Труд» – 388 с.
5. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, г. Владивосток). Ф. 87. Канцелярия военного губернатора Приморской области. Оп. 1. Д. 81. Л. 116–143.
6. РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 83. Л. 199–207об.
7. *Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в.: Монография. – Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. – 552 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУБЕРНАТОРОВ ПО СТАНОВЛЕНИЮ И РАЗВИТИЮ КАМЧАТКИ (1847–1917 ГГ.)

Землянский Игорь Алексеевич,
кандидат исторических наук, главный библиотекарь отдела научно-исследовательской и методической работы Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета

В статье рассматривается деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири, Приамурских генерал-губернаторов, военных губернаторов Приморской и Камчатской областей, имевшая в большинстве своем прогрессивное значение для становления и развития Камчатки.

Николай Николаевич Муравьев-Амурский – генерал-адъютант, генерал от инфантерии, граф, в должности генерал-губернатора Восточной Сибири находился с 5 сентября 1847 г. по 19 февраля 1861 г. (11, с. 529).

Николай Николаевич Муравьев, став главным начальником Восточной Сибири, был первым из губернаторов, кто обратил особое внимание на Камчатский полуостров и посетил Петропавловск в 1849 г. Н. Н. Муравьев, побывав на Камчатке, прельстился Авачинской губой и решил, что именно в Петропавловском порте должен был оплот России на Восточном океане, усилив его командами, материалами и орудиями из Кронштадта (6, с. 45).

Результатом этой поездки было издание императором Николаем I 2 декабря 1849 г. указа об образовании во второй раз в истории Камчатского полуострова на его территории Камчатской области (в первый раз Камчатская область была образована в августе 1803 г.), куда еще вошли территории Гижигинского округа и Охотского приморского управления. По представлению Н. Н. Муравьева, за 9 лет до того времени, когда он стал графом Муравьевым-Амурским, и по рекомендации епископа Иннокентия, на пост Камчатского военного губернатора был назначен В. С. Завойко (3, с. 28).

Для развития в Камчатке земледелия Н. Н. Муравьев планировал переселять туда ежегодно по 25 семей крестьян; принять на счет казны устройство и содержание Аянского тракта через Джугджурский хребет (между Аяном и Нельканом, откуда вел водный путь в Якутск – по Мае, Алдану и Лене); завести земледельческие поселения вдоль этого тракта и факторию Российско-Американской компании Аян (около 400 верст южнее Охотска) возвести на степень правительственного порта (6, с. 45). Но не всем планам Николая Николаевича было суждено осуществиться и они были недолговечны. Например, для развития в Приамурском крае торговли русскими товарами и поскольку отдельных купцов, готовых ехать в новый край, не находилось, то по мысли графа Муравьева была учреждена в 1858 г. «Амурская компания». Дело раскинулось даже до Петропавловска, где компания имела своих приказчиков. Однако, несмотря на все благоприятные условия, эта компания торговала недолго: лет через 8 после начала действий (1867 г.) она окончила свое существование (8, с. 178–179).

После блестящего отражения сильного неприятеля – англо-французской эскадры в 1854 г. Петропавловским ничтожным гарнизоном Н. Н. Муравьеву пришлось все-таки снять военный порт на Камчатке и перевести все казенное имущество к устьям Амура, в Николаевск. Неприятель, вернувшийся на следующий год в Авачинскую губу, чтобы отомстить за поражение, ограничился сожжением нескольких пустых казенных магазинов и бросился преследовать русские военные суда, отнюдь не прельстясь ни Камчаткою, ни Петропавловскою гаванью (6, с. 47).

Камчатский военный губернатор **Василий Степанович Завойко**, контр-адмирал, исполнял свои обязанности со 2 декабря 1849 г. по 31 октября 1856 г. (11, с. 531).

Именно в этот период Камчатка, благодаря заботам своего военного губернатора и при поддержке его деятельности генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым, достигла своего значительного социально-экономического развития и укрепления Петропавловска как порта-крепости.

14 июля 1854 г. было получено известие от нашего генерального консула в Соединенных штатах, что война между Россией, Англией и Францией объявлена и что наши восточные порты приказано привести в оборонительное положение. 20 июля В. С. Завойко объявил жителям Петропавловского порта следующее воззвание: «…Я пребываю в твердой решимости, как бы ни многочислен был враг, сделать для защиты порта и чести русского оружия все, что в силах человеческих возможно, и драться до последней капли

крови; убежден, что флаг Петропавловского порта, во всяком случае, будет свидетелем подвигов чести и русской доблести» (3, с. 33–34).

Финал деятельности В. С. Завойко был славным – геройская защита в 1854 г. Петропавловска от англо-французской эскадры, им Камчатка стяжала себе славу и им же, как бы в угоду судьбе, похоронила все мечты и надежды, воздвигнув памятник в виде трех больших могил, украшенных тремя чугунными крестами с надписью на трех языках: русском, английском и французском: «Здесь лежат герои, верные своему долгу и отечеству».

После перенесения военного порта из Петропавловска в Николаевск В. С. Завойко вышел из Авачинской губы в апреле 1855 г., и с тех пор, в течение 34 лет никто из пяти военных губернаторов Приморской области, в состав которой вошла Камчатка, не заглядывал в этот оставленный северный край, потому что заботами государства стал Амур и его устье (3, с. 40).

Михаил Семенович Корсаков – генерал-лейтенант, в должности генерал-губернатора Восточной Сибири был с 19 февраля 1861 г. по 21 января 1871 г. (11, с. 529).

Сменивший в 1861 г. графа Н. Н. Муравьева-Амурского М. С. Корсаков унаследовал от своего предшественника и наставника не только генерал-губернаторский пост, но и комплекс нараставших проблем, связанных с административным устройством российского Дальнего Востока. При нем была упрощена управленческая власть на Камчатке, которая состояла из исправника и его помощника. Некоторое время исправник Ф. Хмелевский пытался сохранить установившийся при В. С. Завойко порядок. Но это было сделать все труднее из-за неполного штата чиновников, хотя военный губернатор Приморской области контр-адмирал Петр Васильевич Казакевич на него надеялся и считал, что «дела будут приведены в возможный порядок при усердии и знании дела настоящего исправника» (9, л. 125об. – 126).

Николай Петрович Синельников – генерал от кавалерии, пребывал в должности Восточно-Сибирского генерал-губернатора с 21 января 1871 г. по 14 декабря 1873 г. (11, с. 529).

В 1871 г. М. С. Корсакова сменил в Иркутске совершенно не знакомый с Сибирью Н. П. Синельников, имевший репутацию человека крутого и энергичного, питавшего больше склонности к полицейской службе, нежели к широкой административной деятельности. Синельников по старинке считал, что «закон писан только для мошенников, а хороших людей, особенно администраторов, не должен стеснять», поэтому он полагал допустимым нарушение закона, оправдываемое целью. Новый генерал-губернатор не отличался особым вниманием к дальневосточным делам, критикуя своих предшественников за излишне активную, по его мнению, политику в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В одном из своих отзывов на проекты административного преобразования на Востоке он даже предупреждал, что усиление нашего флота на Тихом океане может породить недоверие со стороны соседних государств (11, с. 246).

Следующий Восточно-Сибирский генерал-губернатор **Платон Александрович Фредерикс** занимал эту должность с 14 декабря 1873 г. по 10 августа 1879 г. и практически не интересовался положением Камчатки, при нем в 1875 г. была упразднена Петропавловская крепость (12, с. 90).

Дмитрий Гаврилович Анучин – генерал-лейтенант, должность генерал-губернатора Восточной Сибири занимал с 7 декабря 1879 г. по 1 января 1885 г. (11, с. 529).

В отчете царю за 1879 г. Восточно-Сибирский генерал-губернатор Д. Г. Анучин снова поставил вопрос о восстановлении губернаторства на Камчатке, мотивируя свое предложение тем, что местная власть там принижена, не имеет должного авторитета в глазах иностранцев, а в Петропавловске, где живет начальник полуострова, нет даже русского флага. Несмотря на настойчивые просьбы Анучина об усилении власти в северо-восточных округах, Камчатская область так и не была восстановлена. Вопрос о Камчатской области вновь был поднят при создании Приамурского генерал-губернаторства. Было обращено внимание на то, что Приморская область слишком велика по своей территории и разнородна в социально-экономическом и этническом отношениях, поэтому предлагалось разделить ее на две области: Камчатскую и Уссурийскую. Но против такого деления решительно выступил Приморский военный губернатор И. Г. Баранов. Его позиция особенно показательна, ведь именно в его ведении находились северные округа (11, с. 411).

Поскольку промыслы на Камчатке вследствие нерациональной системы пользования ими и отсутствия инспекторского надзора приходили в полный упадок, областное правление в 1882 г. решило созвать в Петропавловске особую комиссию для выработки правил охоты за пушным зверем (12, с. 90).

Приамурский генерал-губернатор **Андрей Николаевич Корф** – генерал-адъютант, генерал от инфантерии, барон, был первым начальником Приамурского края с 4 июля1884 г. по 6 февраля 1893 г. (11, с. 530).

В 1888 г. в северных округах, к которым относился и Петропавловский округ, правительством была проведена новая реформа управления: вместо исправников назначались окружные начальники (12, с. 90).

Самым знаменательным и важным в деятельности барона А. Н. Корфа было приглашение на съезды губернаторов и сведущих граждан Приамурского края, которые знакомили генерал-губернатора с положением дел во вверенной ему для управления Дальневосточной территории Российской империи. Таких съездов, получивших название «съездов сведущих людей», А. Н. Корфом было созвано три: в 1885, 1886 и 1893 гг. На съездах присутствовали все высшие чиновники края, губернаторы областей, промышленники, купцы, ученые, обсуждались самые различные аспекты развития и становления края. Работали специально созданные профильные комиссии.

Первый Хабаровский съезд проходил с 15 по 24 января 1885 г. В резолюции съезда отмечалось в отношении положения северных территорий Приамурского края, к которым относилась и Камчатка, что «Северный край имеет важное значение по своим естественным богатствам, и населен инородцами, эксплуатируемыми иностранцами. В крае богатый пушной промысел, дающий самые ценные меха; рыба у берегов камчатского полуострова считается лучшей в Тихом океане и водится в изобилии; затем богатые леса, обширные пространства, вполне удобные для скотоводства, наконец, богатый китовый промысел; почва Камчатки, несмотря на короткое лето и продолжительность зимы, вследствие глубоких снегов, по свидетельству компетентных лиц, весьма плодородна.

Оставаясь многие годы вне всякого попечения и надзора, край этот, весьма важный в экономическом отношении, постепенно пришел в упадок и население в нем вымирает. Первою мерою к возбуждению экономической жизни в этом почти забытом крае, по мнению съезда, должно служить ограждение его от эксплуатации иностранцами, спаивающими инородцев и пользующимися их промыслами. Для этого необходимо крейсерство военных судов и установление по крайней мере два раза в год правильного сообщения между Владивостоком и северными поселениями, для содействия русской торговле, которая может доставлять и все необходимое инородцам: порох, свинец, оружие и прочее. На первое время, быть может, придется даже назначить для этого небольшую субсидию коммерческому пароходу, но, во всяком случае, на непродолжительный срок, так как с правильной регламентацией китоловного и других промыслов и развитием русского китоловства доставка грузов на север может быть с выгодою для судовладельцев на тех же китоловных судах, без всяких правительственных субсидий. Эти же суда могут впоследствии доставлять и все необходимые предметы продовольствия для русского населения, которое весьма желательно увеличить. Затем съезд признает необходимым дать лучшее, сравнительно с настоящим, административное устройство северному краю» (13, с. 32–33).

Второй Хабаровский съезд проводился с 20 января по 11 февраля 1886 г. На II съезде для предварительного рассмотрения вопросов действовало 7 специальных комиссий, а на общих заседаниях обсуждались в основном заключения этих комиссий (11, с. 284).

На съезде говорилось об оживлении русской торговли на Камчатке и защите ее от иностранной конкуренции следующее: «…пароход Петропавловского купца Филиппеуса «Камчатка» ходил в северные порта и заходил 2 раза во Владивосток и Петропавловск. В навигацию 1886 г. пароход этот будет заменен рейсами Добровольного флота, согласно заключенного правительством контракта» (1, с. 64).

Посылка по распоряжению морского министерства одного военного крейсера к Чукотскому берегу, а другого к Камчатскому «дает надежду, что деятельность американцев-китобоев прекратится. Если вместе с тем прекратится и американская торговля с инородцами, то последние от этого нисколько не пострадают, тем более, что по всей вероятности для ведения торговли с ними найдутся русские предприниматели» (1, с. 67).

Третий съезд открылся в начале февраля 1893 г. и работал две недели. Собирая III Хабаровский съезд, «барон Андрей Николаевич (Корф. – Авт.) хотел выяснить настоящее положение края, чтобы в дальнейших административных мероприятиях избежать ошибок или погрешностей, неизбежных в столь обширном и мало исследованном крае» (14, с. 1).

Как и на предыдущих съездах, велась полемика об административном устройстве края, например о выделении Сахалина и Камчатки из подчинения Приморской области. Корф соглашался с идеей восстановления Камчатской области, но без создания в ней полного набора областных учреждений. Гораздо эффективнее, считал он, предоставить будущему камчатскому губернатору особые полномочия, «которые давали бы ему право принимать в случае нужды, под своею личною ответственностью, все неотложно необходимые меры» (11, с. 412).

III Хабаровский съезд закончился весьма печальным событием. Председатель съезда барон А. Н. Корф только четырьмя днями пережил его: в ночь с 6 на 7 февраля барон внезапно скончался (14, с. 75).

Генерал-губернатор Приамурского края **Сергей Михайлович Духовской** – генеренерал-лейтенант, (генерал-адъютант), исполнял обязанности с 9 марта 1893 г. по 28 марта 1898 г. (11, с. 530).

В 1897 году, в год двухсотлетия присоединения к Российской державе Камчатки, посетил ее Приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской. Сам генерал-губернатор, пользуясь срочным рейсом парохода Добровольного флота, лично был только в Петропавловске и притом недолгое время.

Для ознакомления же с некоторыми, интересовавшими его вопросами в других частях полуострова, он командировал В. П. Маргаритова и чиновника особых поручений приморского губернатора Линдера, поручив им пройти из Петропавловска в верховья реки Камчатки, спуститься по течению ее к устью и затем пересечь полуостров по направлению к Тигилю (3, с. I).

При С. М. Духовском была организована Охотско-Камчатская горная экспедиция (1895–1898 гг.), задачи которой состояли в исследовании местных богатств – не только полезных ископаемых, но и других, как-то: лес, рыба, морские и сухопутные животные, использование которых могло бы оживить заброшенную окраину.

Как отмечал Николай Васильевич Слюнин, известный на Дальнем Востоке в то время исследователь и общественный деятель: «Полученные экспедицией результаты превзошли ожидания всех: во многих местах открыто богатое золото и другие полезные ископаемые; найдены обширные площади прекрасного строевого леса; изучение морских промыслов дает основание для широкой эксплуатации этих богатств, которые до сих пор казне не доставляли дохода, а местным жителям не приносили выгоды: киты, сельдь и разные виды чудных лососей могут послужить громадным экспортом, как на китайский и японский рынки, так и внутрь России, и таким образом избавят ее от ежегодной уплаты за границу миллионов рублей за ввозимые консервы и в особенности сельдь» (12, с. 687).

В городе Петропавловске, как писал в своем труде Василий Петрович Маргаритов, оставленный С. М. Духовским для исследования Камчатки, были в конце XIX века «следующие достопримечательности: 1) На кошке (косе), разделяющей Петропавловскую бухту на два рейда, поставлен, по повелению Императора Александра III, памятник «Слава», в честь геройской защиты города от неприятеля в 1854 году; и 2) Об этом же доблестном деле свидетельствует и так называемая братская могила, где погребены как русские, так и неприятельские воины, павшие при той же защите. На могиле поставлены три чугунных креста, с надписями на русском, французском и английском языках: «здесь лежат воины, верные своему долгу», и часовня, где ежегодно, 24 августа, с особою торжественностью служится панихида по воинам, на брани убиенным; 3) Памятник Берингу, основателю г. Петропавловска, поставленный в церковной ограде и 4) Памятник Лаперузу, погибшему в камчатских водах» (3, с. 120).

Генерал-губернатор Приамурского края **Деан Иванович Суботич (Субботич)** – генерал-лейтенант, исполнял обязанности со 2 ноября 1902 г. по 7 сентября 1903 г. (11, с. 530).

При нем состоялся последний IV Хабаровский съезд в 1903 г. На съезде с докладом выступил его секретарь Николай Васильевич Слюнин, хорошо знающий Камчатку, исследования которого он проводил с 1892 г. и в составе Охотско-Камчатской горной экспедиции 1895–1898 годов. Он предлагал изменить организацию управления на Камчатке, о чем, наряду с решением других насущных проблем, говорил следующее: определить «в Петропавловском уезде местожительство помощника в Тигиле, с подчинением его ближайшему попечению всего западного побережья Камчатки; имело бы гораздо больше значения и пользы для полуострова, чем его пребывание в Петропавловске. Таким перемещением помощников мы поставили бы администрацию в более близкое соприкосновение с жителями, а с другой стороны получилась бы возможность более непосредственных забот об их нуждах и лучшая охрана от разных хищников, посещение которыми названного побережья становится все чаще и бесцеремонней. Подобное перемещение администрации вызовет некоторые экстренные расходы правительства, но теперь, когда например Камчатка перестала быть бременем для правительства, а наоборот дает казне доход (более 555 тысяч рублей за 1902 г.), едва ли встретится в этом затруднение, тем более, что с размещением административных лиц вблизи промысловых центров мы лучше гарантируем успех нарождающегося предприятия.

Второй административной нуждой Охотско-Камчатской окраины является ясачный вопрос. Теперешнее положение о ясаке, вносимом инородцами в Кабинет его императорского величества, установлено в 30-х годах и давно уже

не отвечает ни современным требованиям о всяких платежах, ни данному положению инородцев.

Не менее существенным в жизни приморского побережья является промысловый вопрос, и в частности рыбный. Это тот жизненный пульс окраины, по характеру которого можно судить о здоровом или болезненном его состоянии, о большей или меньшей жизненной энергии и экономическом довольстве.

Четвертым существенным пунктом для подъема благосостояния окраины нужно признать реорганизацию современного способа торговли.

Не менее неотложным представляется вопрос о заселении побережья. Оно бедно, потому что редко и мало населено; недоступно и подчас непроходимо по той же причине, но раз мы согласимся с тем положением, что вся будущность его зависит от рыбных богатств, то вопрос о привлечении рыбацкого населения напрашивается сам собою.

Наиболее подходящим элементом для этого были бы финляндцы, прибрежные жители Остзейских губерний и приморские корейцы. Новые поселки должны размещаться не вблизи Петропавловска и Усть-Камчатска, как предполагалось раньше, а по наиболее рыбным и почти не заселенным рекам…

Наконец, к числу нужд края, подлежащих обсуждению, нужно отнести пушной промысел на Карагинском и Шантарском островах и бобровый промысел близ Лопатки, на восточном берегу Камчатки.

Названные острова по своему характеру и положению наиболее благоприятны для искусственного разведения чернобурных лисиц, практикуемого теперь в Америке на островах западного побережья и, судя по аналогии, возможного у нас. Ввиду этого, а также ради доходов казны, было бы выгодно отдать в частную аренду промысел на названных островах вместе с бобровым лежбищем Камчатки, подчинив его известному контролю.

Есть еще один вопрос, к решению которого прошлым летом были сделаны попытки. Это экспорт с побережья леса, якутского рогатого скота и коровьего масла.

Все рассмотренные здесь нужды названы мною «административными» на том основании, что окраина пока не может жить самостоятельно без опеки, что ни одно предприятие пока невозможно без организатора и известного контроля администрации» (с. 136–140).

Павел Федорович (Фридрихович) Унтербергер – военный губернатор Приморской области с 1 октября 1888 г. по 27 мая 1897 г., генерал-губернатор Приамурского края с 18 ноября 1906 г. по 6 декабря 1910 г. (11, с. 530).

Камчатку П. Ф. Унтербергер посетил дважды – в 1897 г. и в 1910 г., т. е. в конце службы на должностях первого начальника Приморской области и Приамурского края, о чем оставил подробное описание со своими фотографиями Камчатского полуострова, его жителей и их занятий в трудах: «Приморская область. 1856–1898 гг.», 1900 года издания и «Приамурский край. 1906–1910 гг.», изданного в 1912 г.

В первом своем труде П. Ф. Унтербергер о занятиях камчадалов и небольшого числа русских писал так: «Все население Камчатки живет тою же жизнью, как и только что описанные округи, занимаясь рыбной ловлею летом и охотясь за пушными зверями зимою. Несмотря на обилие разных пород рыб, входящих для метания икры в реки, главный предмет улова составляют лососные породы и между ними выделяется отличными качествами своего нежного и жирного мяса чавыча, достигающая больших размеров. В особенности она хороша в устье реки Камчатки. К сожалению, нет там хороших засольщиков и бондарей и поэтому приготовление рыбы впрок, с целью экспорта, плохо развивается.

Пушной промысел заключается, главным образом, в охоте за соболем, которого ежегодно добывается в Камчатке от двух до трех тысяч штук. Затем идет промысел медведей, нерпы, выдры и др. Так как главные платежные средства, как для покрытия своих потребностей, так и для уплаты ясака, население получает от промысла соболей, вследствие ценности их меха, то администрацией уже были приняты меры, чтобы оградить этот промысел от хищнического истребления зверя. С этою целью запрещено употребление всяких ловушек и западней, и лов соболя производится только посредством огнестрельного оружия и сетей, которыми обставляют дерево, на ветвях которого спрятался соболь. Кроме того, два района на полуострове Камчатки, один на восточном берегу, севернее Авачинской бухты, под названием Кроноки, и другой на юге полуострова под названием Асачи, признаны заповедными, и в них всякая охота на соболя строго воспрещена. Районы эти служат рассадниками соболей и так как дознано, что в известном районе может находить себе пропитание и удобные условия жизни лишь известное количество зверя, то весь ежегодный избыток уходит за пределы этого района и служит предметом добычи охотников в местностях, прилегающих к заповедникам.

Приведенные правила относительно промысла соболей соблюдаются в Камчатке

строго и нарушений их почти не бывает, так как само население зорко следит за их исполнением. Этим только и можно объяснить, что промысел соболей остается ежегодно приблизительно на одном уровне по числу добываемых шкурок. Население, как бы не трогая капитала, пользуется в этом деле лишь процентами» (7, с. 7–8).

Учреждение отдельного губернаторства на Камчатском полуострове считал пока преждевременным, считая, что с административными делами неплохо справляется начальник Петропавловского округа, но ему нужно больше помощников, о чем писал следующее: «Действительно жизнь в тех краях пока в полной зависимости от рыбного промысла летом и от охоты зимой; в общем, она настолько проста и несложна, что регулирование ее при плохом улове рыбы или неудачной охоте, но при наличности запасных магазинов и известного количества денег, вполне доступно окружной администрации.

Для большей же успешности действий, состав последней следует несколько увеличить. Ныне в каждой округе состоит начальник и его помощник. Прибавление от одного до двух приставов в каждой из округ является давно назревшей потребностью, в особенности при существующем несовершенстве там путей сообщения. Кроме того, следовало бы несколько увеличить право начальников округов, так как за неимением телеграфа затруднительно получать своевременно необходимые разрешения от областной администрации» (7, с. 41–42).

Став первым начальником Приамурского края, П. Ф. Унтербергер добился образования в 1909 г. Камчатской области (в третий раз в истории полуострова) и усовершенствования сообщения с ней установкой в Петропавловске двух башен беспроволочного телеграфа. Последнее свое путешествие на Камчатку П. Ф. Унтебергер совершил на военном транспорте “Шилка”, о начале которого писал так: «“Шилка” под командой капитана 2-го ранга Пелля снялась 14 июля 1910 г. под брейд – вымпелом Приамурского генерал-губернатора с якоря во Владивостоке и направилась в Охотское море по Сахалинскому фарватеру, зайдя по пути в заливы Св. Ольги, Св. Владимира, Императорскую гавань, залив Де-Кастри и несколько других промежуточных пунктов.

На пути туда генерал-губернатором была подана мысль: ознаменовать посещение “Шилкой” Ледовитого океана постановкой памятника, в виде креста, первому русскому мореплавателю, обогнувшему Азиатский материк и вошедшему из Ледовитого океана в Берингово море казаку Семену Дежневу, на мысе его же имени. Мысль эта встретила полное сочувствие в среде офицеров военного транспорта, и предварительный проект памятника был тут же намечен. Для выполнения его в Императорской гавани купили 20 отборных лесин лиственницы. Подготовление остальных частей памятника исполнялось в пути командой транспорта под главным наблюдением старшего офицера лейтенанта Жеденова» (5, с. 221–222). Многочисленные фотографии, сделанные Павлом Федоровичем на профессиональном уровне, и отличались яркостью и четкостью, включали изображения морского транспорта, его кают-компании, неоднократные высадки на Камчатское побережье, промыслы – русская, японская рыбалки на западном берегу Камчатки, виды г. Петропавловска, группы жителей при встрече и т. д.

Отмечалось также генерал-губернатором Приамурского края, что с учреждением Камчатской области были приняты меры о расширении торговли и по совершенствованию управления: «При проектировании штатов административных учреждений Камчатской области было обращено внимание на то, чтобы не только приблизить к населению власть с большими правами, чем ею обладали уездные начальники, но чтобы этой власти были предоставлены средства для возбуждения самодеятельности населения и содействии ему в создании лучших условий жизни. В этих целях губернатору были приданы в помощь специалисты по разным отраслям промышленности, развитию которых благоприятствовали местные условия, как то: рыболовной, горной и земледельческой части. Вместе с тем права управляющего государственными имуществами в крае и начальника почтово-телеграфного округа были, в отношении Камчатской области, предоставлены губернатору» (5, с. 251).

В 1909 г. по совету генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера **Василий Власьевич Перфильев** был назначен исполняющим обязанности губернатора Камчатской области. Пробыл в этой должности до 18 июня 1912 г., затем вышел в отставку по состоянию здоровья в чине статского советника (4, с. 344).

Губернатору Камчатской области В. В. Перфильеву на вверенной ему территории с уездами Анадырским, Гижигинским, Командорским, Охотским, Петропавловским и Чукотским необходимо было решить следующие проблемные вопросы, удовлетворение которых, по мнению главного начальника Приамурского края П. Ф. Унтербергера, содействовало бы лучшему устройству жизни: 1) открыть в г. Петропавловске

казначейство с ссудо-сберегательной кассой, что вскоре и было сделано; 2) учредить на Камчатке отдельную епархию; 3) преобразовать медицинскую часть и расширить врачебные штаты в местах, где врачебная помощь почти вовсе отсутствовала; 4) усилить штаты администрации Чукотского уезда; 5) сформировать на Камчатке воинскую команду для содействия, в случае надобности, гражданской власти, не имеющей в своем распоряжении никакой действительной силы; 6) пересмотреть и реорганизовать устаревшее положение инородцах и податной системы» (5, с. 313–314).

Далее сообщалось, что «местной администрацией на предоставленные в ее распоряжение скудные средства был также принят ряд мер к поднятию экономического и культурного быта жителей области, из которых можно отметить отправку племенных бычков и производителей собак для улучшения местных пород, отпуск кредита на приступ к постройке нужнейших дорог, снабжение наиболее глухих местностей книгами, учебными пособиями и аптечками, а также организация… продажи чукчам предметов русского происхождения, с целью конкуренции с американским товарами, наконец отпущены средства на устройство вблизи г. Петропавловска сельскохозяйственной фермы…» (5, с. 314).

И последнее, что рекомендовал П. Ф. Унтербергер В. В. Перфильеву: «Перечисленные выше уже принятые мероприятия, как и возбужденные ходатайства, далеко не исчерпывают нужд новой Камчатской области, и ее администрации предстоит еще напряженная и серьезная работа по улучшению различных сторон быта местного населения. Из числа неотложнейших в этом отношении мероприятий следует отметить упорядочение эксплуатации главных источников существования Охотско-Камчатского края – рыболовства и пушного промысла, сокращение ввоза спиртных напитков в область и регулирование торговли с инородцами и их долговых обязательств» (5, с. 314–315).

7 апреля 1911 г. утверждением Устава книжного собрания исполняющим делами губернатора Камчатской области В. В. Перфильевым был определен юридический статус старейшей на Дальнем Востоке Петропавловской общественной библиотеки, наличие печати и источники ее финансирования. Этого юридического оформления публичная библиотека на Камчатке, основанная в 1828 г., не имела 82 года (10, л. 571).

Последним губернатором Камчатской области Приамурского края Российской империи 18 июня 1912 г. был назначен **Николай Владимирович Мономахов**. Пребывая в должности губернатора, он продолжил начинания своего предшественника В. В. Перфильева. При управлении Н. В. Мономахова в Петропавловске появились электричество и телефонная связь. Было создано литературно-музыкально-драматическое общество, члены которого в благодарность четы Мономаховых назвали здание общества «Театром имени С. М. и Н. В. Мономаховых». Создание в Петропавловске первого специального здания для театра позволило в 1914 г. организовать в городе демонстрацию кинофильмов. В этом же году открылась типография для канцелярии губернатора.

После отъезда в шестимесячный отпуск осенью 1916 г. деятельность Н. В. Мономахова на посту губернатора Камчатской области была прекращена (2, с. 319).

Губернаторы Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. заложили основы административной, социально-экономической и культурной жизнедеятельности общества и способствовали прогрессивному его развитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Второй Хабаровский съезд [губернаторов и других представителей] 1886 года / Ив. Надаров. – Владивосток : Типография Штаба портов Восточного океана, 1886. – 79 с.
2. *Ляшук А. В.* Губернатор Камчатки Н. В. Мономахов // Тобольск и вся Сибирь : альманах. – Тобольск, 2010. – Книга XII : Камчатка. – С. 312–319.
3. *Маргаритов В. П.* Камчатка и ее обитатели : с рисунками, исполненными по способу ферротипии, с картой Камчатки и планом укрепления Петропавловска в 1854 г. – Хабаровск : Тип. канцелярии Приамурского губернатора, 1899. – 141 с.
4. *Нестерова Е. И.* Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.) : Моногр. / под ред. В. Н. Соколова. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. – 372 с.
5. Приамурский край. 1906–1910 гг. Очерк с 6 картами, 21 таблицей приложений и с 55 рисунками на двадцати листах П. Ф. Унтербергера. – С.-Петербург : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. – 497 с.
6. Приамурье. Факты. Цифры. Наблюдения. Приложение к отчету общеземской организации за 1908 год. – М., 1909. – 922 с.

7. Приморская область. 1856–1898 гг. Очерк. С двумя картами, двенадцатью таблицами и 15 рисунками П. Ф. Унтербергера. – С.-Петербург : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1900. – 324 с.
8. *Прозоров А. А.* Экономический обзор Охотско-Камчатского края. – С.-Петербург : Типография Спб. т-ва печ. и изд. дела «Труд» – 388 с.
9. РГИА ДВ (Российский государственный архив Дальнего Востока, г. Владивосток). Ф. 87. Канцелярия военного губернатора Приморской области. Оп. 1. Д. 81.
10. РГИА ДВ. Ф. 702. Канцелярия Приамурского генерал-губернатора. Оп. 3. Д. 384.
11. *Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. – 552 с.
12. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край: Естественно-историческое описание / Сост. д-р Н. В. Слюнин: [в 2 т.]. Т. 1. – СПб.: Изд. Мин. финансов; Тип. А. С. Суворина, 1900. – 167 с.
13. Съезд губернаторов и других представителей в г. Хабаровске в 1885 г. – Хабаровск, 1885. – 34 с.
14. Труды III Хабаровского съезда / обработал по поручению бывшего Приамурского ген.-губернатора, ген.-адъютанта, барона Андрея Николаевича Корфа агр. Н. А. Крюков. – Хабаровска : Тип. М. А. Тыртова, 1893. – 170 с.
15. Труды IV Хабаровского съезда, созванного Приамурским генерал-губернатором Д. И. Суботичем. 1903 г. / под ред. Н. В. Слюнина. – Хабаровск : Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1903. – 530 с.

КАРГОПОЛЬЦЫ. ОТ КУЛИКОВА ПОЛЯ ДО КАМЧАТКИ И АМЕРИКИ (НА ПРИМЕРЕ ФАМИЛИИ КАРГОПОЛЬЦЕВ)

Каргопольцев А. А.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поводом для написания этой статья явилось глубокое желание узнать историю моей многодетной семьи, найти потерявшихся родственников, узнать их судьбы, понять, как влияли на них события, происходящие в России в 19–20 веках. Но мне невольно пришлось окунуться гораздо глубже, так как оказалось, что история этой фамилии началась аж в 12 веке. Отрывочные литературные сведения, имеющиеся у меня письма и воспоминания родственников, ставили передо мной новые и новые вопросы. Каждый из этих вопросов потянул за собой массу новых, что и привело к необходимости углубиться во времена Древней Руси, времена образования Российского государства, зарождения казачества и освоения Сибири. В итоге был прослежен путь фамилии Каргопольцев в 640 лет, от г. Каргополь до Камчатки и Америки.

Происхождение фамилии Каргопольцев.

Английский исследователь Б. О. Унбегаун, занимаясь историей русских фамилий, пришел к выводу, что существует несколько вариантов образования русских фамилий, имеющих окончание на «ов» и «ев», в том числе:

От патронима (т. е. имени отца) и суффиксов. Например: Иван – Иванов.

От географического названия места. Например: Новосильцев – г. Новосиль.

Каргопольский, Каргопóлов – г. Каргополь, Архангельской области, **Каргопóльцев** – житель Кáргополя (каргопóлец).

Иногда фамилии на «цев» принадлежат к старым дворянским семьям, но если они образованы от географических названий, то они более позднего происхождения и принадлежат к более низким слоям (1, с.110,113).

Эта фамилия образована от имени, прозвища, рода занятий или места жительства дальнего предка, человека по мужской линии и в большинстве случаев имеет русское происхождение. Раньше считалось, что фамилия Каргопольцев относилась к числу редких. Но сегодня это не так. После проведенных мною исследований выяснилось, что к 2020 году она стала встречаться почти во всех регионах России и особо распространена на территории Поморья, Сибири, Забайкалья, Приморья и на Камчатке. Она оказалась тесно связанной с историческими путями освоения Сибири и Дальнего Востока. И начало ей было положено в древнерусском городе Каргополе.

Город Каргополь

«Первоначальное поселение относится к XI-XII векам. Раскопки по берегам рек Свидь и Онега, озер Воже и Лаче середины двадцатого века показали, что местность, находящаяся в непосредственном соседстве с современной территорией Каргополя была обжита еще задолго до основания города. Найденные в этих местах древние поселения говорят о том, что первые люди появились тут около шести тысяч лет назад, то есть в четвертом тысячелетии до н. э., в период неолита». Эту культуру археологи назвали каргопольской (2).

Согласно энциклопедии слово Каргополь имеет несколько значений: в переводе с древнегреческого – полис, город; со старославянского – воронье поле; с финского – karhu – медведь, puoli-сторона, т. е. получается – медвежья(-ий) сторона (угол); с карельского – karhi – боронить, расчищать; в Белозерье – karhu – скалистая отмель, заливаемая водой; с английского – kargo – груз. Как видим, однозначного ответа на этот вопрос до сих пор нет. Поэтому попробуем поискать его самостоятельно.

Если посмотреть на топографическую карту окрестностей Каргополя, то мы увидим, что это место расположено в истоке реки Онеги, практически на берегу озера Лача, это относительно ровное редколесье (поле), находящееся на высотах около 150 м над уровнем моря, имеющее небольшой уклон к реке и озеру. Глубина озера от 1 до 5 м. Т. е. это небольшая овальная низменность размером более чем 30 х 14 км, без резких перепадов высот, ничего похожего на яму здесь нет. Но археологическими раскопками здесь были вскрыты слои пахотных земель. А исторические документы подтверждают, что в 16 веке климат здесь был более теплый, пригодный для земледелия. Население поставляло в Карелию дерево, пушнину, железо, хлеб и соль в обмен на рыбу, орудия труда и другие товары. Значит, здесь боронили землю и выращивали хлеб.

Поэтому есть основания предполагать, что это место было названо «Каргополь» (боронить,

расчищать поле) жителями Карелии или финнами и может обозначать низменность, пригодную для земледелия. Ведь это соседствующие территории, между которыми осуществлялся интенсивный товарообмен.

Но наиболее подходящий, на мой взгляд, перевод этого слова состоит в его корневом значении: Карго (kargo – груз). Ведь именно в этом месте сходились основные торговые, северные пути. Здесь происходил обмен товарами между южанами и северянами, между западом и востоком. Через эти места шли основные волоки, главным из которых был Кенский волок. Сюда в 15 и 16 веках свозились грузы со всех направлений, на этих полях строились складские помещения, здесь совершался сначала обмен товарами, а затем их продажа. Главным товаром была соль, которая приносила огромные прибыли. Соль доставляли сюда с Белого моря, где ее выпаривали или вымораживали из морской воды. Соль продавали и покупали круглогодично, она нужна была всем. В Каргополе была даже своя таможня. На основании этого можно сделать вывод, что слово это означает не «воронье или медвежье поле», а **«грузовое поле»**, т. е. склады, торговые площади, место, где происходит массовый обмен различными товарами, их продажа и покупка, организуются большие ярмарки, обеспечиваются пути доставки. Т. е. в современном понимании это был центр древней логистики. А поскольку владельцами земли и многих соляных приисков были в то время монастыри, получающие большие доходы от продажи соли и на вырученные деньги снаряжающие отряды для освоения новых земель, то становится понятным, почему здесь было построено такое большое количество храмов и церквей. К концу18 века их было уже 19 при населении около трех тысяч.

КОГДА ЖЕ БЫЛ ОСНОВАН Г. КАРГОПОЛЬ?

Вопрос о времени основания Каргополя историк Константин Александрович Аверьянов считает одним из труднейших для всего Русского Севера.

Согласно летописным источникам, на которые опирался Г. Д. Державин, свой поход на чудь князь Вячеслав совершил в 1146 г. и, возвращаясь с победой, оставил здесь стражу, а место назвал Каргиным полем (2). Этот год и был официально признан датой основания Каргополя.

В какие времена появились на Руси первые фамилии, произошедшие от названия этого города, и кто были эти люди?

Этот вопрос напрямую связан со временем основания г. Каргополя.

В 2001 году в Москве (издательство “Энциклопедия российских деревень”) была издана книга К. А. Аверьянова “Купли Ивана Калиты”. В этой книге мы сможем найти ответ на интересующие нас вопросы (3, 4).

Существует несколько источников, подтверждающие древность и значимость Каргополя. Вот некоторые данные из них:

1. Из опубликованных уже в XX веке летописей выяснилось, что в **1378 году** на озеро Лачь (пр. Лача) Дмитрием Ивановичем (впоследствии Донским) был сослан некий поп, действовавший в интересах сына последнего московского тысяцкого Ивана Васильевича Вельяминова и захваченный с мешком зелья перед сражением (1378 г.) с татарами на реке Вожа (ныне находится в Рязанской обл.) (3, с. 102).

Позднее, в Устюжском летописном своде, уточняется, что местом заточения этого узника стал именно Каргополь: “послал его князь великий в заточение на Лачь озеро в Каргополе, а мех с зелием сожгоша” (3, с. 152). Именно это известие и следует считать на сегодняшний день древнейшим упоминанием Каргополя в дошедших до нас письменных источниках – таково мнение К. А. Аверьянова (3).

Отсюда следует, что г. Каргополь был заложен до 1378 года, вероятнее всего в 1146 г. Первые каргопольцы впоследствии служили московским князьям и были с ними в родстве. Это подтверждается **Родословным древом российских государей**, написанным в 17 веке и сохранившимся до сих пор на сводах паперти соборной церкви Преображения Господня московского Новоспасского монастыря. Это древо начинается с первых русских князей и заканчивается сыновьями Ивана IV – Федором и царевичем Дмитрием. На одной из ветвей, по склонам свода с правой стороны изображены князья: Иоанн Дмитровский, **Федор Каргопольский** и другие (3, с. 150). Поэтому К. А. Аверьянов полагает, что князь Федор Каргопольский жил приблизительно во второй половине XIV века и был связан родственными узами с московским и ростовским княжескими домами, а г. Каргополь к тому времени являлся уже центром особого удела на Русском Севере.

2. Вторым источником является Киприановская редакция “Сказания о Мамаевом побоище”, Куликовской битве. Вот что говорится

в “Сказании” о белозерских князьях (г. Каргополь входил в состав Белозерского княжества). Узнав об угрозе нашествия Мамая, на помощь к Дмитрию Донскому в Москву пришли белозерские князья: “И приидоша князи белозерстии, крепцы суще и мужествени на брань, с воинствы своими: князь **Федор Семенович**, князь Семен Михайлович, князь Андрей Кемский, **князь Глеб Каргопольский**; приидоша же и Андомскиа князи...”.

Проанализировав литературу по генеалогии, новгородские и псковские летописи, синодики, (синодики считаются у ученых достаточно достоверным источником при изучении родословий), древнейшие акты Кирилло-Белозерского монастыря, датируемые 1397–1408 гг., актовые печати XIV–XV вв., К. А. Аверьянов составил полное родословие белозерских князей XIV века. Он пришел к выводу, что во время Куликовской битвы (08.09.1380 г.), у реки Дон (ныне Тульская область) погибли восемь белозерских князей и среди них Федор Семенович Каргопольский, брат Глеба Семеновича Каргопольского (3, с. 152–153).

Таким образом, ссылаясь на К. А.Аверьянова, мы можем с уверенностью и с гордостью за своих предков говорить о том, что каргопольцы участвовали в Куликовской битве. А г. Каргополь в 1378 году был уже крупным городом Русского Севера и центром самостоятельного княжества, входившего в состав Белозерской земли.

Не исключено, что после этих событий жители Каргопольского княжества с гордостью именовали себя каргопольцами и, расселяясь по другим регионам, брали себе фамилию Каргопольцев, Каргополов, Каргополец, Каргопольский и т. д. Был ли кто-то из них в прямом родстве с князьями Федором и Глебом Каргопольскими истории не известно.

Согласно летописи Великого Устюга (https://www.booksite.ru/fulltext/cheb/ykina/3.htm) с 1483 года по 1499 год каргопольцы участвовали во многих морских, речных и сухопутных походах москвичей, новгородцев и устюжан как на север, так и на восток. Вот фрагменты из летописи: *«1483 г. Князь великий Иван Васильевич послал рать на вогульского князя и в Югру на Обь-реку. А воеводами были Федор Курбский Черной да Иван Салтык Травин. С ними ходили устюжане, вологжане, вычегжане, вымичи, сысоличи и пермяки. С устья Пелыма воеводы великого князя отправились вниз по реке Тавде в Сибирскую землю, много добра и полона взяли. А из Сибири шли по Иртышу вниз да на Обь-реку великую в Югорскую землю, князей югорских воевали и в полон взяли. В Югре померло вологжан много, а устюжане все вышли. 1488 г. Великого князя воеводы Иван Владимирович Лыко Оболенский да Юрий Иванович Шостак с воинством двинян, важан* ***и каргопольцев*** *стояли в Устюге до осени, стерегли земли устюжские от вятчан» (5).*

«1496 г. Великий князь московский Иван Васильевич послал воевод своих князя Ивана Ляпуна да брата его Петра Ушатых в Каянскую землю (северная часть Финляндии). А с ними ходили устюжане и двиняне. Шли рекой Двиной в море-океан через Мурманский нос (Кольский полуостров). Захватили три шведских буса (корабля), воевали чужую страну, много добра и полона взяли….. В то же лето через Устюг, Белое море и Ледовитый океан московское посольство отправилось в Копенгаген к датскому королю».

«1609 г. В тот же год шли люди ратные: устюжане, ***каргопольцы****, вычегжане, вымичи, сысоличи – под Яранск и другие города вятские от русских воров и литовских людей оборонять» (5).*

Но уже в те времена англичане, шведы, норвежцы стремились проникнуть через Белое море к Уралу и Сибири. Они незаконно вывозили ценные товары с Поморья и вели торговлю с местным населением, не платя ни каких пошлин России. Чтобы прекратить это, Москва установила высокие пошлины и прямые запреты на торговлю с Каргополем и другими северными территориями через вологодские торговые пути. С этих пор экономическая деятельность в Каргополе начала угасать. Но эти ограничения направили предприимчивых и состоятельных жителей Поморья на разведку новых торговых путей с территориями к востоку от Каргополя. А это Урал и Сибирь.

Да и московские князья прекрасно знали о мастерстве и выносливости поморов, их военных, плотницких и мореходных качествах, и поэтому ни одна экспедиция, ни один поход на восток не обходился без ратников из поморских селений, в том числе и Каргополя. Выходцы из этих мест, вероятно, участвовали и в заложении города Мангазея на р. Таз, в Заполярье, в великоустюжских походах на восток. Таким образом фамилия Каргопольцев расселялась по Сибири и Забайкалью.

«1721 г. Марта в 6 день государь Петр I дал инструкцию гвардии капитану Пырскому «О наборе на Белоозере, в Вологде, Шуйске, ***Каргополе*** *и Устюге плотников, годных к судовой работе, и о присылке их с женами и детьми в Санкт-Петербург, а всего велено набрать 432 человека» (5).*

Как пишет Афанасьева-Медведева Г. В., «Именно Север «задавал тон движению» в Си-

бирь, «определял его “хозяйственный” стиль. Особая предприимчивость, выносливость, трудовые навыки хозяйствования…, присущие северянам, — эти черты как нельзя более подходили для раннесибирской эпопеи». «Закваской» движения были **каргопольцы**, двиняне, устюжане, холмогорцы, вологжане, белозерцы, олончане, беломорцы, вычегжане (6, с. 45). Эти люди знали толк в строительстве судов и в плавании по речным и морским акваториям.

XVII–XVIII вв. – время возникновения первых русских поселений на реках Енисее, Ангаре, Лене, Шилке и их притоках. В 1607 г. (или 1609 г.) на р. Енисее был основан Туруханск, в 1618 г. (или 1619 г.) — Енисейск, в 1628 г. — Красноярский острог. В период с 1630 г. по 1654 г. на р. Ангаре и по ее притокам один за другим возникли: Илимский острог (1630 г.), Братский (1631 г.), острог на Верхней Ангаре (1646 г.), Иркутское зимовье на Дьячем острове (1652 г.), позже, в 1661 г., на его базе был сооружен острог на правом берегу р. Ангары, в 1654 г. был основан Балаганск. В 1631 г. был создан Усть-Кутский, в 1642 г. – Чечуйский, в 1647 г. – Верхоленский остроги.

В этот же период русские стремительно проникают в Забайкалье. За короткое время они возводят там остроги: в 1647 г. строится Верхнеангарский, в 1648 г. – Баргузинский, в 1652 г. – Баунтовский, в 1653 г. – Нерчинский, Иргенский и Читинский, в 1658 г. – Теленбинский, в 1665 г. – Селенгинский, в 1666 г. – Верхнеудинский, (ныне г. Улан-Уде), в 1689 г. – Сретенский и др. (6, с. 46).

Если сегодня взять справочники жителей этих регионов, то во многих из них мы найдем такие фамилии, как Каргополов, Каргопольцев, Каргаполов, Каргапольцев, Каргополец, большинство из них потомки землепроходцев из г. Каргополя.

Достаточно сказать, что согласно Иркутским архивам, Иркутск основали поморы с Русского Севера, и Каргопольцевы были одними из них.

Первая перепись населения города Иркутска была проведена в 1684 году. «Согласно списку, самыми знатными жителями острога в то время были боярские дети братья Перфильевы. А начало династиям потомственных иркутян положили Псковитины, Бурцовы, Икотаревы, Рагозины, Бобруковы, Кочуровы, **Каргопольцевы,** Заусаевы, Коперники, Коренные, Шумиловы, Гурьевы. Также среди поселян много было носителей распространенных фамилий — в переписи не раз встречаются фамилии Ивановых, есть Алексеевы, Сидоровы, Максимовы» (7).

А. С. Сгибнев в книге «Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг.» пишет следующее: «*Когда Никиту Лосева в 1722 году назначили приказчиком в Камчатку, он вытребовал себе плотника морских судов* ***архангелогородца Каргопольцева****, чтобы достроить в Охотске два судна, оставшихся после Большого Камчатского наряда. ...В августе 1722 года Никита Лосев со своими людьми добрался до Охотска, взял порох, свинец, оружие, знамя и с мореходами Мошковым и Треской отбыл на Камчатку.* ***Каргопольцев*** *остался достраивать суда*» (8, с. 78).

В Поморье, как и в первых сибирских городах Туруханске, Енисейске, Красноярске, Иркутске, мы до сих пор можем найти многих жителей, носящих эту фамилию. Так на сегодняшний день в Архангельске проживает – 8 Каргопольцевых, в Кирове – 13, в Екатеринбурге – 8, в Туруханске – 2, в Енисейске – 4, в Красноярске – 5, в Иркутске – 15, во всей Бурятии, включая Кяхту – 12, в Чите – 25, в Якутске – 3, во Владивостоке – 12, в Петропавловске-Камчатском – 5. Безусловно, эти цифры неточные, так как они взяты из справочников этих городов. В Москве – 58, в Санкт-Петербурге – 15.

Одним из забайкальских переселенцев был и мой дед, Каргопольцев Николай Степанович.

Родился в 1882 году в Забайкалье. С июня 1914 по 1924 год был священником Ключевской Троицкой церкви. Его сын, Михаил, вспоминает: *«Отец наш, Каргопольцев Николай Степанович, был священником. В селе и во всем приходе пользовался любовью, авторитетом и большим уважением. У нас в школе он приходил раз в неделю и преподавал «Закон божий». Приходил он одетый в рясу с крестом на груди. Его присутствие создавало в классе какое-то благотворение, полную преданность господу богу и смирение. Отец часто объезжал свой приход. Это были и села вверх по реке – Кресты, Ушки, Козыревск, Харчино, Еловка, и вниз – с. Камаки».*

В метрической книге п. Ключи 13.08.1915 года им сделана запись. Это был его второй приезд на Камчатку с семьей. В годы вторых репрессий (1935–1937) он увез семью в Забайкалье, а после войны вновь вернулся на Камчатку в село Макарка Мильковского района.

По рассказам моего отца, Каргопольцева Алексея Николаевича, и его старшего брата, Михаила Николаевича, наш прадед, Каргопольцев Степан Ефимович, был забайкальским казаком, а после его ранней смерти, его три сына Николай, Гавриил и Степан, как дети казака, были направлены на бесплатное обучение в Читинскую духовно-учительскую семинарию. Дочь Елизавета

осталась при матери. В семье у них был казачий уклад жизни, были лошади, скачки, детей обучали верховой езде. Кроме того, им строго наказывали, что наша фамилия всегда писалась через «О» – Каргопольцев, а не Каргапольцев. Именно такое написание часто встречается в исторических списках Сибирского и Забайкальского казачьего войска.

В районе 1899 года, вероятно, после смерти отца – Каргопольцева Степана Ефимовича, семья моего деда, Каргопольцева Николая Степановича, переехала в район г. Кяхты, так как здесь в то время было наиболее выгодное место, шла торговля с Китаем, здесь через внешнюю Монголию проходил чайный путь в Россию. На юге Иркутской губернии (ныне Бурятская республика) много сел, носящих названия, явно принесенные с севера: Малоархангельск, Белоозерск, Семиозерье, Шелехов, Кяхта (здесь есть Троицкий собор 1812–1817 г.), Чикой, Кижинга.

В г. Кяхту дед приехал после окончания семинарии и стал преподавать в школе. Здесь он и женился. После семинарии пути братьев разошлись. Николай стал учительствовать в г. Кяхте, Гавриил сначала был учителем, потом бухгалтером (1935 г.) в Улан-Удэ, а Степан ушел в казаки и попал на фронт. Но перед началом 1-й мировой войны, в 1911(1912) году Николай принимает предложение церковнослужителей и переезжает с семьей во Владивосток, а затем пароходом на Камчатку. Где направляется в Палану, в село Лесная.

Согласно выписки из фондов КГУ «Камчатский краевой объединенный музей»:

учителем и законоучителем Лесновской одноклассной церковно-приходской школы в 1912 году был священник Николай Степанович Каргопольцев.

с. Лесная, 1912 год – открыта церковно-приходская школа, священник Николай Степанович Каргопольцев (9, с. 624 и 632).

В 1914 году, после посещения Владивостока, его переводят в село Ключи Усть-Камчатского уезда в Троицкую церковь священником. Где он и прослужил до марта 1924 года, до прихода Советской власти. Был репрессирован, подвергся гонениям, отлучен от церкви, предан анафиме, в 1929 году отправлен в село Толбачик, затем реабилитирован. Он умер 9 мая 1967 года и похоронен в с. Лазо Мильковского р-на Камчатского края.

Благодаря ему на Камчатке появилось еще 16 Каргопольцевых от двух браков, 9 сыновей (Иван и Иннокентий умерли в детстве) и 7 дочерей (Вера умерла в детстве). О нем есть несколько упоминаний в владивостокских церковных ведомостях за 1912–1914 годы.

Вот такой путь проделала фамилия Каргопольцев с Поморья на Камчатку. А дальше она появилась и в Америке. Сегодня там проживают художники и музыканты, носящие фамилию Kargopoltsev. В связи с этим нельзя не вспомнить и еще одного, наверное, самого знаменитого каргопольца Александра Андреевича Баранова (1746–1819), первого правителя Русской Америки, память о котором современная Америка пытается уничтожить. Надеюсь, что потомки русских землепроходцев, живущие ныне в Америке, не допустят этого. Возможно, именно в составе его экспедиций и были первые Каргопольцевы, поселившиеся в Русской Америке. Но до сих пор остается неизвестным, был ли когда-нибудь Баранов на Камчатке. Ведь трудно себе представить, что за 28 лет управления Русской Америкой, А. Баранов, несколько раз, пересекающий Тихий океан, проплыл мимо Камчатки.

Проследив исторический путь движения фамилии Каргопольцев с севера на юго-восток России и проанализировав письма моих близких родственников, можно сделать довольно обоснованный вывод: камчатские Каргопольцевы являются потомками казаков или священнослужителей, вышедших из архангельских земель России, где в 14 веке правили князья Федор и Глеб Каргопольские. Во времена Петра I (1689–1725 гг.), возможно раньше, наши предки, каргопольские казаки стали осваивать сибирские просторы. Они обосновались в Иркутской губернии где-то около Петровского железолитейного завода или в Чите. В 1912 году они прибыли на Камчатку, и вот уже более 100 лет их потомки продолжают трудиться в этом удивительном крае.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии / пер. с англ. – М. : Прогресс, 1989.
2. Интересная Россия. История и мифы городов, достопримечательности: http://interesnayarossiya.ru
3. *Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. – Москва : Изд-во “Энциклопедия российских деревень”, 2001.
4. *Крючков М.* Княжество все же существовало! / М. Крючков // Газета «Каргополье». – 2003. – 11 июня.

5. *Чебыкина Г.* Летописи Великого Устюга : https://www.booksite.ru/fulltext/cheb/ykina/3.htm
6. *Афанасьева-Медведева Г. В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Т. 1. – СПб. : Наука, 2007.
7. *Липчинская О.* Перепись населения Иркутска. Первая в истории / О. Липчинская // Газета «Комсомольская правда – Байкал», 2004: http://irkipedia.ru/content/perepis_naseleniya_irkutska_pervaya_v_istorii
8. Вопросы истории Камчатки. Вып. 1. – Петропавловск-Камчатский : КамчатГТУ, 2005. С. 35.
9. *Смышляев А.* Популярная история Камчатки от древности до 1917 года. – Петропавловск-Камчатский, 2014.

ТОПОНИМИКА КАМЧАТКИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Кисличенко И. В.

Не секрет, что на Камчатку все больше увеличивается поток туристов, желающих познакомиться с краем огнедышащих гор, почувствовать себя первооткрывателем и исследователем. Привлекает гостей нашего полуострова многое: нетронутость дикой природы, потрясающая история Камчатки, быт и культура народов Севера. Кто-то удовлетворяется привычным туристическим маршрутом и созерцанием камчатской природы, а кто-то, более подкованный знаниями, хочет больше узнать о географических объектах полуострова, познакомиться с историей их названий. Особенно привлекают гостей нашего края те объекты, которые долгое время находились под завесой тайны.

Одним из таких мест является Бечевинская бухта, которая врезается косой в Шипунский полуостров неподалеку от Петропавловска. Именно с истории ее названия мы и начнем наше путешествие по стране камчатской топонимики.

…В середине XVIII века богатый иркутский купец Иван Бечевин организовал несколько промысловых экспедиций на новооткрытые в ту пору тихоокеанские острова «в восточную сторону от Авачинской губы» (т. е. к востоку от Камчатки – ***Авт***.) и обратился к правительству с просьбой одобрить данное предприятие. Его поддержал сибирский губернатор Федор Соймонов. В январе 1758 г. он дает Бечевину разрешение на отправку в плавание двух судов, снабдив его специально созданной «запретной» картой с «линией», где были записаны условия ограничений «до которых мест повелено иркутскому купцу Бечевину ходить» и «означено граничною линиею... восточнее которой до указу Сената ходить запрещено» (3).

Такие карты и указания составлялись для частных судов с целью «избежать гибели вследствие незнания мест» и иметь представление о том, как строить взаимоотношения с жителями островов. Купец решил одно судно направить на север к Анадырскому заливу, а оттуда, по возможности, «вокруг Чукотских мысов до рек, впадающих в Ледовитый океан», другое – к Алеутским островам. На постройку судов Бечевин денег не пожалел: одно из них – бот «Святой архистратиг Гавриил» – имело в длину одиннадцать саженей по килю (23,76 м – ***Авт***.). Таких больших судов еще не было на Восточном море, а по ходовым качествам бот заметно превосходил корабли, ходивших в то время по тихоокеанским просторам. Однако начавшееся в 1759 г. следствие против Ивана Бечевина лишило его возможности осуществить намеченный план. И об этом стоит рассказать подробно.

Возглавлял следствие коллежский асессор из Петербурга Крылов, посланный в Иркутск обер-прокурором Сената Глебовым со специальным заданием – заставить местных купцов отказаться в пользу Глебова от винного откупа. Период крыловского самодурства упоминается всеми историками XVIII века. И не случайно. В Иркутске были арестованы 74 купца. Все они вместе с членами своих семей подверглись страшнейшим пыткам. В 1759 г. был арестован и купец Бечевин. Иркутские историки-краеведы предполагают, и не без оснований, что свое состояние он заработал, прежде всего, на добыче и торговле пушниной, а к винным откупам был причислен уже после смерти. Крылов прельстился богатством купца и желанием заработать, поэтому искал причину ареста почти в течение целого года, а не арестовал Бечевина сразу вместе с другими подозреваемыми. Иван Степанович, несмотря на пытки – он был закован в цепи и сечен плетьми, – отвергал все возводимые на него обвинения. Но, будучи поднятым на дыбу и почувствовав приближение смерти, обещал заплатить Крылову откупную в 15 тыс. руб. После чего был освобожден. Но под давлением следствия размер откупной был увеличен до 30 тыс. руб.

…Асессор Крылов, встряхивая Ивана Бечевина на дыбе и вымогая от него признания об утайке денег по винному откупу, дознал и о том, что купец вложил средства в постройку корабля «Гавриил» для похода в Америку. После чего судно отобрали в казну.

Пытки подорвали здоровье Ивана Степановича и явились причиной его смерти в декабре 1759 г. Но он успел полностью снарядить экспедицию и отдать приказ о ее отправке.

Камчатская администрация отправила на Алеутские острова в 1760 г. лишь бот «Св. Гавриил» под командой морехода Гавриила Пушкарева, ходившего еще с Витусом Берингом на «Св. Петре» и пережившим трагическую зимовку на острове Беринга. Бот вышел 31 июля из Большерецка, миновал Второй Курильский пролив и 25 сентября прибыл «для зимовки и промыслу зверей» к острову Атка. Здесь произошла его встреча

с судном компании тульского купца Семена Красильникова «Св. Владимир». Команды провели зимовку и промышляли сообща. «Через зимовку, – писал в своем рапорте Гавриил Пушкарев, – по недаче более тамошними народами промысла и за опасностию от них отправились они с оного Атхи острова на второй по званию Аляска маия 26 числа». Судно Красильникова осталось продолжать промысел.

Во время пребывания у берегов полуострова Аляска, который был принят за остров, Пушкарев и его команда восстановили против себя местных жителей. Опасаясь вполне заслуженного возмездия с их стороны по причине пленения им 20 девушек-алеуток, мореход с наступлением лета ушел к острову Умнак, где продолжал жестоко обращаться с алеутами. Поиски новых земель не дали результатов, и Пушкарев решил возвратиться на Камчатку.

25 сентября 1762 г. бот бурей занесло в небольшую гавань на камчатском побережье, которую и назвали впоследствии Бечевинской. Однако это не первое ее название. По возвращении из плавания в Охотск Пушкарев доставил чертеж и сообщил первые гидрографические сведения об открытой бухте Тимофею Шмалеву – администратору и исследователю края, который через несколько лет дает бухте название «Св. архистратига Гавриила», тем самым отдав приоритет ее открытия Пушкареву. В пояснении к карте Камчатки, составленной в 1764–1765 годах, Шмалев подчеркивает, что название бухте дано в честь зимовки в ней «судна «Св. Гавриил», бывшего компании иркутского купца Ивана Бечевина». Но название, данное бухте Тимофеем Шмалевым, не прижилось. Уже в конце XVIII века мореходы начинают именовать ее по фамилии владельца судна «Св. Гавриил» и организатора экспедиции Ивана Бечевина… (3).

Много исследователей побывали затем в этой бухте. В 1791 году морскую съемку здесь осуществил известный русский мореплаватель и гидрограф Гавриил Сарычев. В 1830 году этот район был описан с байдары капитаном корпуса флотских штурманов Петром Ильиным. В 1900 году бухту обследовал владивостокский шкипер Фридольф Гек, командовавший в то время шхуной «Сторож». Он составил план южной части бухты, который был в следующем году уточнен и дополнен мичманом Вернером Драхенфельсом, офицером военного транспорта «Якут», проводившего гидрографические работы у восточного побережья Камчатки. А в середине XX века на бухту обратили внимание военные. В начале 60-х это укромное место было выбрано для временного маневренного базирования советских подводных лодок. На берегах Бечевинской началось строительство – здесь появилась мощная инфраструктура, включающая в себя причалы, дороги, вертолетные площадки и многочисленные строения для размещения военных подразделений. Появился и поселок, впоследствии получивший название Финвал. Он был полностью изолирован от внешнего мира. Единственным средством сообщения, доставки товаров, продуктов и почты служило судно «Авача». Вход в Бечевинку тщательно охранялся с одной стороны артиллеристами, а с другой – зенитчиками и ракетчиками. Строгий режим секретности не позволял открыто использовать географическое название бухты, поэтому и было придумано название Финвал. Даже в официальных документах и переписке данное место именовалось строго по почтовому индексу «Петропавловск-Камчатский-54». После распада СССР жизнь в поселке ухудшилась – новой России было непосильно содержать проекты подобного рода. Многие моряки попали под сокращение. В 1996 г. имущество базы перевезли на новое место. …В настоящее время на берегах бухты иногда появляются любопытные путешественники, которые затем возвращаются в обжитые места. А Бечевинка смотрит им вслед пустыми глазницами окон заброшенных домов и ждет, когда же она вновь понадобится людям.

Не меньший интерес вызывает у камчатцев и гостей нашего края и название еще одной бухты – Большая Лагерная, о происхождении которого существует масса мифов и слухов. Якобы название это место получило потому, что был тут огромный лагерь, то ли для политзаключенных, то ли для пленных японцев. Хотелось бы развеять подобные слухи и географические недоразумения, представив некоторые исторические факты.

Географические названия по всей береговой линии Авачинской губы по состоянию на 1851–1855 годы перечислил исследователь Камчатки в те годы Карл Дитмар (2). Его сведения заслуживают доверия, так как он руководствовался картами Департамента Морского министерства.

К тому времени практически все большие мысы, бухты, заливы и береговые возвышенности Авачинской губы имели имена. Так, в современных границах Петропавловска-Камчатского и его окрестностей на восточном побережье Авачинской губы – от мыса Маячного до микрорайона Авача – Карлом Дитмаром приведены названия 36 географических объектов. Он не исследовал происхождение названий и не вдавался в подробности их изменений, а просто зафиксировал

названия на период своего пребывания на Камчатке (7).

Небольшой их анализ показал, что до настоящего времени из них с незначительными изменениями сохранилось только 16. Исчезли, трансформировались в другие названия и переименованы 20. Так, озеро Верхнее стало Култучным, сопка Меженная – Мишенной, сопка Шестаковская Падь – Петровской, бухта Бабья Пристань – Бабьей бухтой.

На некоторых названиях, приведенных К. Дитмаром, следует остановиться подробнее. Так, за скалами Три Брата, в северном направлении, им называются Лагерный мыс и Лагерная бухта. На мысе Раков Маяк (современное название – мыс Западный) стоял маяк – один из последних промежуточных сигнальных маяков, передававших информацию от Дальнего маяка (современное название – маяк Петропавловский) до Сигнального мыса: Дальний маяк – Бабушкин маяк – Раков маяк – мыс Сигнальный» (2). Через них, начиная с 1805–1809 годов, в Петропавловск шла информация о кораблях, появлявшихся в Авачинском заливе и у входа в Авачинскую губу. Безусловно, осуществляли эти действия люди, находившиеся на временном поселении, т. е. в лагерях.

Теперь мы смело можем сказать, что название Лагерный не имеет никакого отношения к мифическим лагерям политзаключенных, якобы существовавших здесь в начале 20 века. (Это утверждение требует уточнения, т. к. мне лично пришлось слышать рассказ от очевидца, который там бывал, и отец которого сидел в лагере в этом районе. Не лагерь политзаключенных, он так не назывался, но лагерь, где содержали заключенных до 1956 г. – примечание редактора сборника Витер И. В.). Сейчас мыс Лагерный, который обрамляет слева бухточку с географическим названием Большая Океанская, называется именем Героя Советского Союза Н. А. Вилкова, во время освобождения Курильских островов в августе 1945 года грудью закрывшего вражеский дзот.

Рассказ о камчатской топонимике невозможен без упоминания названий некоторых камчатских рек, с историей происхождения которых непосредственно связано освоение нашего полуострова.

Крупнейшая река камчатского западного побережья – Большая – известна русским с конца XVII века, со времени знаменитого похода пятидесятника В. В. Атласова, прошедшего с отрядом в 1697 году по западному берегу полуострова от реки Ичи до реки Нынгучу (Голыгиной).

В составленном на рубеже XVII–XVIII веков «Чертеже вновь Камчадальские земли и моря» автор его, сибирский картограф С. У. Ремезов, основываясь на результатах похода Атласова, нанес реку Большую с поясняющей надписью: «пала в Пенжинское море многими устьями». Пенжинским или Ламским первоначально называлось Охотское море.

В 1707 году река Большая отмечается в отчете казака Родиона Преснецова с вариантом искаженного местного названия – Кикша. Топоним Кикша (Кыкша) встречается и на некоторых старорусских чертежах Камчатки и, вероятно, восходит к ительменскому слову «кыг», что означает – «река». Происхождение русского названия объяснил позднее С. П. Крашенинников: «Большою для того называется, что из всех рек, впадающих в Пенжинское море, по ней одной от устья до самой вершины можно ходить батами» (5).

Важнейшее значение реки Большой как магистрального пути, связывающего западный берег полуострова с долиной реки Камчатки и восточным побережьем, издревле было известно коренным жителям, русские первопроходцы оценили роль этого пути уже в начале XVIII столетия. В 1703–1704 годах в районе слияния рек, названных Быстрой и Плотниковой, был построен Большерецкий острог. В 1711 году он был возобновлен отрядом Д. И. Анциферова – И. П. Козыревского, начавшим отсюда в августе исторический поход, итогом которого явилось открытие Курильских островов. Большерецкий острог становится одним из жизненно важных центров освоения полуострова. Через него проходили пути на Верхнекамчатский острог и через гидросистему рек Плотниковой и Авачи – к восточному берегу Камчатки. Характерно, что эти пути в наше время в точности повторили главные автомобильные трассы полуострова.

Не случайно именно к устью реки Большой в 1716–1717 годах было совершено первое в русской истории плавание через Ламское (Охотское) море из Охотска. Экспедицию на лодье «Восток», проложившую кратчайший путь от азиатского материка к полуострову Камчатка, возглавляли якутянин Козьма Соколов и архангельский помор Никифор Треска. 22 мая 1721 года из устья реки Большой, выполняя поручение Петра Первого, начали плавание к Курильским островам первые геодезисты тихоокеанских земель России И. Б. Евреинов и Ф. Ф Лужин. К этому времени устье реки было уже достаточно хорошо освоено мореходами.

К началу 20-х годов XVIII века русские моряки, очевидно, и выбрали здесь удобное ме-

сто для укрытия и зимовки судов, вошедшее в историю под названием Чекавинской гавани. Эта гавань становится первым морским портом Камчатки. Сведения о ней можно найти у С. П. Крашенинникова. «Чекавина, по-камчатски Шхвачу речка, – пишет он, – от устья Большой верстах в двух... Примечания достойна она потому, что в ней морские суда зимуют, чего ради там и казарма для караульных и кладовые анбары от Камчатской экспедиции построены. Суда заводятся в оную во время прибылой воды, и в убылую воду она так узка, что через перескочить можно, и так мелка, что суда на бока валяются, однако от того не бывает им повреждения для того, что дно ее мягко» (4). Таким образом, Чекавинская гавань служила не только пристанищем кораблей, но и выполняла функции своеобразного сухого дока. Студент А. Горланов, сменивший на Камчатке С. П. Крашенинникова и совершивший путешествие по западному побережью Камчатки, отождествляет реку Чекавину (Чакаву) с рекой Начиловой, известной под этим названием и поныне.

4 сентября 1727 года в устье реки Большой вошли прибывшие из Охотского порта бот «Фортуна» под командой В. Й. Беринга и лодья «Восток» под началом А. И. Чирикова. Отсюда участники экспедиции, получившей название Первой Камчатской, отправились по реке Большой и ее притокам вглубь полуострова. Построив неподалеку от Нижнекамчатска бот «Св. Гавриил», беринговцы вышли из устья Камчатки в плавание к берегам Чукотки. 12 июля 1729 года экспедиция вернулась в Большерецк. В дальнейшем реке Большой было уготовано важное место для развертывания работ Второй Камчатской экспедиции В. Й. Беринга – А. И. Чирикова (1732–1743 гг.). Большерецкий острог и Чекавинская гавань стали опорной базой южного (японского) отряда экспедиции, возглавляемого М. П. Шпанбергом. Отсюда в период 1738–1739 годов были предприняты плавания к Курильским островам, значительно расширившие представления об архипелаге и практически неизвестной тогда Японии. По возвращении из плаваний Шпанберг составил карту, имеющую название «Новая табула от (Охотского) порта и до (Большерецкого) Камчатского острогу, от Большой реки между Курильскими, Японскими островами и до самой Японии». На карте обозначены районы Охотска, западного побережья Камчатки, Курильские острова и северная часть Японии, показан путь кораблей от Охотска до Большерецка и от Большерецка к югу.

16 мая 1740 года, выполняя приказ Беринга об исследовании камчатских берегов и Авачинской губы, из Чекавинской гавани отправился бот «Св. Гавриил» под командой штурмана И. Ф. Елагина, заложившего в том же году порт, названный вскоре Петропавловским. 1740 год ознаменован еще несколькими событиями в истории реки Большой. В этом году Большерецкий острог по распоряжению сибирских властей определяется «присутственным местом» камчатских командиров, став на многие годы административным центром края. 21сентября 1740 года в Чекавинскую гавань прибыли из Охотска пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел», галиот «Охотск» и дубель-шлюп «Надежда». С этого времени началась практическая деятельность главного отряда Второй Камчатской экспедиции В. Й. Беринга – А. И. Чирикова. Вскоре пакетботы покинули большерецкое устье, отправившись к Авачинской губе.

Не менее интересна и история названия реки Воровской (Большой Воровской). Впервые Воровская под названием Гига упоминается в знаменитых «скасках» Владимира Атласова, предпринявшего поход на Камчатку в 1697 году. Под этим же названием река изображена на карте С. У. Ремезова, составленной в 1701 году по данным похода В. Атласова («Чертеж вновь Камчадальские земли и моря»). На последующих чертежах, отразивших дополнительные сведения камчатских землепроходцев, река уже носит название Воровская. Оно появилось, вероятно, в начале XVIII века. На «Чертеже Камчадальского Носу и морским островам», составленном И. П. Козыревским в 1726 году, автор поместил против устья Воровской пояснение: «С Воровской и с Кыкчика рек в прошлом 712 году разговором в ясашной платеж призвал, и аманатов взял, и в Большерецком остроге посадил». Из этого примечания следует, что поход И. II. Козыревского из Большерецкого острога был одной из первых попыток «приведения» ительменов реки Гиги «под высокую государеву руку», что происходило не всегда гладко, в результате чего на карте Камчатки появилось новое географическое название (5). Причины возникновения его попытался объяснить побывавший здесь в 1738 году С. П. Крашенинников: «Гыг река прозвана от казаков Воровскою для того, что камчадалы, которые при той реке имеют жилища, весьма часто бунтовали и побивали казачьих сборщиков» (4). Первоначальное название реки Гига, вероятно, восходит к ительменскому «кыг» («река»). В XVIII веке по берегам Воровской, как и других камчатских рек, располагалось несколько местных острожков. Через один из них, находившийся на стрелке Большой Воровской и Средней Воровской,

пролегал путь в долину реки Камчатки, к Верхнекамчатскому острогу.

Неподалеку от Усть-Воровского, выше по реке, стоял еще один ительменский острожек, также называвшийся Воровским. Первоначальные сведения о нем относятся к семидесятым годам XVIII века. К началу XX века острог вырос в довольно крупное селение, где жили русские, камчадалы и ительмены. Описание этого, типичного для западно-камчатского прибрежья селения сделал в 1896 году камчатский врач и естествоиспытатель В. Н. Тюшов.

После 1910 года село Воровское получило название Мономахово – по фамилии камчатского губернатора Н. В. Мономахова. В 20-е годы село Мономахово было переименовано в Соболево. С 1946 года Соболево является районным центром (5).

Топонимика Камчатки богата и интересна. Она имеет множество увлекательных эпизодов, о которых мы порой не имеем должного представления. Впереди еще много интереснейших географических объектов, которые ждут нашего внимания. Нужно только изучать историю Камчатки, а не довольствоваться мифами и легендами, рождающимися в огромном количестве.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Воскобойников В. И.* Слово на карте : из истории геогр. названий Камчат. полуострова / Камчат. обл. ин-т усовершенствования учителей. – Петропавловск-Камчатский : кн. ред. «Камчат. правды», 1962. – 117 с., 1 л. карт. : ил.
2. *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 годах. – Петропавловск – Камчатский : Холдинговая компания «Новая книга», 2009.
3. *Кисличенко И. В.* Тайны Бечевинки. Как была открыта гавань, ставшая секретной / И. В. Кисличенко // Аргументы и Факты. – 2015. – № 34.
4. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. – М. : Эксмо, 2010.
5. *Кусков В. П.* Краткий топонимический словарь Камчатской области : из истории происхождения геогр. названий / Камч. отдел Геогр. об-ва СССР / под ред. Б. И. Пийпа и В. Н. Виноградова ; вступ. статья В. Н. Виноградова; автор статьи в приложении Б. П. Полевой. – Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, 1967. – 128 с. – Приложения: с. 96–127. – Приложения содержат статью Б. П. Полевого, указатель имен, библиографию.
6. *Мартыненко В. П.* Камчатский берег: историческая лоция. – Петропавловск-Камчатский: Дальневосточное издательство, 1991.
7. *Пирагис А. П.* Топонимика Камчатки: http://www.piragis.ru.

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ ВОРОШИЛОВЫ

Князева О. П.,
МБУ «Мильковская библиотечная система»
ИНФОРМАЦИОННО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
КЛУБ «КАМЧАДАЛЫ»

На сегодня есть достоверные данные о том, что 28 сентября 1829 г. на транспортном бриге «Николай» из Петропавловского порта в Охотск с грузом пушнины прибыла группа торговцев пушниной, в числе которых был и камчатский купец 2-й гильдии **Афанасий Ворошилов**.

По легенде, когда шло освоение земель Сибири, на Камчатку прибыло 8 братьев Ворошиловых, которые разъехались по полуострову, чтобы узнать, где кто как живет, где что растет.

По данным исповедальной книги Петропавловского прихода 1893 г. видно, что основоположником камчатского рода Ворошиловых является **Ворошилов Михаил Павлович**, 1873 г. р., в семье которого было восемь детей. Его старшие сыновья **Александр и Павел** принимали участие в укреплении православия. В Мильково **Александр Михайлович** строил в селе церковь во имя Богоявления. А **Павел Михайлович** был в ней псаломщиком, затем служил дьяконом в Петропавловском соборе. Последнее место службы – первый священник-камчадал мильковской церкви. Женился на Плотниковой Зинаиде Ивановне, и у них родилось два сына **Иннокентий и Агафангел**, ставшие верными помощниками отцу.

Политические репрессии коснулись 6 человек из семей Ворошиловых, живущих на Камчатке, в том числе и мильковских.

В 1923 г. Павла Михайловича тройкой ОГПУ арестовывают якобы за хранение политической литературы. Через месяц отсидки, из-за отсутствия улик, отпускают, но на 2 года лишают избирательных прав, и он находится под постоянным строгим надзором. Мильковский приход был бедным, а надо было помогать прихожанам и семью содержать. Поэтому было принято решение: службы проводить только самые необходимые. Павел Михайлович снимает с себя скромное церковное облачение и начинает заниматься привычными крестьянскими делами: охота, рыбалка, огород, уход за домашней скотиной.

24 августа 1931 г Павел Михайлович был вновь арестован. И только 14 января 1932 г. тройкой ОГПУ приговаривается к 10 годам лишения свободы без права переписки. До сих пор не могут найти следов мест пребывания заключения отца Павла.

Вот что вспоминает его племянница **Мавра Михайловна Ворошилова:**

«*Дядю любили в селе и уважали. Милиционеры сильно хотели его арестовать прямо во время службы, но шибко боялись людского недовольства. Зная, что его должны были арестовать, дядя накануне обошел всех прихожан. Попрощался с ними и дал последние наказы и благословения. После ареста больше мы его никогда не видели и о его судьбе ничего не знаем*».

Постановлением Президиума Камчатского областного суда Ворошилов Павел Михайлович реабилитирован 15 июня 1964 г.

Ворошилов Иннокентий Павлович 1897 года рождения. Окончив церковно-приходскую школу, Иннокентий поступает в высшее начальное шестиклассное училище, а затем закончил педагогические курсы. С 1915 по 1924 гг. учительствовал в церковно-приходской школе в Милькове и исполнял обязанности псаломщика. И из-за того, что служил псаломщиком, был лишен избирательных прав. Женат на Потаповой Хариссе (Фаренье) Арсентьевне. У них родилось шестеро детей, пятеро из которых умерли в младенчестве. В 1932 г. **Иннокентий Павлович**, как псаломщик, был репрессирован и приговорен тройкой ОГПУ к 10 годам отбывания в лагерях без права переписки. До сих пор его дальнейшая судьба неизвестна. Тем же постановлением ОГПУ по ст. 58 пп. 10 и 11 УК РСФСР подвергается высылке из Дальневосточного края (ДВК) семья Иннокентия Павловича, которую в 1933 г забрали из Милькова и отправили во Владивосток пароходом. До г. Томска добирались самостоятельно. Вот что вспоминает племянница жены Иннокентия Павловича, студентка Томского университета **Анна Евстигнеевна Плотникова-Казачков**а: «*Дядя Кеша был добрейшей души человек. Очень трудолюбивый. У них был большой дом. Семья жила дружно и зажиточно, потому что все очень много работали. После ареста дяди, у тети Фареньи все было отобрано, и их*

выселили в какой-то амбар. Отправляя семью во Владивосток, забрали все документы, вещи и деньги. Выдаваемый паек был настолько скудным, что люди голодали и заболевали. Одна сердобольная женщина посоветовала тете Фаренье ехать в Томск, где ее знакомые помогли устроиться работать рабочей на опытном участке Томского университета, что находился далеко за городом. Жили в полуземлянке. Чтобы выжить и прокормить себя, приходилось много работать. В семье царствовал туберкулез. Впечатление от той поездки осталось очень тяжелым».

ВОРОШИЛОВ АГАФАНГЕЛ ПАВЛОВИЧ родился 4 июля 1907 г. и в 1932 г., вместе с отцом и братом был репрессирован в г. Томске, куда позже была выслана его жена Екатерина Дмитриевна с сыном Владимиром, скончавшимся на пути следования в поезде от болезни и голода. В Томске у них родилось две дочери : Лида и Нина. Когда началась Великая Отечественная, Агафангел, как враг народа, попадает в штрафной батальон, и в июне 1942 г. он погибает. И только в 1949 г. Екатерине Дмитриевне с дочерями будет разрешено возвращение в родное Мильково.

Тем временем, лишенная своего священника и храма, православная община Милькова продолжала существовать. Верующие тайно, украдкой пробирались в дом Ивана Ивановича Бобрякова, который, взяв на себя обязанности псаломщика, совершал службы мирским чином, крестил и отпевал умерших. Слух о возрождении службы быстро разошелся по селу. Маленький домишко уже с трудом вмещал верующих. По воспоминаниям прихожан, Иван Иванович неоднократно обращался к местным властям с просьбой о возвращении церкви. С ним даже не стали разговаривать. Отчаявшись, Иван Иванович с братом написали письмо И. И. Сталину с просьбой о разрешении открытия прихода в Милькове. Ответа не последовало. Но зато их лишили избирательных прав. В годы войны домик Бобрякова уже физически не мог вместить прихожан, а потому переместился в дом моего дедушки **Ворошилова Михаила Александровича**. Вот что вспоминает его дочь **Вера Михайловна Ворошилова-Носалева:** «*В годы войны мои родители Михаил Александрович и Анна Семеновна Ворошиловы, на свой страх и риск, открыли у себя молельный дом, и в нем тайно собирались люди, сохранившие веру в православие. После разорения церкви никаких служебных книг и песнопений не сохранилось, и родители все восстанавливали по памяти. Папа был очень верующим человеком. Стоя на коленях, он часто молился по ночам. По молодости, мы мало что понимали, живя уже в другом мире, где нас воспитывали атеистами. А мои родители в те жестокие и суровые годы сумели не только поддержать церковную жизнь в селе, но и помогли людям сохранить веру*».

Война. Вся страна встала на защиту своего Отечества. В боях за Родину сражались потомки Ворошиловых, и из них семеро – мильковчане.

Западный фронт:
Зинаида Иннокентьевна Ворошилова-Зудина
Агафангел Павлович Ворошилов
Иван Михайлович Ворошилов
Курильский десант:
Павел Иннокентьевич Ворошилов
Павел Михайлович Ворошилов
Серафим Александрович Ворошилов
Валентин Иванович Рудометов

Посильный вклад в Победу внесли труженики тыла из рода мильковских Ворошиловых : полеводы, механизаторы, охотники, рыбаки, учителя, клубные и библиотечные работники – всего 12 человек, чей труд был отмечен высокой правительственной наградой – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Наша семейная ветвь происходит от моего прадеда **ВОРОШИЛОВА АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА,** который родился в 1870 г. Был грамотным и образованным человеком. Много знал сказок, любил их рассказывать, да и частенько придумывал свои, которые всегда слушали с интересом. Очень много читал и учил читать своих детей и внуков. Вел свое небольшое хозяйство. Занимался охотой и рыбалкой. Принимал активное участие в строительстве мильковской церкви. 22 января 1892г. сочетался законным браком с 16-летней девицей Маврой – дочерью мильковского крестьянина Акиндина Бобрякова. В браке у них родилось семь детей: три дочери – Варвара, Анна, Зинаида и четыре сына – Михаил, Серафим, Георгий, Александр.

Мой дедушка **ВОРОШИЛОВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ.** 1895 г. р., занимался охотой, рыбалкой. Был на все руки мастер. С первых же дней создания колхоза «Безбожник» работал в нем плотником. В 1922 году сочетался браком с Корелиной Анной Семеновной, в браке с которой в мире и согласии прожил 50 лет, родив 10 детей: Мавра, Мария, Семен, Павел, Александр, Вера, Анна, Михаил, Георгий, Валерия.

Мой отец **ВОРОШИЛОВ ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ,** 1927 г. р. Еще учась в школе, в годы войны вместе с ребятами работал в поле: копали, сеяли, косили. В 18 лет, в июне 1945 года, вместе со своими сверстниками призывается в РККА. Вот как об этом вспоминает Павлик (Толман Павел Иванович): «*Шли пешком до п. Малка. А там нас посадили в машины и повезли в воинскую часть в Северные Коряки, где получили назначение в авиа-фото – развед-подразделение. За успешные боевые действия по освобождении Курильских островов приказом Верховного Главкома 128 авиадивизии было присвоено наименование «Курильской». Службу проходили на острове Шумшу (Сюмусю)*».

В армии отец прослужил 7 лет. Демобилизовался только в 1952 году. Много лет проработал плотником в совхозе «Мильковский». Имеет боевые и трудовые правительственные награды. Женился на Шишкиной Ларисе Павловне.

Моя мама **ШИШКИНА-ВОРОШИЛОВА ЛАРИСА ПАВЛОВНА,** 1928 г. р. Она внучка Ларисы Михайловны Ворошиловой (Плотниковой), сестры Ворошилова Александра Михайловича. Еще учась в школе, Лариса назначалась пионервожатой, и потому совсем не удивительна ее учеба на годичных курсах старших пионервожатых в г. Хабаровске, и в этом качестве несколько лет проработала в мильковской школе. Затем ее, как молодого специалиста, назначают ответственной по работе с детьми в райком комсомола. С 1963 по 1967 гг. возглавляет Мильковский сельский совет. После окончания заочного обучения в педагогическом институте работает в школе преподавателем русского языка и литературы. Почти 10 лет заведовала детским садом «Малыш». Выйдя на пенсию, занялась общественной работой, став председателем Совета ветеранов войны и труда. Имеет правительственные награды и звание «Ветеран труда».

В браке Павла Михайловича и Ларисы Павловны Ворошиловых родилось трое детей: Олег, Галина и Ольга. У них 4 внука и 7 правнуков. И дети, и правнуки получили образование и вносят свой посильный вклад в развитие своего района, за что не раз отмечались руководством района. Участвуя в спортивных мероприятиях, занимают призовые места. Семья чтит традиции своих предков. Когда, собираясь на праздники и дни рождения, обязательно готовятся камчадальские блюда.

Младший брат моего дедушки **ВОРОШИЛОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ,** 1914 г. р. Окончил семилетку. В 1937 г. при МТС открыли курсы по подготовке кадров массовых профессий. Дедушка учился на курсах трактористов, по окончании которых в качестве механика был зачислен механиком-трактористом при МТС и колхозе «Безбожник». Здесь его избирают секретарем комсомольской ячейки, а затем – вторым заместителем секретаря ЛКСМ района. Избирался делегатом на областную комсомольскую конференцию. Все выпускники трактористы кроме своего колхоза обслуживали колхозы сел Кирганик и Верхне-Камчатск, где разрабатывали новые поля, поднимали зябь. Александр Александрович, кроме колхоза «Безбожник», помогал Долиновскому колхозу «14 лет Октября» и где на краткосрочных курсах обучил парней и девчат тракторному делу.

Александр Александрович – ветеран трудового фронта. Имеет правительственные награды.

Семейная летопись **ВОРОШИЛОВА АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА** на сегодняшний день насчитывает **229** человек и из них: детей – **7** человек; внуков – **32**; правнуков – **52**; праправнуков – **65**; прапраправнуков – **63**; прапрапраправнуков – **10** человек.

Род Ворошиловых включает в себя – **113** фамилий.

Пройдут годы, и потомки АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА займут достойное место в фамильной династии ВОРОШИЛОВЫХ.

Составители :
Князева Ольга Павловна – правнучка Ворошилова Александра Михайловича,
Кандова Лариса Александровна – праправнучка Ворошилова Александра Михайловича.

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ НИЖНЕКАМЧАТСКОЙ УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О НАСЕЛЕНИИ УСТЬ-КАМЧАТСКОГО РАЙОНА

Копотилова Ольга Анатольевна,
главный архивист отдела публикации и использования документов
КГКУ «Государственный архив Камчатского края»

Изучая жизнь предков, сталкиваешься с проблемой поиска информации из первоисточников. Одним из таких источников, с помощью которого можно получить информацию о людях, населявших Камчатку в XIX – начале XX вв., являются метрические книги камчатских церквей.

Метрические книги велись в России с 1722 года вплоть до Октябрьской революции 1917 года. В начале 20-х годов XX века ведение записей актов гражданского состояния было передано государственным органам. Им же перешли и метрические книги, в которые к тому времени уже практически ничего не записывали.

В КГКУ «Государственный архив Камчатского края» на хранение поступили метрические книги камчатских церквей с 1885 по 1925 гг. включительно и генеалогическую информацию можно получить, работая с ними.

Метрические книги состоят из трех частей: запись о рождении/крещении, запись о бракосочетании, запись о смерти/погребении.

В этих записях, помимо фамилии, имени, отчества, можно узнать место проживания, возраст, занятие жителей Камчатки, и исходя из этого, ответить на главный вопрос генеалогических запросов – является ли предок обратившего за поиском информации камчадалом, т. е. коренным жителем, или он из «пришлых», приехавших осваивать камчатскую землю.

Просматривая записи, сделанные в метрических книгах Нижнекамчатской Успенской церкви, можно увидеть, что прихожанами являлись жители Нижнекамчатского, Камаковского и Усть-Приморского селений. Первые два поселения возникли в XVIII веке и просуществовали до середины XX в., а в 1968 году были исключены из списков населенных пунктов Камчатской области. Усть-Приморское селение с 1890 года стало называться Усть-Камчатском и в 1926 году приобрело статус административного центра Усть-Камчатского района.

В метрических книгах упоминается и Верхнекамчатское селение – встречаются записи, сделанные священником Успенской церкви, но возможно они были внесены с целью не потерять сведения об этих жителях села.

Мужское население Нижнекамчатского селения занималось, в основном, сельским хозяйством, потому что абсолютно во всех записях в метрических книгах значится «крестьянин Нижнекамчатского селения» и дальше указывается фамилия, имя и отчество мужчины. В Камаковском же селении проживали исключительно камчадалы – коренное население, ведущее привычный для местных людей образ жизни. В Усть-Приморском поселении располагался Усть-Камчатский казачий отряд и при прочтении записи «казак Усть-Камчатского казачьего отряда» или «кантонист того же отряда», становилось понятным, что речь идет о жителях Усть-Приморского села.

Ежегодно, согласно записям, в этих селениях рождалось от 13 до 30 малышей, причем во второй половине XVIII века цифра родившихся за год не превышала 21 ребенка, но с 1902 года количество новорожденных насчитывалось не менее 20 ежегодно.

Как правило, дата записи о рождении ребенка совпадала с датой крещения. Нарекали новорожденного чаще всего именем по святцам, причем священник Геронтий Коллегов не проявлял излишней фантазии – имен типа Сиклитикии, Протасии, Хрисанфа или Стратилата в этих записях нет.

Встречаются записи о принятии православия иностранцами. Например, в в январе и феврале 1922 года японские подданные Накаки, Судзуки, Цуция и Накаями, проживавшие в Усть-Камчатске, проповедавшие буддизм, при смене веры были наречены Андреем, Василием, Иоанном и Василием соответственно.

Статистика смертей схожа с данными о рождении: если до 1899 года регистрировалось ежегодно от 4 до 20 умерших, то начиная со следующего за ним года, указывались данные в диапазоне от 15 до 24 человек. А вот в 1899 году было зарегистрировано самое большое количество умерших – 47 человек, но узнать причину высокой смертности сложно, т. к. в метрических книгах Нижнекамчатской Успенской церкви в основном указывались две причины – это смерть «от родимца» у младенцев и от «внутренней болезни». И если священники других церквей указывали разные причины, вплоть до врачебных диагнозов,

например, наступление смерти от менингита, чахотки, воспаления легких, от рака желудка, кори, от горячки – эта причина указывалась чаще всего, (встретилась даже запись « причина смерти – от детского маразма»), то священник Геронтий Коллегов все причины объединял одним понятием «от внутренней болезни». В основном умирали младенцы, т. е. дети до 5 лет, и люди среднего возраста. До так называемой старости доживали немногие и возраст умерших старше 55 лет встречается довольно редко.

Заключать браки, видимо, сельчанам было некогда – с 1885 по 1923 год, согласно сведениям метрических книг, ежегодно заключалось от 4 до 8 браков, а в 1909 году был установлен «антирекорд» – всего один брак. Вступали в брак люди разного возраста – от 16 и выше, второй брак являлся не редкостью, встречаются записи и о заключении третьего брака со стороны жениха.

Чаще всего в метриках встречаются такие фамилии как Брагин, Греченин, Кречетов, Коллегов, Расторгуев, Савинский, Ушаков, Шмагин. Понятно, что эти фамилии получили распространение от фамилий казаков и пришлых, проживавших в районе Нижнекамчатского поселения. На протяжении второй половины XIX – первой четверти XX веков эти фамилии в метрических записях встречаются постоянно.

Интересно, что в XX веке частота упоминания названных выше фамилий при совершении записей актов гражданского состояния сохранилась!

Например, по данным отдела ЗАГС администрации Усть-Камчатского муниципального района Камчатского края, в 1926 году была произведена регистрация смерти людей, носивших фамилии Кречетов и Ушаков, их количество составило 20 % от числа умерших.

В 1927 и в последующие годы прослеживаются записи актов, составленные в отношении других людей, носивших эти фамилии. Их преимущественные места проживания в период с 1927 по 1940 годы – с. Ключи, с. Нижне-Камчатск, с. Кресты, с. Козыревск, с. Ушки.

В период с 1940 по 2000 годы расселение людей, носивших самые распространенные фамилии, происходило по всем населенным пунктам Усть-Камчатского района. Регистрация рождения смерти, заключения и расторжения брака зафиксированы в п. Усть-Камчатске и с. Еловка. В настоящее время, а именно в период с 2001 по 2020 годы, наблюдается значительное снижение регистраций, где заявителями указаны такие граждане, как Брагины, Кречетовы, Коллеговы, Расторгуевы, Савинские, Ушаковы, Шмагины, Греченины.

Если рассматривать каждую фамилию в отдельности, то можно увидеть, что фамилия Греченин впервые упоминается в Нижнекамчатском селении и менее часто упоминается в п. Усть-Камчатске и с. Камаки. В дальнейшем распространение приобретает на территории преимущественно Ключевского поселения.

Согласно записям актов гражданского состояния, произведенным в советское время, фамилии Брагин, Коллегов, Ушаков берут свое начало в 1927 г. на территории с. Ключи с дальнейшим распространением в п Усть-Камчатске, с. Козыревске и с. Крутоберегове. Носители фамилии Кречетов расселяются на территории населенных пунктов: с. Кресты, с. Ушки, с. Нижне-Камчатск, с. Ключи.

Люди с фамилией Расторгуев наиболее часто встречаются в книгах, составленных Камаковским сельским советом Усть-Камчатского района, а так же на территории Ключевского сельского поселения.

Фамилии Савинский и Шмагин фиксируются так же с 1927 года в книгах, составленных на территории Усть-Камчатского сельского поселения.

Их всех вышеуказанных фамилий наибольшее распространение получила фамилия Ушаков, далее Кречетов и Расторгуев, Коллегов, Брагин. Наименее редко встречаются Савинские, Греченины и Шмагины.

Если сравнивать динамику за период с 1926 по 2020 годы, то можно отметить снижение количества жителей, носящих эти фамилии, в 3–4 раза. Последнее упоминание ребенка с фамилией Греченин было в 1968 году. Заключили брак Греченины в 1925 году в с. Ключи.

Люди, носящие фамилии Брагины, Кречетовы, Коллеговы, Расторгуевы, Савинские, Ушаковы, Шмагины, продолжают проживать в п. Ключи Усть-Камчатского района Камчатского края, а так же в п. Усть-Камчатске.

Автор: А. П. Пирагис
Дата публикации: 25 января 2004
Категория: Публикации по истории Камчатки

РУССКИЙ СЛЕД В АМЕРИКЕ И НА АЛЯСКЕ

Лельчук Жанна,
отдел образования г. Джуно,
штат Аляска, США

ЧАСТЬ 1. РУССКИЙ ЯЗЫК В АМЕРИКЕ: ВОЗВРАТ К ПРОШЛОМУ ИЛИ НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ?

Интерес к изучению русского языка в Америке имеет свою историю. В самом начале это были немногочисленные попытки со стороны американцев установить торговые и дипломатические отношения с далекой Россией. Впервые русская речь была услышана на территории Северной Америки в 1741 году, когда первые русские исследователи появились на Аляске. Уже к 1812 году русские купцы и промышленники обосновались на территориях от Аляски до Калифорнии. Первые серьезные попытки русско-американских контактов оказались успешными на протяжении десятилетий, и уже в 1896 году русский язык официально введен в программу Гарвардского университета.

Следует выделить четыре основных периода в истории изучения русского языка в Америке. Каждый период имеет свою историю, развитие и характеристики, включая методики преподавания языка, рожденные как результат своего времени.

Первый период условно покрывает 1896–1942 годы. В начале этого периода контакты с Россией были немногочисленные. Помимо торговых и деловых контактов у промышленников, язык служил своего рода мостиком для многих любознательных людей, стремившихся к освоению новых культурных и духовных ценностей. Позднее, после Первой мировой войны и Октябрьской революции, в Америке вспыхнула новая волна интереса к России. Русский язык был введен в 32 американских университетах. В это же время появляются первые учебники русского языка, но еще без систематизированной методики обучения.

Второй период относится ко времени Второй мировой войны: 1943–1949 годы, когда знание русского языка стало необходимым в связи с совместными военными действиями русской и американской армиями. Именно в те годы сформировались первые ассоциации преподавателей русского языка, и начались первые методические разработки в его преподавании. К 1945 году в Америке уже насчитывалось 215 университетов и школ с преподаванием русского языка, которые охватывали около 40 000 учащихся.

Следующий период, 1950–1958 годы, характеризуется своими подъемами и падениями интереса к изучению русского языка, связанными с историческими событиями. В начале периода холодной войны русский язык был отменен во многих школах. И только к 1958 году, в связи с удачными запусками советских спутников, а затем и первого человека в космос, русский язык вернулся в 450 американских школах и был признан одним из ведущих языков науки, тем самым привлекая большое количество американских ученых к его изучению. Основным методом преподавания был грамматический метод и метод перевода, так как основной упор делался на чтение и понимание научных и политических текстов. И тем не менее, несмотря на огромный успех в космических исследованиях и пробудившийся интерес к русскому языку, холодная война продолжала делать свое дело – программы русского языка в школах то вводились, то отменялись. С того времени по 1985 год русский язык в Америке имел свои подъемы и падения.

Последний период наступает вместе с Горбачевым и перестройкой. Конец холодной войны, длившейся на протяжении многих лет, дал начало самому большому в истории русского языка в Америке подъему. Открылись границы на восток, куда раннее вход для многих был закрыт, изменились отношения на политической арене, стремительно начал развиваться бизнес – возникла острая необходимость в знании языка не только для ученых и дипломатов, но и для бизнесменов, представителей народной дипломатии, деятелей культуры и искусства и просто тысяч простых людей, которые желали убедиться своими глазами, что Советский Союз больше не враг. Пик изучения русского языка приходится на начало 90-х годов, когда количество американцев, желающих изучать русский язык, достигло самых больших размеров в истории. Это был настоящий бум! Никогда до этого русский язык не был столь популярен в Америке. Тот факт, что Россия была закрыта и недоступна для американцев многие годы, но вдруг внезапно открылась для всех, играл огромную роль – тысячи людей, вдохновленные «Горби»

и перестройкой, бросились на изучение русского языка. В это время стремительно развиваются новые методы обучения, подсказанные реальностью – необходимостью вести бизнес, политические, культурные, социальные обмены и даже развитием индивидуального туризма. Тесное сотрудничество в разных сферах жизни диктовало введение новых методов. Именно на эти годы приходится появление новых методик и учебников русского языка, базирующихся на коммуникативном методе обучения. Сегодня уже не так популярны грамматические справочники и словари, как учебники последнего поколения: «Лицом к лицу», «Начало», «Голоса», «Хочу говорить по-русски!»

Основанные на коммуникативном подходе, эти учебники представляют грамматический материал не как набор сложных правил и упражнений, а посредством интересных и живых текстов и диалогов. Серьезную конкуренцию традиционным учебникам сегодня начинают составлять компьютерные программы, за которыми, безусловно, стоит большое будущее.

Говоря об интересе к русскому языку в Америке, не следует забывать и о русских иммигрантах, перебравшихся на постоянное проживание в эту страну. Огромное количество русских иммигрировало в Америку после Октябрьской революции и Второй мировой войны. Большой поток евреев устремился в Америку в 70-е годы. В соответствии с переписью населения США в 1990 году проживало 470 000 человек, родившихся в Советском Союзе. И это не включая последнюю волну иммиграции, захлестнувшую Америку в начале 90-х годов. Многие из иммигрировавших в США продолжали семейные традиции и отдавали своих детей и внуков в школы с преподаванием русского языка.

Исследования статистических данных в области преподавания русского языка в американских школах, проводимые ежегодно профессором Университета Америки Джоном Шиллингером, дают интересную картину. Общее количество учащихся, изучающих русский язык в общеобразовательных школах Америки во всех штатах в разные годы, приводится в таблице:

Год	**1992**	**1996**	**1999**	**2005**	**2010**
Количество изучающих русский язык	11 700	10 371	4 690	7 595	9 049

Из таблицы видно, что пик изучения русского языка приходится на начало, а падение на конец 90-х годов. Ниже приведены данные по некоторым штатам, где русский язык пользуется большой популярностью.

Штат	**1992**	**1996**	**1999**	**2005**	**2010**	**2016**
Нью-Йорк	2650	2 496	1 368	1 294	2306	2683
Нью-Джерси		2 496	256	1 083	1 006	1033
Огайо	425	544	190	581	585	711
Аляска	871	822	337	696	553	725

Из последней таблицы видно, что в 1999 г. количество американцев, изучающих русский язык, значительно сократилось. Снова стали закрываться программы в школах и университетах. К 2000 году программы русского языка были закрыты в 182 учебных заведениях. Но это не значит, что Америка возвращается к прошлому. Интерес к русскому языку попрежнему велик, но теперь он диктуется политическими и экономическими интересами. Если в начале 90-х практически каждый американец жаждал хоть каких-то знаний о России или русского языка, то сегодня ситуация изменилась. Американцы привыкли к тому, что Россия уже давно не закрытая страна. Они уже не воспринимают ее как нечто запретное. Естественное любопытство о закрытой на многие годы стране удовлетворено, и уже далеко не каждый стремится изучать язык. Сегодня русский язык изучают только те, кто действительно в нем заинтересован, кто связывает свое будущее с Россией. Приведенная выше статистика только подтверждает данное предположение. И конечно же, самое большое количество изучающих русский язык в Америке людей приходится на штаты, где находятся большие популяции русскоязычного населения, как Нью-Йорк или Нью-Джерси.

ЧАСТЬ 2. РУССКИЙ СЛЕД НА АЛЯСКЕ

Итак, статистические данные показывают, что русский язык популярен в Америке в тех штатах, где находятся скопления русскоязычного населения. Однако, в штате Аляска популяция русских не так уж велика, а штат входит в пятерку штатов, где русский язык очень популярен. Чем объясняется такое несоответствие? В первую очередь, разумеется, историческими причинами. Аляска – бывшая русская земля. Во времена освоения Русской Америки – Аляски русскими пришельцами, происходило много конфликтов и трений русских поселенцев с местными индейскими племенами. Но в итоге победил разум и наступил мир. Первый правитель Аляски, Александр Баранов, много сделал для того, чтобы примирить русских поселенце и местных индейцев. Во времена Баранова и после него открывались школы, строились церкви, повсюду вводилось православие, к которому и сегодня относится большая часть коренных жителей Аляски. Исторические корни сохранены на Аляске и поныне – в географических названиях, памятниках, музеях и, конечно же, в потомках старинных индейских кланов.

Вторая причина популярности русского языка – это географическое расположение Аляски, близкое к восточным границам России. Сыграли роль и экономические причины, такие как развитие бизнеса и туризма между Аляской и российским Дальним Востоком. Одним словом, у аляскинцев появилась настоящая мотивация в изучении русского языка.

Одной из первых современных программ русского языка на Аляске была программа в старшей школе (9–12 классы) столичного города Джуно. Это произошло в 1991 году после дружеских делегаций аляскинцев в города Дальнего Востока – Владивосток, Магадан и Петропавловск-Камчатский. Были созданы города-побратимы: Петропавловск-Камчатский – Уналашка, Владивосток – Джуно, Магадан – Анкоридж. Эти новые дипломатические отношения положили начало большей дружбе и многочисленным связям двух народов, вспыхнул огромный интерес к русскому языку у американцев.

В 1992 году по приглашению отдела образования города Джуно я прибыла на Аляску с целью создания программы русского языка для школ и университета. Эту миссию я выполняла почти тридцать лет. Были написаны учебные материалы, составлены методические пособия для школьников и студентов. Программа имела успех с самого начала. В первый же год ко мне на учебу пришло сразу 60 человек! Работы было много, особенно по планированию занятий и составлению заданий. Новых современных учебников для обучения русскому языку в то время не было, а старые советские никуда не годились. Но это была интересная и увлекательная работа. Среди моих учеников были и представители коренных национальностей, в основном тлингитов, преобладающих на юго-востоке Аляски. Им было особенно интересно изучение русского языка, так как их семьи были православными, они все посещали русскую православную церковь. На Аляске до сих пор есть такие церкви, одна из них, церковь Святого Николая, находится в Джуно. Всегда очень интересно беседовать с тлингитами, и не только их обучать сложному новому языку, но и слушать их рассказы и легенды.

Всего за эти тридцать лет школу русского языка в Джуно прошли почти две тысячи школьников и студентов университета. Некоторые из них связали свою судьбу с русским языком. Я очень горда за моего студента Джеймса Гомеза, который работал переводчиком с русского языка на английский на Олимпийских играх в Сочи в 2014 году. Мне приятно, что две мои студентки, Бримли Олиф и Майри Нью, танцуют на сцене Большого театра в Москве! Мои студенты работают в Голливуде, в известных адвокатских фирмах, на Нью-Йоркских биржах, они переводят американскую литературу на русский язык и русскую литературу на английский. А вместе с тлинкитами мы издали книжку рассказов об Аляске на русском языке!

С 1992 года по 2015 год у нас работала обменная программа школьников и студентов. За эти годы около 50 ребят с Дальнего Востока получили возможность учиться на Аляске в школе и университете, почти половина из них с Камчатки. Американские школьники с Аляски прилетали на Камчатку летом и жили в семьях своих сверстников. Ребята получали замечательный опыт общения, учились народной дипломатии.

Несмотря на повсеместные сокращения бюджета, программы русского языка на Аляске продолжают существовать и развиваться. Эти программы опираются именно на людей, имеющих серьезную мотивацию для изучения русского языка. Такие люди были, есть и будут всегда. И пока Америка – Россия, а Камчатка – Аляска в частности, заинтересованы в развитии дружеских отношений, интерес к русскому языку не угаснет.

Нет ничего важнее в нашем сегодняшнем мире для людей разных национальностей учиться понимать друг друга, учиться говорить на одном языке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Соболева В. С.* Основные направления в обучении русскому языку в США : Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Науч.-исслед. ин-т содерж. и методов обучения АПН СССР. – Москва : [б. и.], 1976. – 25 с.
2. College and Pre-College Russian Studies Data Base. www.community.middlebury.edu
3. Committee on College and Pre-College Russian
4. www.american.edu/research/CCPCR

СВЯЗИСТЫ РОДА ГЕРМОГЕНА СЕМЁНОВИЧА ПЛОТНИКОВА

Матвеева Людмила Семеновна,
прапраправнучка Василия Семеновича Плотникова

Фамилия Плотниковых на Камчатке появилась в 1740 г. По величайшему повелению императрицы Анны Иоановны, из Сибири, «для прииску новых землиц», были отправлены переселенцы. Среди них был наш прапрапрадед Плотников Василий Семенович с молодой женой. А жена у него была цыганкой. Василий Семенович был определен на место жительства в Толбачинский острог. В 1850 г. у них родился Семен – наш пра**прадед.** Жили они своим домом, вели хозяйство. Пропитание добывали в лесах и реках. Дети во всем помогали родителям.

В 23 года Семен Васильевич сочетался браком с крестьянкой из Мильковского селения 19-летней Зиновеей Александровной Ивановой, о чем свидетельствует метрическая запись Мильковской церкви за 1873 г. Таинство совершал священник Владимир Спиридонов и пономарь Спиридон Шишкин.

У Семена и Зиновеи родилось 9 детей. В 1895 г. родился седьмой ребенок – наш дед Гермоген Семенович. С раннего детства, еще учась в церковно-приходской школе, Гермоген пристрастился к чтению, привязанность к которому сохранил до глубокой старости. Подростком начал свой трудовой путь в Толбачинском колхозе «Красный охотник». Позднее, как человека грамотного, его, в дополнение к основной работе, назначили заведовать отделом ДЗП (Дальзаготпушнина). Не зря славился наш дед как хороший оценщик пушнины. Только он мог пальцами, на ощупь, точно определить сортность и качество шкурки. Дедушка всегда перевыполнял план добычи пушнины, и за это правление колхоза наградило его красивым столовым сервизом.

В его ведении было четыре упряжки по 10–12 собак в каждой. На лето собак привязывали на колья у реки Брюмкина. Очень много заготавливали рыбы как для себя, так и на корм собакам, которую закладывали в ямы и квасили. Рыбы много сушили и вялили. Такую рыбу ели с отварной картошкой и квашеной капустой. Сушеной рыбой кормили собак, особенно в дороге.

В 1919 г. Гермоген женился на 18-летней Зое Ивановне Решетниковой, и у них родилось 9 детей: Семен (наш отец), Иван, Николай, Екатерина, Дарья, Зиновея, Виталий, Василий и Генрмоген, умерший в младенчестве.

Семья Гермогена Семеновича была дружной. Частенько по вечерам, когда собиралась вся семья, приходили соседи, чтобы послушать игру музыкальных инструментов: гитара, баян, мандолина. Дедушка часто привозил из города пластинки, которые, вставляя на синий патефон, прослушивали, а порой и подпевали. Все гермогеновские были голосистые и многие из них были участниками художественной самодеятельности.

Именно наш дедушка Гермоген Семенович Плотников положил начало династии почтовых работников в семье. Он был завхозом на почте. В его обязанности входило развозить почту по селам района и одновременно собирать у охотников пушнину. По зимнику отправлялся Гермоген Семенович в областной центр, вывозя и привозя как почту, так и другие грузы.

На почте работали его сыновья, дочь и внуки. В 1939 г. в Мильковском трансузле в качестве монтера начался трудовой путь нашего отца Семена Гермогеновича. Монтерами были сын Виталий и внук Сергей. Дочь Зиновея – телефонисткой, внук Александр Шакин – электромонтер, племянник Александр Плотников работал радистом на почте, племянница Анна Ивановна Горковенко – почтальоном в Долиновке. Внучка Людмила Матвеева по окончании школы пошла работать почтальоном. Постоянно повышая квалификацию, была сортировщицей, оператором, а после окончания двухмесячных курсов начальников отделения, работала контролером в операционном зале.

Все дети у Гермогена Семеновича получили образование. В его семье есть педагоги, бухгалтеры, техники, водители транспорта.

Не обошла стороной семью Великая Отечественная – три сына ушли на фронт. Семен и Николай воевали на Западном фронте.

Николай погиб и похоронен в Белоруссии. Иван принимал участие в Курильском десанте.

Наш отец, Семен Гермогенович Плотников родился в Толбачике в 192(?) г., где начинал учиться в начальной школе, а семилетку заканчивал уже в Милькове, куда переехала семья после закрытия села. 17 сентября 1940 г. Семен со своими сверстниками Иваном

и Алексеем Толманами, Федором Демидовым, Павлом Плотниковым были призваны в ряды рабоче-крестьянской Красной Армии. Срочная служба папы началась в районе Читы, а фронтовой путь его закончился 16 мая 1946 г. в Литве. В июне он был уже в Милькове. Из записной книжки Семена Гермогеновича узнаем, что с боями прошел Украину, Белоруссию, Бессарабию, Польшу, Румынию, Венгрию, Чехословакию. О войне папа рассказывать не любил, а если и говорил, то мало и очень скупо. Не любил вспоминать «этот кошмар». Всем праздникам предпочитал только 9 мая – День Победы – святой для него день.

Он мог проплакать весь день, но только так, чтоб его никто не трогал и не видел. На 30-летие Победы папа уже тяжело болел. К нему пришла делегация для поздравления. Военком подарил ему именные наручные часы, юбилейную медаль и деньги. Помню, тогда он, отвернувшись к стене, весь день плача, пролежал в обнимку с подушкой. Папа был награжден орденом Великой Отечественной второй степени и многими медалями, которым никогда не предавал особого значения, отдавая их нам.

А мы, неразумные, использовали их как игрушки. И, конечно же, где-то сломали, где-то потеряли отдельные детальки. Короче, не сберегли. Я б хотела обратиться ко всем – дорожите семейными реликвиями военной поры, сохраняйте семейные ценности. Нельзя, чтобы с уходом наших отцов и дедов память о них отступала на задний план.

Вернувшись с фронта, папа знакомится с Лизой Третьяковой, с нашей мамой, труженицей сельского хозяйства, награжденной медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и медалью Материнства 2-й степени. В семье уже взрослых три сына, две дочери. У внуков свои семьи, и подрастают правнуки.

Дочь, Дарья Гермогеновна Суртаева – учитель начальных классов. По состоянию здоровья, после ухода из школы , несколько лет заведовала районным отделом ЗАГС с. Мильково. Воспитала дочь Ольгу и сына Владимира. И дети внуки Дарьи Гермогеновны среднеспециальные и рабочие специальности. Дочь Ольга Ивановна Карчевская – человек активной жизненной позиции, постоянно участвует в жизни села. Более 20 лет является членом клуба «Камчадалы», ответственно выполняя порученное дело.

К БИОГРАФИИ СВЯЩЕННИКА СВЯТО-АНДРЕЕВСКОЙ ЦЕРКВИ Г. ФИЛАДЕЛЬФИИ ИВАНА НИКОЛАЕВИЧА ЧЕРНАВИНА

Медведева Нина Анатольевна,
Уральское историко-родословное общество

Воссоздать историю жизни человека, родившегося в XIX столетии, сложно. Но архивные данные и скупые строчки публикаций иногда позволяют это сделать.

Иван Николаевич Чернавин (Чернявин) родился 4 апреля 1879 года. По одним данным, это произошло в Вологде (1), по другим – в Волынской губернии (2). При этом последний источник указывает, что он был из семьи священнослужителей, и ссылается на послужной список И. Чернавина, хранящийся в Архиве Епархиального Управления Западно-Европейского Русского Экзархата Архиепископии Константинопольской Патриархии в Париже (АЕУА). Между тем беглый анализ Епархиальных ведомостей за 1870–1880-е гг. не выявил наличия фамилии Чернавиных – Чернявиных ни в одной из вышеуказанных епархий. Возможно, фамилия была присвоена в семинарии.

В 1901 году И. Н. Чернавин окончил Киевскую духовную семинарию по второму разряду (3) и женился. Рукоположен во священника 06 августа 1901 г. и определен в Ржищевский Спасо-Преображенский женский монастырь (ныне в Киевской области Украины) (4). В 1902 году отец Иван Чернавин был отмечен среди лиц, усердных и с успехом преподающих Закон Божий в школе при монастыре (5). В 1904 году И. Н. Чернавин был перемещен к Крестовоздвиженской церкви села Оситной Уманского уезда (ныне в Кировоградской области Украины) (6). В феврале 1905 года он был за усердную службу награжден набедренником (7). В июне 1905 года определением епархиального начальства он был назначен миссионером 2-му благочинническому округу (8). При его деятельном участии было закончено строительство и прошло освящение нового храма в селе Оситной (9). В феврале 1906 года резолюцией митрополита Киевского и Галицкого Флавиана священнику было преподано архипастырское благословение (10). В августе 1906 года Иван Чернавин был перемещен к Дмитриевской церкви села Трилес Чигиринского уезда (ныне также в Кировоградской области Украины) (11). В октябре 1906 года «Киевские епархиальные ведомости» сообщили, что Иван Чернавин уволен за штат (12). Однако это сообщение отрицается всей его последующей биографией, которая далее, к сожалению, отслеживается с пробелами.

В мае 1908 года И. Н. Чернавин прибывает в США и начинает служить в Алеутской и Северо-Американской епархии Русской православной церкви. Семья остается в России, а отец Иоанн назначен отцом-настоятелем Свято-Андреевской церкви в г. Филадельфии штата Пенсильвания. Вот как пишет об этом прихожанин современного Свято-Андреевского прихода Александр Козлов: «Летом 1908 года архиепископ Платон (Рождественский) поставит вызванного им из России отца Ивана Чернявина настоятелем Свято-Андреевской церкви. Они были знакомы еще со времени учебы отца Ивана в Киевской духовной семинарии, где архимандрит Платон был инспектором и экстраординарным профессором Киевской духовной академии. Прекрасно образованный и энергичный отец Иван проделает огромную работу по налаживанию отношений и умиротворению настроений и поступков прихожан. Именно при настоятельстве отца Ивана Чернявина в жизни Свято-Андреевской церкви произойдет качественный перелом, храм приобретет тот внешний облик, который на протяжении 50 лет будет радовать три поколения наших прихожан» (1).

Во время службы в Филадельфии за большие успехи по службе отец Иоанн Чернавин был награжден скуфьей в 1908 г. и камилавкой в 1912 г.; в документах на награждение указано, что к 1912 г. священник уже имел золотой наперсный крест из Кабинета Его величества (13). Летом 1913 г. И. Чернавин вернулся в Россию. Так закончилась его пятилетняя служба в Америке. Священник не представлял, что ему придется вернуться в эту страну более чем через десять лет еще, на этот раз уже навсегда.

По воспоминаниям внука священника, Игоря Николаевича Чернавина, живущего в Австралии, он принимал участие в сражениях I мировой войны, стал Георгиевским кавалером, был награжден орденом Святой Анны. В одной из брошюр Чернавина указывается, что он был полковым священником и благочинным 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии, священником кавалерийского сводно-уланского полка (1). Эти данные еще требуют уточнения.

Семья священника покинула Россию в годы революции, эвакуировавшись из Крыма с генералом Врангелем в Константинополь, затем через Югославию попала в Чехословакию (14).

В 1920-е годы И. Н. Чернавин проживает и священствует во Франции, в православном приходе храма во имя преподобного Сергия Радонежского в городке Коломбель (департамент Кальвадос, Нормандия), это был большой приход, основанный в юрисдикции рю Дарю. Прихожане – в основном рабочие металлургического завода Шнейдера. Там работали тысячи приглашенных русских эмигрантов-«белогвардейцев». В это время, в 1923 году, он присоединился к Русской православной церкви заграницей. В 1926 году приглашен служить духовником в женской монашеской обители «Нечаянная Радость» в городке Гарган-Ливри под Парижем.

В 1927 году Чернавин перебрался на жительство в США. 18 сентября 1927 года он прибывает в Нью-Йорк, становится преподавателем православных курсов. Семья при этом проживала в Чехословакии. Сын Ивана Чернавина, Борис, был председателем Союза младороссов в Чехословакии. Там в 1937 году вышла из печати его книга «В союзе с Троцким» (15). В этом же 1937 году И. Н. Чернавин получил гражданство США. Известно, что в 1942 году он, проживая в Нью-Йорке, служил в приходе городка Нью-Брансвик (1). 30 августа 1950 года в возрасте 71 года Иван Николаевич Чернавин ушел из жизни. Похоронен на Старом кладбище Св.-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США) (16).

Фонды библиотек хранят память о человеке, если он при жизни писал. Известны публикации этого священника в российских и зарубежных изданиях. Вот лишь немногие из них:

- Освящение нового храма в селе Ситной Уманского уезда // Киевские епархиальные ведомости. – 06 февраля 1905. – № 6. – НО. – С. 138–140.
- Благодатный уголок обители «Нечаянная Радость». – Париж, 1926.
- Пушкин как православный христианин. – Нью-Йорк, 1936 (17).
- Тарас Шевченко и его религиозно-политические идеалы. – Нью-Йорк, 1941.
- Русский флаг; Правда о религии в России. Ответ заочным студентам библейских курсов в Свято-Олгинском храме. – Нью-Йорк, 1943.

Потомки священника живут в разных странах. Сын Борис Иванович, инженер-электрик, умер в Германии. Дочь Александра Ивановна, бакалавр медицины, окончившая университет имени Короля Карла в Чехословакии, была зубным врачом. Ее сын Алексей Николаевич Полянский был экономистом, жил в Канаде. Другой сын, Игорь Николаевич Чернавин, пошел по стопам матери и стал стоматологом, окончив зубоврачебный факультет Аделаидского университета. Он обосновался в Мельбурне, где практиковал и проводил научные исследования применения лазеров в зубоврачебном деле, читал лекции в Мельбурнском университете. Будучи человеком разносторонних интересов, он занимался еще и общественной работой, выступая в ансамбле русских танцев Аделаиды, организовал в 1970-х годах русский балалаечный оркестр «Садко», который путешествовал с концертами по всей Австралии и неоднократно выезжал на гастроли в США. Так потомки русских эмигрантов сохраняют культуру далекой родины своих предков.

Вдова священника Чернавина Мария Мефодиевна умерла в 1952 году в Австралии, похоронена в русской секции кладбища в Аделаиде. Чернавины построили на кладбище мемориальную часовню, в которой разместили памятные доски с именами членов семьи, похороненных в разных странах.

Такова история жизни священника Иоанна Николаевича Чернавина, которая созвучна всем тяжелым и сложным событиям, случившимся в истории России и Русской православной церкви XX столетия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Козлов А. Н.* История Свято-Андреевского Русского Православного Собора. [Электронный ресурс]. Дата обращения 16.12.2019. Режим доступа http://www.saintandrewscathedral.org/history_sobor.html
2. *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920–1995 : биографический справочник / Антуан Нивьер. – Москва : Рус. путь ; Париж : YMCA-PRESS, 2007. С. 537.
3. Выпускники Киевской духовной семинарии / А. А. Бовкало // Сайт Александра Александровича Бовкало. [Электронный ресурс]. Дата обращения 16.12.2019. Режим доступа http://www.petergen.com/bovkalo/duhov/kievsem.html
4. Киевские епархиальные ведомости. – 1 сентября 1901 г. – № 17 – ОО. – С. 399.

5. Киевские епархиальные ведомости. – 18 мая 1903 г. – № 11. – ОО. – С. 38.
6. Киевские епархиальные ведомости. – 29 февраля 1904 г. – № 9. – ОО. – С. 123.
7. Киевские епархиальные ведомости. – 13 февраля 1905 г. – № 7. – ОО. – С. 93.
8. Киевские епархиальные ведомости. – 19 июня 1905 г. – № 25. – ОО. – С. 254.
9. *Чернавин И.* Освящение нового храма в селе Оситной Уманского уезда. // Киевские епархиальные ведомости. – 06 февраля 1905 г. – № 6. – НО. –С. 138–140.
10. Киевские епархиальные ведомости. – 19 февраля 1906 г. – № 7. – ОО. – С.82.
11. Киевские епархиальные ведомости. – 16–31 июля 1906 г. – № 28–29. – ОО. – С. 317.
12. Киевские епархиальные ведомости. – 08–15 октября 1906 г. – № 40–41. – ОО. – С. 420.
13. РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 24. Групповые послужные (формулярные) списки лиц черного и белого духовенства, представляемых к наградам по Алеутской и Северо-Американской епархии, за 1911–1914 гг. Л. 44об.-45.
14. *Чернавин И. Н.* Семья Чернавиных заграницей. (Автобиография доктора Игоря Николаевича Чернавина) / И. Н. Чернавин // Австралиада. – 2003. – № 34. – С. 22–23.
15. Карточка РГБ. [Электронный ресурс]. Дата обращения 16.12.2019. Режим доступа https://search.rsl.ru/ru/record/01005181124
16. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 : в 6 т. Книга 3. – Х-Я, 2007.
17. Карточка РГБ. [Электронный ресурс]. Дата обращения 16.12.2019. Режим доступа https://search.rsl.ru/ru/record/01004997282

МИЛЬКОВСКИЕ ШИШКИНЫ

Назарова Татьяна Павловна,
правнучка Федора Спиридоновича Шишкина

Я из рода Меркурия Федоровича Шишкина. Род Шишкиных пошел от потомков камчатских священнослужителей. Первое упоминание относится к 1741 году. Василий Шишкин находился в свите Хотунцевского, приехавшего на Камчатку с целью обращения туземцев в православную веру. Его сын Василий Васильевич в 1806 году стал служителем Нижне-Камчатской церкви. А в 1828 году он камчатский священник. Сын Василия Васильевича Михаил был пономарем в Петропавловском порту. С 1824 года Михаил Васильевич – священник Нижне-Камчатской церкви. Внуки Василия Васильевича: Варсавий, Спиридон, Фома в разное время заканчивали духовное училище в Петропавловске-Камчатском. Спиридон Алексеевич служил пономарем в церкви в селе Мильково. Дети Спиридона Алексеевича Василий, Федор, Иван являются личными почетными гражданами села Мильково как потомки камчатских священнослужителей. Федор Спиридонович удостоен этого звания – 1901 году, его брат Иван Спиридонович – в 1913 году. У Федора Спиридоновича и Евдокии Павловны Шишкиных родились дети Анфуса, Соломанида, Викентий, Павел, Меркурий, Меланья. У Ивана Спиридоновича трое детей: Серафима, Спиридон, Павел. Хоть семьи были бедные, но все окончили церковно-приходскую школу. Их трудовая деятельность начиналась рано, с 11–14 лет дети работали в более обеспеченных семьях. В Милькове почти каждый род имел свою артель. С приходом советской власти на базе объединения артелей был создан колхоз «Безбожник». В 1938 году Викентия Федоровича избирают председателем колхоза. В 1939 году был получен высокий урожай, и Викентий Федорович стал участником сельскохозяйственной выставки в Москве. Такой чести он был удостоен дважды. В первую поездку он получил денежное вознаграждение и мотоцикл. Во второй раз – патефон. Его младший брат Меркурий Федорович был назначен старшим конюхом. В 1939 году его избирают депутатом сельского совета. На первой сессии избирается заместителем председателя. В разное время Меркурий Федорович возглавлял колхозы в селах Пущино, Кирганик. В 1940 году за высокие показатели в увеличении поголовья и предоставлении Красной Армии 37 добротных лошадей, Меркурий Федорович также стал участником сельскохозяйственной выставки.

Братья Павел Федорович и Павел Иванович – кадровые охотники колхоза «Безбожник». Спиридон Иванович работал в отделении связи, развозя почту на собачьих упряжках по селам района. Федор Викентьевич свою трудовую деятельность также начал на почте. В годы войны практически все мужчины ушли на фронт. В 1943 году Усть-Камчатским райвоенкоматом призваны в ряды РККА. Службу проходили в 302-м стелковом полку. Участники Курильского десанта. Имеют медаль «За победу над Японией». Женщины рода Шишкиных отличались своей добротой, спокойствием, гостеприимством, веселым нравом, все отличные стряпухи. Соломанида Федоровна – доярка. Меланья Федоровна работала в полеводстве. Анфуса Федоровна, как старший ребенок в большой семье, помогала родителям по хозяйству. В шестнадцать лет выходит замуж за Плотникова Павла Семеновича, и у них родилось девять детей. В это тяжелое время все тяготы легли на плечи женщин. Вручную закладывали сено в кормушки, носили с речки воду. Помимо обязательств, спускали нормы по сохранению и выращиванию поголовья. По первому снегу заготавливали много крапивы. Из нее делали нитки и веревки. Вечерами собирались у кого-нибудь на дому, готовили коллективные посылки для бойцов Красной Армии – предметы личного обихода, гостинцы. Шили рукавицы, камлеи, носки. Труд семей Шишкиных отмечен правительством наградами «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». На смену старшему поколению пришли их дети.

В семьях Шишкиных было 10 медицинских работников, 12 связистов, 7 педагогов, есть работники авиации, сельского хозяйства, торговли, геологи, водители. Многие принимали активное участие в культурной жизни села. В составе хора «Мильковские зори», танцевального коллектива с концертной программой выступали в селах района, областном центре. Принимали участие в смотрах и фестивалях. Не чуждо Шишкиным и ремесло. Екатерина Спиридоновна Попкова увлеклась шитьем национальных кукол и изделием сувениров. Начала шить национальную одежду. Ее работы постоянно выставляются на всех мероприятиях клуба «Камчадалы», села и в краевом центре. Пермякова Елена Алексеевна обучила плетению из бересты и соломки своих детей – Николая, Галину и Андрея.

Старший сын Николай Иванович Шишкин приобщил к творчеству жену и своих детей. Их работы неоднократно выставлялись на выставках: «Золотые родники Камчатки», «Мастера Камчатки», в Москве: «Ладья», «Сокровища Севера». С выставками своих работ Николай Иванович и Людмила Петровна Шишкины побывали в Москве, Санкт-Петербурге, Хабаровске, Италии, Японии, на Кубе, во многих штатах Америки, на Скандинавском полуострове, где обязательно проводили мастер-классы. Занимались Шишкины и спортом. Старшее поколение участвовало в лыжных гонках, в соревнованиях по волейболу, стрельбе из лука.

И сегодняшняя молодежь не уступает своим дедам. Котов Никита стал победителем краевых, дальневосточных соревнований по биатлону и спортивному ориентированию. Кандидат в мастера спорта по лыжным гонкам. Шишкина Ирина – мастер спорта по тхэквондо, обладатель черного пояса, чемпионка России. Юлия Николаевна Шишкина – кандидат в мастера спорта по борьбе самбо и дзюдо. Обладатель коричневого пояса. Алексей Николаевич занимается самбо, дзюдо и лыжами. За последние три века крепконакрепко переплелись между собой камчатские династии. Так у представителей этого рода появилось много новых фамилий, среди которых Плотниковы, Демидовы, Яковлевы, Князевы, Толманы, Назаровы, Попковы, Котовы, Ворошиловы, Васильевы, на сегодняшний день свыше 150 фамилий. Но все они сливаются в один большой род. Род Шишкиных насчитывает 293 человека, из них детей – 9,внуков – 63, правнуков – 110, праправнуков – 65, трижды правнуков – 46. Знание собственной истории, истории рода способно оказать влияние на будущее, а будущее невозможно без прошлого.

О ПРОЕКТЕ «ИДЕНТИЧНОСТЬ КОРЕННЫХ НАРОДОВ КАМЧАТКИ – ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ». МОСКВА – МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ – КАМЧАТСКИЙ КРАЙ. 2019–2020

Николаева Н. И., Белякова Н. В.

Некоммерческая организация «Национальная ассоциация деятелей образования, науки, культуры и искусства “НИКА” с 2018 года объединяет в своих рядах художников, поэтов и писателей, певцов, музыкантов, ученых, представителей сферы образования. Благодаря такому симбиозу талантов, ассоциация реализует значимые, социально ориентированные проекты, направленные на сохранение и развитие культуры, искусства, науки. Одним из таких проектов является творческая научная экспедиция «Идентичность коренных народов Камчатки – взаимоотношения человека и природы». Проект реализуется при финансовой поддержке Фонда президентских грантов.

Старт проекту был дан в 2019 году. Цели проекта направлены на то, чтобы с помощью инструментов искусства и науки сохранить природу и культуру коренных малочисленных народов Камчатки, рассказать об истории, традициях и национальных праздниках, быте, искусстве и творчестве, сказаниях (легенды, поверья), жилище, архитектурных объектах, одежде, обрядах, культовых сооружениях, ремеслах коренных народов Камчатки и обратить внимание общественности на глобальный экологический кризис и проблемы сохранения красоты нашей планеты, нашего Отечества, его флоры и фауны, на уникальную культуру коренных народов Камчатки, передать сформированный ими опыт отношения к окружающему миру и способах выживания в суровых для жизни и деятельности человека природных условиях.

Формирование идентичности малочисленных народов Камчатки (коряков, айнов, чукчей, ительменов, эвенов) происходило под сильным влиянием природно-климатического фактора, а именно экстремальных условий для жизни и деятельности человека. Сохранение культуры малочисленных народов Камчатки, а фактически и сохранение их как социально-культурных феноменов человеческой цивилизации, имеет этический, научный, практический интерес. Вся духовная и материальная жизнь этих народов строилась на взаимоотношении человека и природы, очень бережного к ней отношения.

Проходивший в 20 веке процесс утраты традиционных знаний и культуры малых народов продолжается в 21 веке. Прервана связь старшего и молодого поколений по передаче этих знаний. Положение усугубляется хищнической эксплуатацией бизнесом природных, особенно рыбных ресурсов в местах традиционного природопользования коренного населения. Традиционные знания вновь стали востребованными, дан толчок их возрождению и развитию. Есть необходимость опыт и культуру предков перенести в Новый век.

Результаты проведения экспедиции в 2019 году и опрос населения показали, что цели и материалы проекта интересны детям и взрослым, проживающим на Камчатке, в Москве, Московской области, других регионах России. Несмотря на столь широкий возрастной диапазон потенциальной аудитории, все постэкспедиционные мероприятия проводились с учетом возраста и интересов приглашенных гостей.

Это школьники, так как младший школьный возраст в силу психологических особенностей является ступенькой к дальнейшему самоутверждению, активному развитию социальных интересов и жизненных идеалов, именно поэтому это самая благодатная пора для привития обучающимся священного чувства любви к Родине, большой и малой, воспитания становления и развития личности, обладающей качествами гражданина и патриота своей страны.

Это подростки и молодежь, ветераны, пенсионеры и люди с ограничениями по здоровью, представители всех профессий, специалисты в области экологии, искусства и образования, журналисты и ученые, неравнодушные люди, которые хотят жить на прекрасной, а не на разоренной планете.

Мы надеемся, что дети и взрослые, которые увидели и увидят живописные полотна, посмотрят наши презентации и прочтут статьи, запомнят, что мир дикой природы прекрасен и гармоничен, он живет своей жизнью, и его разрушение является непростительным преступлением, что культура каждого народа, населяющего Россию, уникальна и интересна для изучения и подражания.

Первый этап экспедиции «Идентичность коренных народов Камчатки – взаимоотношения человека и природы», прошедший в 2019 году,

явился базой для огромной программы, которая была реализована по итогам работы на Камчатке и в Москве.

Были проведены пленэры, написаны на Камчатке 103 живописных и графических произведения, сделано 3200 фотографий. Проведены 4 выставки, 5 фото- и видеопрезентаций, 6 творческих встреч, конференция совместно с партнерами проекта в г. Петропавловске Камчатском и в Москве. В экспедиции приняли участие 6 художников, 1 журналист, 1 специалист по оцифровке картин и обработке фото- и видеоматериалов, полученных в результате экспедиции. Посетили мероприятия около 300 человек. Проведено 2 мастер-класса по живописи для 82 детей и взрослых. По итогам экспедиции написано 8 статей и докладов. Снято и подготовлено к просмотру и распространению в социальных сетях 3 фильма. Высокий интерес к проекту проявили и средства массовой информации: опубликовано 70 новостей.

Камчатка удивительна своей природой, историей, культурой и людьми. И необходимо не только изучение этой сокровищницы, но и продолжение информирования общества о Камчатском крае. Тема не раскрыта еще достаточно полно и требует дальнейшего развития. Именно поэтому в 2020 году было принято решение о втором этапе творческой научной экспедиции «Идентичность коренных народов Камчатки – взаимоотношения человека и природы».

Цели и задачи экспедиции были скорректированы по сравнению с 2019 г. Проект (2-й этап) направлен на дальнейшее изучение уникальных природных особенностей, историко-культурного наследия малочисленных народов и этнических групп Камчатки (основных видов деятельности, средств и способов передвижения, традиционной кухни коренных малочисленных народов Камчатки, обычаев народов Камчатки, традиций в формировании семьи, взаимоотношениях между членами семьи, системы народных знаний, которые дают богатейшую информацию о здоровье человека), популяризацию полученных знаний, распространение богатейшего опыта выживания и развития, сформированного в течение длительного времени в суровых условиях, имеющего цель – выживание, использование окружающей природы не разрушая, а сохраняя ее. В его рамках добавлено изучение народов полуострова – чукчей и айнов, а также иных природных зон – юга и центральной части Камчатки и ее ООПТ. Проект «Идентичность коренных народов Камчатки – взаимоотношения человека и природы» (2-й этап) имеет два направления своей деятельности («Эко/этно Камчатка»).

Для достижения целей проекта будет организовано посещение природных объектов Камчатского края, этнических поселений, национальных праздников, а также участие в научно-практических конференциях и тематических круглых столах.

Первый объект изучения – уникальная природа Камчатки, биоразнообразие и представители Красной книги, обитающие в указанном регионе, изучение и популяризация полученных знаний.

Помощь в реализации данной части проекта оказывают КГБУ «Природный парк “Вулканы Камчатки”», ФГБУ «Кроноцкий государственный заповедник». Заранее подготовленная и согласованная программа посещения природных кластеров данных организаций поможет членам научно-творческой экспедиции решить поставленные перед ними задачи.

Цель проекта в 2020 году — обеспечение поддержки идей охраны живой природы широкими слоями населения как необходимого условия защиты нашей планеты от разрушения и гибели. На примере богатейшего опыта бережного отношения к окружающему миру живой природы коренных народов Камчатки члены экспедиции покажут, что флору и фауну не только необходимо, но и возможно защитить и сберечь для будущих поколений.

Второй объект изучения – малочисленные народы Камчатки (коряки, айны, чукчи, ительмены, эвены), формирование идентичности этих народов, которое происходило под сильным влиянием природно-климатического фактора, а именно экстремальных условий для жизни и деятельности человека.

В 2020 году проект объединяет специалистов в области экологии, искусства и образования, журналистов, ученых-этнологов.

Вовлечение специалистов разных направлений позволит значительно повысить интерес к природе, истории и культуре народов, населяющих Камчатку, в других регионах нашей страны, привлечет специалистов и различные группы населения Москвы, Московской области, заинтересованных в получении знаний о формировании уникальной культуры коренных народов Камчатки в суровых для жизни и деятельности человека природных условиях.

За два года реализации проекта у нас появилось много партнеров, которые поддержали и продолжают поддерживать экспедицию: Правительство Камчатского края**,** Министерство культуры Камчатского края, КГБУ «Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова», Администрация Одинцовского

городского округа, Российская академия естественных наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Институт вулканологии и сейсмологии ДВО РАН, колледж искусств в Петропавловске-Камчатском, ФГБУ «Кроноцкий государственный заповедник», КГБУ «Камчатский краевой художественный музей», КГБУ «Камчатский центр народного творчества», оргкомитет VI Межрегионального фестиваля творчества коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока «Золотые родники», Камчатская краевая общественная организация поддержки ительменов «Пимчах», АНО «Центр поддержки, сохранения и развития традиционных ценностей и патриотического воспитания «Славься, Отечество!», эколого-просветительский центр «Страна рыбы и рыбоедов», этнокультурный комплекс «Кайныран», ГУ «Московский дом национальностей» и другие.

По итогам экспедиции 2020 года планируется проведение мастер-классов по живописи, лекций, презентаций, выступлений на конференциях, круглых столов, пленэров с учащимися и взрослым населением, передвижных выставок для горожан на площадках партнеров в Камчатском крае, в Москве и Одинцовском городском округе.

Результатом реализации проекта в Камчатском крае будут: создание живописных и графических произведений, фото- и видеоматериалы об истории, традициях и национальных праздниках, быте, искусстве и творчестве, сказаниях (легенды, поверья), жилище, архитектурных объектах, одежде, обрядах, культовых сооружениях, ремеслах народов Камчатки (коряков, айнов, чукчей, ительменов, эвенов) и об особенностях природных и экологических условий их проживания, о представителях флоры и фауны, включенных в Красную книгу; публикация научно-популярных статей, создание информационно-методических материалов для образовательных учреждений, разработка и выпуск рекламных и информационных буклетов, брошюр, открыток, календарей.

Для достижения целей проекта по окончании экспедиции планируется проведение дальнейшей работы с собранным материалом в следующих формах: выставки, конференции, презентации, круглые столы.

МИХАЙЛОВЫ – ТРУЖЕНИКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Новичкова Е. В.

Фамилия Михайловы впервые упоминается в документах первой половины 18 века, где-то в 1747 году в Кроноках. По одной из версий – это были казаки. Постепенно фамилия получила распространение по всей Камчатке.

В Милькове проживают представители трех ветвей рода Никиты Степановича Михайлова: Анисимовские, Семеновские и Ефимовские…

Я, Новичкова Евдокия Владимировна, происхожу из Семеновской ветви. Известно, что мой дед – Семен Никитович Михайлов – был участником войны с Японией 1904–1905 гг. К сожалению, больше мы о нем ничего не знаем. А вот о его жене, то есть о моей бабушке Мавре Михайловне Михайловой, до сих пор вспоминает старшее поколение: «Шибко бойкая была женщина и очень веселая. Просто загадка – как она везде и всегда успевала?» Семья Михайловых жила в Кирганике. В ее доме всегда царили чистота и порядок. В ту пору все работали в колхозе «Красное знамя». Бабушка была поварихой и должна была обслуживать три стана: Кирганский, опытно-животноводческий, куда перегоняли всю скотину, и Кахитка – растениеводческий. На эти станы от весны до осени перебирался практически весь Кирганик. Бабушка где пешком, где на подводе добиралась до своей очередной кухни, чтобы приготовить во время скромную, но вкусную пищу для колхозников, что ей всегда удавалось. Бабушка очень любила Кахитку и по вечерам, взяв баян, играла на вечеринках. Сама сочиняла и со смехом исполняла звонкие частушки. Вокруг нее всегда кипела жизнь, и ее все очень любили. Мавра Михайловна была первой из Кирганика, проторившей дорогу в Москву. В 1939 году ее, за достижения высоких урожаев по выращиванию зерновых культур, направляют на Всесоюзную выставку народного хозяйства.

Мои родители в браке прожили более 60 лет в ладу и мире, нажив 13 детей, четверо из которых умерло в младенчестве. Жили они в древнем ительменском стойбище «Кыргэн» – Кирганик. Папа был охотником-промысловиком. Помню, как приезжая с охоты, он угощал нас «гостинцами от зайчика» – сухариками, которые казались такими вкусными и сладкими!

В доме, сколько помню себя, всегда висели правилки со шкурками. Пушнину сдавали на обмен продуктов и промтоваров. По весне, когда заканчивается охота, до самой осени, папу переводили на рыбалку, для вылова и заготовки рыбы. А как красиво он ее пластал: быстро, ровно, чисто! Пластал на юколу, балык и для засолки.

Для собак рыбу квасили в кислых ямах.

Владимир Семенович – участник Курильского десанта. Награжден медалью «За победу над Японией» и др.

Наш район слыл глубоко верующим в православие. Таким был и папа. Когда закрыли церковь, верующие тайно собирались в доме Ивана Бобрякова, а потом Михаила Ворошилова, после кончины которого службу какое-то время вел папа.

За доброту, мудрость, бескорыстие и порядочность его очень любили не только родные, но и односельчане.

А рядом всегда была верная и любящая спутница – жена и друг Маргарита Емельяновна Чуркина – моя мама. Работать она начала рано, с 14 лет. Увязая по пояс в снегу, она со своими сверстницами целый день трудилась в лесу – готовили березовую чурочку для тракторов.

Мама рано вышла замуж. Пошли дети. Пока они были маленькими, работала поваром в колхозном детском саду. А подросли – перевели в полеводство. Все работы – посадка, прополка, уборка – выполнялись вручную. Рождались новые дети, и маме разрешили работать на дому. Она кроила и шила колхозникам. Надо было обшивать и нас. Когда дядя, Петр Емельянович, купил маме швейную машинку «Зингер», дела пошли веселее.

Долгими зимними вечерами по очереди собирались у кого-нибудь дома и, под освещение «слепачей» да жирников, женщины шили малахаи, кухлянки и торбаса.

Подошвы для торбасов выкраивались из медвежьих шкур. Для того, чтобы легче проходила игла, края подошвы прикусывали и причавкивали зубами, а потому совсем неудивительно, что у многих женщин передние зубки были сточены. Кроме того, охапками приносили сухую крапиву и сухожилия животных, которые обрабатывали, а потом сучили нитки. От вида предназначения нитки сучили разными по толщине.

Когда в семье родился седьмой ребенок, мама ушла с работы. Она была очень строгой, но справедливой. И даже мне, самой младшенькой, нешибко-то делала снисхождения.

Мама награждена медалями «Материнская слава» 3 степеней, «Мать-героиня», «Ветеран труда».

Колхоз «Красное знамя» закрывают, и семья переезжает в Мильково. Большинство сестер продолжают трудиться на сельской ниве, Вера, Дина, Мавра, Софья – полеводы совхоза «Мильковский». Вера Владимировна Коршунова и Софья Владимировна Старошельская – передовики производства и побывали в Москве. Вера Владимировна – участник Всесоюзного совещания передовиков сельского хозяйства СССР, а Софья Владимировна – делегат Пленума ЦК ВЛКСМ, где ей вручили юбилейный значок «50 лет ВЛКСМ». Ее труд отмечен медалями «Ветеран труда» и «За трудовое отличие».

Брат Емельян, закончив Владивостокское педагогическое училище, учительствовал в Быстринском районе, откуда был направлен в Высшую партийную школу г. Хабаровска, после окончания которой до выхода на пенсию проработал в родном селе инструктором РК КПСС.

Брат Яков Владимирович был строителем, а Генрих Владимирович строил дороги.

Галина Владимировна Дображанская проработала поваром в детском саду, Рева Владимировна Бобрякова – воспитатель. Дина Владимировна Макеева писала веселые истории из своего детства. «Самиздатом» клуба «Камчадалы» издана ее книжка «Байки от Дины», имевшая успех у читателей. Все сестры любили и умели рукодельничать. А еще все любили петь. И сестры и братья обладали хорошими голосами, и практически все были участниками художественной самодеятельности в сельских клубах. Часто, когда собирались в родительском доме, обязательно звучало их красивое многоголосье.

Я, Евдокия Владимировна Новичкова, самая младшая в семье, закончила торгово-кооперативное училище и всю трудовую жизнь проработала продавцом. Ветеран труда. 26 лет активный член клуба «Камчадалы». Замужем. Родила трех сыновей и дочь. Все они выросли хорошими и порядочными людьми, получили специальное образование.

Николай – старший. Крановщик. Самый добрый и внимательный. Хороший семьянин. Скоропостижно скончался в июле 2020.

Дмитрий – младший сын. Пильщик на пилораме.

Алексей – средний сын. Подполковник. Служит в Кемеровской области. Женат. В семье растет дочь.

Татьяна – дочь. Работает в «Агротеке». Замужем. Уже взрослый, отслуживший в армии, сын.

Мои дети имеют хорошие семьи и когда собираются за столом у мамы и бабушки, то обязательно соблюдаются традиции старшего поколения.

РОЛЬ ВТОРОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ КАМЧАТСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ

Охотина-Линд Н.,
национальный музей, Дания

В памяти потомков две Камчатские экспедиции под руководством Витуса Беринга остались экспедициями, совершившими великие географические открытия. Они проложили морские пути к берегам Америки и Японии, обследовали и положили на карту все побережье Северного Ледовитого и Тихого океанов. Но если посмотреть внимательнее, оказывается, что перед руководителем обеих Камчатских экспедиций В. Берингом ставились значительно более обширные задачи политического, экономического, социального, научного и культурного свойства. Вернувшись из Первой Камчатской экспедиции в 1730 г., Беринг докладывал императрице Анне Иоанновне, что на Камчатке есть всего одна церковь в Нижне-Камчатском остроге и один священник. В процессе подготовки следующей Второй экспедиции все яснее становилось, что не только в обязанности местной администрации, но и в обязанности Беринга вменяются заботы о строительстве церквей, о присылке священников для окормления русского населения и для крещения аборигенов. В указе имп. Анны Иоанновны от 17 апреля 1732 г. об отправке Второй Камчатской экспедиции конкретно говорится лишь о строительстве судов и о распространении христианства «в тамошних местах» (1, с. 78–79), ни о каких географических открытиях, плаваниях, исследованиях берегов, нахождении новых морских путей и картографировании в указе даже не упоминается. Если не знать кто такой Витус Беринг, то, исходя из содержания этого указа, можно прийти к заключению, что посылается миссионер для проповеди Слова Божия в самых отдаленных краях империи. Современники называли экспедицию «Камчатской», уже одно это свидетельствует о том, что главная ее задача понималась как крещение коренного населения Камчатки.

Поэтому в 1732 г. вместе с Камчатской экспедицией Синод отправил в Сибирь игумена Варфоломея Филевского «для проповеди Слова Божия и обращения тамошняго безбожием ослепленного народа в христианскую веру» (2, с. 531), хотя впервые мысль об этом была высказана уже в ноябре 1731 г. Это было первой попыткой послать на Камчатку духовную миссию. Игумен Варфоломей Филевский преподавал в Славяно-греко-латинской академии в Москве (3). Миссионером на Камчатку В. Филевский был отправлен по его собственной просьбе. Помимо него в миссию входили иеромонах Варлаам и иеродиакон Александр (1, с. 59–65 – ведение Синода Сенату от 25 ноября 1731 г.; с. 70–72 – ведение Синода Сенату от 3 января 1732 г.). По сведениям И. К. Смолича, на пути в Сибирь Варфоломей Филевский был арестован по указу Тайной канцелярии и умер в 1737 г. (4, с. 227). В итоге отправившаяся вместе с экспедицией Беринга первая духовная миссия на Камчатку своей задачи не выполнила.

Несколько последующих лет были ознаменованы активной ролью самих участников Второй Камчатской экспедиции в распространении христианства, учреждении школ и крещении местного населения в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Наиболее яркой фигурой здесь выступает сам руководитель Камчатской экспедиции Витус Беринг, датчанин, протестант. Несколько позже, с 1740 г., к проектам просвещения камчадалов подключается другой протестант, немец, натуралист Георг Вильгельм Стеллер (или Штеллер). Такая ситуация была возможной только в XVIII в., когда под воздействием Петровских церковных реформ православная церковь в России была в наибольшей степени проникнута духом экуменизма. Главное программное сочинение Феофана Прокоповича «Духовный регламент», одобренное и поддержанное Петром Первым, и по духу и по форме было очень близко протестантским церковным уставам (5, с. 88–102). Синод того времени — детище Феофана Прокоповича — смотрел вполне благосклонно на то, что протестанты выступали в роли крестных родителей бок о бок с православными. Наверное, ни в какой иной период русской истории мы не найдем подобной толерантности.

С другой стороны, и те два протестанта, о которых здесь идет речь, – Беринг и Стеллер – тоже были не просто лютеранами, а лютеранами-пиетистами. Учение пиетизма в лютеранской церкви зародилось в Германии в кон. XVII – нач. XVIII вв. Основоположник пиетизма Август-Герман Франке (August Hermann Francke, 1663–1727) ставил религиозное чувство выше религиозных догм. Отвергая внешнюю церковную

обрядность, пиетисты особое значение придавали внутренним эмоциональным переживаниям, молитве, призывали к нравственному самоусовершенствованию. Центром пиетизма в Германии стал г. Галле, где Франке основал так называемые «Учреждения Франке» (Franckesche Stiftungen), состоящие из многочисленных учебных и воспитательных учреждений, в том числе школы для бедных детей, латинской школы и сиротского приюта (Waisenhaus). Пиетисты придавали огромное значение воспитанию детей, учреждению школ и распространению христианства. Из Галле вышло большое число миссионеров, разъехавшихся по всему миру. Неся Слово Божие туземным народам, миссионеры стремились изучать их языки и переводить молитвы и наиважнейшие религиозные тексты. Многие пасторы-пиетисты, движимые миссионерской идеей распространения христианского учения, приезжали в Россию, и не только в Санкт-Петербург. Наиболее отважные из них ехали или собирались ехать дальше – на Урал, в Сибирь, на Камчатку (6, с. 326–328; 7, с. 159–169).

Среди участников Академического отряда Второй Камчатской экспедиции было несколько пиетистов и людей, подверженных сильному влиянию просветительских идей, идущих из Галле, в том числе адъюнкт Г. В. Стеллер, изучавший медицину и теологию в Галле и преподававший там в сиротском приюте. В нашем распоряжении много подтверждений того, что и Витусу Берингу были близки идеи и духовное учение пиетистов. Он был прихожанином лютеранской церкви Св. Петра в Петербурге, центре пиетизма в России, где пастором был выходец из Галле Н. Готтлиб (Nazzius Heinrich Gottlieb), проживший в Петербурге с 1711 по 1751 гг. (8, с. 424; 9, с. 248–251); Беринг настойчиво стремился к заведению школ в Якутске, Охотске и на Камчатке не только в силу своей должности руководителя экспедиции. Необходимость просвещения и образования детей отвечала его личным убеждениям. Вероятно, и выбор Берингом в 1733 г. пиетиста К. Э. Миллиеса (Millies Christian Ernst; тоже выходец из Галле) в качестве пастора Камчатской экспедиции для офицеров-лютеран не был случайностью (1, с. 245). Миллиес сам страстно желал стать миссионером Камчатки (10, с. 807–810), но судьба его сложилась неудачно: по дороге в Сибирь, в 1736 г. он сошел с ума, в безумии сказал «слово и дело» и был под стражей отправлен в Петербург. Нам уже не доведется узнать, как бы могла сложиться ситуация на Камчатке, если бы там одновременно проповедовала православная духовная миссия и лютеранский пастор-пиетист? Исторически это время было наиболее благоприятным для сотрудничества разных конфессий христианства, так что не исключено, что проповедники сумели бы найти общий язык.

Для Беринга, глубоко верующего человека, было необыкновенно важно, чтобы как можно больше коренных жителей Восточной Сибири и Дальнего Востока принимали веру, чтобы сам акт крещения не был пустой формальностью. Судя по всему, тот факт, что новокрещенные становятся православными, для протестанта Беринга не играл большой роли. Какое большое значение имело для него крещение язычников, хорошо видно из сугубо личной переписки семьи Берингов с родственниками и друзьями в Петербурге. В личном письме родственнику Антону фон Зальца в начале февраля 1740 г. Витус Беринг сообщает: «Здесь в Охотске в продолжение двух с половиной месяцев крестилось 30 тунгусов, а на Камчатке в прошлый год много больше. Мне недостает школьных учителей как здесь, так и на Камчатке» (11, с. 453). Жена Беринга Анна Кристина (урожденная Пюльсе) отправила с той же почтой из Охотска в Петербург письмо своей подруге госпоже фон Гогенгольц, супруге австрийского дипломата при дворе имп. Анны Иоанновны Николая фон Гогенгольца, в котором она пишет: «Язычников встречаем мы здесь достаточно, многие из которых в этом году приняли крещение» (11, с. 488).

Из доношения, написанного в Охотске 15 апреля 1740 г. начальником Охотского порта Г. Г. Скорняковым-Писаревым, нам известно, что проживавший в Охотске ссыльный проповедник М. Аврамов, противник Феофановских церковных реформ, поддерживаемый членами Камчатской экспедиции капитаном А. Чириковым, штурманом М. Плаутиным и другими, собирались построить в Охотске специальный странноприимный дом для новокрещенных. Интересно, что эта «группа инициаторов» собиралась просить В. Беринга обратиться в Кабинет министров за помощью для создания странноприимного дома (11, с. 549–564). Интересно, что М. Аврамов и его единомышленники не сомневались, что Беринг одобрит эту идею и воспользуется для ее реализации своим личным контактом с кабинет-министром А. И. Остерманом. В одном из этих доносов Скорняков-Писарев рассказывает, каким образом чаще всего происходили крещения: жители Охотска (т. е. по большей части члены Камчатской экспедиции) приводили к крещению в православную церковь своих «служителей», представителей коренных народов (11, с. 553).

В документах Второй Камчатской экспедиции встречается множество упоминаний о том, что иностранцы выступали в качестве крестных родителей при крещении по православному обряду младенцев или взрослых. В основном это происходило в Якутске, где сам Беринг и большая часть членов Камчатской экспедиции жили с 1734 г. по 1737 г., а затем с 1737 г. по 1740 г. в Охотске. В доносе комиссара Петра Мировича и поручика Козьмы Шкадера на многих членов Камчатской экспедиции (октябрь 1737 г.) упоминается, что жена Витуса Беринга – протестантка Анна Кристина – и православный Иван Дауркин выступали крестными родителями при крещении младенца по православному обряду (12, с. 339). О кумовстве Анны Беринг и начальника Охотского порта Г. Г. Скорнякова-Писарева говорится и в челобитной М. Плаутина на высочайшее имя от 26 июня 1735 г. (8, с. 287). Это означает, что они выступали в роли крестной матери и крестного отца на чьих-то крестинах. Кумовьями они стали еще в то время, когда отношения между членами Камчатской экспедицией и Скорняковым-Писаревым были дружественными, однако это кумовство не спасло их от конфликтов и вражды в дальнейшем. Начиная с 1737 г. отношения между Скорняковым-Писаревым и членами экспедиции Беринга постоянно ухудшались и переросли в итоге в настоящую войну. 27 июля 1738 г. Беринг сообщил Адмиралтейств-коллегии, что начальник порта Скорняков-Писарев подговаривал охотского священника Анисима (Аврамова) не брать больше капитана М. Шпанберга – датчанина и протестанта – в крестные отцы при крещении русских младенцев, потому что все протестанты – «еретики» (12, с. 695–696). В данном случае интересен тот факт, что православный священник Анисим не видел никакой проблемы в том, что крестным отцом может быть лютеранин.

При этом сохранилось интересное письмо, написанное 11 сентября 1743 г. и адресованное «новокрещенному таену Ивану Мартынову сыну Спанберху» на Камчатке, в котором говорится о назначении В. Хметевского для управления Камчаткой и Курилами (13). Следовательно, капитан Мортен (по-русски Мартын) Шпанберг (или Спанберх), датчанин и протестант, был крестным отцом этого камчатского таена.

Интересна судьба одного из личных слуг Беринга Ягана Мальцгана (или Малцова), уроженца Курляндии. Вместе с другим слугой, Матвеем Кукушкиным, он сопровождал Беринга везде, в том числе и в плавании к берегам Америки. Мальцган, в отличие от Кукушкина, был наемным слугой и потому после смерти В. Беринга мог распоряжаться своим будущим сам. Он нарочно отстал от Камчатской экспедиции при ее отъезде и остался на Камчатке (14, с. 136, 149). Мальцган занялся пушной торговлей, а в 1746 г. принял православие и получил новое имя: Иоанн Иоасафов Хотунцевский – по имени крестившего его архимандрита Иоасафа Хотунцевского. В 1747 г. он вошел пайщиком в компанию по добыче пушнины Емельяна Басова и несколько раз плавал вместе с ним на остров Беринга и на Алеутские острова (15, с.187; 16, с.165). Не только ительмены носили на Камчатке фамилию Хотунцевский. Мне, однако, неизвестны примеры того, чтобы кто-то из коренных камчатских жителей получил фамилию Беринг.

В октябре 1740 г. большая часть Второй Камчатской экспедиции переехала на Камчатку, в недавно построенную для них гавань св. апостолов Петра и Павла, чтобы подготовиться к плаваниям летом 1741 г. к берегам Америки. Для многих, в том числе для Беринга и капитана А. Чирикова, это был повторный визит на Камчатку, во время Первой Камчатской экспедиции их база находилась у западного побережья полуострова.

20 апреля 1741 г. Витус Беринг отправил длинное и подробное письмо своему покровителю и давнему другу кабинет-министру графу А. И. Остерману (1686–1747 гг.), единственному человеку, которому Беринг, человек довольно сдержанный, открывал свою душу, с которым он делился мыслями, разочарованиями и наблюдениями. Это последнее письмо другу звучит особенно горько. Беринг пишет: «Что же касается до земли Камчатки, то оная в том же состоянии или мало лутче того, как я ее в 1729-м году оставил, ибо туда присланной из Иркуцкой канцелярии командир (Камчатским командиром в 1734–1736 гг. был иркутский дворянин Иван Добрынский (8, с. 98–99) пред 5-ю годами уже умре, а на его место никого еще поныне не прислано. И вся та земля от простых казаков управляется, которыя пьянству весма преданы. Ни одного мастера в школе не имеется, никакого суда не показуется и кабаки в великом безпорядке. Церкви в плохом состоянии, служба Божия весма редко и никогда исправно, ибо церкви еще не освящены, и во всей Камчатке токмо один священник (Священником в Нижне-Камчатском остроге был о. Ермолай (16, с. 162–163), которой такожде пьянству весма предан. А по-прямому в такой нарочито пространной земле четырем или болше священникам быть надлежит» (2, с. 254–255).

В письме Беринг указывает одну из причин, почему обращение в христианство на Камчатке идет медленно: «Хотя по всемилостивейшему

Ея Императорского Величества указу с новокрещаемых камчадалов на 10 лет контрибуцей [т. е. ясака – Н.Л.] брать не повелено, однако же, не взирая на оное, они поныне не увольняются, и крещающияся с некрещеными равныя контрибуции платят, отчего в таком простом народе мало склонности к крещению является». Беринг приводит и пример стремления новокрещенных к просвещению: «Яко ж меня крещеныя камчадалы, которыя самопроизволно недалеко от Авача часовню построили, по прибытии моем в Камчатку писмянно просили, чтоб им кто-нибудь для отправления Божией службы и для обучения детей их читать и писать, також Христианскому Закону определен был». Небезынтересен тот факт, что камчадалы видели именно в Витусе Беринге человека, который должен помочь им в укреплении христианских начал. И они не ошиблись, о чем свидетельствует данное письмо Остерману – помимо официальных рапортов Беринг использовал и «личные каналы».

Официальное доношение Витуса Беринга Правительствующему Сенату было написано им через пять дней, 25 апреля 1741 г. Это доношение было короче письма Остерману, Беринг ограничился описанием бедственного положения Камчатки. Он сообщает о необходимости прислать туда хорошего командующего, распространить христианство и завести школы. Более конкретно Беринг формулирует суть проблем следующим образом: «Сверх же того и самого нужного и главного дела к содержанию христианъской веры Закона показывать и наставлять некому, понеже и священников не токмо искусных и ученых, но и никаких, кроме одного попа, по всей Камчатке, такой немалой и многолюдной земле, и в таком отдаленном крае, и между таким азиадским народом, где про Закон христианской не за многия прежде сего года и не слыхали, не обретаетца. Да и тот поп уже престарелой, а жития также невоздержного. И хоша уже несколко человек по Камчатке ясачных иноземцов пришли и в христианскую веру, а ныне и весма много, что с прибытия моего сюда при одной Аваче обретающимся в каманде моей иеромонахом сто тритцать семь человек окрещено, кроме женска полу, и с великою охотою желают, чтоб им толковать о вере христианской и показывать о Законе, точию толковать и наставлять их некому» (2, с. 267–268). Беринг называет основной проблемой нехватку священников, но не упоминает о том, что новокрещенных вопреки закону не освобождали от уплаты ясака.

Еще через два дня, 27 апреля, капитан А. Чириков пишет личное письмо своему высокому покровителю в Петербурге, президенту Адмиралтейств-коллегии графу Н. Ф. Головину. Чириков как старший по званию офицер православного вероисповедания в Камчатской экспедиции должен был бы в первую очередь заботиться о делах, имеющих отношение к православной церкви. Однако по многим документам Второй Камчатской экспедиции можно сделать вывод, что Чириков принимал решения, касавшиеся количества книг и церковной утвари, он же определял количество священников для каждого судна экспедиции, но вопрос христианизации местного населения явно больше занимал В. Беринга и Г. В. Стеллера, чем А. Чирикова. Возможно, Чириков считал, что данный вопрос входит в круг обязанностей местной администрации, а не их экспедиции. В конце письма Головину, наряду с такими диковинами, как землетрясение, Чириков сообщает: «С начала октября прошлого 740 года по настоящея время крестилось здешнева народу мужескова и женскава полу болше полутары тысячи человек, а возбождены оныя к крещению милостивым указом, состоявшемся в прошлом 734-м году, которым повелено крестившимся камчадалам давать свободы от ясачнава платежу на десеть лет, которой указ, как видно, здесь еще впервой публикован от охоцкава камандира Антона Дивиэра прошедшей осени. И чаятелно им всем крестится, точию продолжается тем, что здесь токмо один священник, а другой при нашей экспедиции, и тот ныне за болезнью не крестит» (2, с. 269–270).

Сразу бросаются в глаза два различия: выше мы видели, что Беринг в частном письме Остерману как раз указывал на то, что местная русская администрация вопреки указам не освобождала камчадал от выплаты ясака на 10 лет, пользуясь их незнанием законов. Чириков же пишет, что этот указ способствовал крещению коренных жителей. Но наиболее интересны расхождения в числе крестившихся за месяцы пребывания экспедиции на полуострове, у Беринга – 137 человек мужского пола на Аваче, у Чирикова – более 1500 человек обоих полов. Адъюнкт Стеллер (о котором чуть ниже) сообщал Синоду, что за три месяца пребывания Камчатской экспедиции на полуострове «едва не все неверныя от устия Болшей реки даже до Кигила-реки на шесть сот российских верст святым крещением крестилися и к церкви приступили» (2, с.533). На основе других письменных источников С. И. Вахрин приводит такие данные: «Иеродиакон Гавриил Притчин с иеромонахом Феофилактом (из экспедиции В. Беринга) окрестили в зиму 1740/41 года 1417 человек. Иеромонах Дамаскин (также член

экспедиции В. Беринга) положил начало крещению авачинских камчадалов, окрестив 90 человек» (16, с.163). Как мы видим, сведения источников о количестве крестившихся настолько противоречивы, что точное число крестившихся камчадалов установить, наверное, никогда не удастся, но совершенно очевидно, что процесс христианизации на Камчатке заметно оживился благодаря приезду участников Второй Камчатской экспедиции.

В те же дни, 17 апреля 1741 г., два доношения – Сенату и Синоду – были подготовлены к отправке в Петербург Г. В. Стеллером, участником Академического отряда Второй Камчатской экспедиции. Стеллер, известный в первую очередь как натуралист, обладал и теологическим образованием, он изучал теологию и медицину в университетах Виттенберга и Галле, работал учителем в Сиротском приюте Галле, крупнейшем центре пиетизма. В 1734 г. он переехал в Санкт-Петербург и первые годы служил личным медиком новгородского архиепископа Феофана Прокоповича. Хотя Феофан умер еще в 1736 г., у Стеллера, видимо, сохранились контакты с Синодом. Донесение Синоду о необходимости духовной миссии на Камчатке было написано Стеллером еще 5 января 1741 г. (17). 17 апреля 1741 г. Стеллер послал «Предложения» Сенату об усовершенствовании жизни и торговли на Камчатке, где он упоминает, что также послал доношение в Синод о необходимости распространения на Камчатке христианства (18, с. 166–169). В доношении Синоду Стеллер пишет о необходимости прислать на Камчатку необходимое число священников, построить церкви, организовать школы, излагая тем самым классическую программу пиетизма в отношении «диких» народов.

Он сурово критикует нравы русского населения Камчатки, называя этих людей «сметенным сором российским». К христианам, погрязшим в многочисленных грехах, у пиетиста Стеллера снисхождения нет. Совершенно иначе он отзывается о коренных жителях Камчатки: «неверные народы суть добросердечны, справедливы, весма правдивы, во обещаниях постоянны, странноприимны, трудолюбивы, боязливы, однако ж и неглупы. Когда что лучшее видят, то к тому аки быстрым потоком несутся, а к худому, хотя и с принуждением, но неохотно текут. Что же до суеверия языческаго надлежит, суетны они более от невежества, нежели безбожны, и когда приятно обличают их, то и самым себе безмерно смешны» (2, с. 533).

Это совершенно новый взгляд на «туземцев», только-только начавший распространяться в Европе, в первую очередь среди миссионеров-пиетистов. Для пиетистов аборигены сродни маленьким детям, они от природы чисты душой, но им необходимы крещение, образование и просвещение в христианском духе, и если они его получат, то все будет хорошо. Это по-прежнему взгляд «христианина-взрослого» сверху вниз на «туземца-ребенка», но это и огромный шаг вперед в развитии представлений о соотношении разных народов. Ранее господствовал взгляд на всех нехристиан как на дикарей, греховных по своей натуре. В документах Камчатской экспедиции, например, по отношению к японцам часто употребляется выражение: «их застарелая азиатская нелюдскость». Понятие о «нелюдскости» других народов в середине XVIII в. все еще является господствующим, на этом фоне взгляд Стеллера на камчадалов как на детей является переворотом в сознании самих европейцев-христиан.

Все рассматриваемые здесь послания Беринга, Чирикова и Стеллера дошли до Санкт-Петербурга, судя по делопроизводственным пометам, с одной почтой в конце декабря 1741 г. – начале января 1742 г. Политическая ситуация в столице Российской империи в это время резко изменилась. В результате военного переворота 25 ноября 1741 г. и прихода к власти Елизаветы Петровны кабинет-министр Остерман был арестован, президент Адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головин формально сохранил должность, но лишился влияния. Несмотря на это, зов с Камчатки был услышан в Петербурге. Доношения Беринга и Стеллера были внимательно прочитаны; письмо Беринга Остерману, написанное по-немецки, не попало в руки адресата, но было переведено на русский, рассмотрено властями и, несомненно, тоже выполнило свою задачу.

Конечно, сообщения о бедственном положении с христианизацией Камчатки не были большой новостью или неожиданностью для Петербурга. Работа в Синоде над отправкой «в Камчатскую экспедицию» (именно так, а не просто «на Камчатку»!) архимандрита Иосифа Занкевича началась еще в августе 1741 г. (2, с. 531–532). Судя по тексту Синодального ведения (ведение – с ударением на первом слоге – тип документа, которым переписывались равные по положению учреждения или лица – Н.О.) Сенату от 19 июля 1742 г. о посылке на Камчатку духовной миссии во главе с архимандритом Хотунцевским (2, с. 531–540), сообщение о том, что архимандрит Иосиф стар и дряхл, и по состоянию здоровья не может ехать на Камчатку, дошло до Синода примерно в то же время, что и «из

камчатской Болшерецкой крепости академии наук от адьюнкта Стеллера о разных камчатского и протчих народов поведениях предложением при протчих о состоянии тамошняго народа объявлениях». После подробного пересказа «пунктов», присланных Стеллером, в том числе тех, где приводится пиетистское понимание аборигенного народа, Синод сообщает Сенату о назначении «в Камчатскую экспедицию» Иоасафа Хотунцевского в сопровождении бóльшего числа духовных лиц, чем планировалось первоначально послать с Иосифом Занкевичем.

В ведении Сенату от 19 июля 1742 г. написано: «Того ради по Ея Императорскаго Величества указу Святейший Правителствующий Синод приказали в тое Камчатскую экспедицию для проповеди Слова Божия и призывания тамошняго безбожием ослепленнаго народа в веру Христову, вместо помянутаго прежденазначеннаго в то послушание, ныне же от той посылки за вышепоказанную неспособность уволеннаго архимандрита Занкевича, отправить бывшаго в Спасском училищном монастыре проповедником ныне же обратающагося в Крутицком архиерейском доме для обучения ставленников экзаминатора иеромонаха Иоасафа Хотунцевскаго произведше ево во архимандрита, которой и произведен, а имяновати и писатся ему Камчатским архимандритом» (2, с. 534). В статье С. Вахрина приводится как дата посвящения Хотунцевского в архимандриты 1 февраля 1743 г. (16, с. 163) – это, судя по всему, день официального рукоположения в сан. Первоначально предполагалось вместе с Хотунцевским отправить учителей: «Для обучения на Камчатке российских и которые с помощию Божиею за прибытием онаго архимандрита с товарыщи на Камчатку из тамошняго народа воспримут святое крещение, малых отроков российской грамате, букваря со истолкованием божественных заповедей и протчаго, и Катехисиса отправить же Московской славяно-греко-латинской академии из студентов священно – и церковнослужителских детей, а имянно, школы философии Алексея Ласточкина, Дмитрия Камшигина. Да для обучения алфабета и слогов Часослова, Псалтыри и во дьячки, и для писма всяких по оной проповеди касающихся дел из школы пиитики Петра Грязного, школы синтаксимы Петра Логинова, школы фары Василья Кочюрова» (2, с. 535). Исследования С. Вахрина показывают, что Петр Логинов стал родоначальником династии камчатских священников (16, с. 164).

Мне хотелось бы обратить внимание на небольшую деталь в тексте Синодального указа от 19-го июля 1742 г.: напоминание о том, что «для придания […] охоты тем иноверцам, кои крестятся, в платеже ясаку давать лготы на десять лет». Мне кажется, что это отклик на то частное письмо Беринга Остерману, где (и только там!) говорится о нарушениях данного закона.

Среди бумаг Второй Камчатской экспедиции встречаются и копии интересных документов, относящихся к подготовке Камчатской духовной миссии. Так, 22 апреля и 2 мая 1743 г. архимандрит Хотунцевский подал два доношения Сибирской губернской канцелярии, где приводятся имена желающих ехать вместе с ним: «Явилиси де им охотники в Камчатку ехать ради священно и церковнослужения желающии, а имянно, Тоболского подгородного дистрикта Тавдинского Еланского села Николаевской церкви священник Семион Васильев, да Черниговской епархии градской Николаевской церкви поп Филип Иванов Энко, да постриженник Долматова монастыря иеромонах Флавиан, Знаменского монастыря иеродиакон Авксентий, из церковников же Тоболской церкви Андрея Первозванного дьячек Федор Петров сын Смирной, да показанного Тоболского подгородного дистрикта Тавдинского Еланского села Николаевской церкви священника Семена Васильева сын Евсевей, да Тоболского уезду Бегишевского села Крестовоздвиженской церкви умершаго дьячька Максима Лавреньтьева сына Невотчикова сын ево Степан» (19).

В первоначальных планах отправки Иоасафа Хотунцевского предполагалось, что его миссия станет частью Камчатской экспедиции. Это помогло бы решить многие практические проблемы миссионеров в удаленных и пустынных краях. Сохранился любопытный документ – указ Сената, выданный 3 октября 1743 г., о том, что лекари Камчатской экспедиции должны лечить архимандрита Хотунцевского и его спутников (20). Несомненно, врачи-немцы Камчатской экспедиции были в то время наиболее квалифицированными медиками на Дальнем Востоке. Но пока готовилась отправка духовной миссии, указом имп. Елизаветы Петровны от 25 сентября 1743 г. была приостановлена (а фактически – остановлена), деятельность Второй Камчатской экспедиции, и хотя отъезд из Сибири отдельных ее служителей растянулся еще на несколько лет, но когда духовная миссия достигла в 1745 г. Камчатки, никого из участников экспедиции Беринга там уже не оставалось.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1730–1733. – Часть 1. Морские отряды. – (Серия «Источники по истории Сибири и Аляски из Российских архивов». – Т. IV, 1). – сост. Н. Охотина-Линд, П. У. Меллер. – М., 2001. – ВКЭ 2001. – С. 78–79.
2. Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1739–1740. Морские отряды. (Серия «Источники по истории Сибири и Аляски из Российских архивов». – Т. X) / сост. Н. Охотина-Линд, П. У. Меллер. – СПб., 2018. – ВКЭ 2018. – С. 531.
3. Славяно-греко-латинская академия (или училище), основанная в 1682 г. братьями Лихудами по инициативе Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева, размещалась с 1687 г. по 1822 г. в Заиконоспасском монастыре в Москве. Это высшее учебное заведение называлось в середине XVIII в. также и Московской духовной академией (а с 1822 г., после переезда в Троицко-Сергиеву лавру, стало носить это название официально.
4. *Смолич И. К.* История русской церкви. 1700–1917. – Ч. 2. – М., 1997.
5. *Смолич И. К.* История русской церкви. 1700–1917. – Ч. 1. – М., 1996.
6. *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der Deutschen Russlandkunde im 18. jahrhundert. Berlin, 1953.
7. *Мюльпфордт Г.* Система образования в Галле и ее значение для России 1696–1831 гг. (ученые, учителя, училища, школьные реформы, книги, дидактика) // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи. – СПб., 2000.
8. *Amburger E.* Die Pastoren der evangelischen Kirchen Russlands vom Ende des 16. Jahrunderts bis 1937. Ein biographisches Lexikon. Lüneburg, 1998. Amburger 1998. S. 424;
9. *Таценко Т. Н.* Немецкие евангелическо-лютеранские общины в Санкт-Петербурге в XVIII-XX вв. // Немцы в России. Петербургские немцы / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб., 1999.
10. Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1734–1736. Морские отряды. (Серия «Источники по истории Сибири и Аляски из Российских архивов». – Т. VI) / сост. Н. Охотина-Линд, П. У. Меллер. – СПб., 2009.
11. Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1739–1740. Морские отряды. (Серия «Источники по истории Сибири и Аляски из Российских архивов». – Т. X) / сост. Н. Охотина-Линд, П. У. Меллер. – СПб., 2015.
12. Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1737–1738. Морские отряды. (Серия «Источники по истории Сибири и Аляски из Российских архивов». – Т. IX) / сост. Н. Охотина-Линд, П. У. Меллер. – СПб., 2013.
13. РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 99. Л. 277 об. – 278.
14. *Okhotina Lind N., Møller P. U.* Kommandøren og konen. Arkivfund om danske deltagere i Vitus Berings ekspeditioner. København, 1997.
15. *Георг Вильгельм Стеллер.* Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741–1742. – М. : изд. А. К. Станюкович. – 1995.
16. *Вахрин С. И.* Предыстория Камчатской епархии // Краеведческие записки. Вып. 8. Петропавловск-Камчатский, 1993. С. 162–169.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 27. № 84. Т. 1 за 1746 г. Л. 107–116.
18. *Охотина-Линд Н.* Предложения Г. В. Стеллера Сенату об улучшении условий жизни на Камчатке // Люди великого долга. Материалы Международных исторических XXVI Крашенинниковских чтений. – Петропавловск-Камчатский, 2009. – С. 166–169.
19. РГАДА. Ф. 248. Кн. 796. Л. 222 об. – 223.

\

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ АРХИВЫ:

1. РГАДА – Российский государственный архив древних актов, Москва. – Ф. 248 (Сенат и его учреждения).
2. РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота, Санкт-Петербург. – Ф. 216 (Канцелярия капитана-командора В. Й. Беринга, капитана А. И. Чирикова и капитана I ранга П. К. Креницына).
3. РГИА – Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург. – Ф. 796 (Канцелярия Синода).
4. Использованная литература:
5. Вахрин 1993 – Вахрин С. И. Предыстория Камчатской епархии // Краеведческие записки. – Вып. 8. – Петропавловск-Камчатский, 1993. – С. 162–169.
6. ВКЭ 2001 – Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1730–1733. Часть 1. Морские отряды. (Серия «Источники по истории Сибири и Аляски из Российских архивов». – Т. IV, 1) / сост. Н. Охотина-Линд, П. У. Меллер. – М., 2001.

7. ВКЭ 2009 – Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1734–1736. Морские отряды. (Серия «Источники по истории Сибири и Аляски из Российских архивов». – Т. VI). / сост. Н. Охотина-Линд, П. У. Меллер. – СПб., 2009.
8. ВКЭ 2013 – Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1737–1738. Морские отряды. (Серия «Источники по истории Сибири и Аляски из Российских архивов». – Т. IX). / сост. Н. Охотина-Линд, П. У. Меллер. – СПб., 2013.
9. ВКЭ 2015 – Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1739–1740. Морские отряды. (Серия «Источники по истории Сибири и Аляски из Российских архивов». – Т. X). / сост. Н. Охотина-Линд, П. У. Меллер. – СПб., 2015.
10. Мюльпфордт 2000 – Мюльпфордт Г. Система образования в Галле и ее значение для России 1696–1831 гг. (ученые, учителя, училища, школьные реформы, книги, дидактика) // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи. – СПб., 2000. С. 159–169.
11. Охотина-Линд 2009 – Охотина-Линд Н. Предложения Г. В. Стеллера Сенату об улучшении условий жизни на Камчатке // Люди великого долга : материалы Международных исторических XXVI Крашенинниковских чтений. – Петропавловск-Камчатский, 2009. С. 166–169.
12. Смирнов 1855 – Смирнов С. К. История Московской Славяно-Греко-Латинской Академии. – М., 1855.
13. Смолич 1996 – Смолич И. К. История русской церкви. 1700–1917. Ч. 1. – М., 1996.
14. Смолич 1997 – Смолич И. К. История русской церкви. 1700–1917. Ч. 2. – М., 1997.
15. Стеллер 1995 – Георг Вильгельм Стеллер. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741–1742. – М. : изд. А. К. Станюкович, 1995.
16. Таценко 1999 – Таценко Т. Н. Немецкие евангелическо-лютеранские общины в Санкт-Петербурге в XVIII-XX вв. // Немцы в России. Петербургские немцы / отв. ред. Г. И. Смагина. – СПб., 1999. – С. 245–280.
17. Amburger 1998 – Amburger E. Die Pastoren der evangelischen Kirchen Russlands vom Ende des 16. Jahrunderts bis 1937. Ein biographisches Lexikon. Lüneburg, 1998.
18. Lind, Møller 1997 – Okhotina Lind N., Møller P. U. Kommandøren og konen. Arkivfund om danske deltagere i Vitus Berings ekspeditioner. København, 1997.
19. Winter 1953 – Winter E. Halle als Ausgangspunkt der Deutschen Russlandkunde im 18. jahrhundert. Berlin, 1953.

РОД ТОЛМАНА ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА

Попкова Е. С.,
праправнучка Вильяма Толмана

Много версий о том, как род Толман появился на Камчатке, но я придерживаюсь этой.

С 1799 по 1867 гг. существовала Российско-американская кампания, которая из Сан-Франциско на Камчатку доставляла рыболовные снасти, охотничье снаряжение. Капитаном одного торгового судна был Вильям Толман. С 1813 года обосновался в Петропавловске-Камчатском. Женился на Дарье Кекеновой, дочери морского офицера Егора Кекенова из Санкт-Петербурга. В браке у них родилось 10 детей. На Камчатке Вильям работает снабженцем и переводчиком при власти. Здесь он принял православие и при крещении получил имя Василий.

Незримые нити связываю эту семью с Санкт-Петербургом. Сюда отправляется дочь Елена, где выходит замуж. В 23 года умирает, возможно при родах.

Другая дочь, Мария, погостив у родственников в Санкт-Петербурге, возвращается на Камчатку. А вскоре на китобойном судне отправляется на Родину отца – в Америку, где остается жить.

Сына Вильяма Александра в 17 лет отправляют учиться коммерческим наукам в Америку. Из-за военных событий он, после учебы, вернуться на Камчатку не смог. В 29 лет умирает.

Сын Иван (1841–1899) учится в Санкт-Петербурге в штурманском училище, но из-за болезни прерывает учебу и возвращается на Камчатку. Именно он стал родоначальником ветви мильковских Толман. В течение 11 лет он был единственным учителем церковно-приходской школы в Милькове. Женат на Ушаковой Агриппине Федотовне.

В их семье родилось 11 детей.

Сын Николай был участником обороны Петропавловского порта.

Награжден памятной медалью на Георгиевской ленте. Николай дал начало большой ветви тигильского рода Толман.

Благодаря клубу «Камчадалы» – руководитель Михайлова Виктория Зиновьевна, собранный материал вошел в изданные книги «Никто не забыт, ничто не забыто» и «Расстрелянные годы», из которых стало известно, что под политические жернова репрессий угодили Толман Анатолий Михайлович и Василий Васильевич. Последний был выслан в Магадан и после освобождения в 1943 году остался жить на Колыме.

Великая Отечественная война. В ней принимали 24 человека из рода Толман. Вот только несколько из них.

Алексей Алексеевич Толман дошел с боями до Кенигсберга. Был награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией» и др.

Сыновья Толмана Ивана – Иван, Валентин, Спиридон, Павел.

Толман Александр Васильевич. Братья Колесовы, Павел и Юрий, сыновья Лидии Михайловны Толман, участники Курильского десанта.

Генерал-майор Иннокентий Николаевич Колесов – сын Агриппины Михайловны Толман, кавалер ордена Александра Невского.

А у женщин Толман была своя война – трудовой фронт. Кроме ведения домашнего хозяйства, воспитания детей, основной работы они ночами шили торбаса, камлеи, крипотки и рукавицы для фронтовиков.

Толман Анна Александровна в своем звене полеводов получала высокие урожаи помидоров, огурцов и даже арбузов, выращенных в открытом грунте. Ее дочь Лариса Спиридоновна, работавшая в библиотеке, на весь летне-осенний период, по распоряжению райисполкома, работала в колхозе. Она организовывала соцсоревнования между бригадами полеводов, механизаторов. Собирала у колхозников деньги на строительство танка и самолета, сдавая их в Фонд обороны.

Толман Мария Вениаминовна совсем молоденькой девушкой садится на трактор, заменив ушедшего в 1941 году на фронт брата Вениамина.

Толман Анатолий Михайлович с женой своей Натальей Поликарповной вступают в колхоз «Безбожник». Техники никакой не было и все делалось вручную. Лопатой, ломом, киркой отвоевывали каждый клочок земли, которые засаживались картофелем, капустой, свеклой, морковью. Какое-то время он возглавляет колхоз. В 40-х годах его назначают первым председателем-камчадалом Мильковского рыбкоопа. А Наталья Поликарповна вместе с другими женщинами вырубали кустарники и сжигали их, чтобы полученную золу разбрасывать по очищенной территории. Семья была дружная, работящая и многодетная – 12 детей. Нормы давались большие и за их невыполнение снимались и без того скудные трудодни. Помогая маме, выручали старшие

сыновья. Отгремела Великая Отечественная. Даже холодная война с США затихла.

В 1991 году на Камчатку, в Государственный архив, из Америки приходит письмо от Роберта – сына Марии и внука Вильяма Толмана. Мария всегда говорила своим детям: «У вас на Камчатке есть братья и сестры. Найдите их». Роберт просил опубликовать свое письмо в СМИ и дал обратный адрес. Налаживается переписка с семьей Угриных. Ольга Угрина из рода Толман.

Моя мама Вера Николаевна Толман-Шишкина является правнучкой Вильяма. В семье всегда осторожно велись разговоры об американских родственниках, которые когда-то присылали деду Николаю посылки с винчестерами, патронами и красивой темно-синей тканью на костюмы. Якобы одна из теток оставила наследство после своей смерти, но из-за боязни наказания, все камчатские родственники от него отказались.

К моей маме приходили Угрины, чтобы показать фотографии, присланные из Америки. Мама потом рассказывала:

«Знаешь, дева! Приходила Ольга Толманская со своим мужиком и карточки показывала. Они искали, похожа ли я на американских родственников? Оказалось, что у меня такие же большие ухи, совсем как у них!»

В 1992 году Роберт умирает и исследование продолжает его сын Крис с женой Йомой. В 1993 году они приезжают в Петропавловск и гостят у архивиста Абрамовой Елены Павловны, по воле случая оказавшейся родственницей – ее муж из рода Чуркиных-Толман. В 1996 году она встречается с Йомой в Америке и по возвращении создает большое древо рода Толман. Побывала в гостях у Йомы и Толман Нина Юрьевна из тигильских Толман.

Совсем с другой миссией – с выставкой берестяной посуды камчадалов и берестяного плетения, изделиями резьбы по кости побывал практически во всех индейских штатах мой племянник, прапраправнук Вильяма Толмана, Шишкин Николай Иванович.

Нашей династии повезло с хранителями ее истории. Вот их имена: Сергей Иванович Вахрин, Елена Павловна Абрамова, Нина Юрьевна Толман, Василий Семенович Игнатьев, Владимир Иванович Толман, члены клуба «Камчадалы» – Вера Анатольевна Глинская, Зинаида Ивановна Куцевич, Александр Анатольевич Толман.

Только в Милькове род Толман на сегодняшний день насчитывает более 600 человек. И цифра эта далеко не окончательная. Толманы проживают по многим городам и весям России-матушки. Есть они и за рубежом.

К 50-ЛЕТИЮ КАНОНИЗАЦИИ ГЕРМАНА АЛЯСКИНСКОГО. КЕМ ОН БЫЛ ДО ПОСТРИГА В МОНАХИ? ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ДОКУМЕНТОВ ИЗ АРХИВОВ РГАДА, ГАРО И ЦГА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ ПО СЛУЖИТЕЛЮ КАДОМСКОЙ ВОЕВОДСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Попов Николай Семенович,
научный сотрудник Рязанского музея путешественников, член Рязанского отделения Русского географического общества, член Российского военно-исторического общества

Аннотация. В статье произведен анализ архивных исследований о монахе Германе Аляскинском, причисленном к лику святых Автокефальной Православной Церковью в Америке. В работе раскрыт ход исследований неизвестного кадомского периода жизни преподобного старца. Представленный анализ содержит фактические архивные данные, впервые введенные в научный оборот. Основной вопрос исследования – каково было мирское имя канцеляриста Попова, в будущем монаха Германа?

Работа будет интересна специалистам, а также читателям, интересующимся вопросами православия, краеведения, истории и культуры.

Ключевые слова: монах, Герман, Аляска, Кадом.

The annotation. In the article, the author analyzed the archival researches about the monk German Alaskinskiy, who has been canonized by the Autocephalous Orthodox Church in America. The work reveals the course of studies of the unknown Kadom period of the reverend old man life. The presented analysis contains the factual archival data, which is introduced into the scientific circulation for the first time. The main question of the research is – what was the worldly name of the "clerk" Popov – the future monk Herman?

The research may be interesting to specialists as well as to the readers who are interested in Orthodoxy, local studies, history and culture.

Key words: Monk, Herman, Alaska, Kadom.

12 ноября 1970 года, на заседании Священного синода Русской Православной Церкви о причислении к лику святых Автокефальной Православной Церковью в Америке преподобного старца Германа Аляскинского, канонизация которого была совершена 9 августа 1970 года, было постановлено: «включить святое имя преподобного старца Германа, сущего в лике святых, благодатию Божею прославленных, в Православной Церкви в Америке просиявшего, в месяцеслов Русской Православной Церкви». Память его праздновать 27 июля по старому стилю / 9 августа по новому стилю (1).

С тех пор прошло 50 лет. В преддверие этого события в жизни Русской Православной Церкви и верующих нашей страны в Рязанской области будут проводиться соответствующие торжества. Рязанская земля имеет непосредственное отношение к монаху Герману, почитаемому в лике преподобных, руководителю русской духовной миссии на острове Кадьяк, крестившему множество алеутов и других жителей Русской Америки. И этому есть основания.

Не так давно, в 2003 году, главный специалист музея антропологии и этнографии имени Петра Великого – Кунсткамера С. А. Корсун в Российском Государственном историческом архиве (РГИА) обнаружил ряд документов, раскрывающих историю пострижения в монахи Егора Попова, в последующем первого православного святого Русской Америки Германа Аляскинского (2).

Несколько документов показывают сам процесс принятия решения о постриге монаха Германа. В числе документов – доношение от 12 октября 1782 года в Синод по прошению Спасо-Преображенского Валаамского монастыря строителя иеромонаха Назария, приказ Синода по прошению, указ о дозволении пострига и рапорт о приобщении Германа к монашеству. Документы раскрывают не только порядок процесса. Теперь об этом подробно. Епископ Новгородский Гавриил сообщает 12 октября 1782 года Святейшему Правительствующему синоду: «По прошению Спасо-Преображенского Валаамского монастыря строителя иеромонаха Назария с братией, он, предоставляет прошение о пострижении находящегося в том монастыре, в чине братства, бывшего Кадомской воеводской канцелярии подканцеляриста Егора Иванова сына Попова, по его желанию, в монашество. Попов 1777 декабря 23-го, уволен с указом из той канцелярии за болезнью и неспособностью, быть при делах на его пропитание. Состояния он хорошего, послушания монастырские исправляет рачительно, от роду ему Попову тридцать второй, холост» (3).

22 октября 1782 года императорским указом Попову постричься было разрешено. Позднее епископ Новгородский Гавриил сообщает в Синод, что 1 ноября 1782 года Попов пострижен и именован Германом (4).

Обнаруженные С. А. Корсуном документы практически раскрыли тайну монаха Германа. Более двух столетий мирское имя святителя Аляски было неизвестно. Много было предположений, гипотез и даже «достоверных» биографических утверждений, но все они рассыпались после находки С. А. Корсуна.

Поскольку ныне Кадом является районным центром Рязанской области, этот факт заинтересовал рязанцев. В ноябре 2016 года в Кадоме состоялась Международная научно-практическая конференция, посвященная преподобному Герману Аляскинскому. Форум был более чем представительным. В работе конференции приняли участие вице-губернатор Рязанской области С. В. Филимонов, руководитель рязанского отделения РГО Герой России М. Г. Малахов, митрополит Калужский Владыка Климент, епископ Касимовский и Сасовский, а ныне управляющий делами Московской патриархии митрополит Дионисий. Присутствовали и выступали с докладами ученые-историки, священнослужители и путешественники из Москвы, Санкт-Петербурга, Калуги, штата Аляска (США), руководители министерств, ведомств и главы муниципальных образований Рязанской области. По итогам конференции было принято решение приступить к увековечиванию памяти монаха Германа на рязанской земле.

К настоящему времени знаток Германа Аляскинского из Санкт-Петербурга С. А. Корсун написал и опубликовал документальное повествование «Преподобный Герман Аляскинский, валаамский подвижник в Америке», достаточно полное, насколько это может быть в настоящее время, научное исследование о монашеской жизни и деятельности Германа, начиная с пострига (1782 год) и до его кончины. Очерчен Сергеем Анатольевичем и детский период жизни Попова до поступления на канцелярскую службу.

Рязанское отделение РГО создало документальный фильм о деятельности монаха Германа на Валааме и Аляске, он прошел на широком экране.

Поскольку, как казалось в 2016 году, основные исследования были закончены и ясны, оставался частный вопрос – уточнить некоторые аспекты мирской службы Егора Ивановича Попова. Предстояло установить время и порядок его работы в Кадомской воеводской канцелярии, его социальное происхождение, установить, если это возможно, родственников и место жительства. Было интересно собрать характеризующие его материалы. Ведь не всегда он был монахом. Вероятно, были у него друзья, сослуживцы. Жителям Кадома приятно было бы узнать, что кто-то из их предков был знаком с православным святым, проживавшим здесь более двух веков назад.

Вопрос вроде бы рутинный и историками-архивистами методологически отработанный – поднимаются архивные дела середины 18 века и находятся необходимые материалы. Эта работа была поручена автору этой статьи.

Подтверждение данных по Егору Ивановичу Попову оказалось делом далеко не рутинным. Это исследование длилось более трех лет. Нестыковки с документами, хранящимися в фонде Правительствующего синода в РГИА, потребовали не ограничиваться только фондами архива Рязанской области. Пришлось ознакомиться практически со всеми делами из фондов Кадомской воеводской канцелярии, Шацкой провинциальной канцелярии, с частью дел Воронежской и Тамбовской губернской канцелярии, хранящимися в Российском Государственном архиве древних актов (РГАДА). Была изучен фонд Рязанской духовной кансистории по Кадомскому уезду (ГАРО) и переписка епископов Новгородского, Рязанского и Тамбовского к игуменам Саровского мужского монастыря, хранящаяся в ЦГА Республики Мордовии.

Причиной этого объемного исследования было несоответствие в документах из Санкт-Петербурга и Рязани, на первый взгляд не очень важное. Ее можно обозначить, одним словом: ИМЯ! Не совпадали имена будущего монаха Германа и кадомского канцеляриста Попова.

Мирское имя монаха Германа.

При изучении архивных дел ГАРО и РГАДА, относящихся к Кадомской воеводской канцелярии, установлено, что за время ее существования здесь работало 15 служащих с фамилией Попов (3 поколения). Выяснилось, что Егор Попов ни с отчеством Иванович, ни с другими отчествами в Кадомской канцелярии никогда не служил.

Среди почти пятисот семей мещан Кадома того времени ни одна семья не носила фамилию Поповы. Не было людей с такой фамилией среди солдат инвалидной команды города и военной команды самой канцелярии. Поповыми были практически только канцеляристы, за исключением двух кадомских дворян, о которых речь пойдет позже.

Проверялась версия, что монах Герман, желая полностью расстаться с прошлым,

при поступлении в монастырь мог назваться фамилией одного из сослуживцев.

За 48 лет, с 1727 по 1779 год, в Кадомской канцелярии, кроме Поповых работало еще 18 приказных служителей: Фроловых – 6 человек (3 поколения), Савельевых и Дьяконовых было по 3 человека (3 поколения), Дубровских – 2 человека. В 1763 году копиистами служили Федоров, Марков, Алексеев. С 1773 по 1779 – канцелярист Евграф Федорович Хадунин. Все они были установлены и их данные проанализированы. Никто из них не могли быть монахом Германом, так как на момент пострига уже умерли или служили в Кадоме и соседних уездах. Это документально подтверждено.

Что касается канцеляристов Поповых. Пять человек на момент ухода Германа в монастырь уже умерли. Из оставшихся десяти трое были старше Германа на 15–20 лет. Остается рассмотреть еще семерых Поповых. Шестеро из них носят отчество Иванович и являются друг другу родными братьями: Григорий – 1750–51 года рождения, Николай – 1757, Степан – 1761, близнецы Алексей и Иван – 1763, Иван – 1767.

Их отцом был канцелярист Кадомской воеводской канцелярии Иван Гаврилович Попов, 1735 года рождения, дедом – канцелярист той же канцелярии Гаврила Никифорович Попов (1706–1766). На службу братья были приняты в возрасте 10–13 лет, начиная с 1763 года. Почему двое из них названы Иванами? Это в наше время не принято называть родных братьев одинаковыми именами. В прежние времена так делали, когда не были уверены, что ослабленный ребенок выживет. Его имя переходило к следующему. В данном случае это косвенно подтверждается тем, что Иван–старший пошел на службу только в 16 лет. К этому времени окреп.

Повторюсь, что почти все служители Кадомской воеводской канцелярии, поступившие в нее начиная с 1763 года, после 1779 года, когда были расформированы воеводские канцелярии, продолжали служить. Не установлена только судьба канцеляриста Григория Ивановича Попова.

Анализировался на возможную причастность к Герману и кадомский дворянин поручик Григорий Иванович (Иоасафович) Попов (5). Его отец, коллежский советник Иоасаф Григорьевич, 16 марта 1754 года был убит в Кадоме (6). Он был крещеным башкиром, соответственно ни он, ни его сын не имели отношения к славянам (7). К тому же поручик Григорий Попов после 1786 года продолжал служить дворянским заседателем в Тамбовской провинции, в Нижнем земском суде города Темникова (8).

Материалы архивных дел по канцелярским служителям Кадома подтверждают, что из всех Поповых только Григорий Иванович к 1782 году, когда был пострижен в монахи Герман, достиг возраста 32 лет. Все сходится к тому, что именно Григорий Иванович Попов мог стать монахом Германом. В связи с этим автор статьи проводил дальнейший анализ не в отношении мифического, то есть ни разу не упомянутого в архивных документах по Кадому человека, а исследует жизнь реально существовавшего Григория Попова и его окружения.

Естественно, в предлагаемой читателям статье нет возможности показать даже малую часть документов, по которым делался анализ по канцелярским служителям Кадома. Все они, это период с 1721 по 1785 год, будут со временем опубликованы в отдельном сборнике. Это очень интересная информация, раскрывающая, в том числе происходящие события в уезде, уклад жизни, законы и порядки, по которым жила провинция времен Екатерины II.

О прохождении службы.

Как уже рассматривалось выше, в прошении епископа Новгородского Гавриила Святейшему Правительствующему синоду о Попове сообщается, что он «бывший Кадомской воеводской канцелярии подканцелярист. 23 декабря 1777 года уволен с указом из той канцелярии за болезнью и неспособностью быть при делах на его пропитание».

Исследование архивных документов доказало, что в ни в 1777, ни в 1778, ни в 1779 году ни один человек из Кадомской воеводской канцелярии уволен не был. Не стоит думать, что канцеляристы были исключительные и не желали покидать свои должности ни при каких условиях. Нет. Причина была иная.

Екатерина II, освобождая дворян от обязательной государственной службы, 18 февраля 1762 года издала Манифест, который автоматически упразднял и обязательную службу дворян в уездных канцеляриях. Секретарей, канцеляристов и копиистов с этого времени следовало набирать из детей разночинцев и приказных. Произошло ограждение канцелярий от проникновения в них лиц податных состояний (купцов, цеховых рабочих, монастырских служителей, мещан, солдатских и крестьянских детей). Чтобы обеспечить учреждения необходимым числом исполнителей, не расширяя социальную базу для их пополнения, был усилен надзор за распределением и использованием состоявших на службе чиновников из разночинцев и канцелярских служителей. Указом от 31 мая 1768 года

учреждениям запрещалось самим увольнять в отставку или переводить в другие места без разрешения сената как чиновников (секретарей), так и канцелярских служителей (9). С этого времени и по декабрь 1779 года, то есть до времени расформирования Кадомской воеводской канцелярии, никто из служителей не был уволен.

Как на Указ 1768 года реагировали в Кадомской воеводской канцелярии? Исполняли безропотно. В протокольном журнале за 7 мая 1779 года имеется запись о рассмотрении доношения отставного подканцеляриста Ивана Попова. Он пишет: «в прошлом 1767 году апреля 27 дня, по определению здешней канцелярии, за имевшейся в нем трясуточной болезнью, отставлен от канцелярских дел и, был отправлен на пропитание и от бессрочного его при оной канцелярии исполнения дел». Прошло 12 лет, одного Указу еще не дано хода. Попов просит, что бы его от дел отстранили. В противном случае, хотел бы прочитать документ, на основании которого он задержан на службе. Иван Попов осведомлен, что в канцелярии имеется полученный 28 августа 1766 года Указ из Правительствующего сената о его отстранении от дел на свое пропитание. Воевода приказал просителю дать прочитать Указ, но в отставку просителя не отправил (10). Основание у него было. Указом императрицы предписывалось: «канцелярских служителей, кроме престарелых и обращающихся в пьянство, и в других непорядочных проступках, по прошениям их не увольнять… всем присутственным местам накрепко подтвердить, что бы впредь никто сего делать не осмелился» (11). Действительно никто не осмелился. Указ сената был не исполнен, и Иван Гаврилович Попов продолжал служить как минимум до 1785 года.

Григорий Иванович Попов мог в 1777 году подать рапорт об увольнении от службы, документ могло подписать непосредственное начальство, но увольнять канцеляриста не стали бы, так как это было чревато отставкой самого начальства. Он продолжал исполнять свои обязанности до конца 1779 года, о чем имеются собственноручные его рапорта (12). Уход с канцелярской службы допускался либо со смертью канцеляриста, либо дряхлостью или с отказом от выполнения своих обязанностей. Последний вариант был крайне редким и заканчивался отправлением виновного «под красную шапку», то есть в солдаты навечно. Но до этого, как правило, не доходило.

Сохранился только один случай, когда от работы был отстранен канцелярский пищик. В пьяной потасовке между копиистами, ими был надорван документ в том месте, где был написан титул императрицы. Дело было закончено поркой обоих и увольнением одного из служителей, который находился на должности писца сверх штата, как тогда говорили – «на свой кош» (13). Такие 10–11-летние дети за счет родителей обучались приказным делам и попадали на должность после некоторого промежутка времени, при наличии вакансии. Но этот случай произошел в 1752 году, задолго до приказа Екатерины II.

Вернемся к службе Григория Попова. Первое упоминание о ней зафиксировано в книге «Явочные челобитные разных лиц Кадомской воеводской канцелярии по разным вопросам с 8 января по 18 июля 1763 года». Здесь имеется семь документов, написанных копиистом Григорием Поповым, первый датирован 21 января 1763 года (14). Обнаружен фрагмент росписи канцеляристам, в котором указана его должность: «В нынешнем 1764 году у Протокола и журнальной росписи канцелярист Гаврила Попов, у него в повытье копиист Григорий Попов и Дмитрий Савельев...» (15). Канцелярист Гаврила Никифорович Попов – родной дед Григория, был очень опытным специалистом. Ему поручалось готовить документы к рассмотрению по всем направлениям деятельности канцелярии, готовить план работ и отчеты о его выполнении, распределять работы канцелярским служащим и требовать их выполнения. Он и учил внука, как тактически правильно построить свою работу.

12 января 1766 года, с пятнадцати лет Григорий Попов занимает должность подканцеляриста (16). В январе 1769 года получает чин канцеляриста. Находится у казны, ведет отчеты по финансам, занимается оплатой нужд канцелярии и выдачей паспортов (17). Сохранился уникальный, исчерпывающе полный документ с указанием перечня служителей, состоящих в канцелярии на март 1773 года. Он имеет название: «Ведомость, в которых именно часах пополуночи и после полудни в Кадомской воеводской канцелярии секретарь, и приказные служители приход в канцелярию к должностям своим и из оной выход имели». Составлена ведомость в марте 1773 года. Документ раскрывает штатное расписание Кадомской канцелярии, называет канцеляристов, стоящих на должностях, рабочие дни месяца и время работы. На тот момент в Кадомской канцелярии приказных служителей по штату числилось 14 человек. Секретарь Степан Жилин. Должности канцеляристов исполняли четыре человека: Иван Дьяконов, Федор Фролов, Григорий Попов и Иван Попов. Из прежнего состава канцелярии 1763 года только Григорий Попов смог

выдвинуться на эту должность из копиистов. Пять человек в канцелярии служили подканцеляристами – Антон Попов, Михайло Федоров, Дмитрий Савельев, Евграф Хадунин и Алексей Фролов. Копиистов было четверо. Иван Фролов находился на этой должности более десяти лет, а Иван Дьяконов, Алексей и Николай Поповы были детьми и только начинали службу (18).

К сожалению, на момент расформирования Кадомской воеводской канцелярии, документов о штате сотрудников не сохранилось. Однако по журналам канцелярии и книгам приема челобитных за 1779 год удалось установить фамилии служителей и их должности (19). Канцеляристов было семь человек: пятеро Поповых, Хадунин и Дьяконов. Подканцеляристов двое – Дмитрий Савельев и Дьяконов Иван. Копиистами состояли трое малолетних недорослей Поповых и Дьяконов Степан. И никакого Егора Ивановича Попова.

В январе 1780 года Кадомская воеводская канцелярия перестала существовать. После этого следы Григория Попова затерялись. Только в 1785 году, когда была проведена перепись владельцев домов Кадома, в книге регистрации владельцев недвижимости города были найдены данные по нему. На владельца дома в Пушкарской слободе под № 193 из семи граф были заполнены только две: имя обывателя – секретарь Григорий Попов, и указан адрес. В графах о семейном положении, жене и детях, где пребывает и в какой службе находится, стояли прочерки. Это означает, что за Григорием Поповым в городе числился в собственности дом, но в 1785 году его в Кадоме не было. Если наш анализ верен, то на тот момент Григорий Попов – монах Герман находился на Валааме. Однако, в книге регистрации фигурирует должность, которую Попов до 1780 года явно не занимал (20).

Объяснима и эта путаница с должностями Григория Попова – канцелярист и секретарь. К середине XVIII века, назначение секретарей из приказных стало повсеместным явлением и из награды превратилось в закономерный этап канцелярской службы. Канцелярских служителей производили в секретари даже при отсутствии свободных должностей, чтобы в дальнейшем они могли определиться, «где есть вакансия» (21). Это была обычная уловка начальства, чтобы удержать ценного работника на службе.

Это то, что касается второй нестыковки с прошением епископа Новгородского Гавриила Святейшему Правительствующему синоду о Попове. Григорий Иванович на декабрь 1777 года продолжал служить в канцелярии и занимал он там должность канцеляриста. Должности подканцеляристов тогда занимали Дмитрий Савельев и Дьяконов Иван.

История монаха Германа до службы в канцелярии.

Из истории Германа Аляскинского: в возрасте двенадцати лет он совершил длительное паломничество в Саровский монастырь, где жил несколько месяцев в келье старца Варлаама (1689–1764). Это вполне вероятно. В Кадомскую воеводскую канцелярию он поступил после этого события. Первое упоминание его службы датировано 21 января 1763 года. Возраст Германа в момент пострижения – 31 год. И это совпадает. В Кадомскую канцелярию поступил в январе 1763 года. В службу тогда принимали в 11–12 лет. Через 20 лет (1782 год) ему шел 32-й год.

Социальное происхождение.

Еще в 2016 году автор этой статьи был уверен, что Григорий Попов был из солдатских детей. Более скрупулезное изучение законодательства начала екатерининской эпохи позволило сделать заключение, что Григорий Иванович Попов был потомственный канцелярский служитель. 18 февраля 1762 года был издан Манифест, который предписывал, что секретарей, канцеляристов и копиистов с этого времени следовало набирать из детей разночинцев и приказных. Если бы Поповы происходили из солдатских детей, то никто из шести братьев не служил бы в Кадомской канцелярии и, позднее, в судебной и финансовой системе российского государства. Необходимо отметить, что жизнь канцеляристов мало чем отличалась от жизни солдат, если это не касалось военных действий. Рабочий день – 14 часов. Летом с 6 утра и до 23 часов с перерывом на отдых (22). Служили и солдаты и канцеляристы при Екатерине II пожизненно – «доколе силы и здоровье позволят». Как те, так и другие и их дети навечно приписывались к своим ведомствам. Солдатские дети могли жениться и выходить замуж только за солдатских детей. С канцеляристами, то же самое. Семья Поповых этому подтверждение. Жены отца и всех братьев Григория Попова были дочерями подьячих (канцеляристов), но об этом скажем позже. И последнее, в официальных документах за 1766 год и солдатские, и подьяческие дети относились к одной социальной группе – «солдатские, сторожевые, разсыльщиковые и прочие служилого чина дети» (23).

Семейное положение.

Проблемным остается только то, что на момент пострига Попов был холост. Согласно метрическим книгам соборной церкви Покрова Пресвятой Богородицы 30 января 1769 года

у канцеляриста Кадомской воеводской канцелярии Григория Иванова сына Попова родился сын Василий (24). Через четыре года, 5 октября 1773 года у канцеляриста Григория Иванова сына Попова родился сын Алексей (25). Следовательно, он был женат.

Между 1769 и 1779 годом произошло многое – чума, Пугачевский бунт и сильные морозы декабря 1774 года (26). Осталась ли у него семья? Метрических и исповедных книг того периода в архивах Рязани и Тамбова к сожалению не сохранилось. По какой причине? Причина была описана свидетелем событий 1771 года. Историк И. И. Дубасов писал, что при вспышке «моровой язвы» 1770–71 года крестьяне бросили посевы, и жители многих селений подверглись голодной смерти. В базарных селах и городах приостановилась торговля. На пристанях задержаны были струги и барки с хлебом, солью и разным товаром. От неосторожного куренья на карантинных заставах и дворах начались беспрерывные пожары. Напуганное слухами о чуме духовенство нередко отказывалось совершать церковные требы, вследствие этого родильницы оставались без очистительных молитв, младенцы — без святого крещения; больные умирали без исповеди и причастия, а умершие лишались христианского погребения. В народе началось усиленное пьянство, которым толпа думала залить ту панику, которая овладела ей вследствие разных действительных и мнимых ужасов чумной заразы. Карантинные смотрители, когда наступила зима 1771 года, во всех селах своего смотрительского района выгоняли обывателей из изб с целью проветривания воздуха. А, как на грех, та зима была лютая, и «от той морозной лютости», замерзал народ. От этого распоряжения нелегко было и взрослым людям, но в особенности жутко было на морозе малым детям, которые начали помирать от простуды в огромном количестве. Через два года пошли известные тревожные слухи с Поволжья. Таким образом, одна народная беда сменила другую, и трудно сказать, какая из них была горше. Это уже о восстании Пугачева (27).

О родственниках и сослуживцах Григория Попова.

Дед, канцелярист Гаврила Никифорович Попов, родился в 1706 году, умер 18 августа 1766 года в возрасте 60 лет. Его жена (вероятно вторая), Авдотья Попова, была моложе мужа на 23 года. В 1785 году ей было 56 лет. Проживала в Кадоме, в Стрелецкой слободе, в доме № 192 (28).

Отец, канцелярист Иван Гаврилович, родился в 1735 году, жил в Кадоме в Стрелецкой слободе, в доме № 211 вместе с женой Марфой Григорьевной, подьяческой дочерью. Так в первой половине XVIII века назывались канцелярские служители. Иван Гаврилович служил вначале в Кадомской воеводской канцелярии до 1780 года, затем, до 1785 года продолжал служить канцеляристом в Кадомском уездном казначействе. Марфа Григорьевна не была матерью Григория Попова, она была мачехой. Когда он родился, Марфе было всего 8 лет. Вероятно, мать Григория умерла в его малолетстве. Отец женился вторично, когда сыну было лет пять. С 1757 года начали появляться дети: семь сыновей и четыре дочери. Все они были для Григория сводными по отцу. В доме Ивана Гавриловича в 1785 году проживало немалое, даже по тем временам, семейство.

Сын Алексей, один из братьев-близнецов, 22 года, Кадомского нижнего земского суда регистратор. С ним жена Прасковья Петровна и дочь Надежда шести недель, вскоре умершая. Сын Тимофей 20 лет (неслужащий).

Нижнего земского суда подканцелярист Иван (младший) проживал у отца вместе с женой Пелагеей Алексеевной, 18 лет. Жили с отцом дочь Татьяна, 17 лет, 11-летняя Анна, 7-летняя Авдотья и Мавра – 2 лет.

После смерти сына Николая, Тамбовского наместничества казенной палаты канцеляриста, в январе 1782 года к Ивану Гавриловичу переехала его сноха Федосья Васильевна, 30 лет, и Степан, шестилетний внук (29).

Рядом с домом умершего деда Гаврилы Никифоровича в Стрелецкой слободе находились дома его внуков и сыновей Ивана Гавриловича – Григория, Степана и Ивана (старшего). Степан, служивший в Кадомском уездном казначействе, 16 октября 1782 года женился на шестнадцатилетней Дарье Васильевне, дочери подьячего Пензенского наместничества города Красная слобода. Семья жила в доме № 198 по Пушкарской слободе и воспитывала сыновей, двухлетнего Антона и совсем младенца Павла. Рядом, в доме № 195 жил Иван (старший) с женой Еленой Ивановной, дочерью канцелярского служителя, и с сыновьями Михаилом, полутора лет, и шестимесячным Иваном. Служил он канцеляристом в Кадомском казначействе. Дом № 193 секретаря Григория Попова пустовал.

В это время в Кадоме находилось еще три дома, принадлежащих Поповым. Дом № 541 в Низовой слободе секретаря Кадомской воеводской канцелярии, а затем городового секретаря Ивана Васильевича Попова и два дома дворянина, заседателя Темниковского суда поручика Григория Иосафовича Попова по Пятницкой

слободе, № 116 и № 214. Но в этих домах никто из владельцев не жил. Кроме семьи канцеляриста Ивана Гавриловича проживали в Кадоме еще одни Поповы – попадья вдова Дарья Алексеевна, 56 лет, с двадцатилетним сыном Иваном. Кроме их адреса: Пушкарская слобода, № 136, другой информации о них нет. Таким образом, к радости и гордости кадомских жителей Поповых, с уверенностью можно заявить, что все подавляющее большинство коренных жителей, носящих эту фамилию, являются родственниками Германа Аляскинского.

А что же друзья и сослуживцы Григория Попова? Думается, что к ним нужно отнести тех двенадцатилетних мальчишек, начинавших с ним канцелярскую службу в 1763 году. Вероятно, наиболее близким был Савельев Дмитрий Степанович. В службе копиистом с 3 июля 1763 года. С января 1764 года находился у Протокола и журнальной росписи в подчинении у канцеляриста Гаврилы Попова вместе с копиистом Григорием Поповым. С 1772 года – подканцелярист. Известно, что в 1785 году Савельев проживал в Пушкарской слободе, в доме № 190. Был соседом Григория Попова. У Савельева был сын. По данным 1785 года, копиист Иван Савельев, 18 лет. У него жена Анна Петрова, взята из дворян. За ним в Кадоме дом – Пушкарская слобода, д. 191 (30).

Предварительные результаты анализа документов из архивов РГАДА, ГАРО и ЦГА Республики Мордовия по служителю Кадомской воеводской канцелярии Попову позволяют сделать следующие заключения.

В Кадомской воеводской канцелярии, за все время ее существования с 1721 и по 1780 год, канцелярист Егор Иванович Попов не служил.

С 1763 по 1779 год в Кадомской воеводской канцелярии служил вначале копиистом, затем подканцеляристом и канцеляристом Григорий Иванович Попов. Причем, за 17 лет эта информация была подтверждена сотнями документами, которые неоднократно подписывались как минимум четырьмя воеводами, тремя помощниками воевод, двумя секретарями, сослуживцами и им самим. Еще раз следует повторить, что материалы (документы) и факты, в них изложенные, многократно перепроверялись из разных источников и подтверждены.

Что касается документов по Егору Ивановичу Попову, то они, несомненно, несут достоверную информацию по Кадомской воеводской канцелярии. Изложенные в них данные перепроверены и практически подтверждены другими архивными данными, за исключением незначительных деталей. Не подтверждается только имя Егор. Впервые это имя появилось в одном из документов, хранящихся в архиве Республики Мордовия и датированном 9 июля 1781 года. В доношении Саровской пустыни иеромонаха Назария в Правительствующий синод сообщается, что близ Соловецкого монастыря, на Анзерском острове находится скит, оставленный всеми. Назарий испрашивает разрешения убыть на этот остров на жительство скитное. Сообщает, что вместе с ним охотно желают жить на острове монах Саровской пустыни Иоаким и живущие «во искусе» разного звания послушники. В числе семи послушников назван и Егор Попов (31). Документов, подтверждающих личность Попова, при этом не приводится. Все со слов иеромонаха Назария. Второй раз имя Егор 12 октября 1782 года появляется в прошении того же иеромонаха Назария на постриг Попова в монахи. Остальные три документа: приказ Синода по прошению, Указ о дозволении пострига и рапорт о приобщении Германа к монашеству информационно не являются самостоятельными в плане данных на Попова и только повторяют их (32).

Автор статьи согласен с правилом – до тех пор, пока существуют документы о том, что Герман до пострига был Егором Поповым, он будет им. Пока не найдутся иные документы, нет и доказательств об ином.

Читатели статьи вправе спросить автора – так ли существенно знать мирское имя Германа? Егор ли он, Григорий ли, главное, что он рязанец из Кадома. Думается, что это очень важно. За именем Егор ничего не стоит. За именем Григорий – реальная жизнь, любовь, человеческое счастье, страдание и отречение от мирского бытия во имя людей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Корсун С. А.* Преподобный Герман Аляскинский, валаамский подвижник в Америке. Документальное повествование – СПб.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 2018. – С. 235.; Журнал Московской Патриархии. – 1971. – № 1.

2. РГИА. Ф. 796. Оп. 63. Д. 407.

3. Там же, Л. 1.

4. Там же, Л. 5.

5. ГАРО. Ф.1505. Оп.2. Д.99. Л.17 об.
6. ГАРО. Ф.1505. Оп.2. Д.57. Л.22.
7. РГАДА. Ф.495. Оп.2. Д.76. Л.1.
8. Месяцеслов с росписью чинов в государстве на лето 1786 год. – СПб. : Императорская академия наук. – 1786. – С. 231.
9. РГАДА. Ф. 495. Оп.1. Д.191. Л.18.
10. РГАДА. Ф.495. Оп.1. Д.221. Л.184.
11. РГАДА. Ф.495. Оп.1. Д.191. Л.18.
12. ГАРО. Ф. 1505. Оп.2. Д.99. Л.16.
13. ГАРО. Ф.1505. Оп.2. Д.52. Л.1, 9, 27–28.
14. ГАРО. Ф.1505. Оп.2. Д.66. Л. 3, 6, 19, 20, 26, 46–49, 51–52, 58, 59.
15. РГАДА. Ф.495. Оп.1. Д.113. Л.19–20.
16. РГАДА. Ф.495. Оп.1. Д.121. Л.2, 3.
17. РГАДА. Ф.495. Оп.1. Д.139. Л.7.
18. РГАДА. Ф.453. Оп.1. Д.2684. Л.2 об-3.
19. РГАДА. Ф.495. Оп.1. Д.221. Л.1 – 437; ГАРО. Ф.1505. Оп.2. Д.89. Л.2 – 25.
20. ГАРО. Ф.1505. Оп.2. Д.99. Л.16.
21. ПСЗ-1. Т.13. № 9819. 28 ноября 1750 года.
22. РГАДА. Ф.453. Оп.1. Д.2684. Л.2 об–3.
23. РГАДА. Ф.453. Оп.1. Д.2204. Л.21.
24. ГАРО. Ф.627. Оп. 255б. Д.6. № 188.
25. ГАРО. Ф.627. Оп. 255б. Д.8. № 569.
26. РГАДА. Ф.453. Оп.1. Д.2805. «О смерти людей и скота от сильного мороза в Воронежской губернии».
27. И. И. Дубасов. Очерки из истории Тамбовского края. Чума 1771 года в Тамбовской и Шацкой провинциях. – Часть 2. – Тамбов. – 1883. – Л.70–73.
28. ГАРО. Ф.627. Оп.255б. Д.4. № 416.
29. ГАРО. Ф.1505. Оп.2. Д.99. Л.16 об – 17.
30. РГАДА. Ф.495. Оп.1. Д.113. Л.19–20.
31. ЦГА РМ. Ф.1. Оп.1. Д.91. Л.4–5.
32. РГИА. Ф.796. ОП.63, Д.407. Л.1–5.
33. РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).
34. РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
35. ГАРО – Государственный архив Рязанской области.

РЯЗАНЕЦ ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ ПОВАЛИШИН – ЛЕЙТЕНАНТ ШЛЮПА «НЕВА», УЧАСТНИК ПЕРВОГО В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ФЛОТА КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАНИЯ (1803–1806 гг.)

Попов Николай Семенович,
научный сотрудник Рязанского музея путешественников, член Рязанского отделения Русского географического общества, член Российского военно-исторического общества

Аннотация. Статья посвящена участнику первого в истории России кругосветного плавания (1803–1804) лейтенанту Петру Повалишину. О нем потомки по разным причинам забыли, и сегодня автор пытается хотя бы отчасти восстановить историческую справедливость. В ходе архивных поисков удалось уточнить факты биографии рязанского путешественника. В статье раскрыта история установления биографии еще двух братьев Петра Повалишина. Оба были путешественниками и исследователями, командовали кораблями, открывали острова и описывали моря.

Результаты представленных исследований могут быть полезны исследователям-историкам, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами отечественной истории.

Ключевые слова: Повалишин, шлюп «Нева», первое кругосветное плавание Российского флота.

The annotation. The article is dedicated to the participant of the first in the Russian fleet history circumnavigation (1803–1804), the lieutenant Peter Povalishin. These days, for various reasons, the descendants have forgotten about him, and today the author is trying to at least partially restore the historical justice. In the series of archival searches, he managed to clarify the facts of the Ryazan traveler biography. The article also reveals the history of Peter Povalishin brothers' biography establishment. Both of them have been travelers and explorers; commanding ships, discovering islands and describing seas.

The result of the research may be useful for the researchers and historians, as well as for a wide range of readership, who is interested in Russian History issues.

Key words: Povalishin, «Neva» shallop, the first circumnavigation of Russian fleet.

В самом начале царствования императора Александра I было положено начало русским кругосветным экспедициям. Обстоятельства, предшествовавшие принятию решения о направлении в Тихий океан кораблей «Надежда» и «Нева» под командованием Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского соответственно, исследования, финансирование экспедиции, задачи этого предприятия, подробности путешествия достаточно подробно описаны в различных источниках, поэтому автором статьи затрагиваться не будут.

Статья посвящается члену экипажа шлюпа «Нева» старшему помощнику лейтенанту Петру Васильевичу Повалишину и, в какой-то мере, его сослуживцу лейтенанту Павлу Петровичу Арбузову.

Офицеры еще до службы на корабле экспедиции хорошо знали друг друга. Они обучались в одно время в Морском кадетском корпусе. Павел Арбузов был выпущен мичманом в январе 1792 года, а Петр Повалишин – в январе следующего, 1793 года, кстати, одновременно с рязанцем Василием Головниным, будущим кругосветным путешественником и вице-адмиралом (1).

Мичманы Повалишин и Арбузов последующие десять лет набирались боевого опыта. П. Повалишин два с половиной года отплавал в эскадре адмирала Макарова. За участие в высадке десанта в Голландии 24.09.1799 года был награжден орденом Святой Анны 3-й степени. До 1803 года ходил на «Мстиславе». П. Арбузов, еще гардемарином, в 1789–90 годах участвовал в сражениях против шведов, затем мичманом плавал в Балтийском, Северном и Баренцевом морях. Боевой опыт пригодился офицерам в ходе, казалось бы, мирного научного и коммерческого путешествия.

После тяжелого изнурительного плавания к берегам Аляски, в июле 1804 года «Нева» стала на якорь в Павловской гавани острова Кадьяк. Здесь с корабля были выгружены коммерческие грузы для Российско-американской компании и предметы, переданные Императорскими академиями наук и художеств: собрание книг, ландкарты, картины, бюсты и эстампы. От Министерства морских сил – модели и чертежи судов; от Министерства коммерции – собрание книг о путешествиях и «хозяйственных».

В августе корабль отправился к острову Ситка (Баранова), где экипажу, с целью восстановления там российской власти, пришлось участвовать в боевых столкновениях при захвате индейских укреплений на острове.

Осада крепости проходила с 1 по 8 октября 1804 года. Силы русских: 120 русских промысловиков и около 800 алеутов, а также 48 членов команды шлюпа «Нева».

Выступили двумя колоннами, с одной стороны начальник РАК на Аляске Баранов, с другой – десант моряков под руководством лейтенантов Павла Арбузова и Петра Повалишина. Вот как писал об этом сам Ю. Ф. Лисянский в изданной в 1812 году книге «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на корабле «Нева»: «…Арбузов, высадил свои войска на берег и взял с собой одну пушку, начал приближаться к неприятельской крепости. С наступлением ночи положено было начать приступ. Арбузову надлежало действовать со своими пушками против одних ворот, а Повалишину против других. Артиллерия перетащена была через речку. Осаждавшие с криком «ура» бросились на крепость. Неприятель открыл ужасный огонь. Пушки наши действовали весьма успешно, крепость была бы непременно взята, если бы кадьякцы и некоторые русские промышленники не разбежались. Неприятель усилил свою стрельбу по нашим матросам и в короткое время поранил всех и одного из них убил. Арбузов и Повалишин, видя, что нападение было неудачно, решились отступить. В это время убит был другой матрос, которого ситкинцы подняли на копья. Приметив, что неприятель делает вылазку в намерении преследовать отступивших, я приказал стрелять с судов. Арбузов, посадив своих людей на гребные суда и взяв с собой артиллерию, возвратился к нам вечером. Трусость кадьяков нам все испортила. Баранов, Повалишин и все матросы, находившиеся в деле, были ранены. Один из матросов на другой день умер» (2).

В этой осаде русские потери убитыми 8 человек (три матроса «Невы») и 20 ранеными. У индейцев – 6 убитых и 16 раненых. Потери русских могли быть и больше, если бы Ю. Лисянский, следивший за штурмом из шлюпки, не прикрыл отступление своих матросов огнем корабельных орудий (3).

Несколько дней шли перестрелки. У индейцев кончились запасы пороха, к ним не подошло ожидаемое подкрепление, и 7 октября они скрытно покинули укрепление. На этом месте была возведена Ново-Архангельская крепость, которая стала столицей Русской Америки. «Нева» зиму 1804–1805 годов провела на Кадьяке. В июне 1805 года покинула берега Русской Америки и направилась в Кронштадт.

Лейтенант П. Повалишин не только помогал капитану корабля Ю. Ф. Лисянскому организовывать корабельную службу, но и занимался вместе с ним исследовательскими работами. Год пребывания на Аляске не был Повалишиным потрачен впустую. Близкое знакомство с культурой местного населения, его традициями и подвигло его к сбору этнографических предметов. Коллекция артефактов, собранных П. Повалишиным, и доставленная на шлюпе «Нева» из экспедиции, стала основой многих экспозиций Кунсткамеры (ныне музея антропологии и этнографии им. Петра Великого).

В архивах музея хранится документ 1806 года следующего содержания: «Указ Его Императорского Величества Директору Музеума Графу Мейстру. Государственный Адмиралтейский Департамент предписывает Вам принять в Музеум и внести в опись, хранить с прочими представленные в Департамент капитан-лейтенантом Повалишиным редкости, собранные им в путешествии с капитаном Лисянским около света, описание оных редкостей представить в Департамент». В музей было принято 48 предметов. Среди них веера, рукоделия, одежды из кожи животных и птиц, сети, маски, бубны и хозяйственные орудия. В 1825 году Повалишиным были сданы различные минералы (4).

К сожалению, по традиции того времени, члены экипажа не могли публиковать свои заметки о путешествиях до того времени, пока этого не сделает руководитель экспедиции. Книга Ю. Ф. Лисянского об этих событиях вышла только в 1812 году, когда интерес к первой кругосветной экспедиции уже снизился: началась Отечественная война 1812 года с Францией. Вероятно, по этой причине нет записок и П. Повалишина.

В 1807 году, по состоянию здоровья, ушел в отставку Павел Арбузов. Автор этой статьи не ставил перед собой задачу подробно описать его дальнейшую судьбу. Поселился Арбузов в селе Борок Холмского уезда Псковской губернии. У него родилось шестеро детей. Двое сыновей стали георгиевскими кавалерами, участниками Крымской войны. Александр Павлович известен как герой обороны Петропавловска-Камчатского, где он отличился в 1854 году. Руководил штыковой атакой русских моряков против английского десанта. В этом рукопашном бою погибло 400 англичан. Сын Петр – участник обороны Севастополя. Нельзя не упомянуть внука Павла Петровича, генерала от инфантерии Алексея Николаевича Куропаткина. Он почитаем не как военноначальник, а как сослуживец и надежный друг белого генерала М. Д. Скобелева (5).

14 июня 1809 года, через три года после возвращения из экспедиции, П. Повалишин ушел в отставку «за болезнью». Следы его затерялись.

Так кто же он, Петр Васильевич Повалишин?

Род Повалишиных был знатен военной службой. Сохранился архивный документ об участии предка Повалишиных в защите Москвы от поляков и литовцев во времена Великой смуты, иначе «великого московского сидения». Воевода Тихон Григорьевич отличился в 1618 году во время осады Москвы польским королевичем Владиславом. Вот что об этом говорят имеющиеся в Государственном архиве Рязанской области документы: «Список с грамоты слово в слово.

Божьей милостью Мы Великий Государь Царь и Великий князь Михайло Федорович всея Руси Самодержец по своей царской милости да усмотрению пожаловали Тихона Григорьева сына Повалишина за его службу, что он памятуя Бога и Пресвятую Богородицу и Московских Чудотворцев, будучи у нас Московском Государстве при Царе Василие в нужное и прискорбное время за веру христианскую и за Святые божьи Церкви и за нас и за всех православных христиан против врагов наших польских и литовских людей и русских воров, которые до конца хотели разорить государство московское и веру христианскую попрать. И он Тихон, будучи на Москве в осаде против тех злодеев наших стоял крепко и мужественно и много дородства и службу показал и голод, и наготу и во всем оскудение и нужду всякую осадную терпел многое время. А на воровскую прелесть и смотру никакую не покушался. Стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо безо всякой шаткости. И от той его Великой Службы и терпения, польские и литовские люди и русские воры от Москвы отошли. За те его осадные службы Я, Царь и Великий князь Михайло Федорович всея Руси пожаловал его, Тихона с поместного его оклада, с четырехсот четей, со ста четей, по двадцать четей, итого восемьдесят четей к 116 четям прежней его вотчины, без отдачи, что ему дано наперед сего в прошлом в 122 году. К 27 четям, из его же Тихонова поместья, что ему дано в нынешнем году от отца в Рязанском уезде в Перевицком стане жеребьем деревни Маркины в вотчину со всеми угодьями, а по книгам, писанным в 7105 году, за ними написано еще земли 39 четвертей и с прежней дачею 77 четвертей. А на ту вотчину, наша царская жалованная грамота, за нашею красною печатью ему, Тихону и его детям, и внучатам, и правнучатам и в роде их неподвижно, чтобы наше царское жалование их великое дородство, и крепость, и служба за веру и за свое отечество, последним родам было на память и, чтобы службу и терпение воспоминая, вперед дети их и внучата и правнучата, и кто по их роду будет, также за веру христианскую и за святые Божьи церкви и за свое отечество против врагов стояли мужественно без всякой позыбины. А в той вотчине он Тихон и его дети, и внучата и правнучата по нашему Царскому жалованию вольны. Писана нашего Государства в Царствующем граде Москве, лета 7124 года февраля 27 дня. У подлинной грамоты пишет Царь и Великий князь Михайло Федорович всея Руси Самодержец» (Пунктуация и орфография источника сохранены) (6).

Потомки свято выполняли наказ первого царя из рода Романовых. Они достойно служили в армии, затем уже заводили семьи. Детей в семьях было много. Со временем вотчина в сельце Маркино, уже Зарайского уезда, была разделена на множество небольших поместий с 2–3 крестьянскими дворами. Сохранился документ Зарайского уезда с указанием имений и их владельцев, составленный в 1780 году Тамбовской межевой конторой. В нем указано, что в сельце Маркино жеребьи (доли) имеют Василий, Ларион, Никита и Федор Афанасьевичи – отец и родные дяди будущего путешественника. Кроме того, частью сельца владели Иван Матвеевич, Дмитрий Иванович дети Повалишины – двоюродные братья отца. Эта информация важна, так как позволит разобраться в дальнейшей путанице биографии Петра Васильевича.

Всего в сельце 12 домов, душ крестьянских – 43 мужского и 47 женского пола. Земли за помещиками – 270 десятин (или 300 гектаров). Сельцо располагалось на правой стороне реки Осетр. Кроме крестьянских дворов, в сельце было два дома господских, деревянных с плодовыми садами и мучной мельницей на реке, с четырьмя поставами. Земля здесь иловая, на ней хлеб, покосы и лес дровяной. Крестьяне на пашне. Простой подсчет говорит, что на каждую семью приходилось чуть более одного крестьянского двора и двадцати десятин земли. Особо не разбогатеешь.

Повалишины жили не за счет доходов от имения, а за счет военной армейской (сухопутной) службы. Все это продолжалось до тех пор, пока дядя нашего путешественника Илларион Афанасьевич в возрасте 13 лет самовольно не покинул родной дом и не поступил в Москве в Морскую академию. Пример дяди, впоследствии вице-адмирала, увлек его племянников. К середине 90-х годов 18 века в морском флоте служили почти все молодые зарайские Повалишины, более десяти человек.

На момент начала архивных изысканий по П. Повалишину достоверной справочной информации о нем было крайне мало. В основном противоречивые данные из интернета,

из популярных статей в прессе, из разнообразных современных морских энциклопедий.

В этих источниках можно прочитать, что Петр Васильевич Повалишин родился в 1775 году. Академические справочники год его рождения предусмотрительно не указывают.

Откуда взялась первая дата? Вероятнее всего, что получена была расчетным путем. И основанием послужил Указ Александра I от 14 июня 1809 года об увольнении от службы флота капитана II ранга Петра Васильевича Повалишина. Здесь записано: «от роду ему 35 лет, из дворян, крестьян не имеет, воспитан в Морском Корпусе, поступил в оный кадетом в 1786 году, выпущен гардемарином 1 мая 1791 года, произведен в мичманы 16 февраля 1793 года… » (7). Простая арифметика. Если в 1809 году Петру Васильевичу 35 лет, то и родился он в 1775 году. Да и возраст приема в Морской корпус в этом случае подходящий – 12 лет.

Казалось бы, это легко проверить. Просто поднять метрические книги Ильинской церкви города Зарайска, в составе прихода которой были жители сельца Маркино. Однако, начиная с 1774 по 1779 год данных о том, что кто-либо из Повалишиных был крещен в этой церкви нет. Но Повалишины действительно были прихожанами Ильинской церкви. Об этом свидетельствуют записи о рождении детей у крепостных крестьян помещика сельца Маркино мичмана Лариона Афанасьевича и капитана Федора Афанасьевича Повалишиных.

Отец нашего путешественника был офицером, он мог служить в любом другом месте, оставаясь помещиком своего вотчинного сельца. Начались поиски места службы Василия Афанасьевича. К счастью, сохранился список дворян Рязанской губернии за 1788 год. В нем записано, что Василий Афанасьевич сын Повалишин, 43 лет, женат на дворянской дочери Анне Кузьминичне по отцу Тимофеевой. Имеет сыновей – Петра, 10 лет и Ивана, 8 лет, а также, дочерей – Пелагею, 6 лет и Лукерью, 3 лет. На то время служил прапорщиком в Пронской инвалидной команде. Жительство имел в уездном городе Пронске Рязанской губернии. Наследство имел в Зарайской округе в селе Букове, да в Данковском уезде в деревне Буковой (8).

Эта запись говорит, что Петр Васильевич родился не в 1775 году, как написано в Указе о его увольнении от службы, а в 1778 году. Нашлась метрическая книга церквей города Пронска с 1775 по 1778 год. В ней по церкви Успения Пресвятой Богородицы имеется запись: «№ 1. 1 января 1778 года. Города Пронска инвалидной команды прапорщика Василия Афанасьева сына Повалишина родился сын ВАСИЛИЙ» (9). Вот так оборот!

Все окончательно запуталось. В одном письменном источнике указан сын Петр, в другом – Василий. Возможно, с именем что-то напутано, так как запись была сделана 1 января, то есть в самый Новый год (в этот день все может быть). Будем искать третий письменный источник. В нашем случае – исповедные книги церквей в Пронске и Зарайске, начиная с 1778 года. Если они сохранились, то в них обязательно будет сделана запись о приходе в церковь на исповедь Повалишиных. По установленному порядку в список исповедовавшиеся заносятся посемейно. Будет указан глава семьи, жена и все дети с указанием имен и возраста. Будет такая запись по В. А. Повалишину, будет и имя новорожденного. Если его назвали Петр, то мы сразу обретем число, месяц, год и место рождения нашего путешественника.

К счастью, третий письменный источник был найден. В духовной книге города Пронска, церкви Успенья Пресвятой Богородицы, присутствует запись, сделанная иереем Тимофеем Ивановым в 1781 году. В ней указано: « На исповеди были. № 3. Прапорщик Василий Афанасьев, 48 лет, жена его Анна Кузьмина, 38 лет. У них дети – Петр, 7 лет, Иван, 5 лет, Пелагея, 2 года» (10). Не стоит удивляться, что в записи указан прапорщик Василий Афанасьев, а не Василий Афанасьев сын Повалишин. Иерей Тимофей Иванов из почти трех сотен прихожан только одному написал фамилию – пронскому городничему. Второй иерей этой церкви Петр Иванов, в духовных книгах за 1776 и 1777 годы фамилии офицеров указывал полностью. Сопоставляя эти списки, консилиум ученых-архивистов Рязани пришел к выводу, что речь в вышеуказанном документе идет именно о семье Василия Афанасьева сына Повалишина.

Прояснился и вопрос несоответствия возраста детей Василия Повалишина по документам 1781 и 1788 года. Список дворян Рязанской губернии составлялся по материалам 1784 года, но датирован он 1788 годом. Пока обрабатывался достаточно большой материал по помещикам, пока уточнялся, пока писались экземпляры книги, а это несколько тысяч листов, прошло почти четыре года.

Теперь о рождении в 1778 года у прапорщика Василия Афанасьевича сына Василия, который нигде более не упоминается. Василий, вероятно, умер в младенчестве, а уже в 1779 году у Повалишиных родилась дочь Пелагея.

Число, месяц и место рождения Петра Ва-

сильевича установить пока не удалось, но мы теперь знаем, что родился он в 1774 году. Остальную информацию можно получить, если установить, где в 1774 году служил его отец.

На первом этапе поисков, после того, как было установлено, что отец Петра Васильевича проходил службу и проживал в Пронске, ситуация становилась необычной, если не сказать анекдотичной. Помещиком Пронского уезда и владельцем имения в селе Никитинском был еще один Повалишин. Отца нашего путешественника звали Василий Афанасьевич, а пронского помещика – Василий Матвеевич. Они были двоюродные братья. Как выяснилось, обладали чувством юмора, любили пошутить. Своих детей называли одинаковыми именами. Так появились два Петра Васильевича, два Федора Васильевича и два Николая Васильевича Повалишиных. Эта ситуация создала серьезную путаницу в исследовании жизненного пути представителей этого славного рода.

Если с Федорами как-то можно было разобраться, один был полковник сухопутных войск, другой лейтенант флота, то с остальными, с моряками, все было сложнее. Николаи имели большую разницу в возрасте, но оба были путешественниками и исследователями, командовали кораблями, открывали острова и описывали моря. Но об этом будет сказано ниже.

Петр Васильевич из рода Василия Матвеевича (1779–1852), стал контр-адмиралом, затем назначен командиром 1-й бригады ластовых экипажей Балтийского флота. В январе 1850 года был произведен в генерал-лейтенанты с увольнением от службы. Только о нем вы прочитаете во всех современных военно-морских энциклопедиях и справочниках. Наши современники ему приписывают не только то, что он по праву заслужил, но и то, что принадлежит Петру Васильевичу из рода Василия Афанасьевича.

Составители статьи о Повалишиных в Википедии (11) при перепечатывании работы рязанского историка-архивиста И. Ж. Рындина (12) указали, что генерал-лейтенант владел имением в зарайском сельце Маркино, хотя документально подтверждено, что вотчиной он владел в селе Никитинском Пронского уезда (13). Более того, генерал-лейтенанту приписали и жену нашего путешественника – Прасковью Васильевну Щепотьеву, дочь Василия Васильевича Щепотьева, и принадлежащие ей имения в селе Зайцево, в сельце Федоровка и в сельце Казеново Каширского уезда Тульской губернии. Наконец, они «лишили» его членства в рязанском дворянском собрании. Это Петр Васильевич–путешественник 18 декабря 1817 года был внесен в III часть дворянской родословной книги Рязанской губернии, а 20 июня 1819, после предоставления необходимых документов, перенесен в VI часть, более почетную (14). Необходимо дополнить, что не только наши современники путаются в двух Повалишиных. Проблемы с дворянством возникали у Петра Васильевича – путешественника еще при жизни. В 1846 году, проживая в Зарайске, он вел переписку с дворянским собранием, доказывая, что он зарайский дворянин, а не самозванец. Судя по всему, в это время Петр Васильевич–контр-адмирал, он же генерал-лейтенант, решил оформить свое членство в рязанском дворянстве, вот и вспомнили чиновники всеми забытого капитана II ранга, проверяли, бывают ли сразу два полных тезки–героя (15).

Сейчас возвратимся к двум Николаям Васильевичам Повалишиным. Первый из них, старший, рязанский дворянин, имевший вотчину в селе Никитинском Пронского уезда, родился в 1779 году. Вероятно, в городе Рязани. Его отец, Повалишин Василий Матвеевич, – капитан артиллерии в отставке, коллежский советник, в это время служил председателем Верховной расправы Рязанского наместничества, затем советником Казенной палаты. Проживал с семьей в Рязани (16). В палате, кроме ее директора, служило всего 7 человек: три советника и 4 асессора. В числе асессоров служил отец будущего знаменитого путешественника Василия Михайловича Головнина (1782–1784) (17). В то время проводить свободное время в кругу сослуживцев не возбранялось. Вероятно, были знакомы и Василий Головнин и Николай Повалишин. Затем они в одно время учились в Морском кадетском корпусе.

Служба Николая Васильевича проходила неплохо. С 1795 года он в плаваниях на корабле эскадры вице-адмирала Ханыкова у берегов Англии и в Немецком море. В 1796 году – мичман. В 1798 году – лейтенант. С 1799 и по 1801 год он находился в экспедиции генерал-лейтенанта Логгина Ивановича Голенищева-Кутузова по описанию западного берега Белого моря, «ибо все прежние описи были не полны, не надежно между собою связаны и не укреплены астрономическими определениями». Для достижения намеченной цели все берега, в том числе и от мыса Канин нос, были разбиты на два участка; опись каждого участка производили флотский офицер со штурманом. Опись берегов производили: от мыса Канин нос до Конушина – лейтенант Сухов и штурман Пышенков, а от Конушина до Мезени – лейтенант Николай Повалишин и штурман Егоров 2-й.

В 1802 году, командуя транспортным судном «Св. Федор», занимался описанием побережья на стыке Баренцева и Белого морей у мыса Святой Нос. Здесь, у самой северной точки мыса сходятся два мощных течения: идущий со стороны Мурманска Гольфстрим встречается с сильным течением, вызванным приливами-отливами в «бутылочном горлышке» Белого моря. Его исследования легли в основание новой экспедиции, результатом стал изданный в 1827 году полный атлас Белого моря. Капитан-лейтенант Повалишин к этому времени, с марта 1809 года, был в отставке (18). Об этом рязанском исследователе полярных морей практически ничего неизвестно.

Теперь речь пойдет о Повалишине Николае Васильевиче, родном младшем брате кругосветного путешественника Петр Васильевича. Родился он в 1799 году. В 1810 году поступил в Морской корпус кадетом. Еще гардемарином находился в морских походах по Балтийскому морю. Мичманом находился в крейсерстве от Кронштадта до Кале, а в 1818 году у Красной Горки. В 1819 году был командирован в Охотск, куда направился сухопутным маршрутом.

С 1820 года находился в подчинении П. И. Рикорда, командовал бригом «Дионисий». В начале 1822 года был командирован с группой матросов на американском торговом судне в Манилу, откуда совершил переход по Тихому океану до Петропавловска-Камчатского на купленной шхуне «Николай». Во время этого рейса сделал географическое открытие. Об этом факте имеется архивный документ: « Рапорт командира шхуны «Николай» лейтенанта Н. В. Повалишина начальнику Камчатской области капитану 1-го ранга П. И. Рикорду об открытии острова Св. Петра.

Петропавловский порт. 30 июня 1822 г.

«На пути плавания моего с Филиппинских островов, из порта Манилы в Петропавловский порт я, для скорейшего совершения моего вояжа, старался выбирать курсы самые кратчайшие и безопасные для моего плавания, когда мне ветры к тому способствовали, и никак не ожидал встретить на сем пункте какой-либо берег. Как внезапно, 28-го числа мая, при свежем брамсельном ZW пассатном ветре, в 7 часов утра увидели остров, лежащий от нашего курса несколько к N, которого в 8 часов взяли в пеленг по правому компасу на NO 00° 21’. Сей остров состоит из голого камня и должен быть вулканический, имеет вид отрезанного конуса, восточная сторона оканчивается красноватым утесом, а западная – пологостью. Других замечаний по отдаленности острова при свежем попутном ветре, которым я желал воспользоваться, не имел случая сделать. Признавая его нашим открытием, я назвал его островом Св. Петра. О чем вашему высокоблагородию имею честь доложить. Лейтенант Повалишин» (19) .

В следующем, 1823 году Николай Повалишин получил под командование вновь построенный на верфи бриг «Екатерина». К сожалению, во время шторма 1823 года корабль был выброшен на мель, впоследствии снят с нее и отремонтирован.

В июне 1825 года, Н. В. Повалишин командует новым бригом Охотской флотилии – «Александр». В кампании 1825–1826 годов доставлял на нем пассажиров и грузы в порты Охотского моря.

В 1826 году уже опытным капитаном он возвращается, как тогда говорили, берегом из Охотска в Кронштадт. Назначается в состав экипажа корабля «Гангут». Участвовал на корабле в Наваринском морском сражении у берегов Греции. Как известно, «Гангутом» в этом сражении командовал рязанец, кругосветный путешественник, член экипажа шлюпа «Открытие» под командой М. Н. Васильева (1819–1822), капитан I ранга, в будущем адмирал, Александр Павлович Авинов.

20 октября 1827 года русский флот с союзниками разгромил турецкий флот. Русские не потеряли ни одного корабля. Потери турецкого флота составили 60 кораблей. Один только флагман русской эскадры «Азов» уничтожил 5 турецких кораблей. Бой «Гангута» с турками хорошо описал участник сражения рязанец А. П. Рыкачев, находившийся на этом корабле вместе с Повалишиным. За участие и мужество, проявленное в сражении, Николай Повалишин был награжден орденом Св. Анны 3-й степени (20).

По службе у Николая Васильевича все складывалось отлично, в 33 года он капитан-лейтенант, командир брига «Охта». Вдруг все рушится и 7 марта 1834 года его отправляют в отставку капитаном II ранга (21).

Удалось установить причину этой отставки. В Государственном архиве Рязанской области, в фонде канцелярии рязанского губернатора хранится отдельное дело за 1844 год. В нем указано, что «проживающий в сельце Маркино Зарайского уезда капитан-лейтенант Николай Васильевич Повалишин уволен от службы, за помешательством в уме, по особому Высочайшему повелению, капитаном II ранга и с мундиром, но с тем, что он последними двумя наградами может воспользоваться только в случае выздоровления» (22).

Видно, не выдержала психика молодого человека всех выпавших ему испытаний.

С момента отставки прошло 10 лет. Повалишин прошел медицинское освидетельствование. В документе об этом указано: «капитан-лейтенант Повалишин не имеет более расстройства в своих умственных способностях». В последующем ему было сообщено, что он пожалован мундиром и чином капитана II ранга (23). Возвращаться на флот он не стал. Проживал в своем сельце Маркино. Воспитывал детей своего рано умершего брата Федора, лейтенанта флота. Племянников Николая и Владимира подготовил к поступлению в Морской кадетский корпус (24). Умер он в январе 1877 года, немного не дожив до 80 лет.

А что же стало с Петром Васильевичем Повалишиным–путешественником. Он проживал в Зарайске. Свое имение, полученное от отца, продал племяннице Анне Федоровне еще в 1816 году. Последнее документальное упоминание о нем датировано 16 сентября 1846 года. Время смерти Петра Васильевича, как и место рождения, пока не установлены. Пока.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Веселаго Ф. Ф.* Очерк истории морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет // Список воспитанников Морского кадетского корпуса произведенных в офицеры за 100 лет. – СПб., 1872. С. 38.
2. *Лисянский Ю. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на корабле «Нева». – М. : Дрофа, 2007. – С. 164.
3. История Русской Америки (1732—1867): В 3 т. / под ред. акад. Н. Н. Болховитинова. – М.: Международные отношения, 1999. – Т. 2. Деятельность Российско-американской компании (1799—1825). – С. 72–74.
4. Аборигены Америки: предметы и представления // С. Ю. Курносов, А. Л. Ларионов, Е. С. Соболева. Из истории американских коллекций музеума. – СПб. : МАЭ РАН, 2005.– С. 365–366.
5. *Климентьева Т. А*. Дворяне Арбузовы на службе России // Научно-практический, краеведческий журнал. – Псков. – 2006. – № 25. – С. 156–158.
6. ГАРО.Ф.98. Оп.19. Д.5. Л.99 (об) – 100.
7. ГАРО. Ф.98. Оп.19. Д.5. Л. 51–52.
8. ГАРО. Ф.98. Оп.3. Д.2. Л.275.
9. ГАРО. Ф.627. Оп.247. Д.28. Л.10. № 6.
10. ГАРО. Ф.627. Оп.39. Д.22. № 6. Л.6.
11. Повалишины/ История, культура и традиции Рязанского края. https://62info.ru/history/node/13388
12. Материалы и исследования по рязанскому краеведению. – Т.10 // Рындин И. Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. – Вып. 6. РИРО. – Рязань: Узорочье, 2011. – С. 215.
13. ГАРО. Ф.129. Оп.7. Д.54. Л.138(об). № 813.
14. ГАРО. Ф.98. Оп.132. Д.87. Л.619–620 (об).
15. ГАРО. Ф.98. Оп.19. Д.5. Л.120, 131–132.
16. ГПИБ/ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1779. – СПб.: Имп. Академия наук, 1779. – С.297.
17. ГПИБ/ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1784. – СПб.: Имп. Академия наук, 1784. –С.227.
18. Общий морской список. – Ч. 4. – Спб., 1894. – С. 581–582.
19. РГАВМФ. Ф.215. Оп.1. Д.787. Л.3–4.
20. Рыкачев А. П. Записки, веденные на эскадре Л. П. Гейдена. Морские сражения русского флота: воспоминания, дневники, письма. – М., 1994.
21. Общий морской список. – Ч. 8. – СПб., 1894. – С. 39.
22. ГАРО. Ф.5.Оп.2. Д.230.Л.1.
23. Там же, Л.10.
24. ГАРО.Ф.637. Оп. 146»а». Д.20. Л. 1–7.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

ГАРО – Государственный архив Рязанской области.
РГАВМФ – Российский государственный архив ВМФ (Санкт-Петербург).

ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ В РУССКОЙ АМЕРИКЕ: АНАЛИЗ ПОТОКА ДОКУМЕНТОВ ИЗ БД СОБСТВЕННОЙ ГЕНЕРАЦИИ ГПНТБ СО РАН «НАУЧНАЯ СИБИРИКА» И WEB OF SCIENCE

Рыкова В. В.

Аннотация. Представлен краткий наукометрический анализ массива документов, отобранных из БД собственной генерации ГПНТБ СО РАН «Научная Сибирика», посвященных христианизации Русской Америки. Дана характеристика временной, тематической, видовой, языковой структуры документопотока, который может служить основой сопровождения научных исследований ученых и специалистов по вышеозначенной проблеме.

Ключевые слова: христианство, Русская Америка, документометрический анализ, документопоток, база данных «Научная Сибирика», ГПНТБ СО РАН.

ORTHODOX MISSION OF RUSSIAN AMERICA: ANALYSIS OF THE DOCUMENT FLOW SELECTED OF SPSTL SB RAS' OWN GENERATION DB «SCHOLAR SIBIRICA» AND WEB OF SCIENCE

Rykova V. V.,
senior researcher of the Department of Scientific Bibliography, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SPSTL SB RAS), Novosibirsk

Absract. A paper represents a brief scientometric analysis of a documentary array selected from the database "Scientific Sibirica" of SPSL SB RAS' own generation dedicated to the Russian America Christianization. It gives characteristics of the temporal, thematic, typical, and language structure of the information array, which can serve as a basis to support scientific research by scientists and specialists on the above-mentioned problem.

Keywords: Christianization, Russian America, documentometric analysis, information array, DB "Scholar Sibirica", SPSTL SB RAS

Владения Российской империи на тихоокеанском побережье Северной Америки в XVIII – начале XIX века, получившие название «Русская Америка», всегда привлекали внимание исследователей. Различные аспекты истории Русской Америки активно освещаются в трудах российских и зарубежных ученых, но наибольший поток публикаций отмечается в канун проведения мероприятий, посвященных многочисленным памятным датам региона. Особое место в жизни Русской Америки отводится деятельности Русской Православной церкви, первая миссия которой была отправлена на Аляску из Санкт-Петербурга в 1793 г. Церковная миссии преследовала следующие цели: 1) оказание духовной помощи русским землепроходцам и купцам, 2) проповедование христианских норм аборигенному населению и крещение местных жителей, 3) представление интересов государства в новых российских землях согласно воле императрицы Екатерины II [1].

Растущий поток научных публикаций и совершенствование информационного сопровождения исследований ученых и специалистов выдвигает на первый план задачу систематизации документов, которая решается в рамках библиографических, реферативных и полнотекстовых баз данных (БД).

Цель данной работы – проведение сравнительного анализа потоков документов (ДП) из мировой БД научного цитирования Web of Science (WoS) и БД собственной генерации ГПНТБ СО РАН «Научная Сибирика», посвященного христианизации Русской Америки по следующим параметрам: временная, видовая, тематическая структуры ДП.

Мультидисциплинарная БД WoSe включает информацию о публикациях в периодических изданиях и материалах конференций, индексируемых в данной БД по широкому спектру актуальных проблем естественно-технических, социально-гуманитарных наук, где был сформулирован поисковый запрос с использованием ключевых слов и булевых операторов в соответствии с требованиями БД.

Региональная БД «Научная Сибирика», генерированная ГПНТБ СО РАН, также является политематической БД с крупными тематическими разделами, среди которых «История Сибири и Дальнего Востока», где кумулирована

информация об историческом развитии регионов Сибири и Дальнего Востока не только в рамках современного политико-административного деления, но и когда-либо являющихся частью России, в том числе Русской Америки. Географическая рубрика позволяет выбрать документы только по требуемому региону, что способствует получению релевантых региональных документов по теме исследования. Первоначально из БД «Научная Сибирика» был отобран информационный массив по запросу «Русская Америка», составивший более 1200 публикаций, выпущенных в 1990–2019 гг., краткий наукометрический анализ которого представлен в материалах XXXV Крашенинниковских чтений [2]. Затем из вышеозначенного массива выбран ДП, посвященный деятельности Православной церкви на территории Русской Америки.

Документальный потоки, отобранные из БД WoS и «Научная Сибирика» составили соответственно 51 и 185 документов; в БД WoS – 89 % публикаций на английском языке, а в БД «Научная Сибирика» – работы преимущественно русскоязычные (99 %).

Динамика ДП показана на рис. 1, где четко видно возрастание интереса ученых и специалистов к данной проблематике. В 90-е годы прошлого века работы по теме были единичны, выходили не каждый год, в настоящее время сформировался устойчивый поток публикаций, освещающих духовную жизнь Русской Америки. Работы 2019 года издания еще не полностью включены в БД, поэтому можно ожидать дальнейшее увеличение количества документов за последнее пятилетие. Следует отметить, что пока в ДП превалируют русскоязычные работы. В последние годы российские журналы активно ведут работу по их включению в мировые индексы цитирования, часть из них либо печатают статьи на английском языке, либо имеют переводную версию издания, что приведет к росту числа работ российских ученых в мировых БД, а, следовательно, и к увеличению англоязычного ДП по теме исследования.

Различие количественных характеристик типо-видовой структуры потоков документов из БД показано на рис. 2, которое связано с разными подходами формирования БД. WoS в первую очередь включает публикации из научных журналов, индексируемых в ней, как самых передовых источников информации, реже – материалы конференций; БД «Научная Сибирика» формируется на основе обязательного экземпляра, поступающего в ГПНТБ СО РАН, а также удаленных сетевых ресурсов, поэтому видовой состав документов этой БД намного богаче. Основной вид документов БД WoS – журнальные статьи и обзоры книг, напечатанные в периодических изданиях, которые суммарно составляют 93 % ДП (70 % и 23 % соответственно). Превалирующими видами документов БД «Научная Сибирика» являются материалы конференций (41 %) и статьи из периодических изданий (27 %), а также статьи из тематических сборников научных трудов и монографические издания (по 15 % ДП).

Анализ названий изданий позволил выделить в БД наиболее продуктивные издания по теме. Лидерами по публикационной активности среди журналов являются: печатные издания – «Россия и АТР», «Этносфера», «Известия Иркутского

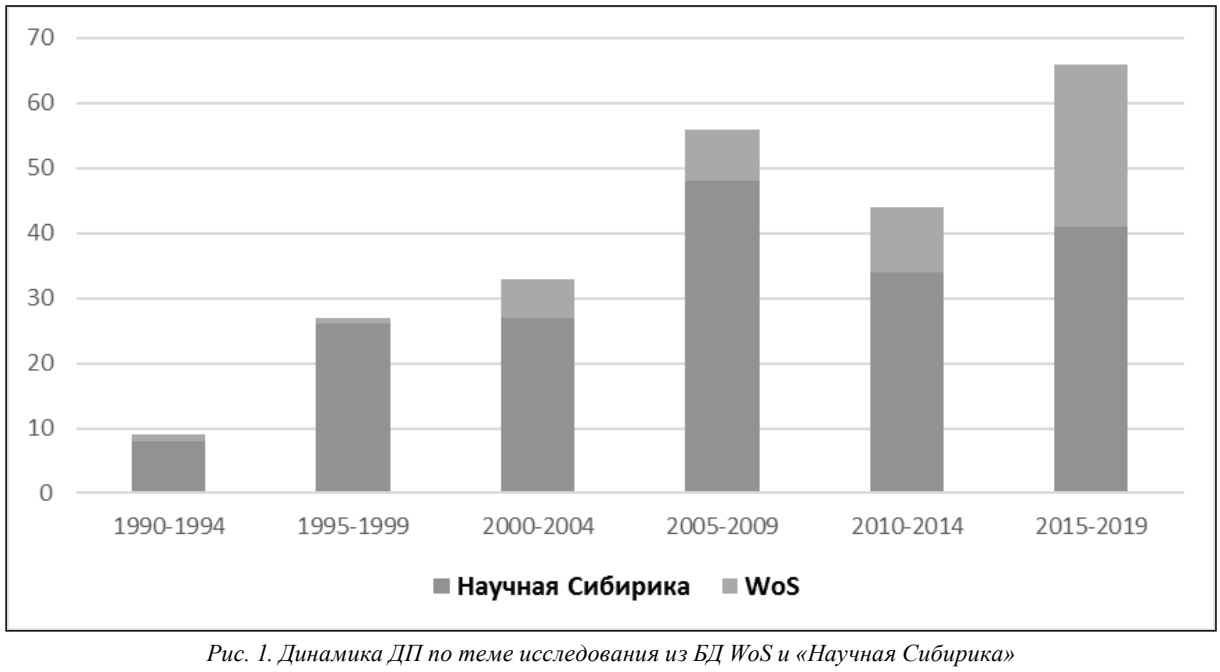

Рис. 1. Динамика ДП по теме исследования из БД WoS и «Научная Сибирика»

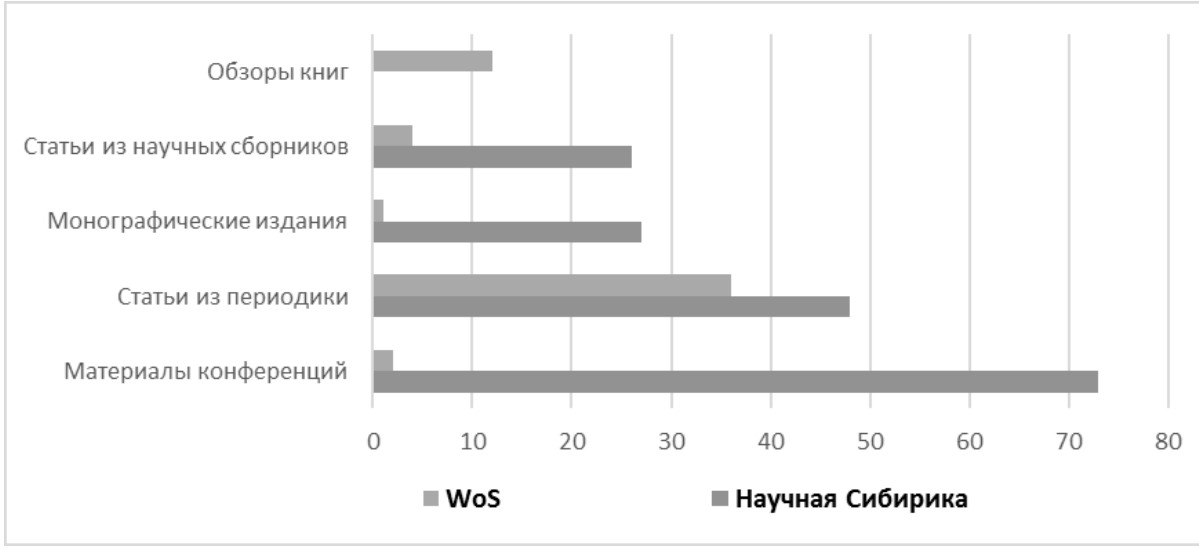

Рис. 2. Типо-видовая структура ДП БД WoS и «Научная Сибирика»

государственного университета. Серия: «История», «Отечественный архив», «Russian History», «International Affairs» и электронный научно-образовательный журнал «История». Как уже отмечалось, значительная часть работ опубликована в научных сборниках по материалам конференций, на которых обсуждались вопросы христианизации Русской Америки. Часто научные мероприятия приурочены к юбилейным и памятным датам региона, среди них необходимо назвать следующие: Иннокентьевские чтения: научно-практическая конференция, посвященная 200-летию И. Вениаминова (Чита, 1997 г.); Духовная жизнь Дальнего Востока России: научно-практическая конференция, посвященная 2000-летию христианства (Хабаровск, 2000 г.); Русская православная церковь в Сибири: история и современность: научно-практическая конференция, посвященная 350-летию основания с. Посольского и Посольскому Спасо-Преображенскому монастырю (Улан-Удэ, 2003 г.); На службе Богу и якутскому народу : православная конференция (Якутск, 2005 г.); Русская Америка : III Международная научная конференция (Иркутск, 2007 г.); Русский Север в истории российско-американских отношений: Международная научная конференция, посвященная 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США (Вологда, 2010 г.); Святитель Иннокентий (Вениаминов) – миссионер, исследователь, просветитель: научно-практическая конференция (Иркутск, 2014 г.); Наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) и православная миссионерская деятельность в Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях: II научно-практическая конференция (Иркутск, 2015 г.) и др.

Особое внимание необходимо уделить монографическим изданиям. В эту группу документов помимо научных монографий [3–7] вошли исторические и биографические очерки [8, 9], авторефераты диссертаций [10, 11], мемуары, сборники писем [12], энциклопедии и справочники [13, 14], библиография [15]. Многие монографические издания посвящены святителю Иннокентию (Вениаминову) как представителю Русской Православной церкви на территории Русской Америки [16–19].

Тематическая структура ДП отражена на рис. 3, где показано, что почти половина (47 %) материалов БД «Научная Сибирика» описывают деятельность священнослужителей Русской Православной церкви в Русской Америке, среди которых особое место занимает святитель Иннокентий (около 90 работ), как уже отмечалось выше. Около трети работ (29 %) освещает вопросы духовной жизни Русской Америки и роли в ней Православной миссии; 18 % публикаций посвящены миссионерской деятельности Православной церкви и христианизации аборигенного населения Русской Америки; 6 % документов связаны с просветительской работой американской Православной миссии, созданием православных школ и семинарии в регионе.

Материалы БД WoS преимущественно описывают миссионерскую деятельность русской Православной церкви и роль отдельных священнослужителей в ней.

В БД «Научная Сибирика» можно найти материалы помимо И. Е. Вениаминова о деятельности других представителей церкви в Русской Америке. Таблица 1 включает персоналии и работы, посвященные служителям Православной миссии.

Рис. 3. Тематическая структура ДП «Научная Сибирика»

Таблица 1. Служители Православной миссии в Русской Америке

Имя	Публикации
Митрополит Ставропольский и Бакинский Гедеон	Гедеон, Митрополит Ставропольский и Бакинский. Православие в Сибири и Америке // Журнал Московской патриархии. – 1990. – № 11. – С. 19–22.
	Записки Иеромонаха Гедеона о первом русском кругосветном путешествии и Русской Америке, 1803 – 1808 // Русская Америка: по личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. – М., 1994. – С. 27–121.
	Егунова М. Б. Русская Америка в представлениях путешественников начала XIX века на материалах «Записок ...» иеромонаха Гедеона, 1803–1808 гг. // Диалог цивилизаций: Восток – Запад. Глобализация и мультикультурализм: Россия в современном мире : материалы IX науч. конф. молодых ученых. – Москва, 2009. – С. 228–235.
	Longenbaugh, D. Alexandr Baranov versus Hieromonk Gedeon // Русская Америка : материалы III Междунар. науч. конф. (Иркутск, 8–12 авг. 2007 г.). – Иркутск, 2007. – С. 280–294.
Митрополит Нестор (Анисимов)	*Векшина Н. М.* Камчатская духовная миссия и мнение ее главного деятеля митрополита Нестора о христианизации Камчатки // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 8. – Ч. 1. – С. 47–49.
	Митрополит Камчатский Нестор: миссионер, эмигрант, духовный пастырь : письма и док. 1919–1961 гг. / подгот. М. И. Одинцов // Исторический архив. – 2018. – № 4. – С. 115–135.
	Бирюкова К. В. Митрополит Нестор (Анисимов) и российские духовные миссии на Дальнем Востоке // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 15–21.
	Векшина Н. М. Камчатская духовная миссия и мнение ее главного деятеля митрополита Нестора о христианизации Камчатки // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2013. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 67–74.
	Пивоваров Б. Митрополит Нестор (Анисимов) как духовный писатель // 300 лет православия на Камчатке: миссия церкви в прошлом и настоящем : материалы науч.-богосл. конф. – Москва, 2005. – С. 64–71.
	Белашов А. И. «Особая» Камчатская духовная миссия (к 100-летию прибытия на Камчатку иеромонаха Нестора (Анисимова) [начало XX в.]) // Камчатка разными народами обитаема : материалы XXIV Крашенинников. чтений. – Петропавловск-Камчатский, 2007. – С. 7–14.

Имя	Публикации
Митрополит Филарет	*Смирнова И. Ю.* Письменные источники по истории первой Русской епархии в Северной Америке: московские святители Филарет и Иннокентий и православная церковь в Калифорнии // Отечественные архивы. – 2012. – № 4. – С. 40–50.
Архиепископ Владимир (Соколовский)	*Никифорова О. В.* Архиепископ Владимир (Соколовский). Последний настоятель Московского Спасо-Андроникова монастыря. – Москва : Переход, 2014. – 399 с.
Архимандрит Иосафа (Хотунцевский)	*Горбачева В. В.* Из истории духовной миссии архимандрита Иосафа (Хотунцевского) на Камчатке // Христианский мир: религия, культура, этнос: материалы науч. конф. (дек. 2000 г.). – СПб., 2000. – С. 100–109.
Архимандрит Сирафим (Винокуров)	*Якимов О. Д.* Священник Ново-Архангельского собора на Аляске Е. Н. Винокуров // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: (историко-археологические исследования). – Т. 4. – Владивосток, 2003. – С. 199–210.
Иеромонах Макарий	*Санников А. П.* Деятельность иеромонаха Макария «во владениях Шелихова» // Российские исторические чтения, посвященные 200-летию со дня смерти Г. И. Шелихова: тез. и материалы (Шелехов, 20–23 июля 1995 г.). – Шелехов, 1995. – С. 31–33.
Игумен Милитов	*Якимов О. Д.* Николай Милитов – игумен Кенайской православной миссии // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. – 1867 г.): к 200-летию образования Рос.-Амер. компании: материалы междунар. науч. конф. (Владивосток, 11–13 окт. 1999 г.). – Владивосток, 2001. – С. 208–229.
Герман Аляскинский	Валаамские подвижники. Репринт. изд. 1891 г. – 2-е изд. – СПб. : Спасо-Преображ. Валаам. монастырь, 1997. – 142 с. О христианской миссии монаха Германа на Алеутских островах (1794–1837), с. 94–116.
	Ефимов А. Б., Ковальская Е. Ю. Аляскинская (Кадьякская) миссия (1794–1836). Преподобный Герман Аляскинский // XVI ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – Т. 2. – Москва, 2006. – С. 78–84.

Таким образом, в работе представлен документометрический анализ ДП, отобранных из БД WoS и «Научная Сибирика», показана их временная, языковая, видовая и тематическая структура. Следует отметить, что доступ к полным текстам БД WoS осуществляется на основе лицензионного соглашения, все БД собственной генерации ГПНТБ СО РАН, включая БД «Научная Сибирика», находятся в свободном доступе для пользователей Интернета на сайте библиотеки (http://www.spsl.nsc.ru), опции «Каталоги и базы данных» – «Библиографические базы данных» – «Научная Сибирика». Ресурсы библиотеки позволяют создать проблемно-ориентированную полнотекстовую БД, посвященную деятельности Православной церкви Сибири и на Дальнем Востоке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аляска. Успешная миссия // Русская православная церковь: официальный сайт Московского Патриархата. – URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3526722.html (дата обращения: 02.02.2020).
2. *Рыкова В. В.* Русская Америка: анализ информационного массива из БД «Научная Сибирика» // Гордиться славою своих предков : материалы XXXVI Крашенинников. чтений, посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечеств. йойне и 280-летию г. Петропавловска-Камчатского. – Петропавловск-Камчатский, 2020.
3. *Широков С.* Валаамский монастырь и Американская Православная миссия: история и духовные связи. – Москва, 1996. – 176 с. (200 лет Православия в Америке).
4. Климент (Капалин), митр. Русская православная церковь на Аляске до 1917 года. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 605 с.
5. *Жуков Н. Н., Сахибгоряев В. Х.* Визит Бога. Миссия РПЦ в Тихоокеанском регионе: опыт историко-культурного исследования / ред.: А. А. Орехов, В. В. Доржеева. – Магадан : Ноосфера, 2010. – 171 с. (Труды лаборатории социально-гуманитарных исследований Северо-Восточного государственного университета).

6. *Лебедев Л.* Колумбы Росские: Апостольство Русской Православной церкви в Америке (XVIII-XIX вв.). – Москва : Рус. хронографъ, 2003. – 191 с.
7. *Уланов А. Н.* От Аляски до Нью-Йорка. Роль патриарха Тихона и его наследия в становлении православия в Америке. – Москва : URSS : Ленанд, 2016. – 158 с.
8. Антонин (Покровский; архиеп.). Жизненный путь, личные воспоминания и переписка. Миссионерское служение: исторический очерк / сост. Павел (Фокин; архим.). – Москва : ГЛАС, 2007. – 335 с.
9. *Пакулак Д.* Жизнь и деятельность Иннокентия, Митрополита Московского / ред. Н. С. Половинкин. – Тюмень : Рутра, 1994. – 92 с.
10. *Егорова Ю. С.* Взаимоотношения Русской православной церкви и Российско-Американской компании в контексте колониальной политики Российской империи на Аляске (1793–1867 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Вологда, 2016. – 22 с.
11. *Капалин Г. М.* Деятельность Русской православной церкви на Аляске в 1741–1867 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 2010. – 27 с.
12. Святитель Иннокентий: по его сочинениям, письмам и рассказам современников. – Псков : Союз писателей России, Псков. регион. отд-ние, 2007. – 767 с.
13. Миссионерское православное образование : энциклопедия / Ульянов. гос. ун-т ; авт.-сост. И. В. Юстус. – Ульяновск : Изд-во МДЦ, 2008. – 367 с.
14. Святыни России : справочник / гл. ред. Н. В. Якутин ; сост.: Н. В. Якутин, С. А. Барская, А. А. Князев. – Москва : Экон. газ., 2011. – 601 с. (Русская классическая библиотека «Экономика и духовность»: ЭД).
15. Святитель Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский и Коломенский, апостол народов Сибири и Америки : библиографический справочник / Православ. гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского ; сост.: Б. Пивоваров, О. А. Павлова. – Новосибирск, 1997. – 140 с.
16. *Максим (Рыжов), игум.* Русский человек. Апостол северных народов святитель Иннокентий, митрополит Московский. – Москва : Изд-во Моск. Патриархии Рус. Православ. Церкви, 2012. – 222 с.
17. *Тукиш В. А.* Педагогическое наследие митрополита Иннокентия (Вениаминова) / Сев.-Вост. гос. ун-т. – Магадан : Новая полиграфия, 2009. – 191 с.
18. *Курляндский И. А.* Иннокентий (Вениаминов) – митрополит Московский и Коломенский / ред. А. Ф. Смирнов ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – Москва, 2002. – 331 с.
19. Путешествия и подвиги святителя Иннокентия, митрополита Московского, апостола Америки и Сибири / сост.: Н. В. Романова, Н. Ю. Лазарева. – Москва : Данилов. благовестник, 1999. – 160 с.

КУПЕЧЕСКИЕ КОМПАНИИ НА АЛЕУТСКИХ ОСТРОВАХ В 18 ВЕКЕ: СТРУКТУРА И ПРАВОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Савельев Иван Вячеславович

В XVIII веке в Русскую Америку (Командорские, Алеутские, Курильские острова, остров Кадьяк и Аляску) было организовано около 80 промысловых экспедиций. В это же время формируются и закрепляются правовые принципы организации промысловых купеческих компаний, а также их структура.

В состав компаний входили прежде всего купцы – именно они были организаторами экспедиций. Добывали же пушнину главным образом посадские люди и крестьяне, которые нанимались в качестве работных людей. В числе промышленников были и коренные жители Сибири и Дальнего Востока. Вербовалась рабочая сила чаще всего на основе вольного найма.

Инициаторами и организаторами поисков богатых пушниной островов были купцы. Так как снаряжение морских экспедиций с подобными целями требовало больших затрат и было не под силу одному предпринимателю, возникали объединения нескольких купцов – купеческие компании. Естественно, возникает вопрос, какой же была структура этих объединений, какими были права и обязанности участников (компанейщиков и работных людей), где и в каком документе они закреплялись, и какой характер носили эти правоотношения.

Организаторами этих экспедиций, как правило, были торговцы – выходцы большей частью из различных городов центральных и северных губерний Российской империи. Капитала одного купца, даже очень богатого, не хватало для организации экспедиции, поэтому необходимо было объединение капиталов. Так складывались купеческие компании, правовая природа которых весьма своеобразна. Документом, закрепляющим за участниками их права и обязанности, являлся «валовой контракт» – специальное соглашение между купцами, организующими промысел (компаньонами или компанейщиками) и промышленниками или работными людьми. Форма этого соглашения была свободной и была выработана в течение первой половины XVIII века, окончательно сложившись к 1750-м годам.

Контракт содержал основные принципы организации компании, отражал все стороны ее деятельности: количество паев и их владельцев, вербовка рабочей силы, назначение морехода и передовщика и их обязанности, число работных людей по каждому паю и т. д. Подобный договор заключался каждый раз при отправлении новой экспедиции и действовал вплоть до возвращения судна и раздела добычи. До настоящего времени дошло около десяти экземпляров валовых контрактов, относящихся к 60–70-м годам XVIII века[1].

Исходя из формы документа, все контракты условно можно разделить на две группы: в одном случае глава компании заключал с каждым компаньоном отдельный договор, где перечислялись их взаимные права и обязанности, в другом случае составлялся единый документ, содержавший права и обязанности всех компаньонов. Большинство контрактов следует отнести ко второму типу. Из первой группы сохранился всего один контракт, заключенный Никифоре Трапезниковым в феврале – марте 1762 с различными купцами[2].

Первоначально в валовых контрактах указывались только имена компаньонов и количество паев, им принадлежавших[3]. В дальнейшем в документе стали отражаться права и обязанности участников по обеспечению компании работными людьми, товарами, права и обязанности передовщика и морехода и т. д.

Обычно контракт состоял из двух, а иногда и трех самостоятельных частей. Самая важная из них посвящалась условиям договора между основными вкладчиками создаваемой компании. Вторая часть содержала пространное описание общих обязанностей компаньонов. Третьей частью документа был собственно договор купцов-компаньонов с промышленниками[4].

---

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 199. Оп. 1. Д. 538. Ч. II; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). – Ф. Российско-американской компании (РАК). Оп. 888. Д. 7. Более ранние и более поздние документы в РГАДА и АВПРИ, не сохранились. В связи с гибелью иркутского и камчатского архивов можно считать эти контракты почти единственными, сохранившимися до настоящего времени. Макарова Р. В., касавшаяся в своем исследовании контрактов (в конце 1940-х – начале 1950-х гг.), утверждала, что их сохранилось только четыре, но в фонде Российско-американской компании в АВПРИ удалось обнаружить еще несколько валовых контрактов.

2. АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 22. Л. 15–28 об.

3. См. контракт компании И. Никифорова (АВПРИ. – Ф. РАК. Оп. 888. Д. 22. Л. 11–12 об.).

4. Петров А. Ю. Образование Российско-американской компании / отв. ред. академик Н. Н. Болховитинов – М., 2000. – С. 35–36.

Следует обратиться, вероятно, к стержневому понятию, характеризующему степень долевого участия купца в финансово-хозяйственной деятельности компании – «пай». Однако не следует смешивать понятие «пай» с «акцией», которое тоже показывает степень долевого участия предпринимателя в капитале компании. В отличие от акций, купля и особенно продажа паев после заключения контракта были сильно ограничены. Действие пая продолжалось, в основном, в течение одного промыслового вояжа. При длительном существовании компании (в представлениях купцов) паи входили в «дебет» – активы компании, наравне с судами, недвижимостью, товарами, свободными денежными суммами и т. д. В то время как практика акционерного капитала предполагает рассчитывать стоимость акций как «пассив»[5]. К тому же «пай» являлся более ранним явлением в правовом оформлении купеческих компаний, акции же появляются и окончательно вытесняют паи в конце XVIII века.

Существуют две основные исследовательские позиции, два описания разновидности пая. Так, П. А. Тихменев полагал, что «паи, или участки из промысла, были двух родов: валовые и суховые. Валовый пай имел три подразделения, а именно:

принадлежность промышленному пополам с хозяином (за судно последнего и прочие издержки по снаряжению его и промышленных);

или весь пай принадлежал одному хозяину, который обязывался состоящему на том пае промышленному платить ежегодно условную сумму;

или весь пай принадлежал одному промышленному и в таком случае назывался паем, данным на сход.

Суховой пай не принадлежал хозяину, рабочему и промышленному, а предоставлялся или в церковь Божию, или мореходу, или правителю компании за его труд, или назначался, с общего согласия компании, нужнейшим для нее людям, то есть имевшим влияние на ход предприятия»[6].

Р. В. Макарова же считает, что было три вида паев. Так называемые валовые, или основные, паи распределялись среди компаньонов, каждый из которых был обязан выставить на один пай работного человека или промышленника. «Суховые» паи отличались от «основных» тем, что они не обеспечивались работными людьми. И, наконец, «паи на сход» продавались лицам, не участвовавшим в строительстве и снаряжении судна. Этот вид паев покупался в долю и обычно употреблялся беспрепятственно на общие расходы компании[7].

А. Ю. Петров считает, что определение П. А. Тихменева является более точным, поэтому, опираясь на него, охарактеризуем пай как «участок из промысла», выраженный в пушнине или ее стоимости[8]. В отличие от акций купля и особенно продажа паев после заключения контракта были сильно ограничены.

Самому контракту предшествовала преамбула – «заглавие», в которой указывалась дата и место составления контракта, перечислялись все основные компанейщики, указывалось, что все они вступили в компанию добровольно. Далее отражалось название корабля, а так же ссылка, что он построен «в силу указа, данного канцелярией»[9]. Затем традиционно указывалась цель вояжа – «для прииска знаемых и незнаемых островов и земель и на них обитающих народов и промысла всякого рода морских и земных зверей от чего произойти могла как государственная так и общенародная польза»[10].

Далее обычно следовало перечисление положений, отраженных в контракте (имена и социальное положение компанейщиков, сколько они имеют паев и каких, имена и социальное положение их работных людей, имя передовщика, его права и обязанности и т. д.). Заключало эту своего рода преамбулу указание общего количества паев.

В первую очередь устанавливалось количество основных, валовых паев, то есть доли того или иного участника в «такелаже и судне» (Натальей Шелиховой они названы «в досках и такелажах судна»[11]). Эти паи распределялись «между главными компанейщиками», принимавшими участие в строительстве и снаряжении судна. Соответственно количеству основных паев распределялась и добытая пушнина.

Очень часто для покупки основного пая купцам приходилось обращаться за помощью к государству, что находило свое отражение в контракте, в котором указывалось, какую сумму и под какой процент взяла из казны компания. Сумма займа делилась между компанейщиками,

5. Петров А. Ю. Специфика финансово-хозяйственной деятельности русских торгово-промысловых компаний на Северо-Западе Америки во второй половине XVIII в. // Русская Америка, 1799–1867: материалы Международной конференции / отв. ред. академик Н. Н. Болховитинов – М., 1999. – С. 145.

6. Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действие ее до настоящего времени. – Ч. I. – СПб., 1861. – С. 7.

7. Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. – М. : Наука, 1968.– С. 100.

8. АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 71. Л. 1.

9. АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 7. Л. 224 об.

10. АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 22. Л. 95.

11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 13. Оп. 2. Д. 52. Л. 72.

и от их имени выписывались векселя, количество которых соответствовало количеству основных участников компании, и подписывались тем или иным из них. Несмотря на то, что крестьянам (которые тоже могли входить в компанию) «в силу указов[12] векселями не велено обязываться», в подобных случаях делалось исключение, «потому что они вступили в компанию с купцами и подпиской обязались в круговую поруку»[13]. Таким образом, купцы, входившие в ту же компанию, своим капиталом гарантировали выполнение крестьянами взятых по векселю обязательств.

В случае если судно не возвратится из вояжа в срок, и, следовательно, векселя не будут в срок оплачены, то имущественная ответственность распределялась по всем участниками компании равномерно.

Как правило, «главными компанейщиками» были купцы. Тот из них, кто имел наибольшее число паев (обычно свыше 30 %), считался главой компании, и его именем она называлась.

Затем определялось количество паев «на-сход». Это были паи, которые продавались лицам, не участвовавшим в строительстве и снаряжении судна. Владельцы паев «на-сход» обычно были одновременно и работными людьми и имели право только на долю в промысле. В контракте подчеркивалось, что владельцы паев «на-сход» не должны вмешиваться ни в какие дела компании, за исключением самого промысла, – «до судна и протчего им дела нет».

К тому же, если валовые или основные паи сохранялись за владельцами после возвращения судна с промысла и при организации новой экспедиции, они оставались полноправными участниками компании, то паи «на-сход» действовали только в пределах одного вояжа.

Владелец пая «на-сход», также как и основной компаньон, обязан был выставить работного человека на каждый пай или же отправиться на промысел самостоятельно. Если владелец «валового» пая в случае побега работника с корабля до выхода в Тихий океан сохранял право на долю в промысле, то компанейщик, имеющий пай «на-сход» это право терял, и ему выплачивалась по возвращении только та сумма, которая была им внесена в актив компании[14]. Тем самым компаньоны, владевшие подобными паями, оказывались в неравном положении по сравнению с другими членами компании.

Наконец, определялось число «суховых» паев. Они давались «за работу», их владельцы имели право только на долю в промысле, «до судна и такелажев дела им нет»[15]. В отличие от первых двух, они не обеспечивались работными людьми. Действителен он был только на один вояж.

Имели место случаи, когда компаньоны продавали частично или полностью свои паи другим лицам. Так, главный «компанейщик» С. Красильниковпродал один из своих 13-ти основных паев крестьянину Яренского уезда Герасиму Офилгину «на-сход» за цену «по особливо заключенному между ними контракту»[16]. Тотемский крестьянин Григорий Елагин не был в состоянии послать на имевшиеся у него два основных пая работных людей (все участники компании обязаны были выставить на каждый свой пай работного человека) и поэтому один пай отрабатывал сам, а другой – его полупайщик, то есть человек, согласившийся работать за него в компании за половину пая[17].

В большинстве случаев «компанейщики», владевшие одним паем, принадлежали к малосостоятельным слоям населения, и им было не под силу нанимать промышленных. Поэтому они были одновременно и компанейщиками и работными людьми. Кроме того, большинство из них должны были по возвращении из промысла уплатить компании деньги, которые они ей задолжали при покупке паев. Долговые суммы были различны – от 60 до 120 рублей, в зависимости от состоятельности того или иного лица, приобретшего паи «на-сход». Не располагая средствами, эти люди покупали право на участие в компании в долг у нее же, рассчитывая в случае успешного промысла не только уплатить долги, но и создать себе известное благосостояние. Долговые обязательства так же отражались в контракте[18].

В случае если после благополучного возвращения компания вторично отправляла возвратившееся судно на промысел, все ее основные участники должны были нести расходы на его снаряжение в соответствии с количеством имевшихся паев[19]. При этом разрешалась замена русских промышленников местными жителями, а также исполнение обязанностей работного человека самим компаньоном[20].

Так как обычно компании образовывались только на один «вояж», а затем распадались

12 Полное собрание законов Российской империи : Собрание 1-е (ПСЗ). – Т. XV. – № 11204.

13 АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 7. Л. 224 об.

14 Там же. – Л. 225 об.

15 Там же. – Л. 226 об. – 227.

16 АПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 7. Л. 279 об.

17 Там же.

18 Там же. – Л. 232–235.

19 Там же. – Л. 229 об.

20 Там же. – Л. 282 об.

(часто после гибели судна)[21], то наличие такой оговорки в контракте имело особо важное значение. Оговорка свидетельствует о намерении придать компании более устойчивый характер.

Как отмечалось выше, все участники компании обязаны были выставить на свой пай работного человека и снабдить его «всем на вояж потребным»[22]. В случае его смерти, болезни или бегства до отправления судна хозяин был обязан выставить другого работника[23], в противном случае он терял право на получение части промысла (если, конечно, он не был владельцем валового пая); если же подобный случай происходил во время плавания, то за компанейщиком сохранялось его право на долю в «упромышленном»[24].

Команды работных людей составлялись путем найма, который осуществлялся в соответствии требованиями Большерецкой канцелярии или командира Охотского порта, в зависимости от того, откуда уходило судно на промысел. Разрешалось нанимать работников из числа «охотно желающих разных городов людей … с указанными и непросрочными и в здешней канцелярии явленными пашпортами … а с просроченными и неявленными пашпортами под штрафом не принимать»[25]. Количественно наем не ограничивался.

С каждым работником, как правило, подписывался контракт, в котором указывалось: «1-е – был он из полупая промысла (или «ис платы» – И.С.); 2-е – чтобы работный исправлял все компанейские и в препровождении судна работы»; и порядок расчета с хозяином по долгам[26].

Команды комплектовались не только из русских, но и камчадалов, которые за свою работу получали гораздо меньше первых, завербованных на).

Администрации было выгодно отпускать аборигенов на промысел, так как купцы сразу уплачивали казне недоимки коренных жителей, которые были не в состоянии аккуратно платить ясак. Участники компании платили в казну за нанятых ими камчадалов дань, а самим членам команды жалование. При этом почти каждый нанятый камчадал просил у своего хозяина причитающиеся ему деньги.

Имели место и такие случаи, когда купеческие компании договаривались о найме людей не с самими камчадалами, а с их тоенами. При этом договоренную сумму получал не сам нанимавшийся, а старейшина. Камчадальские вожди по своему усмотрению выдавали часть полученных денег тем, кто их отрабатывал, или не давали совсем.

Обязательства по уплате в казну подушной и иной подати и капитальных денег в зависимости от того, к какому сословию принадлежали работные люди, копания так же брала на себя[27]. Капитальные деньги вносились за купцов 3-й гильдии, которые, хоть и не часто, но нанимались в работные люди на суда, отправлявшиеся на пушной промысел[28].

Условия найма промышленных были двоякого рода: «ис платы» и «ис полупая» («ис половины пая промысла»)[29]. «Ис полупая» работный человек получал заработную плату натурой (мехами), составлявшей половину пая, размер которого определялся в зависимости от промысла. Эта система была более распространена, так как она стимулировала промышленников добывать как можно больше мехов и, соответственно, получать больший доход на свой полупай.

Отдельно в тексте контракта отражались полномочия передовщика и морехода, с которыми некоторые компании заключали отдельный контракт.

После определения и уточнения всех основных положений деятельности компании несколько главных компаньонов подписывали контракт и ставили на нем свои печати. Подписанием «валового контракта» и завершалось по сути дела правовое оформление купеческой промысловой компании.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Оп. 1. Д. 538. Ч. II; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Российско-американской компании (РАК). Оп. 888. Д. 7. Более ранние и более поздние документы в РГАДА и АВПРИ, не сохранились. В связи с гибелью иркутского и камчатского архивов можно считать эти контракты почти единственными, сохранившимися до настоящего времени. Макарова Р. В., касавшаяся в своем исследовании контрактов (в конце 1940-х – начале 1950-х гг.), утверждала, что их сохранилось только четыре, но в фонде Российско-американской компании в АВПРИ удалось обнаружить еще несколько валовых контрактов.

21 Окунь С. Б. Возникновение Российско-американской компании. // Исторический сборник. – № 5. – М.-Л., 1936. – С. 257.

22 РГИА. – Ф. 13. – Оп. 2. – Д. 52. – Л. 74.

23 АВПРИ. – Ф. РАК. – Оп. – Д. 22. – Л. 96.

24 АВПРИ. – Ф. РАК. – Оп. 888. –Д. 7. – Л. 224 об.

25 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 199. – Оп. 2. – Д. 534. – Ч. IV. – Тетр. 3. – Л. 77 об.

26 РГИА. – Ф. 13. – Оп. 2. – Д. 52. – Л. 73.

27 РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 52. Л. 137–137 об.

28 РГАДА. Ф. 7. Д. 2349. Ч. V. Л. 22.

29 РГАДА. Ф. 7. Д. 2349. Ч. I. Л. 119 об.

ЛИТЕРАТУРА:

1. АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 22. Л. 15–28 об. См. контракт компании И. Никифорова (АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 22. Л. 11–12 об.)
2. *Петров А. Ю.* Образование Российско-американской компании / отв. ред. академик Н. Н. Болховитинов – М., 2000. – С. 35–36.
3. *Петров А. Ю.* Специфика финансово-хозяйственной деятельности русских торгово-промысловых компаний на Северо-Западе Америки во второй половине XVIII в. // Русская Америка, 1799–1867: материалы Международной конференции / отв. ред. академик Н. Н. Болховитинов – М., 1999. – С. 145.
4. *Тихменев П. А.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действие ее до настоящего времени. – Ч. I. – СПб., 1861. – С. 7.
5. *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. – М.: Наука, 1968.– С. 100.
6. АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 71. Л. 1.
7. АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 7. Л. 224 об.
8. АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 22. Л. 95.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 13. Оп. 2. Д. 52. Л. 72.
10. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е (ПСЗ). – Т. XV. – № 11204.
11. АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 7. Л. 224 об.
12. Там же. – Л. 225 об.
13. Там же. – Л. 226 об. – 227.
14. АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 7. Л. 279 об.
15. Там же.
16. Там же. – Л. 232–235.
17. Там же. – Л. 229 об.
18. Там же. – Л. 282 об.
19. Окунь С. Б. Возникновение Российско-американской компании // Исторический сборник. – № 5. – М.-Л., 1936. – С. 257.
20. РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 52. Л. 74.
21. АВПРИ. Ф. РАК. Оп. Д. 22. Л. 96.
22. АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 7. Л. 224 об.
23. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Оп. 2. Д. 534. Ч. IV. Тетр. 3. Л. 77 об.
24. РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 52. Л. 73.
25. РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 52. Л. 137–137 об.
26. РГАДА. Ф. 7. Д. 2349. Ч. V. Л. 22.
27. РГАДА. Ф. 7. Д. 2349. Ч. I. Л. 119 об.

БЫВШЕЕ СЕЛО МАШУРА (МАШУРОВО) (КРАТКИЙ ОЧЕРК)

Середин А.

Машура – ныне несуществующее село, расположенное в долине реки Камчатка, на территории современного Мильковского района Камчатского края. Это село имело очень богатую историю. Впервые Машуринское стойбище упоминается в документах семнадцатого века, о нѐм довольно подробно писал С. П. Крашенинников (1, с. 510).

С. П. Крашенинников в своем труде дает такую справку: «Машура, по ительменски– «Кунупочич, а по-русски Машурин (острожек) называемый, в рассуждении многолюдства нет ныне подобного на Камчатке.

Он стоит на левой стороне Камчатки реки при устье озѐрного истока Пхлаухчича. Строений в нѐм 9 земляных юрт, 83 балагана и хоромы изрядные, в которых живѐт тойон со своим родом» (1). Сам Степан Петрович Крашенинников побывал в Машуре примерно в 1744 году.

С 1745 г. рядом с Машурой при устье озерной протоки Пхлаухчича непродолжительное время существовала русская заимка из крестьян, переселенных сюда для сельскохозяйственных работ. После нескольких неудачных попыток разведения пшеницы работы были прекращены. Здесь же стояла небольшая часовня. Для обучения отроков грамоте в 1750-х гг. в Машуре открылась школа. Лессепс (Жан-Батист Бартелеми Лессепс, участник плавания Лаперуза, возвращавшийся через Сибирь ко двору Людовика XVI. Разведка в русских владениях была одной из задач Лессепса). [2] в 1780-х гг. сообщал: «Острог Машура был из числа лучших на полуострове, когда еще не было в оном оспы, но сия жестокая болезнь так его опустошила, что двадцать только фамилий осталось после того».

В 1851 году Дитмар (Карл фон Дитмар являлся чиновником Горного министерства – авт.) насчитал в Машуре 10 жилых домов со службами, а жителей (56 душ) нашел «свежими и здоровыми» (3). Тойоном был Мерлин из старого камчадальского рода, прославленного знаменитыми предками. Рогатого скота было 31 голова, лошадей – 7, огороды прекрасные. Местное название Машуры по Дитмару – Кых-по-терш. «Поселение расположено очень живописно на высоком левом берегу главной реки и окружено рослым, густым хвойным лесом, 10 жилых домов со службами были в полной исправности и порядке; жители (33 мужчины и 23 женщины) имели свежий и здоровый вид… Мерлины (род тойонов-вождей) принадлежат к очень старому камчадальскому роду, который ведет свое начало от одного древнего народного героя… Предком Мерлиных был Божош, знаменитый воин камчадальских легенд; далее один из Мерлиных победил и убил великого харчинского витязя и разбойника Гулгуча (Голгоча), угнетавшего и грабившего всю страну. В старину, еще до прихода русских, Машура принадлежала к числу самых больших острогов Камчатки, да и теперь еще по своему положению составляет одно из наилучших поселений полуострова. В пору первого водворения здесь русских в ближайшем соседстве этого острога находилась также и русская деревня. При нашем посещении, у обывателей Машуры имелось рогатого скота – 31 голова и лошадей – 7. Огороды здесь содержались в хорошем порядке и приносили достаточный урожай. Между прочим, и поселения свои здешние жители, говоря между собой, называют исключительно камчадальскими именами: так Толбача называется Тол-у-ач, Чапина – Шепен, Машура – Кых-по-Терш, Кырганик – Кирген» (3, с. 352–353).

Через полвека после Дитмара, В. Л. Комаров в «Путешествии по Камчатке в 1908–1909 гг.» так пишет о селе Машура:

«Только в Машуре есть почтенный старец Феоктист Пермяков, который и понимает, и сам говорит по-камчадальски. Этот Пермяков, уже больной и потому не всегда доступный для собеседования человек, сообщил И. Г. Протопопову, что Машура по-камчадальски – Контопшок, река Кимитина (близ Машуры) – Китхлинык. Мы застали в Машуре 84 души жителей, 16 хозяйств при 18 балаганах, располагающих 56 головами рогатого скота и 11 лошадьми: собак 305, нарт 97, батов 29. Словом, по-камчадальски, это уже большое селение. Однако я бы сказал, что население в упадке, большой процент больных и какая-то общая вялость и беспечность бросаются в глаза очень резко. Запор они ставят едва ли не слишком поздно, так как не могут совладать с рекой до полного спада вод. В этом году И. Г. Протопопов видел запор только что поставленным к 25 июля; понятно, что и заготовка на зиму у них неважная. Одной из достопримечательностей Машуры являлась старинная часовня с восьмиконечными крестами» (4, с. 229). Исходя из изложенного Крашенинниковым, Дитмаром и Комаровым можно прийти к выводу, что

сельскохозяйственные опыты населения ни к чему не привели, из-за ранних заморозков и суровых континентальных зим попытки заняться хлебопашеством не увенчались успехом.

Однако огромное распространение получило огородничество и картофелеводство. По одной из версий, впервые на Камчатку картофель был привезен в 1780 году по приказу начальника Камчатки Рейнеке (5, с.54), и именно в долине реки Камчатки для него были самые благоприятные условия. Но сельским хозяйством местное и переселенное русское население занималось неохотно из-за его убыточности.

К концу XIX века потомки русских хлебопашцев «окамчадалились» и занимались теми же хозяйственными занятиями, что и местное население, однако огородничество заброшено не было. Более того, опыты хлебопашества не прошли бесследно. В. Л. Комаров отмечает: « Экскурсия на покосы машурцев выяснила, что лучшие покосы с прекрасными зарослями пырея расположены на местах старых пашен и опытных участков. Аллювий Камчатки, по-видимому, достаточно плодороден, хотя полоса его, сжатая устьями стариц и болотом не очень велика. Кроме того, самый состав растительности здесь немного искусственный; в наследство от культуры достался пырей и клевер, присутствие которого сильно улучшает сено. Этим как бы указывается путь (травосеяние) для будущей помощи начаткам сельского хозяйства на полуострове» (4, с. 229). Другая проблема – демографическая – всегда стояла очень остро. Весь XVIII и конец XIX веков село сотрясали эпидемии оспы и проказы, что отрицательно сказывалось на численности населения Машуры. Последнее поветрие проказы произошло в долине реки Камчатки в 1893–1894 гг. Из-за чего к началу XX века село пришло в упадок.

Основным занятием жителей Машуры, как и в других камчатских селах, были рыболовство и охота. В 1894 г. здешние охотники добыли 71 соболя, 48 медведей, 25 лисиц и 19 выдр. На огородах машурцы собрали 414 пудов картофеля, 61 пуд репы, выловили 38 000 рыбин. Через полвека после Дитмара гидролог В. Н. Лебедев застал здесь совсем другую картину: «…расположенное в таком живописном месте, производит довольно безотрадное впечатление: бедность, особенно поражающая по сравнению с Толбачиком и Мильковым, какая-то пришибленность, унылые жалобы на судьбу. Впечатление такое, точно люди на все махнули рукой» (4, с. 223).

По статистическим данным, приведенным в книге доктора Н. В. Слюнина (6, с. 136), в 1895 г. в селе Машура имелось 15 домов и 102 человека населения, таким образом, Машура является вторым по величине после села Мильково (43 дома, 338 человек). В двадцатых годах двадцатого века люди покинули древнее село и перебрались на новое место. Переселение было необходимым – река неумолимо подмывала берега, от Машуры уже к 1925 году мало что оставалось. Почему так произошло?

Из-за больших паводков река Камчатка постоянно меняет свое русло на отдельных участках. Там, где потоки воды бывают слабыми русла «блуждают» и, в конечном счете, исчезают, образуя так называемые «озерины» и старицы, которые в конце концов избавляются от водыи зарастают травой и лесом. Сильные по мощности потоки промывают глубокие русла и служат основным течением реки достаточно большое количество времени, около нескольких столетий. При сопоставлении карты С. П. Крашенинникова и современной, разница которых 250 лет, можно прийти к выводу, что именно перемена русла реки Камчатка послужила тому, что левый берег реки в районе Машуры стал выше правого, и река стала его подмывать. При большом паводке во время весны может смыть до 10 метров берега. К началу XX века река смыла большую часть села.

До 1925 г. в Машуре находилась фактория, куда катера из устья реки Камчатки привозили товары для верхних селений Щапино, Кирганика, Мильково, Верхнекамчатска, Шаром. В 1925 г. факторию передали Мильковскому кооперативу. По переписи 1926 г. численность населения по сравнению с 1909 г. несколько возросла и составляла 107 чел., в том числе 64 мужчины и 43 женщины.

К 1920-м гг. на Камчатке происходит заметное расслоение населения, в том числе и среди местных жителей. Появляются «передовики» – зажиточные хозяева. В 1929 г. журналист В. Канторович посетил в Машуре дом, где в хозяйстве было 11 лошадей, 11 свиней и три коровы, имелась американская кафельная печь. 26 августа 1928 г. газета «Полярная звезда» сообщила, что в селении Машура прошли первые киносеансы: «Население очень заинтересовано, кино многие видели первый раз, и теперь все время вспоминают эти три вечера. Некоторые граждане говорят: «Как вспомнишь, так и становится на душе весело, хорошо бы все время смотреть кино». А вот еще одна яркая картинка из жизни того времени: «9-го июля 1928 в селение Машура прибыл агиткунгас, следующий по реке Камчатке. В этом агиткунгасе работает т. Петров (инструктор Районного измерительного комитетат – РИКа), доктор Вымлятил, Голованов (Окружное земельное

управление – ОКРЗУ), Ноздрин (райполитпросветорганизатор). Товарищи дали живой инструктаж – разные разъяснения и указания. Товарищ Голованов размерял огородные площади и разъяснял крестьянам и крестьянкам, как сажать овощи, как снимать и вообще, как с ними обращаться. Некоторые женщины поняли совет т. Голованова и на будущий год хотят провести опыт, как он учил» (7, 8).

В 1932 г. здесь было 31 хозяйство, в том числе 27 колхозных, три единоличных и одно «кулацкое». В 1933 г., по данным райисполкома, осталось 29 хозяйств, 111 жителей, в том числе 70 бедняков, 36 середняков и пять «кулаков». Из них 110 камчадалов и один русский. Камчадалы начали строить просторные жилища. Так, Всеволод Васильевич Мерлин возвел рубленый дом длиной 8,85 метров, шириной 7,2 метра и высотой 2,58 м.

В начале 1930-х гг. река Камчатка поднималась настолько, что по единственной оставшейся улице нельзя было ходить, по улице передвигались на батах. Трое молодых местных жителей Елисей Горковенко и братья Георгий и Тихон Красильниковы (хотя я встречал такую информацию в рассказах старожилов, что первыми были представители другой местной ветви Красильниковых – Иноккентий и Максим. – А. С.) переселились из Машуры на новое место, где основали селение Долиновку. Через несколько лет сюда переехало большинство жителей Машуры, где в 1935 г. остались всего шесть хозяйств. В 1936 г. на новое место жительство перебрались и они. Дома разбирали и венцы перевозили на плотах. Так прекратило существование это старинное камчадальское село (7, 8).

Однако и после того как решением Усть-Камчатских районных властей село было закрыто официально, оно не было брошено. На месте смытого машуровского кладбища до 1970-х годов был сенокос, до которого из Долиновки добирались на батах. По воспоминаниям одной из белорусских переселенцев, М. А. Нестерович, во время Великой Отечественной войны колхозники ходили на батах до машуровского сенокоса. От Машуры к тому времени остался только один небольшой амбар.

В конце 1960-х годов в стороне от сенокоса была проложена старая трасса Мильково – Ключи – Усть-Камчатск. По дороге стало возможным передвигаться на технике, в частности на тракторах. Сенокос был распахан, и на нем выращивали картофель. Поле было заброшено в начале 1990-х гг. в связи с ликвидацией долиновского отделения совхоза «Лазовский». В настоящее время от сенокоса осталась полоса вдоль берега реки Камчатки, с каждым весенним паводком она становится все меньше и меньше. В 2006 году рыбаками были случайно обнаружены в берегу два кострища конусовидной формы. В них находились куски битой фарфоровой посуды. Клейма на посуде показали, что она была китайского производства. Также на месте одного из кострища автором была найдена ружейная гильза американского производства с надписью « 30–30. REM-UMC».

На берегу были обнаружены обломки досок и бревен, и обрывки шкур оленей, предположительно деталей одежды. В самом берегу, немного выше кострищ, был размыт угол бревенчатого сруба. Из-за того, что он был в земле, бревна сохранились достаточно хорошо. Зачем же были нужны эти кострища больших размеров?

В. Л. Комаров еще в 1909 году дал ответ на этот вопрос:

«С выходом из Кирганика для лошадей наступило особенно тяжелое время; оводы и комары все время досаждали им, что лошади почти не ели, а все время льнули к дымокурам. Дорога также была не из легких. Поэтому в Машуре я решил им дать трехдневный отдых. Выбрав достаточно хорошее пастбище, мы устроили род загонов, защищенных дымокурами, где и спасались лошади днем, ночью же холод прогонял комаров» (4, с. 228).

Американское происхождение ружейной гильзы указывает на торговлю между американцами и местным населением, а так же на наличие у жителей охотничьего оружия иностранного производства. Старожилы села Долиновка вспоминают, что «до 80-х годов старики ходили на медведей с «Винчестерами», пока постановление не вышло, после которого нарезное оружие у населения стали изымать».

Летом 2006 года мощным паводком кострище и сруб были смыты. В 2007 и 2009 годах паводки такой силы повторились. Рекой были уничтожены последние приметы. Казалось бы, делать там было уже нечего… Туда и пробраться во время большой воды было непросто, да и разглядеть что-либо тоже… Но…

Второй раз я оказался в этом месте только через 5 лет, летом 2011 года.

Ниже я привожу информацию в форме дневника.

14 августа 2011 года.

«Поехали с отцом на Машурово в 13.00, несмотря на то, что с утра в деревне прошел дождь. Наш «Урал» бойко бежал по гравийке старой трассы.

Проехав урочище Отхолок нам стали попадаться лужи, вода в которых была чистая-чистая, никакого ила и грязи, только камешки и песок. Старая трасса, несмотря на то, что по ней уже лет 15 со времен ликвидации совхоза как никто массово не ездит и лет 15, как никто не грейдерует и за ней не следит, наполовину заросла тальником, березками и елками. А центр дороги – проезжая часть – довольно сносная и ровная, даже нет таких крупных выбоин и колдобин, которые попадаются в самой Долиновке. Мост через Бродовую, который мы преспокойно проезжали на тракторе в апреле 2006 года, оказался скособоченным и снесенным течением.

На мотоцикле переехали вброд, вода скрыла половину цилиндров (сантиметров 30 от земли). Дальше двигались по дороге. Где-то через 20 минут доехали до озера. Воды там нет, но оно заросло высоченной травой. Рядом стоит НУП, дальше дорога смыта. Можно конечно и объехать, но зачем.

Глядя на торчащие над водой бревна с гравием, я, можно сказать, пребывал в ступоре, если не в трансе: удивление было настолько велико.

По этой дороге пять лет назад мы ехали на МТЗ с двухтонным прицепом и дальше заворачивали еще метров пятьсот по полю. Я и подумать не мог, что за каких-то несколько лет все может так поменяться. Вот что значит сила природы, против которой ничто не устоит и ничто не застраховано нигде и никогда…

Говорили, в 40-е еще стоял один машуровский амбарчик, который находился на берегу. Дороги еще не было, до него добирались на батах вверх по течению…

Речка сменила русло, и там, где идет увал, скорее всего тот, который в 1909 году фотографировал Савич, член отряда Комарова, уже сухо и западнее намыло остров. Поле очень сильно заросло травой, которая была выше человеческого роста. В 30-е годы на этом месте был покос, до которого добирались с Долиновки на батах. В 1976 году, по воспоминаниям старожилов, покос был заброшен. Несколько лет после этого поле еще распахивали под картошку. Каждую весну приезжал представитель военных и наблюдал, чтобы при вспашке не задели кабель связи. Время от времени его переносили ближе к дороге. На мотоцикле подъехали к берегу. Похоже, старое кладбище, которое дядь Коля (Николай Николаевич) Докучаев случайно нашел зимой 2006 года, смыло полностью.

Где-то с полчаса проходили по берегу, никаких следов, кроме куска кабеля, который уходит из земли в речку. Судя по всему, это первый кабель, который тянули через поле военные где-то в середине 50-х годов. Может он даже под напряжением, проверять как-то не захотелось…

Позже, уже в 1980-е его перенесли поближе к дороге. Воинская часть связистов стояла в 50-е годы в Долиновке, там, где сейчас улица Белорусская. Впрочем, это отдельный эпизод и к теме не относится.

Сам берег обвалился, и высота его у речки примерно 3–3,5 метра. Попадаются участки плотного гравия, который пропитан чемто черным. Может, это какая-то сажа, может, перепревшая трава, такой же слой иногда попадается в слоях глины на глубине около метра или полутора. Возможно, это следы какого-нибудь грандиозного лесного пожара. Может быть, по соседству располагались кострища, функции которых в 1909 году пояснил В. Л. Комаров (Писал выше). Так как комаров и гнуса летом в этих местах и сейчас полно, то можно смело утверждать, что кострищ-дымокуров здесь было довольно много.

Нашли в берегу какие-то доски. Наверно, это был какой-то небольшой амбар или сарай в виде полуземлянки. Размер: два метра в ширину и метра 4 в длину. С длиной определиться сложнее – неизвестно сколько смыло.

В берегу хорошо был виден срез земли и видна линия, где у этого сарая был пол. Доски эти уже практически истлели. Попадались и жерди диаметром где-то сантиметров сорок. Скорее всего, это была крыша, потому что на полы употреблялся материал посолиднее. А может быть, это был пол, потому что в одном углу отец копнул лопатой и вытащил несколько осколков стекла и фарфора и винтовочную гильзу.

Гильза эта имела клеймо REM-UMC, а по другому краю было выбито «30. USA». Позднее, уже в Петропавловске, было определено, что когдато это был патрон к винтовке «Краг-Йоргенсен» обр. 1896 года завода «Ремингтон», основному оружию американского пехотинца в испано-американской войне 1898 года (под такой патрон выпускали и «Винчестеры» модели 1894 года). После 1906 года американское правительство выпускало партии снятых с вооружения таких винтовок в коммерческую продажу.

Также были найдены и определены: гильза завода «Винчестер» калибра 45–70, до 1890-х годов он был штатным боеприпасом к винтовке «Спрингфилд» М1873 , можно сказать, американскому аналогу отечественной «Берданки» 1-го образца, также после снятия с вооружения такая винтовка была довольно часто распространена в качестве охотничьей в Северной Америке и русском Дальнем Востоке, где довольно актив-

но продавалась в конце XIX – начале XX вв. Кроме того, такой тип патрона выпускался да и выпускается сейчас для револьверов и спортивной стрельбы.

Результатом поисков были шесть гильз разных калибров. Причем три из них калибра 30–30 (именно этот калибр воспевал Джек Лондон в своих произведениях о золотой лихорадке), такую же я нашел на месте кострища в 2006 году. Что интересно, они пролежали в земле минимум 80 лет, а капсюли были как новые, наверно, из нержавейки. Так что фирма «Ремингтон» может гордиться качеством своей продукции. Еще были найдены гильза с вставленной задом наперед пулей. Уже дома пулю я переставил как надо…

После промывки проявилось клеймо «W.R.A.CO.44 WCF», он же «Винчестер» 44 калибра образца 1866 года.

Гильза эта скорее всего, принадлежала «Винчестеру» М1866, самой первой модификации, а также более распространенной модели М1873, имеющем в США прозвище «ружье, завоевавшее Запад».

Согласно технологиям того времени пуля свинцовая с тремя поясками. Вторая пуля такая же, но, похоже, что оплавленная, с одним целым пояском. Может быть, это заводской брак. Скорее всего, такие винтовки американские торговцы продавали местному населению в 1890–1920-е годы.

Также на берегу были подобраны: стекло, ручка от эмалированной железной кастрюли, различный битый фарфор, железный крюк и кусок кожи. Также интересна какая-то зеленая пластинка с высверленным отверстием, похожая на керамическую.

Стекло, которое попалось, явно оконное и тонкое, явно не наше производство, у нас до сих пор делают толстые оконные стекла.… Также можно сказать и про фарфор. Расписан красиво и тонкий. Наверно, это был товар фактории, которую перевели в Мильково в 1925 году, незадолго до ликвидации Машуры как населенного пункта. После того, как землянка кончилась, мы поехали на пески, расположенные чуть выше по течению. Проехали мимо урочища «Кресты», название которого не удается выяснить; даже старожилы, жившие в Долиновке в 20–80-х годах, не знали, почему это место так названо. Может быть, там было кладбище еще одно, о котором писал Стеллер, где хоронили казаков и всех остальных. Речке недалеко до этого места осталось…

Приехали на Пески. Речку в этом месте я спокойно перешел в сапогах, отец нашел какой-то медный лист, я так думаю – это труба от самовара. Речка здесь промыла весной русло ближе к левому берегу и образовала остров. Ходили примерно час. Кругом гравий и следы медведей. Может быть, следующим летом русло пройдет где-то неподалеку…

Наше внимание привлек бывший понтонный мост, который возвели в 1984 году переправлять технику на дорогу, которая ведет на Уртцы (Названо по расположению на реке Урц. Исключено из списков населенных пунктов (из учета данных) 23 апреля 1967 года).

Речка так его обошла, что часть моста стоит на намытом островке из гравия, а стенки на берегах остались в виде опор, которые называются «быками» – четырех – пяти бревен, вертикально вбитых в грунт и связанных поперек стальными тросами. Сам мост сбит коваными скобами из арматуры. На нем во времена долиновского отделения совхоза «Лазовский» на другую сторону реки к покосам переправляли технику с помощью парома. «Быки» крепко держатся. За 20 паводков и времен «большой воды» хорошо сохранились. Берег, у которого они вбиты, не смыло с 1984 года ни на один метр. Хорошее техническое решение, которое не помешало бы применить на берегу Долиновки, где земля на высоком берегу обваливается со страшной силой и скоростью при каждой «большой воде».

На правом берегу валяется небольшой катерок, который и перевозил понтоны. Уже проржавел, и, судя по кострищу и мусору вокруг него, тут временами живут люди, которые пытаются в этих местах рыбачить.

В начале шестого выехали обратно домой. Не знаю почему, но проезжая мимо заброшенных совхозных строений, я думал, что лет через 80 Долиновку та же судьба ждет… Один в один все повторяется. Тот же правый берег. Тот же высокий. Та же река. Те же условия. Такое же отношение… Приехали ровно в шесть вечера. Пока помыл фарфор, поделал дела по дому, вечером уже часов в 11 залил гильзы белым строительным герметиком с ароматом уксуса, чтобы они не развалились, когда буду чистить…»

15 августа 2011 года.

«Натер с утра кусок старого валенка пастой ГОИ и стал чистить. В принципе неплохо. Отец сказал, что дядя Миша (местный старожил Михаил Георгиевич Красильников) видел место второго кладбища у Машурово, ему в детстве его отец показывал. Было это в середине прошлого века. Оказывается, их было два – село-то было большое. На первом – гробы и кости мы видели в 2006 году – хоронили тех, кто умер во время поветрия оспы и проказы в 1893–1894 гг.

Оно функционировало до самого закрытия села в 1936 году, а старое кладбище находилось немного дальше от речки на месте теперешнего урочища «Кресты». И там, и на озере какие-то остатки строений. Может, втроем съездим на следующие выходные. А пока – дела текущие…»

20 августа 2011 года.

«Погода утром была отвратительная. Было темно и пасмурно, даже что-то накрапывало. Часам к трем погода установилась. С отцом на мотоцикле заехали за дядей Мишей (Михаилом Георгиевичем Красильниковым) и поехали в направлении Машуры.

Доехали примерно за полчаса. Он говорил о том, что в 1974 году неподалеку от озера нашел несколько ям прямоугольной правильной формы. Они стояли на небольшом пригорке, на западном берегу озера. По приблизительным подсчетам глубина этих ям-западин – метр – полтора, размер примерно 6 × 3 метра. Искали мы их примерно часа два. Почти все исходили вокруг озера, спугнули где-то полсотни уток.

Пошли через хвощ, перешли ручей, который вытекает из озера. (По-моему у Крашенинникова я об этом читал, но не могу понять, что за жемчуг там добывали, и где стояла часовня). По Крашенинникову, Машура стоит на левой стороне Камчатки реки при устье озерного истока Пхлаухчича. Строений в нем 9 земляных юрт, 83 балагана и хоромы изрядные, в которых живет тойон со своим родом». Возможно, это как раз остатки этих строений.

Возможно, это следы русской деревни, появившейся здесь в примерно в 1741–1742 гг. Все заросло лесом и где теперь опытные пашни и участки, установить не удастся. Идем по западному берегу. На холме находим еще несколько ям правильной формы, одна длиннее других и даже с канавой. Может быть, это был вход? А может и часовня, место открытое, высокое, как раз вход у часовни должен быть на восток… но это только предположения.

Идем дальше. Немного углубляясь в лес, идем и смотрим. Дядя Миша говорит о том, что спрашивал своего отца, Красильникова Георгия Тихоновича (1909–1983), об этих ямах. Тот рассказывал ему, что в детстве они там играли. Уже тогда, на детские вопросы старики не знали, что ответить, потому что не знали, что это за ямы. Судя по его рассказам, с 1910-х по 1970-е годы ямы форму не поменяли. Я все-таки думаю, что это либо камчадальские жилища, либо место, где стояла русская заимка в 1740-е годы. Чтобы внести ясность, надо будет съездить сюда, когда будет наст, потому что через кусты и лесной покров разглядеть это все довольно сложно… Тем более, дядя Миша рассказывал, что ямы эти окружены были большими и толстыми кустами шиповника. В одной из ям растут березы в диаметре около 40 см. Не думаю, что за 25–30 лет такие толстые стволы могли там вырасти.

Итог: нашли несколько западин на западном высоком берегу озера Машуры. Ориентировочно это жилые строения примерно XVIII века. Село до начала XIX века частично находилось здесь.

Большая часть жителей обосновалась на берегу реки Камчатки ближе к 1840-м годам, и там их уже и застал Карл фон Дитмар в 1850-е годы.

Далее едем от Машурова в сторону Долиновки. Дядя Миша указал примерные места, где еще находились кладбища.

Первое – сразу же, где построен НУП, к северу от него напротив дороги идет небольшой прогал, заросший кустарником. НУП построен связистами в 1966 году, и когда снимали слой дерна для того, чтобы покрыть крышу землянки, то нашли кости и пару черепов. Черепа прикопали обратно и больше ничего не трогали.

Далее едем через «Кресты». Это место еще в детстве дяде Мише (1950-е) показывал его отец. Тоже небольшая лужайка, заросшая травой. Итого три кладбища вместо одного.

Самое старое, скорее всего на «Крестах», как самое большое по площади. Возможно, здесь хоронили крещеное население, так как в 70-е годы долиновские пацанята (сейчас им уже лет под 50) ловили на удочки рыбу и детали одежды – пряжки, ботфорты, куски шпаг «времен Очакова и покоренья Крыма» – иногда вылавливали и такое. Место это, конечно смыло, но, возможно, река что-то вынесет на поверхность, что поможет понять, кого здесь хоронили.

Далее идет кладбище около НУПа. Поближе и поменьше. И наконец, кладбище за вторым «новым» Машуровым, которое функционировало до самого закрытия села в 1936 году. По бокам старой трассы есть два заброшенных поля, которые функционировали до 1973 года, когда стали осваивать поля, ближе к селу и больше по площади.

Можно сказать, что когда-то самое большое по численности село Камчатки, быть может помнившее атамана Владимира Атласова – основателя первого русского поселения Камчатки – Верхнекамчатского острога, Машура, в котором останавливались ученые и путешественники Степан Крашенинников и Карл фон Дитмар, где по поручению правительства Николая I проводил агрономические опыты немецкий ученый Кегель (часть его наследства – плоский зеленый лук – до

сих пор растет на долиновских огородах), через которое проходил маршрут отрядов экспедиции будущего президента АН СССР В. Л. Комарова, снаряженный на средства мецената Рябушинского для Русского Географического общества, через которое в 1918 году держал путь к вулканам автор «Дерсу Узала» Владимир Арсеньев, можно сказать, кануло в лету. Кроме нескольких научных трудов больше ничего о нем не напоминает.

В общем, глядя сейчас на эти поля и смытые берега, так и не скажешь, что когда-то давно здесь жили люди. А они тут жили…»

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки: в 2 т. – Петропавловск-Камчатский, «Камшат», 1994.
2. *Родимов С.* Секретная экспедиция на Северо-Восток // СМ Номер один
3. *Дитмар Карл.* Поездки и пребывание на Камчатке в 1851–1855 гг. – Ч. 1. – СПб., 1901.
4. *Комаров В. Л.* Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг. – Петропавловск-Камчатский, 2008.
5. *Пасенюк Л. М.* Иду по Командорам. – М, 1978.
6. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край. – Т. 2. – СПб., 1900.
7. *Борисов В. И.* Машура. – Сайт «Камчадалы. ру»: http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/historykam/istkam 2–3.htm
8. *Борисов В. И.* Восполняя белые пятна. Из истории населенных пунктов долины реки Камчатка. Последнее посещение 12 октября 2011 г.

ОДНА ИЗ УТРАЧЕННЫХ АЛЕУТСКИХ ФАМИЛИЙ – ХАБАРОВЫ

Татаренкова Наталья Александровна,
начальник отдела сохранения историко-культурного наследия
ФГБУ «Государственный природный биосферный заповедник
«Командорский» им. С. В. Маракова», село Никольское

В 2015 г. С. И. Вахрин предложил включить тему российских алеутов в краевой проект «Тайны камчатских имен». Подробнее о командорском направлении можно будет познакомиться в статье «Генеалогия и биографии командорских алеутов» (Материалы XXXVI Крашенинниковских чтений). В числе задач было отследить происхождение современных фамилий и вернуть к жизни образы конкретных людей, живших в нашем регионе.

На сегодняшний день составлены генеалогические таблицы по всем алеутским семьям, переселившимся на Командоры в XIX в. Среди них есть фамилии, известные каждому современному островитянину: Бадаевы, Березины, Голодовы, Григорьевы, Ладыгины, Поповы, Степновы, Сушковы, Удачины, Яковлевы. Есть малочисленные и исчезающие: Артамоновы, Кичины, Прошевы, Синицыны. Те, которые еще на слуху: Аксеновы, Волокитины, Дуришины, Зайковы, Ножиковы, Паньковы, Пахомовы, Хабаровы, Хорошевы. И те, о которых помнят немногие: Будаковы, Бурдуковские, Галкины, Корсаковские, Мальцевы, Мякишевы, Снегиревы, Старцевы, Шипицыны. Есть и такие, о которых знают только краеведы: Еранские, Ивановы, Кадины, Катынчак, Кауровы, Контуйак-Селезневы, Лосевы, Куликаловы, Мершенины, Невзоровы, Николаевы, Ольгины, Песенковы, Степановы, Худяковы, Шадровы, Шангины-Пажук, Юрьевы. В начале XX в. появились новые: Буланниковы, Волковы, Вожиковы, Дебушевские, Добрынины, Кияйкины, Королевы, Кузнецовы, Кузьмины, Петровы, Строгановы, Тимонькины, Тимошенко, Тютеревы и многие другие.

Хабаровы.

Сегодня речь пойдет о Хабаровых. Эта фамилия широко распространена на Дальнем Востоке, однако далеко не все ее носители являются кровными родственниками. Самое раннее упоминание о «камчатском» Хабарове относится к 1739 г.: вместе со своими товарищами, сибирскими казаками Басовым и Суховым, якутский служилый изъявил желание «ходить на Курильские и прочие незнаемые острова для привода в подданство живущих там». Согласно пункту 5 полученной 11 июля 1741 г. инструкции (здесь и далее стар. стиль), Хабаров и Сухов сразу после прибытия из Якутска в Охотск должны были отправиться на Камчатку для строительства судна и организации похода. Все разрешительные документы были на руках, но найти финансирование не удавалось вплоть до возвращения «Св. Петра» экспедиции В. Беринга. Выжившие члены команды рассказали о богатствах необитаемого острова, и деньги в долг нашлись. В зиму 1742–1743 гг. на р. Еловке был отстроен шитик «Св. Петр» под руководством Колокольникова. Принимал ли Хабаров участие в строительстве и морском походе 1743–1744 гг., неизвестно.

Столетием позже на территории Русской Америки также жили Хабаровы: русские, креолы и алеуты. Проследить их связь с Хабаровым из команды Басова не удается.

В 1804–1824 гг. в Атхинском отделе Российско-Американской компании (РАК), а затем в Константиновской крепости на о. Нучек служил великоустюжский крестьянин Петр Андреевич. Он женился на местной уроженке, вероятно, андриановской алеутке. У них родился сын Павел и другие дети.

Другой Хабаров, уроженец Каменской волости Тобольской губернии, крестьянин Петр Семенович в 1850-х гг. заведовал небольшим лечебным заведением Озерского редута на о. Ситка. В 1852 г. лечебница была разгромлена и сожжена индейцами.

В 1830–1840-х гг. на о. Амля жил алеут Степан Хабаров с женой и детьми: Алексеем (1834 г. р.) и Моисеем (1839 г. р.). Их сын Иван и дочь Варвара в 1840 г. были похоронены на том же острове. На соседнем о. Атхе (совр. Атке) жили Хабаровы-креолы: Павел Петрович, его брат Яков и сестра (?) Фекла. 4 февраля 1840 г. Фекла вышла замуж за Л. С. Саломатова. А Яков стал основателем командорской ветви Хабаровых.

Хабаров Яков Петрович (ок. 1817–1885).

Яков родился на одном из островов Атхинского отдела РАК. В отдел входила Андреяновская группа островов, Ближние и Командорские. Социальный статус «креол» говорит о том, что отцом Якова был русский. Уроженец Великого Устюга Петр Андреевич идеально подходит на роль родителя – совпадает имя, а также время и место службы.

В 1830-х гг. Яков учился на о. Атка в православной школе, организованной священником Иаковом Нецветовым. В 1834 г. Хабаров впервые посетил Командоры. Вместе с иподьяконом Лаврентием Семеновичем Саломатовым он сопровождал любимого учителя и духовного наставника о. Иакова. Окормляя приход, Нецветов старался посещать все, даже самые удаленные острова отдела. На этот раз при нем были новопричисленные помощники: Лаврентий исполнял обязанности пономаря, а Яков – ризничего. Поход совершался на гукер-яхте «Мореход» под командованием прапорщика Ф. Ф. Афанасьева.

19 июня судно встало на якорь напротив селения о. Медного. Молельный дом был уже достроен, оставалось только завершить внутреннее убранство. Это радовало – теперь не нужно было устанавливать переносной палаточный храм, который тоже на всякий случай возили с собой. Священник отслужил Божественную литургию, вечерню, утреню и Часы, исповедал и причастил прихожан, окрестил младенцев и отпел усопших. 23 июня «Мореход» снялся с якоря и взял курс на соседний о. Беринга.

В 1939 г., окончив школу, Яков поступил учеником бухгалтера в атхинскую контору. А в первой половине 1840-х гг. контора направила его служить на суровый завораживающий Медный. Он переехал вместе с супругой. Гребницкий указывал, что все дети родились на Командорах. Хабаров был женат трижды: на Евдокии (Авдотье) Шангиной, а затем – Степаниде Трофимовне, предп. Куликаловой (ок. 1840 г. р.), ок. 1878 г. он обвенчался с юной Прасковьей Денисовной Поповой (ок. 1850 г. р.). Все три женщины родили ему детей, всего – 20. Младшие в трудные годы воспитывались у бабки Феклы Поповой. Это была большая дружная семья.

Яков Петрович, как человек грамотный, пользовался уважением земляков. Вел бухгалтерские дела, читал молитвы и крестил новорожденных. В отсутствие священника это было допустимо, крестить мог любой прихожанин, обряд завершался миропомазанием через месяцы или годы – когда приедет священник.

Старик скончался в возрасте 67 лет. Продолжателем семейных традиций стал его старший сын Иван.

Хабаров Иван Яковлевич (ок. 1843 г. р.).

Иван Яковлевич заведовал караулами и защищал котиковые лежбища и бобровые залежки о. Медного с 1880 г., т. е. с первых лет образования охранной службы. В 1883 г. за «отличные действия» его наградили золотыми часами стоимостью 75 рублей. Часы были пожалованы по личному распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Д. Г. Анучина. Ходатайство о награждении «инородца» представил управляющий островами Н. А. Гребницкий. Он же вывез ценный подарок из Иркутска и вручил от лица губернатора. Сперва Анучин распорядился выдать серебряные часы, но через несколько дней изменил решение и оценил заслуги в 3 раза дороже.

Иван Яковлевич был женат дважды. Его большая многодетная семья имела свою особенность: первая избранница была старше супруга на 13–14 лет и имела не менее 5 детей. Креолка Ефросинья Ивановна (ок. 1829 г. р.), вероятнее всего, была дочерью новгородского крестьянина И. Д. Козырева. В 1845 г. девушка вышла замуж за креола Варфоломея Самойловича Аксенова (ок. 1829–1856), а затем обвенчалась с Хабаровым. В исповедной росписи 1867 г. все дети, в том числе от первого брака, записаны как Хабаровы, но из более поздних документов видно, что отчество старших было сохранено. В мае 1887 г. Иван Яковлевич женился во второй раз – на молодой вдове Марии Николаевне Артамоновой, урожденной Зайковой (ок. 1857–1908). Эта ветвь Хабаровых была самой зажиточной на островах.

Дети и внуки пользовались не меньшим уважением. Оба родных сына Ивана и Ефросиньи, Иван и Трифон, были обучены грамоте.

Хабаров Трифон Иванович (ок. 1872 г. р.).

Самое достойное образование в семье Ивана Хабарова получил Трифон. Вероятно, по наставлению дедушки Якова Петровича, Трифон посвятил жизнь служению Богу. Он покинул остров и весной 1887 г. исполнял обязанности псаломщика при камчатском Петропавловском соборе. Летом того же года 15-летний псаломщик сопровождал протоиерея Петра Донского и дьякона Григория Коллегова во время их поездки на Командорские острова. В 1888 г. на Командорах был создан самостоятельный приход с причтом из священника и псаломщика. Первым священником стал Адриан Сериков, псаломщиком при нем – Агафопод Шипицын. С июля 1890 г. Агафопода сменил Трифон. Основную часть времени церковнослужители проводили на о. Беринга. Но когда в 1891 г. штат пополнился, Хабарова определили на родной Медный.

Приблизительно в это же время на о. Медный прибыл священник Николай Прокопьевич Коршунов. Семьи быстро породнились как в духовном, так и в обыденном смысле: в октябре 1893 г. Трифон женился на родной сестре Николая, Ага-

фье Прокопьевне Коршуновой (ок. 1876 г .р.). Восприемниками детей священника были Хабаровы: Семен Иванович, Епистима Яковлевна, Иван Яковлевич. Имела место и обратная связь: крестным отцом сыновей Трифона стал Николай Коршунов. Когда случилось несчастье и умерла жена о. Николая, совсем еще юная Екатерина Яковлевна, фактическое опекунство над малолетними дочками священника взяли Иван Иванович и Епистима Яковлевна. (Надпись на обороте фотографии из семейного архива Добрыниных: «На добрую память дяде Ване и тети – крестной матери Липы Хабаровым от любящих племянн(иц) … и Рики Кор(шуновых)».

Семья Трифона Хабарова уехала с о. Медного в конце 1890-х гг. Не исключено, что их потомков следует искать в Приморском крае.

Хабаров Иван Иванович (1868 г. р.) и его сын Яков (1896 г. р.).

В 1887 г. Иван Иванович взял в жены камчадалку Епистиму Яковлевну Расторгуеву (1869–1926), дочь «матросской девки» Ирины Михайловны. Умная расторопная девушка быстро снискала всеобщее расположение. Детей долгое время не было детей, потом на свет появились: Ефросинья (1893 г. р.), Яков (1895–1896), Яков (1896 г. р.) (в метрической книге [ГАКК Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 23] указано, что Яков родился 24 февр. 1895 г. Но в Поимянном списке к 1896 г. [РГИА ДВ. Ф.1047. Оп. 1. Д. 10] возраст 10 мес. зачеркнут и стоит примечание: «28 февр. 1896 г. родился сын Яков». По всей видимости, было два мальчика, первый из которых умер), Валерия (1897–1984), Владимир (1899–1955), Аркадий (1901–1965), Николай (1903–1941), Петр (1905–1965) и Анна (ок. 1907 г. р.). В 1895 г. был усыновлен 13-летний Харлампий – двоюродный брат Ивана Ивановича.

Наделенный острым умом и великолепной памятью Яков Иванович всегда был на особом счету: с 1924-го исполнял обязанности то председателя, то секретаря месткома. В 1932 г. был избран секретарем тузсовета. В отсутствие священника он помогал псаломщику Семену Снегиреву (1883 г. р.) проводить православные службы и основные требы – крещенье, венчанье, отпеванье. Кроме того, Яков имел ярко выраженные математические способности – там, где другие использовали счеты, он легко и точно вычислял в уме. Его талант нашел применение на флоте: в послевоенные годы Хабаров контролировал перевозку грузов в морском порту г. Петропавловска.

Валерия Ивановна стала женой Николая Михайловича Добрынина. Семью Добрыниных на острове знают и уважают. До сих пор командорцы помнят Владимира Ивановича и его жену Улиту Александровну, усыновивших и отлично воспитавших многих детей. Аркадий Иванович был опекуном Марии Степановны Степновой, в замужестве Буланниковой (1926 г. р.). После смерти жены ребенка воспитывала бабушка Лукия Илларионовна Хабарова.

Хабаров Валентин Поликарпович (1898–1942) и его родственники.

Валентин Поликарпович известен как первый командорский алеут, получивший высшее образование и успешно защитивший кандидатскую диссертацию.

Валентин приходился родным внуком Николаю Яковлевичу (ок. 1846–1905) и правнуком Якову Петровичу Хабаровым. Николай и его жена Марина Семеновна (ок. 1841–1910) воспитали трех сыновей: Павла (1871–1949), Куприяна (ок. 1872–1922, Ключи) и Поликарпа (ок. 1875 г. р.).

Павел упоминается в книге И. И. Барабаш-Никифорова. В 1930–1932 гг. он часто навещал ученого вместе с Иовом Сушковым. Неразлучные друзья всегда приходили вместе и просиживали целый вечер, рассказывая за чаепитием интересные истории из своей богатой приключениями промысловой практики. Старики называли себя «старыми секачами», каждый раз заливаясь при этом добродушным смехом. Павел женился на Александре Семеновне Сушковой (ок. 1874 г. р.). Командорцы помнят их детей: Семена (1891–1964), Бориса (1908–1949), Иллариона (1911–1976?). Николай (1892 г. р.) приблизительно в 1915–1919 гг. уехал на заработки в Америку. Их сестра Елизавета (1899–1971) стала в замужестве Яковлевой, мамой Г. М. Яковлева и бабушкой Тютеревых.

Поликарп был опытным промысловиком, любившим и охранявшим свою землю: в 1906 г. ему был пожалован Военный Орден IV степени «за защиту острова Меднаго от Японцев за время войны 1904 и 1905 годов». Всего таких наград было выдано четыре.

В 1897 г. он женился на Анне Ламберт (1878 г. р.). Анна Франковна была дочерью «гражданки Северо-Американских штатов» Мавры Игнатьевны Ламберт (ок. 1856–1896). Дочь медновского креола Игнатия Артамонова (ок. 1816 г. р.) и Мавры Николаевны (ок. 1818 г. р., урожд. Голодовой) Мавра в 1874 г. стала женой служащего американского торгового дома «Гутчинсон, Кооль и Ко» Франка Ламберта (умер не позднее апреля 1881 г.). Овдовев, женщина вышла за-

муж повторно за креола Иллариона Михеевича Бадаева (ок. 1866–1910). Их общие дети носили фамилию отца, а Анна и ее брат Константин (ок. 1874 г. р.) – Ламберт. Семья Поликарпа и Анны была небольшой – всего двое детей: Валентин (1898 г. р.) и Алла (ок. 1907 г. р.). Средний Иван (1901–1901) прожил только месяц.

По критериям 1925 г. Поликарп и 18-летняя Анна считались грамотными. Острый ум, красота и способности девушки завоевали сердце председателя туземного районного исполкома (в 1925 г. – ыолостного революционного комитета) Николая Васильевича Выломова (ок. 1898 г. р.). А 27-летний сын, как это ни парадоксально, малограмотным. Анна Франковна грамоте так и не обучилась. Валентин занимался пушным промыслом и даже считался женатым. Его гражданской женой (в годы установления советской власти браки было не принято фиксировать на бумаге) была бойкая Евдокия Георгиевна Попова (1904 г. р.). С 1925 г. Евдокия находилась на Камчатке. Этот союз продлился недолго, и о нем не вспоминала ни одна, ни другая сторона.

В начале осени того же года Валентин в числе прочих промышленников перевозил медновских голубых песцов на Шантарские острова. Судьба круто изменилась в Николаевске-на-Амуре – при содействии Комитета Народов Севера он получил направление на учебу в Ленинград. В конце 1925 г. в северной столице как раз формировалось Северное отделение рабочего факультета Ленинградского университета. Своеобразной платой за путевку в жизнь стало переработанное пропагандистскими органами «открытое письмо» в камчатскую газету «Полярная звезда». Опытный глаз заметит, что именно поведал сам неискушенный автор, а что было добавлено и искажено в угоду политическим настроениям. Больше Валентин на такой крючок не попадался и с честью обходил все острые углы, сохраняя собственное лицо и национальное достоинство.

Хабаров стал одним из первых студентов нового отделения. Там он женился на однокурснице остячке (хантыйке, скорее всего, метиске) Милице Ивановне (1906 г. р.) и летом 1927 г. привез молодую супругу на Командоры. Здесь студенты проходили полевую практику. В результате были написаны две статьи: «Командорские острова» – Валентина и «Школа на Командорских островах» – Милицы. Обе вошли в сборник «Тайга и тундра» за 1931 г.

Валентин быстро постигал азы науки. Времени хватало и на учебу, и на общественную деятельность: в марте 1928 г. он участвовал в работе V пленума Комитета Севера (Москва). И все же во главе угла стояла не политика, а этнография и история северных народов. В институте функционировал краеведческий кружок, и Хабаров был его активным членом. Его даже включили в состав редколлегии издаваемого тем же кружком сборника «Тайга и тундра».

В 1927–1929 гг. сотрудники Ленинградской государственной консерватории Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд и С. Д. Магид записывали на фонограф представителей Северных народов, студентов и преподавателей, «приехавших в Ленинград на обучение и для работы». В марте 1927 г. в Детском (Царском) селе Ленинградской области студент рабфака ИЖВЯ В. Хабаров исполнил песню «Агитаян» («Агитадан»), что в переводе значит «друг», «товарищ». Валентин щедро делился своими знаниями со всеми, кто проявлял интерес к алеутской культуре. В числе их были В. Г. Богораз, С. В. Иванов, Г. Н. Прокофьев, В. В. Андропова и многие другие.

В 1927 г. студентов Северного отделения перевели на Северный факультет Ленинградского восточного института им. А. С. Енукидзе, также известного как Институт живых восточных языков (ИЖВЯ). В 1929 г. на основе этого факультета был создан Институт народов Севера (ИНС). В 1931 г. состоялся его первый выпуск.

Окончив вуз, Валентин Поликарпович вернулся на Командоры. Работал в районной администрации (в 1932 г. его должность записана как «коопиратор») и попутно собирал материал по этнографии алеутов. Его супруга воспитывала детей и вела занятия в школе.

В середине 1930-х гг. Хабаров поступил в аспирантуру ИНС. Его научным руководителем стал известный зоолог Е. К. Суворов. Евгений Константинович занимался исследованием Командорских островов в 1910, 1911 и 1917 гг., издал ряд статей и фундаментальную книгу «Командорские острова и пушной промысел на них». Влияние руководителя на стиль Хабарова заметно с самых первых строк.

В 1941 г. в Ленинграде был опубликован диссертационный труд «Котиковое хозяйство на Командорских островах», и Валентин Поликарпович получил степень кандидата географических наук. К тому времени он уже был тяжело болен и вскоре, летом 1942 г., скончался в больнице Петропавловска-Камчатского.

За годы работы на островах В. П. Хабаров подготовил несколько научных статей, в том числе для «Дальневосточной энциклопедии» и сборника «Народы Сибири и Дальнего Востока». К сожалению, они так и не были опубликованы. Работа над сборником была завершена

только в 1956 г., когда автора уже не было в живых. В книгу вошел не оригинальный текст алеутского этнографа, а базировавшийся на нем материал В. В. Андроповой. Как это ни странно, имя В. П. Хабарова не упоминается вообще. Это обстоятельство привело к тому, что алеуты Командорских островов долгое время считали, что Валентин Поликарпович так и не успел завершить работу и защитить диссертацию.

Тильман Николай Николаевич (1892 г. р.).

В 1896 г. в графе «семейное положение» послужного списка бывшего помощника окружного начальника Командорских островов Николая Матвеевича Тильмана стояла лаконичная запись «холост». В то же время, согласно постановлению Владивостокского окружного суда, состоявшегося 9 сентября 1895 г., им был усыновлен малолетний Николай – «сын девицы острова Медного Анны Терентьевой Хабаровой». Мальчик появился на свет 23 ноября 1892 г.

Анна (1875–1908) родилась на о. Медном в семье Терентия Яковлевича (ок. 1848–1884) и Евдокии Александровны (ок. 1854 г. р.) Хабаровых. После смерти родителей девушка жила в семье старшего брата Романа (1873–1937) с младшими Иваном (ок. 1880–1903) и Харлампием (1883 г. р.). Малышку Марию (1888 г. р.) забрала на воспитание тетка Александра Александровна Кадина.

Семья считалась дружной и не самой бедной. В наследство сиротам достался дом, две бараборы и 2 байдарки. В 1894 г. на смену одной из байдарок пришла легкая деревянная шлюпка (и осталась 2-лючная байдарка). Роман промышлял зверя – как все, звезд с неба не хватал, но и бездельником не был. Добывал по 1, 3, 6 бобров в год. Все бы сложилось неплохо, если бы доля старшего в доме не выпала так рано. Он был подростком, когда скончался отец, а около 1890 г. не стало и матери, и все заботы о младших легли на его плечи. А еще Рома был правдолюб, что порой ему вредило.

История Анны печальна и типична. Приезжие чиновники нередко брали в услужение местных 15–16-летних девочек, которые становились их полевыми женами. Рождались дети. Бенедикт Дыбовский, делая подборку фотографий к выставке 1885 г., разбил метисов по фенотипам: креолка от отца еврея – матери алеутки, от отца немца – матери алеутки, от отца американца – матери алеутки (просто креолы были от русских). У чиновников это называлось «улучшать расу». Девушек выбирали красивых и работящих, зачастую сирот. Рожденные в таком союзе дети обычно оставались на острове, но иногда отцы забирали их на материк. Так было в случае с Гребницким, Тильманом, Фрейбергом. Больная тема. Алеуты легко отдавали детей на воспитание своим родственникам, но противились тому, чтобы их увозили с островов. Умом Анна понимала, что с отцом мальчику будет лучше, он не будет голодать, и потому не возражала. Или возражала? Кто бы слышал ее голос? Можно лишь гадать, что происходило в материнском сердце, когда ее по сути через суд лишали прав.

В октябре 1895 г. Анна оформила законный брак с медновским креолом Александром Никаноровичем Степновым (ок. 1871–1915) Своего дома у Александра не было, и молодые ютились у Романа. Маленький Коленька, сын Тильмана, жил с мамой и дядьями приблизительно до рождения осенью 1895 г. братишки Михаила. Еще теплилась надежда, что ребенка оставят. Рожденного 1898-м третьего сына Анна назвала Николаем, в честь увезенного первенца.

Осенью 1896 г. Николай Матвеевич Тильман уволился со службы и уехал в Екатеринослав (совр. г. Днепр). Правнучка Тильмана Светлана Всеволодовна Горская рассказала, что и там он женился на Антонине Степановне. Сыграли пышную свадьбу. В 1899 г. у молодоженов родилась дочь Елена – бабушка Светланы Всеволодовны. Рассказывали, что Николая Матвеевича не раз видели «с мальчиком неевропеоидной внешности». Этим мальчиком мог быть только Коленька – сын алеутки Анны Хабаровой.

Во второй половине XIX в. род Хабаровых преумножился, но эпидемии и экономический кризис начала XX в. унесли много жизней. В некоторых семьях рождались преимущественно девочки, и с каждым годом носителей фамилии становилось все меньше. Сегодня потомки Хабаровых носят другие фамилии: Тютеревы, Добрынины, Толстоуховы, Яковлевы, Бадаевы, Саяпины и др.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Library of Congress. Reel 56–59. Метрическая Ведомость о родившихся и умерших на о. Медный за 1867 г. по 1 января 1868 г.; Народонаселения список на о. Медный за 1866 г. на 1 января 1867 г.; Народонаселения список на о. Медный за 1867 г. на 1 января 1868 г. Список о выбывших из Алеутской Аляскинской Епархии с о. Атту в Камчат-

скую Епархию на о. Медный в течение прошлаго 1872 г. Исповедная роспись Обретающимся на островах Андриановских, жителям принадлежащих к Атхинской Николаевской церкви, бывших у Исповеди и Св. Причастия в течение 1867 г.
2. Алеутский краеведческий музей. АКМ ГИ 1275; АКМ ГИ 427/23, 25; АКМ ГИ 1215/5; АКМ ГИ 418/5.
3. Архив Русского географического общества. АРГО. Р. 60. Оп. 1. № 2. Полонский А. Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 год.
4. Государственный архив Камчатского края. Ф. 115. Оп. 1. Д. 3; Ф. 122. Оп. 1. Д. 15 (Посемейные списки); Ф. Р-220. Метрические ведомости.
5. Государственный архив Иркутской области. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 506. О награждении.
6. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. РГИА ДВ. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 4; РГИА ДВ. Ф. 1047. Оп. 1. Д. 2; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 295; РГИА ДВ. Ф. 1047. Оп. 1. Д. 10 (Посемейные списки). РГИА ДВ. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 113. Списки лиц, защищавших о. Медный от нападения японцев в 1904–1906 гг.
7. Архив музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. АМАЭ. Ф. К-V. Оп. 1. № 106. Хабаров В. П. Алеуты; АМАЭ. Ф. К-I. Оп. 1. № 232. Народы Сибири: сборник.
8. [Netsvetov]. The Journals of Iakov Netsvetov: the Atkha Years. 1828–1844 / Materials for the Study of Alaska History. No. 16, Translated, with Introduction and Supplementary Material by L. Black. – Kingston, Ontario, Canada: The Limestone Press, 1980. – 342 p.
9. *Барабаш-Никифоров И. И.* В стране ветров и туманов. – М.-Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1934. – 92 с.
10. *Вахрин С. И., Татаренкова Н. А.* Тайны камчатских имен. Русская Америка.
11. *Гребницкий Н. А.* Записка о Командорских островах // Сборник главнейших оффициальных документов по управлению Восточною Сибирью. – Т. 3. – Вып. 2. – Иркутск: Типогр. Н. Н. Синицына, 1882. – С. 43–125.
12. *Гринев А. В.* Кто есть кто в истории Русской Америки. – М.: Academia, 2009. – 672 с.
13. *Бурыкин А. А., Гирфанова А. Х., Кастров А. Ю., Марченко Ю. И., Светозарова Н. Д., Шифф В. П.* Коллекции народов Севера в фонограммархиве Пушкинского Дома. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 132 с.
14. *Корсун С. А.* В. П. Хабаров – первый алеут-этнограф // Сибирский сборник-4. Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – С. 463–473.
15. Народы Сибири / Под ред. С. П. Толстова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 1083 с.
16. *Хабаров В. Н.* Командорские острова // Тайга и тундра: Сб. 3. – Л.: Издание краеведческого кружка института народов Севера, 1931. – С. 53–58.
17. *Хабаров В. П.* Котиковое хозяйство на Командорских островах. – Л.: Ленинградское отделение учебно-педагогического изд-ва наркомпроса РСФСР по заказу Ленинградского педагогического института народов Севера, 1941. – 71 с.
18. *Хабарова Милица.* Школа на Командорских островах // Тайга и тундра: Сб. 3. – Л.: издание краеведческого кружка института народов Севера, 1931. – С. 89–90.

Автор выражает сердечную благодарность жителям Командорских островов В. Т. Тимошенко и Г. М. Яковлеву, А. А. Добрыниной, Г. Н. Толстоуховой, а также С. В. Горской за предоставленную информацию.

ГИДРОБИОЛОГИ КАМЧАТСКОЙ МОРСКОЙ НАУЧНОЙ СТАНЦИИ

Токранов А. М.,
Камчатский филиал Тихоокеанского института географии ДВО РАН,
Петропавловск-Камчатский, Россия

В 20–30-е годы прошлого века, наряду с ростом промышленного освоения биологических ресурсов дальневосточных морей, началось широкомасштабное изучение всего комплекса морских обитателей данного региона и условий их существования. С этой целью различными институтами и службами были организованы несколько крупных комплексных экспедиций, которые позволили получить обширные материалы о видовом составе и закономерностях пространственного распределения животных, растений и сырьевой базе рыбной промышленности (Засельский, 1984). Однако многие ведущие ученые в то время прекрасно понимали, что для более углубленного изучения морских обитателей и среды их обитания в дальневосточных морях России одних экспедиционных работ недостаточно, а необходимы стационарные исследования, для чего должны быть созданы специальные научно-исследовательские станции и пункты.

В связи с этим, летом 1931 г. по инициативе одного из основоположников отечественной гидробиологии и океанографии, профессора Константина Михайловича Дерюгина, придававшего огромное значение стационарным методам исследований, в Петропавловске-Камчатском другим известным исследователем дальневосточных морей Павлом Владимировичем Ушаковым была организована Камчатская морская научная станция (КМС) Государственного гидрологического института (Ушаков, 1931а, 1931б, 1931в, 1934). Место для станции выбрано неслучайно. К этому решению Павел Владимирович пришел еще в 1929 г. во время захода в Петропавловск-Камчатский на ледорезе «Литке», о чем много лет спустя написал в своих воспоминаниях: «При увиденном величии Авачинского залива в меня невольно запало убеждение, что именно здесь необходимо организовать морскую биологическую станцию, что и удалось прtворить в жизнь через три года…» (Ушаков, 2002. – С.126).

Камчатская морская станция входила в сеть опорных метеорологических станций Государственного гидрологического института Гидрометслужбы СССР и должна была положить начало широкому стационарному исследованию Авачинской губы и прилегающих к ней вод Тихого океана. Планировалось, что в дальнейшем КМС станет базой для развития всесторонних гидробиологических исследований в северной части Тихого океана, в первую очередь в прикамчатских водах Охотского и Берингова морей. Одной из задач станции являлось также выполнение регулярных (четыре раза в год) гидрологических разрезов в Тихом океане на широте Авачинской губы (с тех пор они стали традиционными и осуществляются до настоящего времени). Результаты этих работ позволяли получать информацию об общем характере режима вод вблизи восточного побережья Камчатки, сезонных изменениях основных гидрологических показателей в этом районе, что должно было иметь огромное значение для развивающегося здесь тралового промысла рыб. В соответствии с договором, заключенным с Государственным гидрологическим институтом, Тихоокеанский научный институт рыбного хозяйства (ТИРХ) принял решение создать в 1932 г. в Петропавловске-Камчатском свое отделение с четырьмя лабораториями – сырьевой, по технике и организации добычи, по обработке рыбопродукции и по экономике организации рыбного хозяйства на Камчатке (впоследствии отделение росло, развивалось и в 1995 г. стало самостоятельным Камчатским научно-исследовательским институтом рыбного хозяйства и океанографии – КамчатНИРО, который в 2019 г. реорганизован в Камчатский филиал Всероссийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии). Предполагалось, что выполнение работ КМС совместно с этим отделением ТИРХ будет эффективным для обеих организаций и позволит решить комплекс проблем по изучению морских гидробионтов и сырьевых ресурсов прибрежных вод Камчатки и в первую очередь Авачинского залива.

Под станцию выделили небольшого размера дом, расположенный в долине р. Гремучки (район современного Дома офицеров флота), в то время на расстоянии около 1 км от Петропавловска-Камчатского. В последующем здесь же на берегу Авачинской губы планировалось построить двухэтажное здание по специальному проекту (Ушаков, 1931в). Заведующим КМС стал Константин Александрович Виноградов (1902–1990), под руководством которого в течение пяти лет

выполнялся широкий комплекс гидробиологических, ихтиологических и гидрологических исследований в Авачинской губе и прилегающих к ней водах Тихого океана. Кроме К. А. Виноградова, в проведении исследований активно участвовал весь небольшой штат Камчатской морской станции: гидробиологи Николай Николаевич Спасский (1899–1958) и Маргарита Юльевна Бекман (1909–1997), а также гидрохимик О. А. Фишман и гидролог В. Г. Стришин. В первое время работы велись в основном со шлюпок, но в 1934 г. станция получила собственный моторный ботк авасаки, оборудованный для исследовательских работ на глубинах до 300 м. Кроме того, совместно со специалистами Камчатского отделения ТИРХ (с 1934 г. – Камчатского отделения ТИНРО) сотрудники станции проводили сбор материалов на моторно-парусной шхуне «Сосунов» (Ушаков, 1947; Токранов, 2007а).

В целях выявления общего характера сезонных изменений в Авачинской губе вблизи Петропавловского ковша был выбран опорный пункт, на котором в течение пяти лет ежедекадно производили комплексные гидрологические и гидробиологические наблюдения, а в Авачинском заливе эпизодически (по возможности ежемесячно) выполняли гидрологические разрезы до глубины 500 м. В результате этих наблюдений удалось увязать сезонные изменения в Авачинской губе и в прилегающих к ней водах Тихого океана. Декадные исследования на опорном пункте дали возможность сотрудникам КМС прийти к определенным суждениям о годовых колебаниях гидрологического режима в этом районе, их связи с некоторыми биологическими явлениями. В частности, удалось связать с изменениями термических условий уловы сельди и появление в 1934 г. у берегов Камчатки ранее неизвестной для этих мест сардины иваси. Собранный материал позволил К. А. Виноградову совместно со специалистами Камчатского отделения ТИРХ сделать прогнозы о сроках подхода и отхода трески с удобных для промысла глубин и районов (Виноградов, 1935; Полутов, 1935). Наблюдения, проведенные в Кроноцком заливе Н. Н. Спасским, выявили зависимость миграций камчатского краба от гидрологических условий его обитания в данном районе и этим значительно облегчили поисковые работы крабодобывающих организаций АКО.

Детальные работы осуществлялись по изучению сезонных изменений планктона и составу бентоса юго-восточного побережья Камчатки. Сотрудниками КМС для района Авачинского залива была составлена довольно подробная карта основных группировок донных животных и водорослей. На основании детального комплексного исследования различных бухт Авачинского (Лиственничной, Русской, Вилючинской, Саранной, Бечевинской) и Кроноцкого (Моржовой и некоторых других) заливов, а также Авачинской губы, удалось провести их типизацию по степени изоляции от моря, возникающей в результате образования кос и подводных барьеров, дать характеристику наиболее типичных обитателей. Детальные исследования флоры и фауны литорали юго-восточного побережья Камчатки, выполненные в 1934–1935 гг. Н. Н. Спасским, позволили впервые получить представление о качественном, количественном составе и пространственном распределении населения приливно-отливной зоны. В целом в 1931–1935 гг. сотрудниками КМС выполнены обширные исследования, которые, по мнению П. В. Ушакова и ряда других известных отечественных ученых, в то время явились большим вкладом в изучение прибрежных вод юго-восточного побережья Камчатки (Токранов, 2007а).

К сожалению, в 1936 г. в связи с реорганизацией системы Гидрометеорологической службы Камчатскую морскую научную станцию как самостоятельное подразделение закрыли. Но ее исследования, за исключением гидробиологических, впоследствии были не только продолжены, но и расширены вновь организованной при местном Управлении гидрометеорологической службы станцией, преобразованной затем в Морскую обсерваторию. Стационарные же гидробиологические исследования в Авачинской губе и прибрежных водах восточной Камчатки удалось возобновить лишь спустя почти полвека, когда в 1981 в Петропавловске-Камчатском был создан Камчатский отдел Института биологии моря ДВНЦ АН СССР (Токранов, 2007а).

Судьба сотрудников Камчатской морской научной станции в дальнейшем сложилась поразному, но все они оставили заметный след в науке. Маргарита Юльевна Бекман (фото 1) перебралась на Байкал, где долгое время (с 1946 по 1983 г.) работала гидробиологом сначала на Байкальской лимнологической станции, а затем в организованном на ее основе Лимнологическом институте СО РАН на Байкале. В период с 1965 по 1973 г., будучи заведующей лабораторией планктона и бентоса, возглавляла работы по исследованию экологии бокоплавов оз. Байкал, а также занималась изучением распределения, миграций и трофических взаимоотношений пелагической амфиподы Macrohectopus branickii в масштабах всего озера. За время работы в Лимнологическом

Фото 1. Маргарита Юльевна Бекман

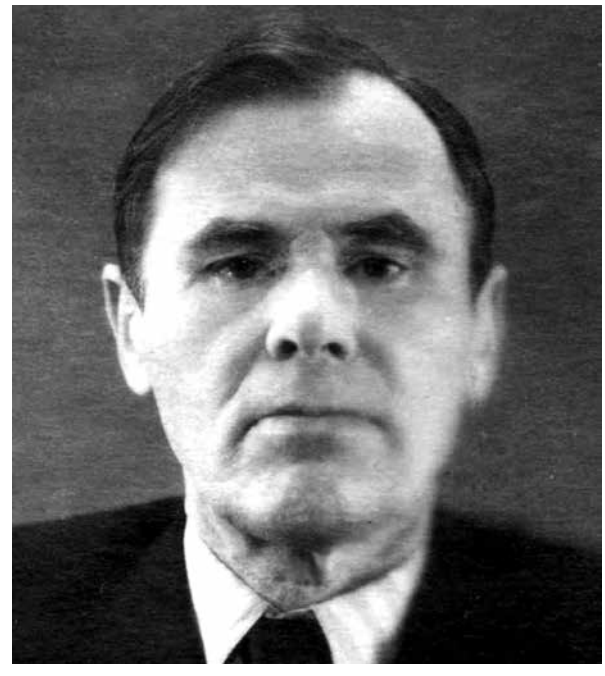

Фото 2. Николай Николаевич Спасский

институте она была редактором многочисленных сборников и коллективных монографий его сотрудников (Слугина, 2012).

Николай Николаевич Спасский (фото 2) в 1937 г. перешел на работу в Камчатское отделение ТИНРО, где до 1940 г. занимался гидрологическими и гидробиологическими исследованиями, связанными с поведением сельди и лососевых в период их морской жизни. Отчет по результатам этой работы в конце 1930-х годов стал первым обобщением по гидрологии и гидробиологии юго-восточной Камчатки, имевшим большое теоретическое и практическое значение (Полутов, 1995; Заочный, 2002). К сожалению, эти материалы не были тогда опубликованы, и единственная публикация по результатам исследований камчатского периода жизни Н. Н. Спасского, посвященная фауне литорали юго-восточной Камчатки, вышла уже после его смерти в 1961 г. (Спасский, 1961), благодаря инициативе и большой работе по подготовке рукописи к печати П. В. Ушакова. Кроме того, собранные Николаем Николаевичем у берегов Камчатки пробы бентоса обрабатывали специалисты по различным группам животных.

В 1940 г. по семейным обстоятельствам Н. Н. Спасский переехал в Астрахань, где проработал на Каспийской рыбохозяйственной станции (с 1946 г. – Волго-Каспийская научная станция ВНИРО) в должности заведующего лабораторией гидробиологии до конца 1949 г. В этот период он изучал кормовую базу рыб-бентофагов Северного Каспия и руководил группой сотрудников, исследовавших динамику продуктивности кормовой базы дельты Волги, в том числе последствия вселения азовской полихеты нереис в Каспийское море. В декабре 1949 г. по состоянию здоровья (обострение малярии) Николай Николаевич перевелся в Калининград во вновь организованный Балтийский филиал ВНИРО, где проработал заведующим лабораторией гидробиологии вплоть до смерти вследствие «сердечной недостаточности» (Нигматуллин, 2012).

Поскольку в Балтийский филиал ВНИРО он пришел уже сложившимся исследователем в области морской гидробиологии и рыбохозяйственной науки, ему, как опытному специалисту, пришлось заниматься широким кругом проблем, далеко выходящих за пределы тематики лаборатории. В первые годы работы основным объектом исследований Николая Николаевича стала салака. Наряду с проведением гидробиологических работ, он анализировал и обобщал информацию о ходе промысла этой рыбы и биостатистические данные, характеризующие состояние ее запасов. Так как основным промысловым объектом для отечественных рыбаков на Южной Балтике тогда была треска, в 1954–1955 гг. на основе анализа литературных данных Н. Н. Спасский разработал программу исследований ее кормовой базы, а также количественных и качественных аспектов питания. В результате сезонных съемок по данной программе, выполненных в 1955–1957 гг., был собран уникальный комплексный материал для подобного рода исследований

на Балтике, который позволил впервые получить достаточно полную и весьма детальную картину состояния кормовой базы и пищевых связей салаки и трески в Южной Балтике (Нигматуллин, 2012).

Гораздо более драматичной, чем у других сотрудников КМС, оказалась дальнейшая судьба ее заведующего Константина Александровича Виноградова (фото 3). В 1937 г. по совету профессора К. М. Дерюгина он принял предложение тогдашнего президента Академии наук УССР академика А. А. Богомольца возглавить Карадагскую биологическую станцию, на которой восемь лет до этого только начинал свою научную работу (Виноградов, 2009), и переехал с Камчатки на Украину. Вся дальнейшая научная деятельность К. А. Виноградова оказалась связанной с АН УССР. В 1937–1938 гг. он организовал работу на Карадагской биологической станции по развитию как морских, так и сухопутных исследований в уникальной зоне степной части восточного Крыма, вулканического массива Карадаг и прилегающих акваторий открытой части Черного моря (Токранов, 2007б).

Однако период с 1938 по 1940 г. оказался для К. А. Виноградова трагическим. Его работа была прервана ложным доносом и арестом. Сначала ученый находился в тюрьме в п. Судаке, затем в г. Симферополе. Его обвинили в шпионаже в пользу Японии из-за интереса ученого к японскому языку и культуре этой страны, а также на основании того, что он работал на Дальнем Востоке и, следовательно, мог быть завербован японской разведкой (Виноградов, 2009). Было сфабриковано совершенно фантастическое дело об «отделении Камчатки в виде отдельного государства под эгидой Японии». В состав правительства нового государства, вместе с некоторыми другими камчатскими специалистами, будто бы входил и К. А. Виноградов (Ушаков, 2002). В тюрьме он, как и многие другие заключенные, пережил пытки и ночные допросы, но все выпавшие испытания выдержал достойно и в июне 1940 г. был освобожден за отсутствием состава преступления. Однако нахождение в тюрьме не прошло бесследно, в связи с чем Константина Александровича, по воспоминаниям его сына, на протяжении последующей жизни периодически преследовали ночные кошмары. После освобождения К. А. Виноградов вернулся в Карадаг, где вновь приступил к работе в должности директора Карадагской биологической станции (Виноградов, 2009).

В связи с началом Великой Отечественной войны в октябре 1941 г. К. А. Виноградов эвакуирует

Фото 3. Константин Александрович Виноградов

сотрудников станции в Уфу, где возглавляет Группу зообентоса Института зоологии и биологии АН УССР и в 1942–1943 гг. исследует водоемы бассейнов рек Камы, Белой и Уфы в Башкирской ССР с целью нахождения дополнительных продовольственных ресурсов для населения. Одновременно он работает над кандидатской диссертацией «Полихеты Карадага (Черное море). Эколого-фаунистический очерк», которую защищает в 1942 г.

Вернувшись в Крым в 1944 г., К. А. Виноградов руководит восстановлением Карадагской биологической станции, сильно пострадавшей в период войны. Под его руководством вновь получают развитие начатые в довоенный период исследования по экологии отдельных видов фауны, по изучению размножения и плодовитости морских беспозвоночных и рыб, а также расширяются работы по биохимии морских организмов.

В 1947 г. К. А. Виноградов защищает в Зоологическом институте АН СССР докторскую диссертацию на тему «Фауна прикамчатских вод Тихого океана», явившуюся первой сводкой по морской фауне и флоре этого региона. К сожалению, диссертация так и не была опубликована целиком. В 1948–1950 гг. лишь несколько кратких научных сообщений, посвященных зоогеографической характеристике прибрежной морской фауны юго-восточной Камчатки, сезонным изменениям ихтиофауны Авачинской губы и особенностям биологии некоторых видов рыб, были напечатаны в «Зоологическом журнале» и журналах «Доклады АН СССР» и «Природа» (Виноградов, 1948, 1949а, 1949б, 1950а, 1950б).

В 1952 г. Институт гидробиологии АН УССР поручает К. А. Виноградову организацию Одесской биологической станции. В исследованиях, проводившихся сотрудниками станции под его руководством, развиваются представления о целостности Черноморско-Азовского бассейна как структурной единицы Мирового океана. В 1962 г. К. А. Виноградов осуществляет комплексную экспедицию на научно-исследовательском судне «Миклухо-Маклай», работая в Черном, Азовском и Каспийском морях, в том числе в районах, прилегающих к устьям рек Волги, Терека и Куры, а также у восточных берегов Каспия (Жирмунский и др., 1985).

В 1963 г. Одесская биостанция была реорганизована в Одесское отделение Института биологии южных морей АН УССР, а К. А. Виноградов стал ее руководителем. Одновременно он заведует организованным им Отделом экологической биогеографии, а в 1970–1972 гг. является также заместителем директора по научной работе Института биологии южных морей им. А. О. Ковалевского. В 1972 г. К. А. Виноградов проводит комплексную экспедицию в Средиземное море для получения сравнительных данных в рамках программы изучения контактных зон моря, в том числе и по начатым им в Черном море в 1967–1969 гг. исследованиям в области континентального склона и подводных каньонов (Токранов, 2007б).

В последствии, обрабатывая сборы бентоса сотрудников Камчатской морской научной станции, известный российский гидробиолог Е. Ф. Гурьянова назвала именами заведующего К. А. Виноградова, гидробиологов Н. Н. Спасского и М. Ю. Бекман, а также гидрохимика О. А. Фишмана описанные ей 4 новых вида разноногих ракообразных рода Photis (Гурьянова, 1951), которые были собраны этими учеными в 1931–1935 гг. в период их работы в прибрежных водах юго-восточной Камчатки (Токранов, 2007а, 2007б, 2008).

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Виноградов А. К.* Морской биолог Константин Александрович Виноградов. – Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2009. – 105 с.
2. *Виноградов К. А.* К вопросу о питании трески в водах восточного побережья Камчатки // Бюл. КоТИРХ. Рыбн. хоз-во Камчатки. – 1935. – № 1. – С. 45–55.
3. *Виноградов К.* А. К вопросу об использовании полихет в качестве корма рыбами // Доклады АН СССР. – 1948. – Т. 50, № 7. – С. 1273–1276.
4. *Виноградов К. А.* Зоогеографический очерк прибрежной морской фауны юго-восточной Камчатки // Зоол. журн. – 1949а. – Т. 28. Вып. 1. – С. 99–101.
5. *Виноградов К. А.* О сезонных изменениях состава ихтиофауны Авачинской губы (Восточная Камчатка) // Зоол. журнал. – 1949б. – Т. 28. – Вып. 6. – С. 573–574.
6. *Виноградов К. А.* О нахождении червей Nereis virens в желудках камчатской красной и некоторых других рыб // Природа. – 1950а. – № 3. – С. 69.
7. *Виноградов К. А.* К биологии тихоокеанского пинагора в камчатских водах // Природа. – 1950б. – № 3. – С. 69–70.
8. *Гурьянова Е. Ф.* Бокоплавы морей СССР и сопредельных вод (Amphipoda – Gammaridea). – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 1032 с.
9. *Жирмунский А.В., Золотарев В.Н., Макаров Ю. Н.* Константин Александрович Виноградов // Биология моря. – 1985. – №1. – С. 72–74.
10. *Заочный А. Н.* К истории промыслово-океанологических исследований КамчатНИРО в водах, прилегающих к Камчатке // XII Междунар. конф. по промысл. океанологии: Тез. докл. (Светлогорск, 9–14 сентября 2002 г.). – Калининград: Изд-во АтлантНИРО, 2002. – С. 86–87.
11. *Засельский В. И.* Развитие морских биологических исследований на Дальнем Востоке в 1923–1941 гг. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. – 246 с.
12. *Нигматуллин Ч. М.* Николай Николаевич Спасский (1899–1958) // История АтлантНИРО в лицах и ситуациях. Кн. 1: Материалы к изучению истории исследований и развития промысла. Персоналии. – Калининград: Изд-во АтлантНИРО, 2012. – С. 158–162.
13. *Полутов И. А.* Авачинская треска (материалы по биологии, систематике и промыслу) // Бюл. КоТИРХ. Рыбн. хоз-во Камчатки. – 1935. – № 1. – С. 1–44.
14. *Полутов И. А.* Давным-давно. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во Фиш Рейн Компании, 1995. – 164 с.
15. *Слугина З. В.* Гидробиологи экспедиции АН СССР по изучению озера Байкал, Байкальской Лимнологической станции ВСФ АН СССР и Лимнологического института СО РАН (1916–2012 гг.). – Иркутск: Лимнологический институт СО РАН, 2012. – 120 с.
16. *Спасский Н. Н.* Литораль юго-восточного побережья Камчатки // Исследование дальневосточных морей СССР. – Вып. 7. – 1961.– С. 261–311.

17. *Токранов А. М.* Камчатская морская научная станция (к 75-летию со дня основания) // Биология моря. – 2007а. – Т. 33, № 1. – С. 74–76.
18. *Токранов А. М.* Малоизвестные исследователи природы Камчатки К. А. Виноградов и А. М. Попов // Камчатка разными народами обитаема: Матер. XXIV Крашенинниковских чтений. – Петропавловск-Камчатский: Камч. обл. науч. библиотека, 2007б. – С. 171–174.
19. *Токранов А. М.* Названы их именами. – Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2008. – 260 с., ил. 4 л.
20. *Ушаков П. В.* Проект организации Камчатской морской станции // Изв. Гос. гидрол. ин-та. – 1931а. – № 33. – С. 50–53.
21. *Ушаков П. В.* Отчет об организации Камчатской Морской Станции // Изв. Гос. гидрол. ин-та. – 1931б. – № 41. – С. 45–47.
22. *Ушаков П. В.* Камчатская морская станция // Соц. реконструкция рыбн. хоз-ва Дальнего Востока. – 1931в. – № 10. – С. 97–98.
23. *Ушаков В. П.* Камчатская морская научная станция Гос. гидрологического института // Бюл. Тихоок. комиссии АН СССР. – 1934. – № 3. – С. 59–60.
24. *Ушаков П. В.* Работы Камчатской морской станции Государственного гидрологического института // Тр. Гос. океаногр. ин-та. – Вып. 1(13). – 1947. – С. 169–174.
25. *Ушаков П. В.* Из воспоминаний о прошлом // Отечественные зоологи. Труды Зоол. ин-та РАН. – Т. 292. – 2002. – С. 98–139.

ПОТАПОВЫ. РОД ИВАНА СЫНА ЛАРИОНА

Ульянова Н. Л.

Будучи маленьким, не задумываешься особо, кто твои родители, дедушки, бабушки. Хорошо, что они есть. Ты радуешься жизни. Но приходит время, и тебе хочется узнать: а откуда твои корни. Кто твои предки. К этому вопросу непроизвольно приходят многие. Я знаю, что мой отец из рода Потаповых, а мама из рода Пинигиных. И по сути дела все!

И вот с подачи Виктории Зиновьевны Михайловой, краеведа, я взялась изучать свой род Потаповых. Из двухтомника Сергея Ивановича Вахрина «Тайны камчатских фамилий» почерпнула следующие сведения. «До появления на Камчатке русских местное население не имело фамилий. Фамилии свои камчатские аборигены получили, как правило, в 18 (реже в 19) веке при крещении. Крестными отцами выступали русские казаки, матросы, промышленники, крестьяне, ссыльные и сами священники». По данным архива за 1832 год в Милькове, основу которого составляли крестьяне-переселенцы из Усть-Илимского края, прибывшие на Камчатку в первой половине 18 века, проживали представители следующих фамилий: Коксаров (Кошкарев), Бобряков, Сос-нин, Михайлов, Подкорытов, Потапов, Попов, Пинигин, Краснояров, Петров, Плотников.

У основателя рода Ивана Ларионовича Потапова, 1844 года рождения, и его жены Евдокии Лаврентьевны было трое детей: Захар, Полуект, Александр.

Захар был женат на Марии Васильевне. В браке родилось трое детей: Наталья, Лазарь, Елисавета.

Старшая дочь Наталья была замужем за Бушуевым Степаном Анисифоровичем. Наталья – вторая жена Степана. Жила в с. Кирганик. Умерла в Милькове в 1968 году. У Степана и Натальи было восемь детей. Сыновья Анисифор и Георгий – участники войны с Японией 1945 года.

Младшая дочь Елисавета была замужем за Ван-Юн-Чин Николаем. В семье было семеро детей.

Лазарь, мой отец, 1903 года рождения, был женат на Пинигиной Вере Селиверстовне, 1914 года рождения. В семье родилось 9 детей.

Сын Иван об отце Лазаре Захаровиче.

«Сначала отец и мама работали в колхозе. Жили на берегу реки Антоновка. Как только отец ушел из колхоза, его сразу попросили уйти с этого дома, т. к. земля была колхозная. Он был хорошим хозяином. Построил новый дом. До этого мы жили в коровьей стайке. Из колхоза он сразу ушел в рыбкооп. Был он рыбаком-охотником. Летом ловили рыбу на притоках Камчатки. Затем дядя Коля Ван-Юн-Чин солил рыбу. (Ван-Юн-Чин Николай был мужем Елизаветы, сестры отца.) На берегу ставили длинные столы для разделки рыбы. Зимой отец занимался охотой. Держал упряжку собак. До охотничьей юрты добирался на собаках. Юрта стояла на берегу реки Валагина. По правую сторону до сопок было его угодье. До сопок шел на лыжах, которые делал сам. Широкие лыжи делал из осины, обивал нерпой. Пушнину: соболя, выдру, лису, горностая, зайца и др. сдавал в приемный пункт. Мама шила торбаса, наколенники, камлейки. Нитки готовила осенью с крапивы. Отец заготовливал дрова и возил их на своих собачках. Летом сплавлял по реке на бату. Бат выдолбил сам. Был призван в Рабоче-крестьянскую Красную Армию из Мильковского района Камчатской области. Является участником войны с Японией. Воспитали с мамой шестерых детей».

Отец, кроме охоты и рыбалки, работал в рыбкоопе, занимался извозом. Иногда возил почту на собачьей упряжке и по долине реки Камчатки, и в Петропавловск-Камчатский. Он сочинял частушки. Имел хороший голос – пел. Знаком был с Георгием Германовичем Поротовым, камчатским поэтом, писателем. Мама тихая, спокойная. Вначале работала в колхозе. Когда ушли с колхозной земли, стала вести домашнее хозяйство.

Любовь, 1935 года рождения, старшая дочь. Имеет высшее образование. По профессии врач-терапевт. Любовь Лазаревна одна из первых коренных мильковчанок, получивших высшее медицинское образование в Хабаровском медицинском институте, и, вернувшаяся работать в родное село. Как хорошего специалиста, ее переводят в областную больницу им. А. С. Лукашевского. Там же работал и ее будущий муж Дубов Михаил Иванович, детский хирург. В селе долго помнили о Любови Лазаревне, как о хорошем враче, душевном человеке. В данный момент с семьей проживает в г. Москве. Дочь Вера Михайловна продолжает династию врачей, она детский хирург. Замужем. В семье два сына: Вячеслав и Артем.

Александр, 1936 года рождения. Добрейшей души был человек, прекрасный друг. Охотник

и рыбак. Основная профессия строитель. Первый дом для семьи построил отец. Второй дом, побольше, построил Александр. Как большинство местных жителей – не умел плавать. Утонул, спасая людей.

Надежда, 1939 года рождения. Работать стала совсем молодой. Работник торговли. Честная, безотказная в работе. Все горело в ее руках. Уйдя на пенсию, воспитывала внучек, с увлечением занималась дачей. В 2016 году после продолжительной болезни ушла из жизни. Мужу, детям и внучкам очень не хватает ее оптимизма, поддержки. Мы все с теплотой вспоминаем о ней.

В первом браке с Яковлевым Алексеем Николаевичем родилось двое детей: Виктор и Елена. У Елены дочь Диана, два внука: Игорь и Вячеслав, и внучка Аленка.

Во втором браке с Машихиным Георгием Егоровичем имеет дочь Татьяну, внучку Екатерину.

Иван, 1946 года рождения. Семья была большая. И Иван рано начал свою трудовую деятельность. Основная его профессия – строитель, специализация «плотник-штукатур». Многие дома в Милькове и в Мильковском районе украшал он. Работал добросовестно, с энтузиазмом. Поощрялся грамотами и ценными подарками. Был женат. Дети: сын Алексей и дочь Светлана. Алексей по профессии электрик. Женат вторым браком. Имеет двух детей: Екатерину и Дмитрия. Иван в данный момент проживает в Милькове. Он активный участник клуба «Камчадалы». Ведет большую поисковую работу. Участвует во всех мероприятий клуба.

Наталья, 1951 года рождения. Окончила Петропавловское педагогическое училище, затем Камчатский государственный педагогический институт, учитель истории. 30 лет проработала в школе № 2. Затем восемь лет возглавляла отдел областного музея в селе Мильково. Работала с душой, увлеченно. На пенсии. Ведет общественную работу. Входит в оргкомитет краеведческих чтений. Принимала участие в Географических чтениях, которые проходили в с. Мильково. Оказывает посильную помощь клубу «Камчадалы». Ведет фотолетопись мероприятий клуба. Входит в общественный совет при администрации Мильковского муниципального района. Замужем. Муж Ульянов Лев Сергеевич. Вся его трудовая деятельность связана с геологией. Дети пошли по стопам отца: оба связали свою жизнь с геологией. Получили высшее образование. Старший сын Сергей – буровой мастер, младший Дмитрий – геолог. Оба женаты. У обоих сыновья. У Сергея – Никита, у Дмитрия – Илья.

Галина, 1954 года рождения. Окончила Петропавловское педагогическое училище, воспитатель детского сада. Через ее руки и сердце прошло большое количество детей. Она узнаваемый в селе человек. На пенсии. Является активным помощником Мильковской районной ассоциации коренных малочисленных народов Севера. От брака с Захаровым Василием Николаевичем имеет двух дочерей: Оксану и Ирину. Оксана с мужем Денисом воспитывают дочь Яну.

ЗАВОЕВАНИЕ ЭВЕНКИИ РУССКИМИ КАЗАКАМИ И ОХОТНИКАМИ: СТОЛКНОВЕНИЯ НА ТАЙГЕ И В ГОРАХ СИБИРИ

Ушницкий В. В.

Статья посвящена завоеванию огромных территорий Сибири, населенных тунгусами казачьими отрядами. Воинственные роды эвенков оказывали упорное сопротивление ясачному закабалению. Столкновение казаков с тунгусами происходили в таежных дебрях, в озерах и реках Сибири, в горной местности. В ходе этих военных конфликтов пали многие отважные казаки. В конце концов эвенкийские роды были везде усмирены, часть пала от эпидемий, уцелевшая часть мигрировала на Амур и на территорию Китая. Эвенки как передовой авангард тунгусо-маньчжурского движения в период между XVI-XVII вв. были пассионарным народом и сами стремились завоевать Сибирь. Поэтому происходили конфликты с промышленными людьми из-за охотничьих промыслов.

Ключевые слова: тунгусы, казаки, завоевание Сибири, сопротивление тунгусов, эвенкийские рода

В статье изучается завоевание тунгусских земель в Западной, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке отрядами казаков. Отдельные роды эвенков, враждовавшие друг с другом, оказали сильное сопротивление отрядам казаков. Эвенкийские роды занимали огромный ландшафт: горные, таежные области, их роды кочевали по обширной тундре. Они переживали период военной демократии, из их среды выделились военные вожди. Часто они сами нападали на отряды казаков, собирали большие военные отряды. Завоевание огромных территорий Сибири, заселенных воинственными племенами, требовало незаурядного воинского мастерства и проявления отваги и мужества.

Ключевые слова: Сибирь, завоевание Сибири, казачьи отряды, историография, военное дело эвенков, эвенкийские роды, военные столкновения

Целью статьи является показ сопротивления эвенкийских родов ясачному закабалению со стороны Российского государства. Задачей данного исследования является изучение героизма русских зверопромышленников и служилых людей – казаков, при покорении доселе независимых и воинственных тунгусских родов, а также эвенкийских вождей при защите своей свободы. Столкновения эвенкийских родов с военными отрядами казаков изучены в статьях и монографиях А. Артемьева, А. Зуева, Б. О. Долгих, В. Тураева, А. А. Бродникова, В. Туголукова, В. Мясникова, А. А. Бродникова, Ф. Г. Сафронова, А. П. Окладникова, А. Пастухова, Б. Полевого, Я. Пилипчук и Е. Н. Багрина.

Объектом изучения является присоединение Тунгусии – фактически территории всей Восточной Сибири с включением территории Западной Сибири от Енисея до Оби и Дальнего Востока в состав Московского государства. Новизной исследования можно считать отношение к Эвенкии или Тунгусии как таежной страны, равноправного конкурента Московской державы за пушные богатства Сибири. Актуальностью исследования является исследование военных конфликтов между тунгусами и казаками, как эпохи завоевания Сибири русскими воинами и охотниками.

Отряды отважных казаков численностью до 10–20 человек, таская при себе продовольствие и боеприпасы, рыскали по таежным дебрям Сибири, открывая новые земли и реки. За ними наблюдали зоркие глаза с «татуированными лицами». Это были хозяева лесов и гор Сибири – тунгусы. Они двигались бесшумно по тайге, улавливая малейший шорох в лесу и разгадывая каждый след. И в удобной местности казаков ждала засада, сотни тунгусов поджидали их, чтобы обрушить град стрел. История Сибири еще ожидает своего Фенимора Купера. Среди «промышленных» и «служилых» людей были настоящие лесные следопыты, меткие стрелки и удачные охотники. Им противостояли гордые и независимые люди из тунгусских родов, прекрасные знатоки этих мест и прирожденные охотники-стрелки.

В 1624 г. посланый из Енисейского острога Поздей Фирсов сражался с подкаменными тунгусами и разбил их. В 1629 г. русским в Закаменном зимовье дали дань кеты и эвенки рода Сентей. В списке закаменных остяков в 1639 г. были тунгусы Ендул, Илига, Сендул, Ченгул. Тунгусы проникали на запад до рек Обь, Таз и Пясина. Исаак Масса указывал, что земля между этими реками является землями самоедов и тунгусов. Голландец отмечал, что тунгусы подчинились русским по совету самоедов. Отмечалось, что русские не прекращали исследовать земли тунгусов даже во время Смуты. Смешанное самодийско-

тунгусское население проживало на Нижней Тунгуске. Буляши и силахи имели смешаное происхождение. Русские считали буляшей и тунгусов родственными народами. В 20-х гг. XVII они воевали против русских. В 30-х гг. буляши воевали с тунгусами рода сентей [Пилипчук, 2019].

Тунгусы нападали на остяков и имели замысел перебить русских ясачных сборщиков. Воинственный князец Данула переправился через Енисей и внезапно напал на людей остяцкого князца Тюметки. Кетский воевода отправил на тунгусов объединенный отряд стрельцов и казаков, в результате боя тунгусы были разбиты. Противостоять воинственным тунгусам можно было, не совершая периодически карательные экспедиции, а прочно обосновавшись в остяцких волостях. В итоге тунгусы Нижнего Приангарья с 1621–1622 гг. сами начали платить ясак енисейским служилым людям [Бродников, 2002, с. 10].

Сложившаяся в обозначенном районе ситуация была далеко не простой для енисейской администрации и посещавших его русских служилых, торговых и промышленных людей. Челобитные последних свидетельствуют, что тунгусы постоянно нападали на ясачных сборщиков и ватаги промысловиков. Причем количество русских людей, убитых тунгусами, было достаточно большим. К концу 30-х гг. XVII в. оно стало сокращаться, но тунгусы продолжали грабить торговых и промышленных людей, выгоняя их с мест промыслов пушного зверя. Сбор ясака на обширной территории при небольшой численности служилых людей был делом весьма рискованным: как сообщают источники, на Илиме и на Лене с ее притоками к 1640 г. ситуация сохранялась достаточно напряженной – тунгусы регулярно убивали промышленных людей, охотившихся в тайге [Бродников, 2006, с. 12–13].

В. Бугор сумел выяснить некоторые причины претензий тунгусов: при первых встречах им, в качестве государевых подарков, давали бисер, изделия из металла (ножи и посуду), некоторое количество тканей. А князцов и «лучших людей» поили при этом «государевым вином». Первые енисейские книги ясачного сбора свидетельствуют, что князцы Иркиней и Тасей приносили ясак непосредственно в острог в количестве от 10 до 45 соболей. Но тунгусы рассматривали подобные действия, в том числе и угощение, как обмен товара на товар. Поэтому попытка енисейцев взять ясак без «подарков» вызвала у них возмущение. Между тем, тунгусские князцы продолжали заниматься нападениями на небольшие группы русских людей и даже на сравнительно крупные отряды.

В 1622 г. на Терентия Савина в местности Рыбная Ловля напали эвенки князца Тасея и отказались платить ясак. В 1624 г. против эвенков был отправлен отряд Терентия Савина с тем, чтобы взять ясак с князца Иркинея. В 1624–1625 гг. против Тасея был отправлен отряд Василия Тюменца, а также отряды Поздея Фирсова и Василия Алексеева. На реке Бире Тасей атаковал отряд Василия Тюменца и вынудил его отступить, что вызвало волнения у кетов и качинских тюрков. Другие казачьи отряды не нашли Тасея. Енисейский воевода Андрей Ошанин впоследствии отправил против Тасея экспедицию численностью в 108 человек из 70 стрельцов и 38 кетов. Русским не суждено было разбить Тасея, поскольку тот погиб в войне с бурятами. В 1628 г. Лукашка Тасеев нападал на русских, а тунгусы отказывались платить ясак. Против него был отправлен отряд Петра Бекетова, который усмирил тунгусов. По отношению к приангарским тунгусам, например к Иркинею, политика изменилась. Их приводили к шерти, принося им дары, опаивали вином [Бродников, 2002].

Как говорилось в поданной челобитной, 23 сентября 1639 г. тунгусы-кинтегиры «Яконовы дети с родом» повыше Витима убили торгового человека князя Юрия Яншеевича Сулешева – крестьянина Демида Пахомова Муромца, не дали ему с покрученики поставить зимовье. 23 февраля 1640 г. на Лене выше р. Киренги шамагиры Бакшенгина и Карадова родов и с ними с Нижней Тунгуски мучугиры князца Гушко «пограбили» 17 промышленных людей торгового человека Мишки Березовского: хлебные запасы, товары и «всякий промышленный завод отняли и из лесу выгнали, промышлять не дали». 29 февраля в устье р. Тиреи (вероятно, речь идет о р. Большая Тира, левом притоке Лены выше Киренги. – Здесь и далее в круглых скобках примечания автора) кутские тунгусы Мокшеива Ечуки с родом пограбили 14 человек промышленных людей – Фильку Сысолетина «с товарыщи», причем «пограбя, из лесу выгнали, и промышлять не дали». 15 марта в устье р. Куримы (вероятно, р. Якурим, левый приток Лены ниже устья р. Куты) они же, Мокшей и Еченя, пограбили 9 человек промышленных людей – Петрушку Устьвымитина «с товарыщи», выгнали их из лесу и промышлять не дали . В том же 1640 г. в верховьях Илима на р. Коченге на рыбной ловле тунгус Мукиня с родом «пограбили» 16 промышленных людей Ивашки Худякова. На правом берегу Лены ситуация была не лучше: челобитчики жаловались, что за Леной на соболином промысле тунгусский князец Звероул со своим родом,

промышленных людей пограбив, также «выгнал из лесу и промышлять не дал». Год спустя Звероул кочевал со своим родом по р. Туруке, левому притоку Лены чуть выше Куты, что отнюдь не ограничивает его территорию. Известно, что сородичи Звероула жили вверх по Лене рядом с бурятами. Двумя годами ранее, в 1638 г. на Лене повыше Витима кинтегиры князца Пловунчи убили промышленных людей, покрученики Андрея Оскольскова, да «ватащика» Микитки Саматреня, а «четвертого настреляли». Торговые люди жаловались воеводам, что в результате этого они обнищали и от всяких промыслов отбили [Бродников, 2006, с. 12–13].

Сразу после ледохода 1627 г. атаман Максим Перфирьев, бывший до 1626 г. в Енисейском остроге подьячим, с группой служилых людей, оставив часть своего отряда в острожке на Ангаре, построенном по осени под Братским порогом (Шаманским), возвращался в Енисейск. Проплывая мимо Рыбной Ловли служилые увидели на берегу тунгусов и решили взять с них ясак. В результате между служилыми людьми и тунгусами произошла очередная вооруженная стычка. Князцы Иркиней, Боткей и Лукашка Тасеев со своими людьми общей численностью свыше двухсот человек, как оказалось, целенаправленно «приманили» к себе енисейских стрельцов обещанием дать ясак, но стали стрелять в русских из луков. Среди енисейцев 11 человек было ранено, стрелец Поспел Никитин убит. Сам Максим Перфирьев в том бою получил несколько ран: ему стрелами пробили насквозь обе руки и прострелили левое бедро. Служилым пришлось уходить. В скором времени группа енисейских служилых людей отправилась на рыбалку на р. Черную по Ангаре. В устье этой реки они встретили воинственно настроенных тунгусов. При допросе и пытке он назвал еще одну причину возмущения тунгусов: русские промысловики стали охотиться на соболя в тех местах, которые тунгусы с давних времен считали своими охотничьими угодьями, своей территорией [Бродников, 2009].

В 1639 г. тунгусы-кинтегиры напали на Витиме, убили Демида Пахомова, не дав ему поставить там зимовье. В 1640 г. шамагиры и мучугиры Гушко ограбили на Киренге русских купцов Мишку Березовского, а на реке Большая Тира кутские тунгусы Мокшеива Ечуки ограбили Петрушку Устьвымитина. На реке Куриме в том же году Мокшей и Еченя ограбили Петрушку Устьвымитина. На реке Куриме в том же году Мокшей и Еченя ограбили Петрушку Устьвымитина. На реке Коченга тунгусами Мукини были ограблены русских Фильку Сисолетина. На реке Коченга тунгусами Мукини были ограблены люди Ивашки Худякова, а тунгусы князца Звероула на Лене не давали русским охотиться. Эти мятежи начались с того, что в 1638 г. тунгусы кинтегиры князца Пловунчи уничтожили отряд Микитки Саматреня и Андрея Осколькова. На реке Илим князцы Нетуйко и Нюкейко громили русские зимовья и склады в 1640 г. Тунгусы делали это не только по Илиму, но и по рекам Верхняя Тунгуска, Киргена, Куты, Мука, верхнему течению Лены в 1639–1640 гг. Из всех тунгусов на территории Якутии ясак платил только князец Мукиня, остальные же дани не давали. В 1624 г. шамагиры Бакшенги разбили Ивашку Золина и Сидорку Видяникова, а в 1628 г. Владимира Шишку. В 1631 г. тунгусы убили на Киренге несколько русских, а в 1637 г. шамагиры напали на отряд Андрея Осколкова на Лене. В 1640 г. понадобилось вмешательство якутских воевод, однако и это не привело к немедленным результатам. Так, шамагиры Чалбана, Звероула и Бакшенги воевали у устья Куты, а потом у Алдана и на Лене. Русские сидели в осаде в зимовьях, боясь тунгусов. В 1641 г. шамагиры и иокогиры напали на русских на Киренге, а потом ниже Таюры. Когда шамагиры были приведены к покорности силой русского оружия, то Бакшенга старался переложить ответственность на других тунгусских князцов и на действия русских сборщиков ясака [Пилипчук, 2019, с. 195].

В отписке атамана Осипа Галкина лучшими князцами в устье р. Илим названы Нетуйко и Нюкейко. Князцы эти платят ясак с себя и со своих улусных людей, но «не со многих», детей своих называют ярыжными, «что у них жен нет», и тем самым регулярно недоплачивают государев ясак. При этом оба тунгусских лидера постоянно доставляют неприятности русским служилым, торговым и промышленным людям. Так, в Усть-Илимском зимовье стреляют в служилых «окнами», из-под зимовья карбас увели. Обращает О. Галкин внимание на численность людей этих князцов: «…много их от Аплинского порогу и вверх по (Верхней) Тунгуске все их люди». Учитывая, что эти тунгусы «люди самовольные», атаман считает, что «впредь с ними без аманатов быть не возможно». В подтверждение этого мнения в 1640 г., когда атаман О. Галкин, направляясь в Якутский острог, перешел с основной частью своих людей по волоку на р. Муку (левый приток р. Купы, впадающей, в свою очередь, в Куту), на илимскую сторону, где оставались «невеликие» люди, пришли тунгусы, которые устроили погром: «…у избы окна повыбили и у амбаров двери повыломали» [Бродников, 2006, с. 14].

За волоком ситуация была не лучше: согласно той же отписке, тунгусы с верховьев Лены, Илима и Киренги «сходятся» на устье Куты «у соли». Практически все обнаруженные в архиве енисейской воеводской избы отписки о ситуации на Ленском волоке и в приленской тайге свидетельствуют о достаточно сложных отношениях русских людей с местным населением. «Да вверх Лены тунгусы учинились силны и ясаку с себя и своих улусных людей не платили», – говорилось о ситуации выше устья Куты. В верховьях Илима и на Киренге платил ясак только тунгусский князец Мукиня, «а иные не платили». «Да те же тунгусы ослушники с верх Лены и с Киренги и с верх Илима сходятца в место на усть Куты реки … у соли воруют: государевы снасти зжгут и увозят и суды секут и торговых и промышленных людей грабят и побивают … у соли государевы дощаники присекли и якори и парусы повозили … на устье Куты государевы два дощаника с запасными судовыми снастьми три паруса … и всякие снасти судовые весною воровские тунгусы ту государеву снасть всю прижгли … на илимской стороне тунгусы приходили не на великих людей и у избы окна повыбили, а у онбаров двери повыломали», – повторяли перечисленные в отписках проблемы «выписки», сделанные для якутских воевод. Челобитные торговых и промышленных людей, имевшиеся в архиве енисейской приказной избы, были более конкретными. Бил челом на тунгусов Елизарко Тимофеев, приказчик гостя Надея Светешникова: «Хиндигири Яконовы дети с родом своим повыше Витима убили торгового человека князя Василья Еншеевича Шулешева крестьянина Демитка Пахомова» [Бродников, 2006, с. 13].

Казаки в 1630 г. брали ясак с тунгусов и братских людей. Упоминались князцы Кохоль и Кавым, которые правили землями на Тасе и Чуне. Также были владения на Чаповчы, Муры, Карабулы, где упоминались лапагиры. Говорилось также о князцах Ыркинее, Текинее, Маймуги. На Тунгуске на Аплинском пороге с Ковы и Каты упоминался князец Болтурин, правящий чипогупами. Под Братским острогом на Тунгуске упоминались князцы Корота и Когуня. Налягами правил Мукилги. Отмечалось, что ясак в 1629–1630 гг. был собран казаками из Красноярска. Ясак был взят мехами, и, естественно, в ходе военных действий казаки забирали и продовольствие, в итоге ясачные тунгусы голодали [Пилипчук, 2019, с. 197].

Активное сопротивление тунгусов вынудило Петра Бекетова признать за их князцами право на сбор ясака не казаками, а своими воинами. В результате от сбора ясака обогащались не только казаки, но и воины тунгусских князцов и сам князец. Эвенки оказывали ожесточенное сопротивление русским. Так, на казаков напал отряд численностью в 700 эвенков. Упоминался князь горбинской земли Ковыр. Сопротивление русским было особо активным в 30-е гг. XVII в. В 1639–1640 гг. против русских восстали алданские эвенки. Движение русских в 40–50-х гг. привело к приведению в подданство 30 тысяч тунгусов [Пилипчук, 2019, с. 202].

В 1678 г. сын боярский Якутского острога Артемий Крупецкой воевал с восставшими тунгусами, «…которые с бою перешли Алдан реку и сели в крепостях, и на тех изменников посылан был пятидесятник Андрей Амосов с служилыми людьми и с иноземцы», «и милостью Божиею… тех изменников побили, трех человек и заводчиков взяли» [Багрин, 2013, с. 63].

В 1651–1652 гг. вспыхнула вспышка оспы, занесенная казаками на Вилюй. Многие тунгусские роды умерли, другие покинули Вилюйские земли. Опустевшие земли быстро заняли якуты из центральных волостей.

При отсутствии проводников на караул, шедший впереди, возлагалась задача по поимке «вожей». Так, в 1639 г. Курбат Иванов вместе с 10 служилыми шли перед отрядом В. Васильева (100 человек) на расстоянии дневного и двухдневного перехода: «…поймали пять человек тунгусов в языки и с тех тунгусов выбрал в вожжи лутчево мужика». Кроме этих языков, Курбат Иванов еще два раза захватывал тунгусов, знавших местность, пока не вышел на бурятский улус, служивший целью похода [Багрин, 2013, с. 47].

Таким образом, картина взаимоотношений русских служилых, торговых и промышленных людей с аборигенным населением обширной территории от устья Илима до устья Олекмы была удручающей. Тунгусов не останавливали ни растущая численность прибывавших на Лену промышленных людей, ни появление на Ленском волоке большого гарнизона.

Когда якутские воеводы в конце лета 1640 г. добрались до Ленского волока, где со своим отрядом остановились на зимовку, торговые и промышленные люди вновь начали подавать им челобитные, содержание которых достаточно красноречиво свидетельствовало о том, что подчинение этой территории власти енисейской администрации было весьма условным. Челобитчики сообщали воеводам о целой серии убийств и о грабежах тунгусами русских людей за пятнадцатилетний период.

В 1624 г. в верховьях Нижней Тунгуски шамагиры князца Бакшенги «побили» промышленных людей – Ивашку Золина «с товарыщи 8 человек» и Сидорку Видяникова «с товарыщи 10 человек». В 1637 г. шамагиры «побили» на Лене промышленного человека Андрея Осколкова «с товарыщи трех человек», а сам Бакшенга со своими людьми «пограбил» у торгового человека Завьялка Семенова покрученик: «ватащика» Семейку Колмогорца «с товарыщи 9 человек» – «всякие заводы поимали». В том же году на Витиме зять Бакшенги убил 8 человек енисейских служилых людей – Олеську Архипова «с товарыщи». В 1638 г. в верховьях Нижней Тунгуски шамагиры Бакшенги убили еще двух человек. В 1639 г. убили торгового человека Демида Пахомова Муромца. В 1640 г. на Лене Бакшенга ограбил трех промышленных людей уже упоминавшегося Завьяла Семенова.

В верховьях Лены, выше устья Куты, то же самое делали шамагирские тунгусы Чалбан, Звероул и Бакшенга с братьями – «... русских людей побили сорок четыре человека», вниз по Лене тунгусы «... поубили многих русских людей», на Вилюе за три последних года тунгусами убито семьдесят человек, а на Алдане только в 148 г. (1639/1640 г.) тунгусы убили 26 человек. Многие торговые и промышленные люди в это время сидели подолгу в осаде в зимовьях, прячась от нападавших тунгусов. В результате такой агрессивности со стороны аборигенов русские торговые и промышленные люди стали опасаться выходить в тайгу для пушного промысла. Челобитчики, жалуясь на тунгусов, нанесших им серьезный материальный ущерб, указывали и на урон, который несет казна: из-за остановки промысла «чинятся» убытки, в том числе в десятой пошлине.

Выше уже говорилось, что ряд обвинений в свой адрес Бакшенга переадресовал на князца соседнего тунгусского племени Дочинея. Для тунгусов, переживавших в своем общественном развитии так называемый «героический период», когда каждый мужчина являлся воином и свой социальный статус должен был получать или подтверждать воинскими подвигами, нападение на пришельцев как раз являлось способом добиться определенного положения в своей родовой группе, а последней, в свою очередь, получить определенный «имидж», «авторитет» среди родственных тунгусских групп и соседей. Жажда наживы влекла в Сибирь многочисленных представителей деклассированных слоев общества; из их числа нередко и набирались покрученики. Конфликты же между тунгусами и служилыми людьми в 20–30-е гг. XVII в. на рассматриваемой территории происходили гораздо реже, чем между тунгусами и промысловиками, и касались в основном сбора ясака.

Тунгусские князцы вели себя достаточно независимо и, выплачивая ясак, одновременно занимались грабежом и убийством русских торговых и промышленных людей по Лене и ее притокам ниже устья р. Кут, нападая иногда и на служилых. Прибывшим в 1640 г. на Ленский волок первым якутским воеводам Петру Головину и Матвею Глебову путем изучения накопившейся в остроге документации удалось установить, что от рук тунгусов, проживавших от устья Илима на Верхней Тунгуске (Ангаре) до устья Витима на Лене, за 1625–1640 гг. было «побито» около 200 чел. Практически во всех случаях среди «немирных» тунгусов фигурировал род шамагирского князца Бакшенги [Бродников, 2001, с. 191].

Продолжая разбираться с ситуацией путем опроса служилых людей, воеводы выяснили, что если Бакшенга все прошедшие годы платил ясак и значительную часть времени провел в аманатах, что вызывало некоторое сомнение в возможной организации им каких-либо незаконных действий, то князец Звероул действительно принимал самое активное участие в нападении на русских людей. Утвердившись в своем мнении, воеводы 30 октября 1640 г. принимают решение отправить отряд служилых людей на р. Куту для сбора ясака и возможного захвата самых опасных тунгусов, и прежде всего князца Звероула.

Выяснив, что князец Звероул находится неподалеку, на следующий день отряд служилых людей численностью в 11 чел. вышел на поиски противника. Имея в своем распоряжении более трехсот человек, воеводы сочли возможным выделить на поимку опасного князца только такое количество служилых людей. Надо полагать, что остальные казаки были задействованы на перевозке через волок припасов для ленской службы и на строительстве судов для навигации следующего сезона. Через несколько дней шестеро из них вернулись в Илимский острог, доставив с низовьев р. Куты собранный с налягиров ясак (148 соболей ясака «да государевых поминков восемь соболей») и князца Звероула. Остальные пятеро пошли вверх по реке продолжать ясачный сбор [Бобровников, 2001].

Воеводы велели доставленного князца поместить в караульную избу с соответствующей охраной и надеть на него кандалы («отдать на караул и держать в железах»). Для контроля над содержанием пленника был назначен целовальник Стенька Борисов, которому вменялось в обязанность надзирать над охранявшими Зве-

роула казаками, контролировать состояние оков и ключ от них держать у себя. Вскоре, 4 декабря, в острог пришли шаман Нириулко с женой и сыном Звероула. Нириулко в присутствии свидетелей объявил воеводам, что он со Звероулом помирился, так как за своего убитого брата получил от противника компенсацию в виде двух женщин («взял головщины две жонки») и претензий к своему противнику больше не имеет [Бобровников, 2001].

В других случаях неосмотрительность служилых людей по отношению к ясачным коренным жителям оборачивались тяжелым поражением. Так, в 1684 г. были уничтожены служилые Есейского зимовья: «… и те де Есейские тунгусы… пришли к зимовью…и их де тунгусов пустили в зимовье; и те де тунгусы их Илюшку с товарищи, одиннадцать человек, побили до смерти… А на убойстве де было тунгусов человек со ста» [Багрин, 2013, с. 55].

Во время отражения нападений опасность представляли и сидящие в аманатах заложники. Пользуясь тем, что многие служилые люди во время боя находились на стенах, аманаты нападали на охранявших их людей. В 1649 г. в зимовье на р. Улье «изменники ясачной Тунгус Комна в приступное время… служилых людей караульщиков, которые у аманатов на карауле были, и иных служивых людей, которые в те поры были в аманатской избе, откасом рубил и испереранил» [Багрин, 2013, с. 54]. Ясачные селенбинские тунгусы 15 человек побили у албазинцев из отряда Андрея Мокрошубова, стреляя из луков [Багрин, 2013, с. 59].

Бекетов жаловался на своего предшественника, обвинял его в том, что он отпустил на свободу тунгусских аманатов и тем вызвал среди тунгусов восстание, во время которого было побито много промышленных людей и разорено зимовье, находившееся там, где ныне стоит Паледуйская слобода. Весьма вероятно, что измена якутов, весть о которой, должно быть, быстро дошла до тунгусов заставили притеснения, чинившиеся им. Имеется известие, что Бекетов сам захватил среди олекминских тунгусов одного из могущественнейших князцов на Лене по имени Якона, у которого было много людей. Существовала вполне твердая уверенность в том, что благодаря этому захвату тунгусы скоро снова подчинятся русским, что и произошло на самом деле [Миллер, 2005, с. 67].

Еще одной проблемой были междоусобицы между отдельными тунгусскими родами. Маугиры и агагиры, уиллагиры и лалагиры ожесточенно воевали друг против друга. Верхнеленские и нижнетунгусские, тунгирские и нюкжинские эвенки постоянно враждовали между собой. Кроме того, межродовые конфликты часто провоцировали служивые люди, используя одних тунгусов против других. Большие потери тунгусы понесли от эпидемий, принесенных русскими, поскольку не имели к ним иммунитета [Пилипчук, 2019, с. 205].

Киренские тунгусы предупредили Ермолина, что тунгусы, живущие на Нижней Тунгуске, дикий и воинственный народ, который не раз нападал и побивал большие отряды русских в 70–100 человек. Если бы они узнали о пребывании здесь русских, то пришли бы на реку Лену и перебили бы всех. Ответственность пала бы на них, тунгусов с реки Чаи, так как подумали бы, что они перебили служилых людей.

То, что было рассказано о тунгусах с Нижней Тунгуски, соответствовало действительности. Их враждебность распространялась не только на русских, но и на их соплеменников, на живших по соседству с ними тунгусов других родов, которые часто подвергались их нападениям. Галкин узнал об этом в начале ноября 7139 (1630) г., когда велел собрать в Усть-Идирме илимских тунгусов, чтобы получить с них ясак. Тунгусы с Нижней Тунгуски упрекали илимских в том, что те жалкие трусы и без всякого сопротивления дали себя покорить русским. Они сами принадлежали к роду мучугов и шилягов [Миллер, 2005, с. 53].

В 1686 г. албазинские служилые люди, находившиеся в Учюрском зимовье, описали «спецоперацию» тунгусов по освобождению своих аманатов. Днем у дверей запор отперли и войдя в сени стали стрелять из лука, топорами вырубили два бревна из аманатской казенки и освободили своих заложников [Багрин, 2013, с. 60].

Вот более печальный для русских служилых пример, взятый из допросных речей тунгуса, участвовавшего в нападении на Учюрское зимовье: «… отошед от ясачного зимовья на другом днище, тех служилых людей убили до смерти; а он де Дорига убил Федора Замятина, а товарищ де его Гургича убил Осипа Гурьева, закололи ножами на стану, на ставанье» [Багрин, 2013, с. 115].

В 1681 г. неплательщик ясака (долганский оленный тунгус), которого охотские казаки встретили в юрте тунгуса-шамана, «поколол ножем в правый бок, под грудью, казака Афоньку Щербакова» [Багрин, 2013, с. 115].

Для Н. Витсена Тунгусия – это название Средней и Восточной Сибири, а также части Дальнего Востока. Две тысячи тунгусов платят дань

монголам. Тунгусы – храбрые воины и воюют с монголами, например на реке Ган. Около Тунки живут 500 тунгусов, подвластных русским. Они мастерски владеют луком. Федор Головин считал тунгусов самым диким народом. Тунгусы делились на оленных и конных. Упоминается тунгус по имени Ахтамур (Гантимур). Для тунгусов характерно крепкое телосложение и более высокий, чем у соседей, рост. Ранее тунгусы занимали большие пространства и были сильны, но под властью русских ослабли. На Аргуни и Шилке также живут тунгусы, покорившиеся русским. На реке Ган жило 200 тунгусов. Говорилось, что 3–4 тыс. синцев пришли на Амур и взяли в осаду Албазин, где находился гарнизон из сотни русских. Многие тунгусы ушли на южный берег Амура. Тунгусы на севере от Амура покорились русским. Тунгусы на Нижней Тунгуске сильные люди. Находясь под властью русских, они управляются местными людьми и живут разбросанно в землянках в зимовьях. Около Байкала проживало 5 тыс. тунгусов, которые были подданными русских [Пилипчук, 2019, с. 189].

Во время второго похода в Приамурье Ерофей Хабаров столкнулся с княжеством Гантимуровых, которое было эвенкийским владением, впрочем достаточно развитым, поскольку лежало на периферии Империи Цин. По данным пленных тунгусов и дауров Ерофей Хабаров указывал, что вверх по реке Шилке находилось княжество Гантимура, куда входили шародувы, нелюды и почеги. Шародувы это сартулы, почеги – тунгусы почегорского рода. Сам Гантимур принадлежал к нелюдам. Население княжества составляло две тысячи луков, то есть могло максимально выставить войско из 2 тыс. чел. В 1655 г. Гантимур заплатил ясак русским при походе Петра Бекетова. К. Щербатов сообщал, что в подчинении у эвенков находилась часть дауров. Современники же отличали Гантимура от даурских князей Левкая, Шильгея, Гильдегу. Гантимур был лишь одним из 10 князцов на юге Восточного Забайкалья. Его роль вряд ли была более значимой чем у князцов Бабуга, Тякша, Кагила, Топука, Болдоноя, Индака. Нужно сказать, что эти вожди также удалились со своих земель во время второй экспедиции Хабарова и вернулись позже Гантимура. Причиной их возвращения было то, что маньчжуры начали устанавливать твердый контроль над своей северной переферией. Эвенкийские вожди были расселены на севере Маньчжурии, а их вождям предоставлен чин цзолина. Большинство эвенков были переселено в Маньчжурию в 1653–1654 гг.

Вокруг Нерчинска жили 6 тысяч тунгусов. Во время переговоров с маньчжурами солон Орол собрал 2 тысячи воинов, что напугало 400 тунгусов, находящихся под защитой русских около Нерчинска. В 1686 г., солоны вместе с монголами и частью бурятов подходили в набег к Нерчинску. Тунгусы около Аргуни могли выставить 4 тысячи воинов на помощь русским против монголов [Пилипчук, 2019, с. 192].

Таким образом, эвенкийские роды оказали упорное сопротивление продвижению казаков дальше на восток. Сплочению эвенкийских родов мешали враждебность между ними, часто вспыхивали ожесточенные столкновения между отдельными группировками, чем удачно воспользовались завоеватели Сибири. Много отважных русских зверобоев-следопытов способствовали завоеванию Сибири, покорению доселе свободных и гордых тунгусских вождей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Багрин Е. А.* Военное дело русских на Восточном пограничье России в XVII в. Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. – СПб.: «Нестор-История», 2013. – 288 с.
2. *Бродников А. А.* Побег Звероула. Из истории русско-тунгусских отношений на Илимском волоке // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.): Бахрушинские чтения (1998 г.); Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Шишкина; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2001. – С. 39–48.
3. *Бродников А. А.* Присоединение к Русскому государству левобережья Среднего Енисея // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 1. – Вып. 3: История / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2002. – С. 5–13.
4. *Бродников А. А.* Русско-тунгусские отношения в Нижнем Приангарье: сопротивление князца Тасея // Традиционная народная культура: региональные проблемы поддержки и развития: материалы международного научно-методического семинара (22–23 июня 2009 г.). – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. – С. 341–353.
5. *Бродников А. А.* Русско-тунгусские взаимоотношения на Ленском волоке и прилегающей территории в 30-е годы XVII века (до образования Якутского уезда) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – Т. 5. – Вып. 3: Археология и этнография (приложение 1). Новосибирск: Изд-во НГУ, 2006. – С. 12–19.
6. *Пилипчук Я. В.* Встречь Солнцу. Завоевание тунгусских земель казаками (10–80-е гг. XVII в.) // Сибирский сборник: сб.научных статей. Тобольск: книжная типография, 2019. С. 186–249.
7. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. – Том III. – М: Издат-во «Восточная литература» РАН, 2003. – 598 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА КАМЧАТКЕ: ОТ КОРЯКСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА ДО ТЕРРИТОРИИ С ОСОБЫМ СТАТУСОМ

Шарахматова Виктория Николаевна,
канд. экон. наук, г. Петропавловск-Камчатский;
научный сотрудник Камчатского филиала Тихоокеанского института географии (КФ ТИГ) ДВО РАН,
доцент кафедры экономики и управления ДВФ ВАВТ Минэкономразвития России

Корякский округ занимает две трети площади северной половины полуострова Камчатка, прилегающую к нему часть материка и остров Карагинский (292,6 тыс. кв. км) и 1,7 % территории России [1]. Расположен на севере и северо-западе полуострова Камчатка, захватывает материковую часть и имеет сухопутную границу с Магаданской областью и Чукотским автономным округом. Омывается водами Охотского и Берингова морей. Территория Корякского округа сохраняется в границах, в которых существовал Корякский автономный округ до объединения с Камчатской областью. Административным центром Корякского округа является поселок городского типа Палана. Корякский округ относиться к регионам Крайнего Севера.

Корякский национальный округ образован 10 декабря 1930 года в составе Камчатской области РСФСР. С 1 июля 2007 года Корякский округ входит в состав Камчатского края как административно-территориальная единица с особым статусом в соответствии с Федеральным конституционным законом от 12.07.2006 № 2-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа». В таблице 1 представлена хронология преобразований Корякского округа с 1930 по 2007 гг.

Таблица 1

Преобразования Корякского автономного округа в XX–XXI вв. [1, 2]

№	Нормативно-правовой документ	Наименование округа	Год образования	Территория/ районы
1	Постановление ВЦИК РСФСР	Корякский национальный округ	10 декабря 1930 г.	Корякский автономный округ входит в состав Камчатской области. Восточно-Корякский, Северный и Западно-Корякские районы. Карагинский, Олюторский, Пенжинский, Тигильский районы
2	Постановление ВЦИК «О новом административном делении Дальневосточного края»	Корякский национальный округ	1932 год	Корякский округ вместе с Камчатской областью и Чукотским автономным округом вошли в состав Хабаровского края.
3	Указ Президиума ВС СССР «О выделении Камчатской области из состава Хабаровского каря в самостоятельную область РСФСР»	Корякский национальный округ	23 января 1956 г.	Камчатская область и Корякский национальный округ выделены из состава Хабаровского края в непосредственное подчинение РСФСР. Карагинский, Олюторский, Пенжинский, Тигильский районы
4	Конституция СССР	Корякский автономный округ	7 октября 1977 г.	Карагинский, Олюторский, Пенжинский, Тигильский районы
5	Конституция РФ	Корякский автономный округ	12 декабря 1993 г.	Самостоятельный субъект РФ, входящий в состав Камчатской области и Дальневосточного федерального округа. Карагинский, Олюторский, Пенжинский, Тигильский районы
6	№ 2-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа» от 12.07.2006	Корякский округ	1 июля 2007 г.	Корякский округ входит в состав Камчатского края. Включает 5 муниципальных образований, из которых 1 имеет статус «Городской округ» и 4 – «Муниципальный район»: Городской округ «поселок Палана» и Тигильский, Карагинский, Олюторский, Пенжинский муниципальные районы

В 1930 году образован Корякский национальный округ, в 1934 году перешел в подчинении Камчатской области, в 1977 году по Конституции СССР стал Корякским национальным округом, в 1993 после преобразован в Корякский автономный округ распада СССР и стал самостоятельным субъектом Российской Федерации, а в 2007 году после референдума 2005 года – Корякским округом. Таким образом, можно проследить путь преобразований от национального округа до территории с особым статусом в составе Камчатского края и как такие переустройства влияли на социально-экономическое положение региона и на благосостояние населения.

Образование в декабре 1930 г. Корякского национального округа, означало, что коренные малочисленные народы Севера включились в процесс общественно-экономических отношений. В исследованиях советских и российских ученых подробно изучались вопросы таких переустройств, которые коснулись коренных малочисленных народов Севера, помимо особенностей социально-экономического развития северных территорий в разные периоды времени.

В работах советских ученых отражены вехи преобразований и пути социально-экономического развития округа. В монографии Сергеева С. А. «Народное хозяйство Камчатского края» на основе статического и цифрового материала по итогам приполярной переписи 1926–1927 гг. дана характеристика хозяйства населения, является полным материалом по Северу по состоянию на 1936 год. Для анализа последующих после переписи лет хозяйственного строительства использовались отчетные и плановые данные окружных органов и организаций, Акционерного камчатского общества, Дальневосточного комитета Севера, использовался и газетный материал. Монументальный труд является обширным и подробным описанием комплексного народного хозяйства Камчатского края в период социалистического строительства [3]. В 1960 году была опубликована работа Гурвича И. С. и Кузакова К. Г. «Корякский национальный округ: очерки географии, истории, этнографии, экономики. Книга состоит из глав очерком, где одни разделы этих глав написаны по опубликованным материалам и охватывают период с XVIII-XX вв., а другие по наблюдениям, сделанным авторами и материалам, собранным ими в 1956–1957 гг. в районных, окружных и областных организациях [4]. В монографии Бубнис Г. К., Нефедовой С. П. «Социалистические преобразования в Корякском автономном округе» изучена история социалистических аграрных и культурных преобразований, показан процесс социально-экономических реорганизаций в округе со времен Великой Октябрьской революции (1917–1970 гг.). В работе раскрывается роль коммунистической партии, ее местных организаций в решении задач экономического и культурного развития КАО [5]. Экономические проблемы развития народов Севера России, особенности традиционного природопользования в переходный период конца XX века рассматривал Моисеев Р. С. в своих научных исследованиях [6,7].

Демографическая ситуация в регионе соответствует тенденциям развития стран, переживших период социально-экономической и социо-культурной трансформации. Система расселения как округа, так и Камчатского края сформирована в доиндустриальный период освоения полуострова, которая в целом, сохраняется и по сей день.

Численность населения Корякского округа на 1 января 2020 года составила 18,6 тыс. человек (5,9 % численности населения Камчатского края) [8]. Территория округа малообжитая, плотность населения – 0,1 человека на 1 кв. м. [1].

Таблица 2

Численность населения Корякского округа [1, 8]

Годы	Все население, тыс. человек	в том числе:	
		городское население	сельское население
1939	16,0	-	-
1959	27,5	6,1	21,4
1970	31,1	10,3	20,8
1979	34,9	13,2	21,7
1989	39,9	15,3	24,6
2002	25,0	6,5	18,5
2003	25,0	6,5	18,5
2004	24,3	6,4	17,9
2005	23,8	6,4	17,4
2006	23,2	6,2	17,0
2020	18,7	3,1	15,6

Корякский округ является территорией компактного проживания коренных малочисленных народов Севера. Численность представителей коренных народностей составляет 8733 человека или 46,5 % от общей численности населения округа по данным Всероссийской переписи 2020 года. Среди них 65,0 % составляют коряки, 15,0 % – чукчи, 11,0 % – ительмены, 8,5 % – эвены, 0,5 % – камчадалы [8].

Динамика численности коренных малочисленных народов Севера на территории Корякского автономного округа в период 1960–2007 гг. приведена на рисунке.

Коренные малочисленные народы Севера занимаются традиционной хозяйственной деятельностью: оленеводством, рыболовством, морским зверобойным промыслом, охотой и т. п.

Традиционный образ жизни коренных народов малочисленных народов Севера – способ существования, основанный на историческом опыте их предков в области природопользования, социальной организации, проживания, на самобытных культуре и обычаях, религиозных верованиях. Традиционное хозяйствование выполняет важные социальные и экономические функции в жизни коренных народов Севера, сохраняя самобытную культуру, семейное воспитание детей, духовные ценности, передачу уникальных традиционных знаний и опыта ведения хозяйства, обеспечивая население продуктами питания, материалами для одежды и кочевых жилищ [8].

Территория округа с момента его образования рассматривалась как сырьевая база Дальневосточного экономического района. Это промысел рыбы и морепродуктов с их незначительной переработкой на берегу.

Начатые в 90-х года экономические реформы, начало системных, институциональных преобразований в России застали различные регионы на разных путях экономического развития и с разной степенью готовности к переходу к рыночным условиям.

Корякский округ был одним из депрессивных регионов в Российской Федерации. Оленеводство как основа хозяйственного развития округа практически перестало существовать. Транспортная инфраструктура находилась в плохом состоянии (дорожное строительство шло медленными темпами, авиасообщение прерывалось из-за неблагоприятных погодных условий, технических неполадок). По уровню заболеваемости туберкулезом округ занимал первое место, в запустении находились медицинские учреждения, более ¾ населения находилось за чертой бедности, цены на товары и услуги одни из самых высоких в России. Миграционные оттоки населения из округа, высокая заболеваемость, плохие условия существования негативно сказались на жизни коренных малочисленных народов Севера, а также на национально-культурном наследии региона. Географически разобщенные районы округа, население рассеяно по округу, что сказывалось на управляемости территории. Необходимо было решать вопросы по преодолению экономических, демографических, культурных и политических проблем в Корякском автономном округе [10].

В 2000-х годах проходят федеративные рефор-

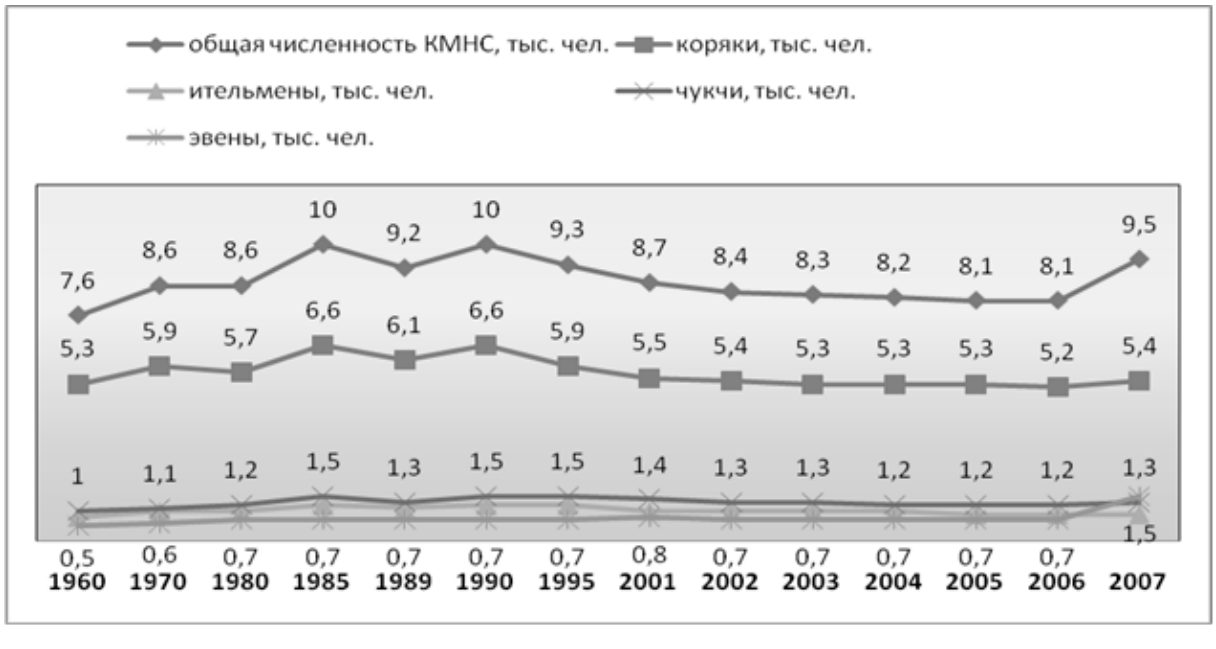

Рисунок. Изменение численности коренных малочисленных народов, проживающих на территории Корякского округа [9]

мы, решаются вопросы административно-территориального деления в России. Субъекты в Российской Федерации имели различный статус, что усложняло управление со стороны федерального центра, поэтому такие вопросы решали путем укрупнения субъектов федерации присоединением одних административно-территориальных единиц к другим. Особое внимание уделялось в управленческих проектах автономным округам. Для Камчатки необходимо было улучшить социально-экономические показатели и управляемость Корякского округа. Результаты объединения в целом позитивно сказались на развитии двух бывших регионов, так как были устранены административные барьеры с экономических отношений [10].

Объединение двух субъектов способствовало относительному повышению управленческого уровня в Корякском округе и единственный документ, где прописан особый статус Корякского округа – это Устав Камчатского края, но в документе не прописаны детали «особого» статуса региона. В целом объединение двух субъектов оказало значительное влияние на рост социально-экономических показателей в регионе [10]. Необходима комплексная оценка социально-экономического положения региона. Оценить современное положение и выявить тенденции развития территории, учитывая негативные обстоятельства 2014 года с введением западных санкций и в связи с ухудшением социально-экономической ситуации в стране в 2017–2020 гг.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Корякский автономный округ в цифрах. Статистический сборник. – Петропавловск-Камчатский : Изд-во: «Камчатстат», 2005. – 144 с.

2. Справочник по административному-территориальному устройству Камчатского края. Правительство Камчатского края. – Петропавловск-Камчатский, 2020. – 28 с.

3. *Сергеев М. А*. Народное хозяйство Камчатского края. – Петропавловск-Камчатский : Изд-во: Академии наук СССР, 1936. – 815 с.

4. *Гурвич И. С., Кузаков К. Г.* Корякский национальный округ (очерки географии, истории, этнографии, экономики). – Петропавловск-Камчатский : Изд-во: Академии наук СССР, 1960. – 302 с.

5. *Бубнис Г. К., Нефедова С. П.* Социалистические преобразования в Корякском автономном округе. – Петропавловск-Камчатский : Изд-во «Наука», 1981. – 136 с.

6. *Моисеев Р. С.* Экономические проблемы развития народов Севера России в переходный период. – Петропавловск-Камчатский : Изд-во «Камчатский печатный двор», 1999. – 216 с.

7. *Моисеев Р. С.* Некоторые вопросы управления развитием северных районов России в конце XX века. – Петропавловск-Камчатский : Изд-во: Камчатный печатный двор, 1999. – 110 с.

8. Корякский округ. Сайт Правительства Камчатского края. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kamgov.ru/korakskij-okrug (дата обращения: 21.04.2020). (дата обращения: 21.04.2020).

9. Камчатский статистический ежегодник. Статистический сборник. – Петропавловск-Камчатский : Изд-во: Камчатстат, 2007. – 367 с.

10. *Окунев И. Ю., Шиловский Р. С.* Политический процесс в современной России: тенденции и перспективы// Вестник РУДН. – Вып. 20. – № 4. – Серия Политология, 2018. – с. 484–495. DOI: 10.22363/ 2313-1438-2018-20-4-484-495.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Ярков А. П.,
г. Тюмень, Россия

Религиозное самоопределение всегда исполняло и исполняет (несмотря на доминирование в настоящее время атеистического мировоззрения) важную культуротворящую миссию, определяя нравственные ориентиры в поступках и образах мышления индивида. Тем более, если речь идет о событиях XVIII в., когда государственные (официальные) идеологии в форме религий во всех странах мира «цементировали» большую часть социума. Приверженцы «нетрадиционных» для тех или иных государств религий испытывали ограничения, если не оговаривалось право их исповедания.

Заметим: данный период не только в российских документах характеризуется смешением конфессиональной и этнической принадлежности, в котором фигурировали обезличенные понятия «немец» и «басурманы». Так русская поговорка говорила о соплеменниках, посещавших Западную Европу: «Наши бары за морем бусурманятся, а домой воротятся, свое и не любо» (1).

Каждое государство, заметим, в глобальной исторической сущности не является средством поддержки сложившегося «неравенства». Это лишь база по оптимизации взаимоуравновешенных притязаний людей, пребывающих в его пределах. В связи с этим становится очевидным, что право – это не рамки (в которые нужно «втиснуть» гражданина) государства, а мера проявления частной воли, гарантированная возможностью ответственности каждого перед всеми и каждого перед каждым, которая осознается значительной частью социума. Соответственно, законный интерес рассматривался не как придаток к праву, а как польза, которую приносит индивиду его пребывание в государстве. Причем основу реализации этой пользы определяли не столько представления индивида, сколько гарантирующие ресурсы государства (2).

Все это соотносимо с той ролью, что играли религиозные воззрения в Российской империи (и на восточных ее окраинах, кстати, еще четко не определенных во времена Камчатских экспедиций). На всем этом пространстве РПЦ активно противостояла распространению «иноверия», но не всегда эту политику могла проводить, так как государственная власть была заинтересована в использовании и знаний и опыта иностранных специалистов в разных областях. А стабильность на вновь присоединенных территориях требовала терпимого отношения к религиозным практикам аборигенов.

Для всего российского общества вторая четверть XVIII в. стало «трудной» в духовном смысле, поскольку это время кардинальной смены усилиями правителей парадигмы развития. Она шла под влиянием европейских идей, которые начали играть моделирующую роль в развитии российского общества (при этом православие исповедовала большая его часть), в малой степени, но коснувшихся и того, что происходило восточнее Уральских гор.

Нет точных данных о численности населения, оказавшегося «под дланью» российских властей (что позволило бы соизмерять удельный вес различных групп) и сферу духовных ориентиров. Можем лишь обратиться к рассчетам Б. О. Долгих. Он оценил численность населения к началу XVIII в. лишь по Западной Сибири – в 154,7 тыс. чел., в том числе: обские угры и северные самодийцы (31 600), северные тюркоязычные (49 700) и монголоязычные (37 200) группы (3) при многообразии религиозных верований. По Восточной Сибири и Дальнему Востоку точных данных того периода нет, а по Аляске («открытой» Второй Камчатской экспедицией) учета не проводилось.

Процесс миссионерской деятельности в зоне российских политических интересов происходил все Новое время: доминировали в ней представители официального православия (старообрядцы ограничивались, за редким исключением, своей паствой), действуя среди всех, без исключения, групп населения. Мусульмане и буддисты проповедовали среди сторонников архаичных верований, живших вблизи. Им, как и немногим католикам, протестантам, иудеям, миссионерствовать вообще-то запрещалось.

Стоит заметить, что коренное и аборигенное

1 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.]. Т. 1. М., 1991. С. 53.

2 см.: Ярков А. П. История ничему не учит ... тех, кто не желает унее учиться (к вопросу о диалоге религий) // Вестник Нижневартовскогогосударствеенного университета. Нижневартовск, 2008. С. 35–42.

3 История Сибири с древнейших времен до наших дней: [в 5 т.]. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 55.

население не принимало натиска на их духовные убеждения и практики со стороны православных миссионеров. Эта часть местного социума оставалась консервативной, а часть населения продолжала питать негативное отношение к православию и миссионерам. Об этом свидетельствуют изъятые книги и рукописи на татарском, арабском и персидском языках, где «значится прекинание христианское веры и прочие на христианское благочестие хулы» (4).

В этом контексте очень важно определить: кто был носителем другой идеологии; какими целями и приемами руководствовался; в какой мере это соответствовало обстоятельствам среды и эпохи; отвечало ли потребностям аборигенного, коренного и пришлого населения; и как это повлияло на общественные отношения?

В своих трудах западноевропейские ученые культивировали такой же исторический шаблон, что лишь в деталях отличался от православной интерпретации. Это обстоятельство вполне объяснимо, поскольку «любые старые мифологические традиции прочнее удерживались там, где минимально (или отсутствовало) влияние мировых религий» (5). Как заметил А. Каппелер, идеология Просвещения позволяла европейцам признать за равных только оседлых мусульман (6). Естественно, что номады, как и недавно ставшие оседлыми группы при этом ставились на низкую ступень цивилизационного развития.

В Азиатской части России конфессиональная ситуация характеризовалась: а) господствующим положением Православной Церкви (хотя и поставленной Петром I в зависимость от государственных институтов); б) жестким противостоянием старообрядческих общин государству и РПЦ; в) наличием религий (в том числе мировых – ислама и буддизма) и верований, традиционно исповедуемых коренным и аборигенным населением; г) появлением новых деноминаций западноевропейского происхождения.

Последний аспект связан с увеличением числа иностранцев, приглашенных в страну на постоянное жительство и для освоения территорий (колонисты) или для службы (военные, моряки, мастеровые, медики, ученые). Среди обобщенно именуемых «немецкими людьми» были представители разных деноминаций, но доминировали лютеране.

Несмотря на преференции (со стороны правителей Российского государства, очень заинтересованных в их пользе в различных областях знаний и умений) духовное самочувствие иностранцев зависило от возможности исповедания и отношения местной власти к духовным практикам.

Ситуации же складывались по-разному, завися от терпимого (или нетерпимого) отношения чиновников к «инаковости» тех, кто был им подчинен. В этом смысле находящееся «на государевой службе» иностранцы были лучше (нежели отечественные «иноверцы») защищены от произвола и самодурства «запретителей», поскольку соблюдение религиозных прав гарантировалось государством и оговаривалось при отправке в Россию.

Вопросы в понимании местной этноконфессиональной специфики возникали у самих западноевропейцев, попавших в Северную Азию. Очевидно, что в сознании европейцев здесь находился «Oriens», диаметрально противоположный «Occidens». В записках У. Хорда имеется любопытное наблюдение: «Вокруг той горы расположены избушки татар-вогулов, которые похожи на калмыков с маленькими глазками, плоским носом и широким лицом. Эта нация имеет жалкие дома на татарский манер и исповедует их религию». Дальнейшее же описание их «бога, который живет в лесах и на их языке называется шайтан» (7) свидетельствует о явной путанице в этническом и конфессиональном определении.

В свидетельствах западноевропейцев не стоит искать объективности при анализе другой культуры: в абсолютном большинстве они были христианами по воспитанию и убеждениям. Да и познания в культуре местного населения многих иностранцев поверхностны. Сам командор В. Беринг ошибочно причислял во время Первой Камчатской экспедиции якутов к мусульманам.

Более отстраненно наблюдали ситуацию участники Академического отряда Второй Камчатской экспедиции, лучше подготовленной в научном отношении. Так, исходя из задач программы, предварительно составленной академиком Г. Ф. Миллером, они должны были беспристраст-

4 Примем во внимание, что иследование конфессиональной истории предполагет такой специфический метод как «вчитывание» в текст источника, что формирует отстраненное отношение к описываемому событию, учитывая нередко предвзятое отношение автора. – см.: ГАТО «ГАТО». Ф. 156. Оп. 1. Д. 2001. Л. 117 об.

5 Неклюдов С. Ю. Мифология тюркских и монгольских народов (Проблемы взаимосвязей) // Тюркологический сборник. М., 1977. С. 185–186.

6 Каппелер А. Две традиции в отношении России к мусульманским народам России // Отечественная история. 2003. № 2. С. 132.

7 Шебалдина Г. В. Сибирские мемуары каролинов: о своих и о чужих // Полтава: судьбы пленных и взаимодействие культур. М., 2009. С. 54.

но зафиксировать верования и религиозные обряды каждого встреченного ими этноса или племени Сибири. Это осуществить оказалось не просто. Сам Миллер осознавал, что новокрещеным: «…на сем не всегда утверждаться надобно, потому что у некоторых из них сердце еще непрестанно лежит к прежнему языческому закону и того ради много утаевают». Несмотря на подробные инструкции Миллера, не все иностранцы смогли различить духовные практики, причисляя многих нехристиан к «язычникам» (8). Лишь один из участников Второй Камчатской экспедиции, впоследствии оставшийся жить в Сибири, – Я. И. Линденау, наблюдая вблизи барабинцев, зафиксировал, что они «...магометанской веры, хотя до сегодняшнего дня сохранили свои языческие образы. Их шаманы – kamlada..» (9).

Между тем, в составе сопровождавших командора во Второй экспедиции уже имелись богословски образованные люди, что смогли оценить мировоззренческие различия и описать традиции. Такие как занимавший в экспедиции должность врача Г. В. Стеллер – сын протестанского служителя из церкви в баварском г. Бад-Виндсхайме, к тому же учившийся богословию некоторое время в г. Галле в знаменитой Francishe Stiftung. В этом учебном заведении имели представление о происходивших в России процессах (Francishe Stiftung стало признанным центром русистики), а основатель – Г. Франке организовывал помощь (в том числе духовную) оказавшимся в Западной и Восточной Сибири в десятилетней ссылке каролинам – плененным в ходе сражений 1709 г. воинам Карла XII. Ко времени уже Первой Камчатской экспедиции выжившие отправились на родину, а оставшиеся на жительство приняли православие. Некоторые стали занимать важные административные посты и оказали помощь Второй Камчатской экспедиции, с удовольствием общаясь на родном (или родственном) языке с уроженцами Западной Европы.

Для отрядов этой экспедиции члены должны были отбираться «предпочтительнее из русских, а не иноземцев», но, отметим – фактически «за неимением русских … выбраны желающие из иноземцев» (10). Естественно, это привело к появлению новой задачи – создать условия для исповедания представителей разных конфессий, а не только православных. В экспедициях подобного рода и большой численности наличие священника или монаха – обязательное условие, принимая во внимание сложность, длительность и опасность предстоящего.

Духовное окормление иностранцев становилось в тех условиях и задачей Российского государства. Командор Беринг, будучи ревносным лютеранином (отец – церковный попечитель в датском Хорсенсе) еще до отправки из Петербурга обратился в Адмиралтейств-коллегию с просьбой разрешить оплату из казны пастору Э. Милиессу: «Пореже для себя и обретавшихся в моей команде служителей-иноземцев я нанял пастора». По пути на Камчатку Беринг сам привел пастора к присяге. Тому внедрялось в обязанность окормлять не только протестантов, но и католиков, поскольку «По должности христианской в дальности такой бес пастора пробыть невозможно» (11). Озоботились о духовной поддержке иностранцы и о своих православных сослуживцев. Известно, что Г. Стеллер приобретал для экспедиции православную литературу (12), явно ориентируясь в ее содержании.

В составе экспедиции В. Беринга присутствовало семь православных иеромонахов, поскольку, помимо политической и географической задач предписывалось: «...приведение тамошней народ в христианскую веру» (13). Миссионерствовать они должны были по прибытии на предписанные места, но исполнять требования своей религии обязаны и в экспедиционных условиях. Среди членов православной миссии оказался и иеромонах Арсений (Мациевич), впоследствии ставший митрополитом Сибирским, а затем и Ростовским. Он не только духовно окормлял православных на кораблях, но и сам участвовал в поиске Северного морского пути (14).

Во время экспедиции православные и «иноверцы» оказывались в одном микропространстве (гарнизон, корабль, зимовка), где богослужение или молитвенное общение соседствовали, не вызывая запретов или возмущения. Возник «диалог

8 Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. Ч. 1: морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.-У. Меллер. М., 2001. С. 19, 90.

9 Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): ист.-этнограф. мат. о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З.Д. Титовой; под общ. ред. И.С. Вдовина. Магадан, 1983. С. 148–150.

10 Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. Ч. 1: морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.-У. Меллер. М., 2001. С. 189, 196.

11 Там же. С. 245–246.

12 Г. В. Стеллер. Письма и документы. 1740. М., 1998. С. 237.

13 Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. Ч. 1: морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.-У. Меллер. М., 2001. С. 65, 78, 87,159, 522–523.

14 Сулоцкий П. А. К жизнеописанию Тобольского, а после Ростовского митрополита Арсения Мациевича: его промемория в Тобольскую губернскую канцелярию, его мниная могила в Верхнеудинске // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1864.

религий», вернее представителей разных мировоззренческих представлений.

Соседи принимали «инаковость», не вступая на путь конфронтации. При этом допускаем, что существовали богословские дискуссии, в «жарких случаях» пресекаемые начальствующими людьми, заинтересованными в стабильности. Объединяющим же началом являлась принадлежность подавляющего большинства членов экспедиции к христианству, отделяя себя от «инородцев», придерживавшихся своих верований.

С этих позиций смотрел и Г. Стеллер на приметы эскимосской культуры, обнаруженные им во время краткой высадки на Западное побережье Северной Америки. Очевидно, что и вынесенный Арсением (Мациевичем) экспедиционный опыт помог ему в выстраивании терпимой политики по отношению к приверженцам иных конфессий, занимая впоследствии важные церковные посты в Тобольске, Верхнеудинске и Ростове.

Уважение к религиозной традиции и ритуальной практике членов команды Второй Камчатской экспедиции становилась нормой поведения: в тех условиях образ мыслей европейца мог трансформироваться, если рядом он видел равного себе человека.

Объективности ради заметим, что подобной массовой тенденции не было – «век Просвещения в Азиатской части России еще не наступил». Но опыт диалога представителей разных мировоззрений, возникший на этой территории во второй четверти XVIII в., должен быть поучителен и в XXI в.!

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. 1. – М., 1991. – С. 53.
2. *Ярков А. П.* История ничему не учит ... тех, кто не желает у нее учиться (к вопросу о диалоге религий) // Вестник Нижневартовского государствеенного университета. – Нижневартовск, 2008. – С. 35–42.
3. История Сибири с древнейших времен до наших дней: [в 5 т.]. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. – Л., 1968. – С. 55.
4. Примем во внимание, что иследование конфессиональной истории предполагает такой специфический метод как «вчитывание» в текст источника, что формирует отстраненное отношение к описываемому событию, учитывая нередко предвзятое отношение автора. – см.: ГАТО «ГАТО». Ф. 156. Оп. 1. Д. 2001. Л. 117 об.
5. *Неклюдов С. Ю.* Мифология тюркских и монгольских народов (Проблемы взаимосвязей) // Тюркологический сборник. – М., 1977. – С. 185–186.
6. *Каппелер А.* Две традиции в отношении России к мусульманским народам России // Отечественная история. – № 2. – 2003. – С. 132.
7. *Шебалдина Г. В.* Сибирские мемуары каролинов: о своих и о чужих // Полтава: судьбы пленных и взаимодействие культур. – М., 2009. – С. 54.
8. Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. – Ч. 1: Морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.-У. Меллер. – М., 2001. – С. 19, 90.
9. *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): ист.-этнограф. мат. о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой; под общ. ред. И. С. Вдовина. – Магадан, 1983. – С. 148–150.
10. Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. Ч. 1: Морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.-У. Меллер. – М., 2001. – С. 189, 196.
11. Там же, с. 245–246.
12. *Г. В. Стеллер.* Письма и документы. 1740. – М., 1998. – С. 237.
13. Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. – Ч. 1: Морские отряды / сост. Н. Охотина-Линд, П.-У. Меллер. – М., 2001. – С. 65, 78, 87, 159, 522–523.
14. *Сулоцкий П. А.* К жизнеописанию Тобольского, а после Ростовского митрополита Арсения Мациевича: его промемория в Тобольскую губернскую канцелярию, его мнимая могила в Верхнеудинске // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1864.

«КАМЧАТКА – РОССИЯ – МИР: ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА»

ДОКЛАДЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ

Научное издание

Подписано в печать 03.12.2020
Формат 60 х 84/8. Усл. печ. л. 24,18.
Тираж 180 экз. Заказ № КП00–004877.

Издательство «Камчатпресс».
683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, 12а.
www.kamchatpress.ru

Отпечатано в ООО «Камчатпресс».
683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, 12а